

Том 17, Номер 5, 2024
Vol 17, No 5, 2024

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Новое прочтение старых вопросов
в изменившемся мире*

*Old Questions in a Changing World:
a Fresh Look*

ТОМ 17 • НОМЕР 5 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 5 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.00

Содержание

Теория политики

ВОЛОДИН А.Г. «Революция и дипломатия» как научная проблема 6–26

ВОЛОДЕНКОВ С.В. Особенности прочтения «старых вопросов»
в контексте современных цифровых трансформаций 27–43

С точки зрения экономики

ЛУКЬЯНОВИЧ Н.В., НЕКРАСОВ С.А. Так ли новы риски развития
искусственного интеллекта в экономике и обществе? 44–60

Политические процессы в меняющемся мире

ГРИНИН Л.Е., ГРИНИН А.Л., КАТАЕВ А.В. Контуры нового
мирового порядка и БРИКС+ 61–81

ГЛУХОВ И.Д. Присоединение к БРИКС стран Латинской Америки:
проблемы и перспективы 82–102

ЗЕЛЕНОВА Д.А., АНДРЕЕВА Т.А., ГРИШЕНЬКИН М.С., УФИМЦЕВ А.А.
Формирование повестки дня в БРИКС: глобальные проблемы
и национальные интересы 103–122

Право и политика

БУБНОВА Н.И. О контроле над стратегическими наступательными
вооружениями: настоящее и будущее 123–149

ФЭЙ ХАЙТИН. Рецентрализация власти: анализ политических идей
российских лидеров 150–171

Панорама Африки и Ближнего Востока

БИБИКОВА О.П. Ирак после американского вторжения:
судьба суннитов 172–186

ДОЛГОВ Б.В. Сирийский конфликт в контексте обострения
военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024) 187–198

Страницы прошлого

САЙМОНС Г. Роль и воздействие пандемий в истории человечества:
уроки и последствия 199–214

БОЛЬШАКОВА О.В. Спецхран как атрибут советской системы 215–228

DOI: 10.31249/kgf/2024.05.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efrementko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.00

Contents

Political Theory

VOLODIN A.G. “Revolution and Diplomacy” as a Scientific Challenge 6–26

VOLODENKOV S.V. Revisiting ‘Old Questions’: Perspectives amid Contemporary Digital Transformations 27–43

From the Point of Economics

LUKJANOVICH N.V., NEKRASOV S.A. Are the Risks Associated with Artificial Intelligence Development in Economy and Society Truly Novel? 44–60

Political Processes in the Changing World

GRININ L.E., GRININ A.L., KOROTAEV A.V. Shaping a New World Order and BRICS+ 61–81

GLUKHOV I.D. Latin America’s Integration into BRICS: Challenges and Prospects 82–102

ZELENOVA D.A., ANDREEVA T.A., GRISHENKIN M.S., UFIMTSEV A.A. Shaping the BRICS Agenda: Navigating Global Issues and National Interests . . . 103–122

Law and Politics

BUBNOVA N.I. The Status of Strategic Offensive Arms Limitations: Bridging the Present and Future 123–149

FEI HAITING. The Recentralization of Power: Examining the Political Ideologies of Russian Leaders 150–171

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

BIBIKOVA O.P. Iraq After the American Invasion: The Sunni Fate 172–186

DOLGOV B.V. The Syrian Conflict and the Deepening Middle Eastern Crisis (2023–2024) 187–198

The Pages of the Past

SIMONS G. Pandemics in Human History: Lessons Learned and Lasting Impacts 199–214

BOLSHAKOVA O.V. Spetskhran as a Distinct Feature of the Soviet System . . . 215–228

Теория политики

УДК 327:323.27

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

«Революция и дипломатия» как научная проблема

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. «Революция и дипломатия» как научная проблема

// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17.

№ 5. С. 6–26.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

Статья поступила в редакцию 28.09.2024.

Исправленный текст представлен 27.10.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере России, Индии и Китая предпринята попытка проследить взаимосвязь между такими явлениями, как революция и внешняя политика. По мнению автора, революция как явление и процесс преследует цель модернизации национальной экономики и повышения влияния страны в системе международных отношений. Для России Февральская и Октябрьская революции имели следствием уход страны с «периферии» мировой системы и превращение ее во влиятельный фактор международной жизни. Индия и Китай двигались к статусу мировых держав по своим траекториям. Однако цель этого движения для обеих стран-гигантов оставалась неизменной – «Слон» и «Дракон» стремились повысить свой геополитический статус в глобальной политике для эффективного отстаивания своих национальных интересов. Автор обращает внимание на важность демонстраци-

онного эффекта «внешнеполитической революции» в России, Индии и Китае для политического «пробуждения угнетенных» (то есть основной части человечества), начинающих активно отстаивать идеи и принципы нового, полицентрического мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, дипломатия, внешняя политика, революционный цикл, Россия, Индия, Китай, полицентрический мир, «век унижения», концепция «давление – компромисс – давление».

Современный быстро меняющийся мир ставит перед общественными науками проблемы, от теоретического осмысления которых во многом зависит будущее ойкумены. В ряду этих проблем важное место принадлежит разработке проблематики внешнеполитического комплекса общественнознания, в частности взаимосвязи расстановки социально-политических сил

в той или иной стране и ее проекции в глобальное пространство. Конкретно речь идет о соотношении внутренней и внешней политики (как было принято говорить раньше), или, что выглядит предметнее, о диалектике факторов преемственности и изменений в практике дипломатии, особенно в эпоху качественных перемен в международной жизни. Как представляется, нынешняя «турбулентность» международной жизни многократно повышает необходимость разработки таких тем, как диалектика взаимоотношений внутриполитических сдвигов и их проекции в сферу международных отношений. Установление закономерностей и тенденций, действующих на этом своеобразном и изменчивом «поле», может оказать содействие пониманию перспектив установления мирового порядка, отвечающего интересам основной части человечества.

Изучая восходящие, попятно-возвратные и боковые движения всемирно-исторического процесса, мы имеем возможность наблюдать существенные сдвиги в расстановке социально-политических сил в конкретных странах, с одной стороны, и устойчивую преемственность внешнеполитического курса государства, обосновываемую необходимостью защищать национальные интересы, – с другой. Иллюстративен пример Франции, где революционные перемены 1789–1794 гг. не повлияли на характер «имперского» внешнеполитического курса. Более того, французская колониальная система сформировалась уже в «республиканский» период развития этой страны. Еще более показательным является пример Соединённого Королевства, где Английская буржуазная революция 1641–1649 гг. «реактивно» трансформировалась в завоевание Ирландии – «изумрудного острова» и в покорение Шотландии (1651),

что послужило основой формирования будущей Британской империи. Уже в наши дни, оценивая значение тех событий, видный футуролог Х. МакРей не без иронии писал: Англия скоро завершит более чем 300-летний «колониальный эксперимент» и вновь станет былой Англией, то есть «свыкнется с идеей ответственности за судьбы лишь своих граждан, но не других народов» [McRae, 1995, p. 234].

Представляется, что наиболее перспективными объектами изучения выступают три представителя Мирового большинства: Россия, Индия и Китай. Эти три государства-цивилизации представляют собой внушительную силу в современной глобальной политике, выступают за трансформацию мирового порядка, превращение его в процесс, отвечающий интересам человечества в целом. «Центральность» этих трех стран в геополитике в Евразии подтверждается многочисленными публикациями и не требует доказательств. Может, однако, сложиться впечатление, что Россия (и империя, и Советский Союз) принадлежит иному, «развитому» миру. Ведь Российская империя проводила захватническую политику на Дальнем Востоке, добываясь раздела сфер влияния с другими «великими державами», имела свои геополитические интересы на Балканах и т. д. Однако первая промышленная революция отодвинула Россию на «периферию» мировой политики, что было официально зафиксировано Парижским мирным договором (1856) и Портсмутским миром (1905). К началу XX в. мировая политика была четко разделена на Запад и не-Запад, и место России было среди «остальных» стран. Таким образом, преодоление «периферийного» положения в международной системе стало альфой и омегой политики России, Индии и Китая. В данном случае особенности их ста-

туса (независимый периферийный, полуколониальный, колониальный) не имели принципиального значения для выработки основ *суверенного* государственного курса.

Уплотнение революционного цикла и смена внешнеполитической парадигмы: исторический опыт России

Многочисленные примеры подобного характера лишь подтверждают тезис о том, что экономические и политические парадигмы развития общества могут меняться; в то же время национальные интересы / внешнеполитический курс остаются неизменными. Наиболее «выпуклым» примером такого рода предстает постсоветская Россия, чья «либеральная» внешняя политика (то есть возврат к «периферийному» внешнеполитическому поведению, характерному для досоветского периода, по крайней мере с 1856 г. и фактический отказ от принципов суверенитета) была довольно быстро отвергнута самой жизнью, и ей на смену пришел курс «стратегической автономии» в мировом пространстве. Данное утверждение «имеет прямое отношение и к нашему восприятию российской и советской дипломатии тех (то есть первых постреволюционных – А.В.) лет. Сегодня ее развитие видится нами как целостный процесс, участники которого, какие бы идеологические противоречия их не разъединяли, работали на благо своей страны, будущего России и заслуживают достойного места в национальной истории»¹.

Целесообразно вспомнить, что к началу XX в. Россия вплотную приблизилась к Франции по показателю ВВП, превзойдя последнюю по выплавке стали и чугуна [Шепелев, 1987, с. 15]. В 1904–1909 гг. среднегодовые темпы прироста промышленного производства в Российской империи составляли 5% [Шепелев, 1987 с. 17]. В это время российская промышленность деятельно перестраивалась, обновлялась ее элементная база, шла концентрация производства, происходило слияние предприятий. Хорошие урожаи 1909 и 1910 гг., а затем 1912 и 1913 гг. имели следствием увеличение импорта машин и оборудования для развивающейся отечественной промышленности. В этот же период заметно увеличилось применение в экономике электроэнергии и двигателей внутреннего сгорания. Статистика показывает: в 1913 г. Россия занимала среди других стран по добыче нефти 2-е место, по потреблению хлопка – 3-е, по выпуску продукции машиностроения и производству стали – 4-е, по выплавке чугуна и добыче каменного угля – 5-е, по добыче железной руды – 6-е².

Очевидными препятствиями на пути роста промышленного производства были, с одной стороны, недостаточная для современного образа жизни покупательная способность населения (прежде всего в сельской местности), а с другой – сохранение многочисленных ограничений предпринимательской деятельности. Также одной из отрицательных особенностей государственного управления Российской империи была несогласованность действий отдельных министерств, пе-

1 Революция 1917 года. Русская и советская дипломатия в документах архивов МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/revolyutsiya-1917-goda-russkaya-i-sovetskaya-diplomatya-v-dokumentakh-arkhivov-mid-rossii/ (дата обращения: 14.08.2024).

2 Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913–1927 гг. – Москва: ЦСУ СССР, 1928. – С. 2–11, 23.

реходившая нередко в междоусобную борьбу. Для устранения этого вредного для общества явления предлагалось создание Совета Министров с целью реализации единства исполнительной власти. Наконец, в октябре 1905 г. был образован Совет Министров, призванный объединить деятельность всех министерств правительства. Можно сказать, что в начале XX в. перед российским обществом, включенным в жесткое соревнование с промышленно развитыми странами, объективно встала задача модернизации экономических и политических институтов, способных на равных конкурировать с лидерами мировой экономики. В самом обществе ощущалась недостаточность усилий государственной власти для организации мощного спурта модернизации.

Неудовлетворенность социально активных слоев общества темпами и глубиной модернизации страны диктовалась и обстоятельствами сугубо геополитического происхождения. У России не было «исторического времени» для повторения западного опыта общественной трансформации. Недостаточная социальная дифференциация крестьянства, характер рабочего класса (тысячами нитей связанного с деревней и традиционалистскими/сельскими моделями экономического и политического поведения), историческая «недоразвитость» русской буржуазии – эти и другие факторы породили исключительную роль государства в мобилизации необходимых финансовых ресурсов и для форсированной индустриализации, и для устранения затруднений финансово-экономического характера. Логикой самой русской истории «государство было вынуждено принять на себя эти экзистенциальные функции потому, что был поставлен под угрозу статус России как великой державы» [Patterns

of European Industrialization..., 1991, p. 248–249]. Немаловажную стимулирующую роль в мобилизации российского общества на модернизацию страны сыграли и плачевные итоги Русско-японской войны 1904–1905 гг., отразившиеся в тяжелых условиях Портсмутского мира (1905).

Развитие России в начале XX в. имело крайне противоречивый характер. Препятствия модернизации соседствовали с накоплением потенциала для экономического спурта, второй промышленной революции в России (1907–1913). Так, по мнению А. Гершенкрона, в начале XX в. Россия начала выходить на траекторию форсированной модернизации, напоминающую германский путь развития, хотя и в менее артикулированной форме [Gerschenkron, 1968, pp. 247, 223]. Иначе говоря, под воздействием глобальных исторических процессов развитие России начинает ускоряться, а управление этим развитием требует новых, политических, методов, в которых принуждение всё чаще преобладает над убеждением.

Цикл исторического развития страны уплотняется (в том числе под воздействием второй промышленной революции 1907–1913 гг.), и сегодня методологическое разделение Февральской и Октябрьской революций выглядит менее убедительно, чем это казалось историкам в годы перестройки и запуска либеральных реформ. С учетом постоянно возрастающего в начале XX в. давления мировых геополитических процессов на развитие России всё более очевидной становится плотная взаимосвязь этих двух исторических событий, понимание очевидности представления о том, что Февральская и Октябрьская революции – это части единого *двухтактного* исторического цикла/процесса, имевшего целью форсированную модернизацию нашей страны, «увод» ее с периферии миро-

вой системы и преодоление Россией подчиненного положения в международных отношениях.

Сегодня складывается впечатление: если Февральская революция решила задачу демонтажа абсолютной монархии и ее институтов, непригодных для развития России в условиях быстро развивающихся экономических систем индустриального Запада, то революция Октябрьская преследовала вполне конкретную цель – *создать* в стране систему институтов, способных обеспечить конкурентоспособность Советского Союза в условиях соревнования с экономическими и политическими системами, «вырвавшимися» вперед в результате промышленных революций XIX в. В «Апрельских тезисах» В.И. Ленина, полагал известный британский историк П. Фердинанд, содержалась идея «ускорения» исторического процесса. В сложившихся условиях, продолжает автор, «отсутствовала «китайская стена», отделявшая друг от друга две русские революции. Впоследствии фактическое слияние во времени буржуазно-демократического и социалистического этапов революционного процесса оказалось еще более акцентированным в Китае и Югославии, где обе революции (буржуазно-демократическая и социалистическая – А.В.) слились в единый общественный процесс» [Ferdinand, 1991, p. 16].

Современные историки отечественной дипломатии констатируют: «Значительные последствия для внешнеполитического ведомства, его деятельности и дипломатической службы в целом повлекли за собой Октябрьская революция и победа большевиков. Установка на прекращение войны

(Первой мировой – А.В.) была воспринята сотрудниками МИД как предательство, не оставлявшее возможности для сотрудничества. В результате впервые в истории России произошла полная замена дипломатического аппарата, и место Министерства иностранных дел занял Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД)»³. Впрочем, данный тезис выглядит polemически заостренным, поскольку многие дипломаты довольно быстро разобрались в сложности геополитической ситуации конца 1910-х годов и оперативно включились в работу по отстаиванию интересов Отечества.

Новая власть фактически заново создавала свою дипломатию и внешнюю политику. «Это был непростой и тернистый путь, с ошибками, срывами и неудачами, однако в итоге он завершился формированием успешно работавшего ведомства и устойчивого международного курса. Несмотря на *формальный разрыв с прошлым* (курсив мой – А.В.), этот курс, как и прежде, был нацелен на укрепление российского государства, его безопасности и продиктован национальными интересами. Убеждаясь в иллюзорности расчетов на мировую революцию «в самом ближайшем будущем», подразумевавших бесполезность традиционной дипломатии и внешней политики, советское руководство приступило к выстраиванию отношений с зарубежными государствами, исходя из принципов мирного сосуществования»⁴. В данном правильном положении присутствует, однако, элемент дискуссионности: советское государство никогда не предполагало

3 Революция 1917 года. Русская и советская дипломатия в документах архивов МИД России. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/revolyutsiya-1917-goda-russkaya-i-sovetskaya-diplomatya-v-dokumentakh-arkhivov-mid-rossii/ (дата обращения: 14.08.2024).

4 Там же.

проводить ревизию существовавшей системы международных отношений. В отличие от побежденных во Второй мировой войне государств, Германии и Японии например.

Итак, состояние России в 1917 г. становилось угрожающим. «Периферийное» положение империи усугублялось тяготами войны, а также явлениями более общего порядка, в частности свекорыстной политикой Запада. Особенности внутренней и внешнеполитической ситуации стран, подобных России, ощущались классиками общественной мысли, в частности А. Тойнби. «Всемирное распространение западных ценностей, технологий, культуры, образования Тойнби оценивал положительно, но указывал на то, что экспансия Запада имела агрессивный характер, определялась стремлением включить в зону своей политической власти как можно больше территорий и народов» [Уколова, Шкаренков, 2020, с. 62]. Большевистский проект «реинкарнации» России (в виде Советского Союза или «Соединённых Штатов России») преследовал цель преодолеть тяготившую «пассионарную» часть российского общества, «периферийность» страны в мировой системе и, образно говоря, вернуться к славным временам Екатерины Великой, Суворова, Кутузова, Ушакова и других выдающихся представителей Отечества.

В 1917 г., если пользоваться стилистикой А. Тойнби, последовал «контрудар» России по западоцентричной мировой системе. «Контрудар», о котором писал А. Тойнби, оценивая роль Октябрьской революции в отечественной и мировой истории, преследовал цель тотального отказа от модели «периферийного капитализма», которую в художественной форме глубже ко-

го-либо изобразил Ф.М. Достоевский (романы от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых»). Показательно, что В.И. Ленин, не принимая Ф.М. Достоевского как писателя, говорил В.Д. Бонч-Бруевичу (управляющему делами Совета народных комиссаров/правительства) о концептуальном отрицании Ф.М. Достоевским капитализма вообще – как западного «классического», так и российского «периферийного».

Октябрьская революция, отмечал А. Тойнби, «была антизападной только в том смысле, что Запад в определенной мере отождествлялся с капитализмом. Однако в любом другом проявлении враждебность по отношению к Западу или какой-либо иной цивилизации отсутствовала. Марксистское учение не признает наличия границ между нациями или между обществами по вертикали, но проводит четкие горизонтальные линии, разделяя общество на классы, которые, в свою очередь, не знают межнациональных и культурных границ. Подобно историческим высшим религиям, марксизм содержит в себе некоторое вселенское обетование» [Тойнби, 1991]⁵. От себя добавим: в послеоктябрьских работах В.И. Ленина очень часто встречаются призывы к «рационализации» русского капитализма; в данном случае капитализм (в форме государственного капитализма) выступает как инструмент институциональной модернизации России за счет всемерного развития «сверху» индустриального способа производства. Данный тезис не противоречит фактам финансирования обеих революций зарубежными «спонсорами», о чем нередко говорят сегодня публицисты и пропагандисты либеральной ориентации.

5 Цит. также по: Тойнби о России и Западе. – URL: <https://meotis.livejournal.com/74898.html> (дата обращения: 18.08.2024).

Действительно, о самостоятельности действий лидеров Февраля практически ничего неизвестно, тогда как о политической субъектности большевиков во главе с Лениным и части генералитета (который настаивал на решительном разрыве с архаической экономической и политической системой) написано несколько доказательных работ монографического плана [Бьеркегрэн, 2007]. При ретроспективном анализе событий тех лет обнаруживается, что Февральская и Октябрьская революции были частями одного большого исторического цикла, или попыткой совершить модернизационный спурт, и тем самым были в чем-то похожими на институциональную революцию «Мэйдзи исин» (1867–1868), тем более что внешние условия бытования и Японии, и России (давление из центров управления тогдашнего мирового порядка) были принципиально схожими. В связи с этим отметим, что внешняя политика большевистской России («курс Ленина – Чичерина») отличалась лишь большей решительностью в отношении «коллективного Запада» по сравнению с дипломатическими методами ее исторических предшественников, но никак не характеризовалась желанием противопоставить себя «цивилизованному миру», то есть разрушить действовавшую систему международных отношений. Показательно, что советская внешняя политика, опиравшаяся на стратегию форсированной модернизации российского общества, встречала всё возрастающее понимание в кругах эмигрантов, покинувших страну после Октябрьской революции. Понимание трансформировалось в поддержку СССР в годы Великой Отечественной войны.

Критики Октябрьской революции нередко ссылаются на доминанту

идеологии в политике большевиков, при этом утверждая, что советская дипломатия действовала под «неусыпным» контролем идеологов коммунистической партии, которые никогда не отступали в противостоянии здравому смыслу. Однако более пристальный взгляд на соотношение идеологических императивов и прагматизма в советской внешней политике рисует весьма сложную картину. Так, авторитетный исследователь истории внешней политики Советского Союза Н.И. Капченко отмечал: «...самой главной чертой внешнеполитической стратегии Сталина был радикальный пересмотр взглядов на мировую революцию и выработка стратегии превращения России в самодостаточную и мощную в военно-экономическом плане державу мира» [Капченко, 2006]⁶. Ретроспективный взгляд на деятельность советской дипломатии показывает: в межгосударственных отношениях СССР неизменно следовал принципам внешнеполитической практичности, и на этом поле деятельности идеологии оставалось совсем немного места, чтобы заявить о себе.

Так, ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан в конце 1979 г. был продиктован сугубо практической задачей, существо которой состояло в ограничении влияния Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране на развитие советских республик Средней Азии. Иными словами, партийно-государственное руководство СССР чувствовало угрозу существованию светских общественных и политических институтов в центральноазиатском регионе, основы которых были заложены Российской империей и Советским Союзом. Впрочем, фактор идеологии во внешней

6 Цит. по: Глава 5. Международные аспекты политической деятельности Сталина. – URL: <https://litres.ru/chitat/ru/%D0%9A/kapchenko-nikolaj-ivanovich/politicheskaya-biografiya-stalina-tom-2/7> (дата обращения: 10.09.2024).

политике СССР всё же был заметен в отношениях КПСС с коммунистическими и рабочими партиями зарубежных стран. Однако и на этом направлении дипломатической деятельности доминировали геополитические установки сугубо практического свойства, которыми пользовалось партийно-государственное руководство СССР. «Идеологические диспуты» с Югославией и Китаем были, как представляется, своеобразным воплощением традиционных для «обитателей» Кремля давних, не тронутых временем имперских установок «третьего Рима», тогда как события в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) были продиктованы опасениями разрушения «защитного вала», воздвигнутого против Запада по итогам Второй мировой войны.

На полях заметим, что видные политические мыслители Запада вынуждены признать как минимум наличие исторической (а не идеологической) подосновы у советской внешней политики. Так, Г. Киссинджер отмечал, что «глобальная стратегия Сталина имела комплексный характер. Он (Сталин – А.В.) был убежден, что капиталистическая система неизбежно продуцирует войны; поэтому окончание Второй мировой войны в лучшем случае является перемирием. <...> Целью советской [внешнеполитической] стратегии поэтому было достижение максимальной безопасности (для СССР – А.В.) в преддверии неизбежной новой пробы сил. Сталинская дипломатическая стратегия имела целью максимальное продвижение границы безопасности (Советского Союза – А.В.) на запад и ослабление государств, находящихся за контуром безопасности (то есть обществ Западной Европы – А.В.), с помощью местных коммунистических партий, а также тайных операций» [Kissinger, 2014, pp. 272–273]. Данное представление из уст авторитетного

историка и дипломата воспроизводит логику внешнеполитических рассуждений президента Ф.Д. Рузвельта, который полагал, что «Сталин видел мир похожим на представления Рузвельта образом и что враждебность и недоверие генералиссимуса к Западу вытекали из пренебрежения западных лидеров по отношению к советской России, открыто демонстрировавшихся после [Октябрьской] революции» [Kissinger, 2014, p. 274].

В ходе нынешних острых политических дискуссий о внешнеполитическом наследии СССР порой приходится слышать мнение о целесообразности отобрать «советские» дипломатические принципы и практики, которые можно было бы «взять с собой» в нынешнее «прогрессивное» время. Ирония ситуации, однако, состоит в том, что советская дипломатия была правопреемницей дипломатии императорской России, тогда как «перестроечная» дипломатия и дипломатия «новой России» оказались отклонением от общепринятой практики защиты национальных интересов страны. «Дипломатия подобострастия», как известно, довольно быстро показала свою неэффективность и ущербность, и власти страны начали постепенно возвращаться на путь реализма и здравого смысла. Таким образом, вопрос о преемственности внешнеполитической парадигмы страны, как представляется, должен ставиться несколько иначе, а именно: какие новые идеи «дипломатии перестройки и новой России» останутся актуальными сегодня, завтра и послезавтра? Думается, что таковых две: «Делийская декларация» и «Новое политическое мышление» 1986 г. В конце 1980-х – начале 1990-х годов эти идеи предлагались руководством страны с позиции слабости и потому не были всерьез восприняты «коллективным Западом».

Сегодня, после начавшегося «протрезвления» Запада, их можно было бы предложить вновь. На сей раз – с позиций геополитического реализма. В связи с этим целесообразно заметить, что уместность «нового политического мышления» в отношениях с «коллективным Западом» еще придется доказывать российскому обществу, которое в последние 10 лет имело возможность убедиться в неискренности западных «партнеров» и потому выступает за отношения с «золотым миллиардом» исключительно с позиции силы.

Исследуя соотношение факторов преемственности и изменений во внешней политике России, «проницательный читатель» (Н.Г. Чернышевский) вправе поставить вопрос: отечественный опыт уникален? Или же существуют другие содержательные примеры возвращения к суверенитету и «стратегической автономии» во внешней политике? Представляется, что парадигму «возвращения к суверенитету» целесообразно проверить на исторической эволюции внешнеполитических представлений у «стран-гигантов» современного мира, прежде всего Индии и Китая, наиболее населенных государств ойкумены.

Обретение суверенитета и трансформация внешней политики: Индия

В советской историографии, как известно, траектории обретения независимости собирательно описывались дефиницией «национально-освободительная революция». Правда, данное определение сопровождалось существенной оговоркой, суть которой состояла в том, что национально-освободительные движения различались по своему характеру, в частности по степени своей *радикальности*.

В этой общей классификации Индия оказывалась в «умеренной» подгруппе, тогда как Алжир, Вьетнам и другие страны образовывали общность «радикалов». Разделение на «умеренных» и «радикалов» возникло, как известно, в 1955 г., во время Бандунгской конференции, проложившей путь к созданию Движения неприсоединения. Думается, что поэтапный («умеренный») путь к независимости, характерный для бывших британских колоний, вытекал из концепции «содружества наций», разработанной лейбористской партией в 1920-е годы и значительно снизившей радикализм требований лидеров освободительного движения и к имперской власти, и к организации постколониального устройства освободившихся обществ. Лейбористский подход к суверенитету бывших колоний не без оснований имел иное название – «социализация империи» [Судейкин, 1976].

«Индийский путь» к независимости имел *поэтапный* характер и использовал своеобразную инструментальную «схему» *давление – компромисс – давление*, разработанную Махатмой Ганди на этапе борьбы за суверенитет. Суть данной инструментальной «схемы» состояла в том, чтобы ненасильственное давление на колониальные власти (к тому же учитывавшее реакцию общественного мнения в стране-метрополии) сопровождалось временным политическим компромиссом с Британским Раджем, а затем возобновлялось с новой силой. И так – до победного конца. Такого рода тактика оказалась довольно эффективной при завоевании суверенитета. Неудивительно поэтому, что лидеры независимой Индии до середины 1960-х годов нередко применяли принципы политического компромисса в отношениях не только с бывшей метрополией, но и с дру-

гими государствами послевоенного мира. Также неявную, но важную роль в дипломатии и внешней политике независимой Индии на начальном этапе ее развития сыграл фактор «зрелого» возраста лидеров движения за суверенитет [Madhav, 2022, p. 27], которое в индийской историографии нередко называют стремлением к «передаче власти» (*transfer of power*). Отсутствие «пассионарности», характерной для «капитанов» Французской революции конца XVIII в., а равно и русских большевиков, предопределило и осторожный стиль внешней политики Индии до середины 1960-х годов, в частности нежелание Дж. Неру и его соратников порывать с проверенными жизнью компромиссными традициями национально-освободительного движения.

Однако в середине 1960-х годов, после смерти Дж. Неру, сама жизнь поставила индийский правящий класс перед необходимостью смены внешнеполитической парадигмы. Можно с определенностью утверждать, что *водоразделом*, предопределившим смену внешнеполитической парадигмы, стал крайне неудачный для Индии пограничный конфликт с Китаем 1962 г., фундаментально пошатнувший «философские» основы всей доктрины поведения этой страны во внешнем мире. Ответственность за новую внешнюю политику взяла на себя премьер-министр Индира Ганди (1966–1977, 1980–1984). Стоит отметить, что значительную интеллектуальную поддержку формированию новой внешнеполитической парадигмы оказали такие первоклассные мыслители, как П.Н. Хаксар, Т.Н. Кауль, Р. Као, Д.П. Дхар, Г. Партхасаратхи, П.Н. Дхар. Сама И. Ганди оказалась способной не только обобщать предлагавшиеся премьер-министру идеи, но и действовать самостоятель-

но и решительно на основе не только уже полученного в коридорах власти опыта, но и повседневного анализа событий и процессов в мировой и региональной политике. Состав советников при И. Ганди стал заметно шире, тогда как решения принимались *синклитом*, то есть внутренним кругом премьер-министра после тщательных обсуждений. Такая форма принятия стратегических решений не приветствовалась оппозицией, и уже в середине 1970-х годов появились критические статьи о формировании в стране «внеконституционного центра власти» в лице ближайших советников И. Ганди. Однако ретроспективный взгляд на события тех лет подтверждает: создать принципиально новую внешнеполитическую парадигму было возможно лишь в результате «интеллектуального штурма», но никак не в процессе межпартийной дискуссии. Можно предположить, что окончательное решение о смене внешнеполитической парадигмы созрело у И. Ганди (в то время министра информации и радиовещания) после индийско-пакистанской войны 1965 г., которая подтвердила нежелание США и Запада в целом учитывать интересы безопасности Индии, оказавшейся в условиях жесткого геополитического противостояния с «великим северным соседом», Китаем.

Динамично менявшаяся международная ситуация второй половины 1960-х годов определенно торопила Индию к принятием долгосрочных внешнеполитических решений. Наметившееся в 1966–1967 гг. (первоначально в кулуарах ООН) сближение США и Китая всерьез обеспокоило официальные круги в Дели. Еще одним настораживающим фактором для официального Дели стала возможность «исторического» противника Пакистана взять на себя посредническую роль в налаживании амери-

кано-китайского диалога. Для «крупнейшей демократии мира» поиск геополитического союзника оказался быстротечным. В условиях обострявшегося идеологического диспута Советского Союза и Китая естественным союзником для Дели виделась Москва. После встречи премьер-министра И. Ганди и председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина (май 1969 г.) постепенно начали прорисовываться контуры будущего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. Иными словами, как конкретизирует свою мысль индийский историк-международник З. Даулет Сингх, «...в представлении Индиры Ганди выглядело разумным использовать фактор [общемирового] баланса сил для расширения свободы действий на [индостанском] субконтиненте» [Daulet Singh, 2019, с. 212]. В то же время маститый автор был вынужден признать, что Индия получила от СССР больше, чем Советский Союз предполагал получить в обмен, поскольку официальный Дели уклонился от прямой поддержки идеи Москвы о коллективной безопасности в Азии [Daulet Singh, 2019, р. 214]. В начале 1970-х годов аналитики на Западе были вынуждены констатировать «реактивный» рост геополитического влияния Индии; наиболее весомой причиной такого роста стало «стратегическое союзничество» Индии и СССР. Наконец, помимо очевидных внешнеполитических выгод, новые отношения с Советским Союзом позволили И. Ганди с позиции силы вести диалог со своими неуступчивыми внутренними оппонентами.

Разумеется, советское руководство, развивая союзнические отношения с Индией, преследовало свои конкретные и прагматические геополитические цели. Цели советской внешней политики в Южной Азии состояли в следующем. Во-первых, необходимо было мак-

симально ограничить влияние Китая и США не только в регионе, но и в Азии в целом. Во-вторых, требовалось нейтрализовать потенциальную и реальную антисоветскую направленность геополитического «треугольника» США – Пакистан – Китай [Daulet Singh, 2019, р. 304]. В связи с этим, немного забегая вперед, отметим: в эпоху «возвращения истории» в индийское общество вернулась память о былом величии. Сегодня в стране, образно говоря, всё чаще напоминают друг другу о том, что еще в 1820 г. валовой внутренний продукт (ВВП) Индии и Китая составлял 49% объема мировой экономики: на Индию приходилось 16%, тогда как на Китай – 33%. В то же время ВВП Западной Европы составлял 24%, у Восточной Европы он не превышал 9%, тогда как у Соединённых Штатов Америки – всего лишь 2% [Smith, 2007, р. 23]. Тяга к переменам на экономическом фронте ощущалась уже в начале 1990-х годов. Так, министр финансов Манмохан Сингх (впоследствии премьер-министр, 2004–2014), выступая в индийском парламенте в 1991 г., процитировал максиму Виктора Гюго: «Никакая сила земная не останавливает идею, время которой пришло» (*No power on earth can stop an idea whose time has come*). Спустя 10 лет М. Сингх «расшифровал» смысл этого афоризма: «...мы находились в состоянии кризиса и должны были начать фундаментальные структурные изменения. В ходе этого процесса должна была возникнуть новая Индия – Индия, где нет места бедности, где существует свобода от лишений, невежества и болезней. С этими переменами к Индии придет статус одного из главных действующих лиц мировой экономики. Именно этот образ глобальной Индии вдохновлял нас на экономические реформы (1991 г. – А.В.)» [Smith, 2007, р. 88–89].

Итак, мы наблюдаем второе важное проявление «внешнеполитической ре-

волюции», на этот раз в наиболее населенной стране мира. Если в период холодной войны первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру ставил ударение на *системе коллективной безопасности* в Азии с постоянной «оглядкой» на позиции США и Англии (к тому же сопровождаемой попытками умиротворения Поднебесной и интеграции КНР в существовавшие международные институты), то его дочь, И. Ганди, с самого начала своей премьер-министерской легислатуры выбрала традиционную установку дипломатов – использование фактора общемирового *баланса сил*, искусно сопрягая глобальный и региональный подходы при разработке государственного курса страны. Внешнюю политику такого рода издавна принято классифицировать как *realpolitik*, а ее смысл состоит в сознательном акцентировании национальных интересов и подчеркнутым невниманием к «зависимым» от традиционных центров силы внешнеполитическим установкам. Сопоставляя советский/нынешний российский «случай» с индийским, мы видим общую характеристику, внутренне присущую обоим внешнеполитическим моделям, а именно преодоление «периферийного» положения в международной системе и зависимого стиля мышления элит. Стратегической целью данного перехода является построение *многообразного* мира, воспроизводящего себя в принципе полицентрической организации ойкумены. «Революционность» обеих моделей, как представляется, состоит в сознательном желании обоих субъектов международных отношений качественно изменить *западоцентричный* мировой порядок, эксплуатировавший человечество в течение пяти веков и пришедший в негодность под воздействием естественных исторических процессов.

«Век унижения» как предыстория и движущая сила геополитической революции: историческая трансформация дипломатии современного Китая

Для темы «революция и дипломатия» очевидный теоретико-методологический и практический интерес представляет, по мнению автора, трансформация внешней политики Китая после 1 октября 1949 г., то есть после образования КНР. Китай, на наш взгляд, представлял собой еще один, третий, подвид «периферийного» функционирования государства в международной системе. Если Россия оставалась после Парижского мирного договора 1856 г., сильно ограничившего политический суверенитет страны, независимым государством, оттесненным на периферию международной системы (а Русско-японская война 1904–1905 гг., как казалось Западу, закрепила «маргинальный» геополитический статус империи), а Индия была «жемчужиной» Британской короны, то Поднебесная занимала своеобразное *промежуточное* положение. Смысл данной «промежуточности» состоял в том, что внутренняя слабость китайского государства имела следствием активизацию хищнической политики Запада и Японии на обширном территориальном пространстве, итогом которой стало *полуколониальное* положение некогда великой империи, которая оказалась разделенной на несколько сфер влияния.

Трагическое положение Китая в период от Опиумных войн (1839–1860) до образования КНР (1949) прочно обосновалось в исторической памяти народа в образе «века унижения» [Jacques, 2009, p. 72]. «Век унижения» нашел свое отражение и в общественной мысли Китая. Так, выступая на церемонии

провозглашения Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.), лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун, в частности, сказал: «Китай всегда был великой, мужественной и трудолюбивой нацией; только в наше время он отстал. И это произошло исключительно из-за угнетения и эксплуатации со стороны иностранного империализма и внутренних реакционных правительств» [Hiro, 2010, p. 151]. «Реактивный» экономический рост Китая, не имеющий аналогов в мировой истории, превратил Поднебесную в геоэкономического и геополитического гиганта. По сути дела, КНР имеет все шансы вернуться на позиции, которыми Китай обладал до 1820 г., когда на эту страну приходилась одна третья часть мирового ВВП [Hiro, 2010, p. 147]. Естественно, что повышение глобального геополитического статуса потребовало качественных, «революционных» изменений в стратегии и тактике китайской дипломатии.

«Век унижения» имел катастрофические последствия для экономики и общества Китая. Этими последствиями были неустойчивый экономический рост, инфляция, дефляция, рецессия, перепады уровней социально-экономического развития регионов страны, значительный разрыв между положением состоятельных и уязвимых групп населения, между, говоря обобщенно, городом и сельской местностью. Сложившееся положение, усугубленное эксцессами «культурной революции» (1966–1976), требовало «революционных» методов исправления, не укладывавшихся в прокрустово ложе западных либеральных теорий. Руководство КНР, в отличие от лелеяемых многими западными экономистами консолидации институтов и практик рыночной экономики (как ее понимали в США и других странах «золотого миллиарда»), обратилось к совершенствованию идей

и принципов государственного капитализма, предполагавших целенаправленное воздействие на народное хозяйство с целью исправления диспропорций, оставшихся в наследство от эпохи *зависимого капиталистического развития*. Движущей силой общественных преобразований после 1 октября 1949 г. стала Коммунистическая партия Китая, созданная в условиях подполья в июле 1921 г. Одним из важных инструментов воздействия политической власти на стихийные процессы в экономике мыслилась подконтрольная государству банковская система.

Социально-экономической подосновой «экономической революции» в народном Китае стала концепция «четырех модернизаций» (сельского хозяйства, промышленности, национальной обороны и науки), официально выдвинутая летом 1978 г. Дэн Сяопином (авторство которой, впрочем, принадлежало Чжоу Эньляу, премьеру Госсовета КНР). Создание «плановой социалистической товарной экономики» и реализация проекта «социалистической модернизации» мыслились руководством КНР в процессе стимулирования роста доходов сельских домохозяйств, осторожной «автономизации» (то есть расширения самостоятельности) государственных предприятий, снижения макроэкономического значения *директивного* центрального планирования, а также привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Китая. Накопление сил предполагало значительную роль иностранной помощи, поэтому внешняя политика КНР на начальном этапе модернизации не предполагала открытого конфликта с «коллективным Западом» и, возможно, в чем-то напоминала модель завоевания суверенитета в Индии, тактической основой которой стала уже упомянутая траектория *давление – компромисс – давление*.

Стратегия модернизации, однако, не предполагала «отлучения от исто-рии» Мао Цзэдуна, который рассма-тривался как лидер борьбы за изгнание из Китая иностранных интервентов и создание современного («социали-стического») государства на китайской земле. Да и сама дипломатия КНР «пос-ле председателя Мао» отличалась из-вестной идейной последовательностью и преемственностью; Китай активно поддерживал «пробуждение угнетен-ных», ныне относимых к государствам Глобального Юга, или Мирового боль-шинства. Своеобразной «памяткой» для китайских хозяйственников и ди-пломатов на будущее стали тезисы Дэн Сяопина, которые суммировались следующим образом: «Спокойно на-блюдайте за миром и анализируйте текущие события; терпеливо и бес-страшно относитесь к изменениям; обеспечивайте стране надежное поло-жение; скрывайте наши достижения, воздерживайтесь от откровенности [в общении с иностранцами]; уступай-те в мелочах, держа в уме долгосрочные интересы Китая; не рассуждайте о на-ших потенциальных возможностях; всегда будьте сдержанными в оценках внутренней и международной ситуа-ции; умеете властвовать собой, забудь-те о воинственной риторике и полити-ке, об угрозах соседям или глобальному миру; наконец, избегайте принимать на себя роль лидера в стремлении до-биться результатов. Словом, избегайте конфликтов и энергично развивайте нашу экономику» [Hiro, 2010, p. 157]. Иначе говоря, форсированное прове-дение «четырех модернизаций» имело своей целью новую роль Поднебес-ной в мировой экономике и политике, но должно было иметь максимально скрытый характер. Ретроспективно мы

можем утверждать, что руководство КНР в принципе достигло целей «мало-заметности» при осуществлении стра-тегии геополитического восхождения Китая.

«Скромность» геополитического по-ведения Поднебесной принесла стране зримые практические результаты. Уже в 2008 г., через тридцать с небольшим лет после смерти Мао Цзэдуна, объ-ем прямых иностранных инвестиций в народное хозяйство КНР составил внушительные 92,4 млрд долл. [Hiro, 2010, p. 157]. Эффективным фактором управляемости китайской модели раз-вития стала ведущая роль государства в процессе модернизации, реализуемая в укреплении положения КПК в жизни китайского общества. Одновременно Китай сдержанно вел себя в мировой политике. Республика нечасто исполь-зовала право вето в Совете Безопас-ности ООН. В то же время китайские дипломаты настойчиво и последова-тельно отстаивали принцип *суверени-тета* при разрешении региональных конфликтов, тем самым расширяя свое влияние в странах Глобального Юга / Мирового большинства. КНР неизменно противилась вмешательству Запада во главе с США во внутренние дела развивающихся стран, осуществляв-шемуся под отработанным за многие годы предлогом «защиты меньшинств» или «прав человека».

Новая роль Поднебесной в системе международных отношений получает поддержку в форме форсированно-го роста китайской экономики. Сама структура экономики КНР начина-ет энергично меняться. Уже в 1990 г. доля сельского хозяйства в ВВП упа-ла до 30% (с 42% в 1978 г.). Доля про-мышленности, напротив, возросла с 38 до 45%, а услуг – с 20 до 25%⁷. Успешно

7 Report on the State of International System. – Rome: Istituto per Gli Studi di Politica Internazionale, 1992. – P. 68.

развивается и процесс восстановления единства и территориальной целостности Китая. В июле 1997 г. на правах «особого административного района» в состав КНР возвращается Гонконг, сохраняющий свои законы, денежную единицу, пограничный контроль и унаследованную от прошлого партийно-политическую систему; центральная власть в Пекине берет на себя ответственность за внешнюю политику и оборону бывшей английской колонии. (Гонконг, иными словами, становится своеобразным «доминионом» континентального Китая.) Поток прямых иностранных инвестиций в экономику Поднебесной не прерывается. Однако «азиатский финансовый кризис» 1997–1998 гг. всерьез насторожил власти КНР. Вашингтон настаивал на немедленном «открытии» китайского рынка для спекулятивного американского капитала, отчаянно пытавшегося продать Поднебесной свои деривативы. Китайские власти были настроены против осуществления подобных операций, резонно указывая на пагубные последствия подобных действий для хозяйственных систем Тайланда, Южной Кореи, Индонезии и Малайзии. Поднебесная, пишет Дж. Стиглиц, предпочитала прямые иностранные инвестиции, которые «строят заводы» и создают рабочие места, но никак не «горячие деньги», которые блокируют экономический рост и продуцируют экономическую и политическую нестабильность [Stiglitz, 2004, p. 214].

Рост экономики КНР происходит на фоне «увядающей» гегемонии Запада во главе с США. Америка и ее союзники утрачивают экономическое доминирование в постбиполярном мире и тем самым – возможность определять условия развития человечества после «конца истории». Впрочем, для Запада время тревог началось значительно раньше, в начале-середине 1970-х годов,

когда, как тогда казалось, гармоничный рост сменился чередой экономических «шоков», которые пробудили чувства неуверенности в будущем и поставили под сомнение эффективность западной «модели» развития.

Эти «шоки», как отмечалось в экономической литературе 2010-х годов, погрузили мир в наиболее глубокую рецессию за последние 80 лет и разрушили идеологические основы неоллиберального порядка, с помощью которого Запад управлял миром, обеспечивая себе глобальное геополитическое господство. *Первым* геэкономическим и геополитическим вызовом для Запада стало двенадцатикратное увеличение цен на нефть в период между сентябрем 1973 г. и июлем 1980 г. Главной причиной изменения нефтяных цен стало стратегическое решение (вполне укладывавшееся в концепцию «нового мирового экономического порядка») Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) систематически повышать цены на энергоносители с целью лишения промышленно развитых стран во главе с США их «неоправданно исключительного» положения в мировой экономике. *Вторым* «шоком» для Запада стали следовавшие друг за другом спады промышленного производства середины 1970-х и начала 1980-х годов, непосредственно связанные с «вертикальным» ростом цен на нефть и ставшие следствием глобальной геополитической «турбулентности». Долгосрочным последствием второго «шока» стало резкое удорожание промышленного производства в промышленно развитых странах и начало перемещения промышленности с исторического «севера» в страны Глобального Юга, которые обладали уже тогда квалифицированной и относительно недорогой рабочей силой. С развитием глобализации в 1980-е годы этот тренд приобрел формы *деиндустриализа-*

ции Запада [Jha, 2010, pp. 3–5], которая к концу первой четверти XXI в. оформилась в более или менее завершенные формы. В Китае внимательно наблюдали за этим процессом в свете долгосрочных экономических и внешнеполитических интересов Поднебесной.

Системный кризис Запада вдохновлял Пекин на новые планы и инициативы. Распад Советского Союза сыграл важную роль в реализации «революционной» стратегии китайской дипломатии, постепенно обретавшей уверенность в отношениях с мировыми державами, включая Америку. Так, важной вехой геополитического самоутверждения Китая стало учреждение в 1996 г. «Шанхайского форума» (впоследствии переименованного в Шанхайскую организацию сотрудничества – ШОС) с участием России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Первоначально рассматривавшаяся как инструмент противодействия религиозному экстремизму и торговле наркотиками, а также средство ограничения влияния Америки в центральной Евразии, Шанхайская организация сотрудничества в 2003 г. сформулировала цель построения «нового международного политического и экономического порядка», в которой легко угадывалось стремление Китая и России покончить с господствующим влиянием США и пересмотреть парадигму «сверхдержавной исключительности». Одновременно ШОС превращался в важный инструмент формирования нового мирового порядка, контуры которого были обрисованы в 1964 г. Впоследствии состав участников ШОС неуклонно расширялся, а Китай утверждал себя в качестве одного из геополитических оснований *альтернативного* западному «проекту» мирового устройства. Иными словами, имела место, если пользоваться стилистикой американского экономиста-индолога Ф. Фрэнкел

[Frankel, 2005], «постепенная революция» в сфере внешней политики.

В начале нынешнего века выяснилось, что китайская экономика развивается столь стремительно, что Поднебесная не успевает защитить свои интересы в стратегических зонах мирового пространства от потенциальных военных угроз. Иначе говоря, дипломатическая деятельность требовала укрепления своих усилий военнотехническими инструментами, а также и обновления военной доктрины Китая в целом. На данном направлении внешнеполитической деятельности со стороны официального Пекина были предприняты энергичные действия. «Всепогодный союзник» Пакистан получил 200 млн долл. на создание глубоководного порта Гвадар, находящегося всего в 720 километрах от Ормузского пролива, одной из «критических точек» мировой торговли. (Две другие «точки» – это Баб-эль-Мандебский пролив, регулирующий доступ в Красное море и к Суэцкому каналу, и Малаккский пролив, обеспечивающий следование стратегических грузов из зоны Персидского залива в Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток.) Одновременно Поднебесная инициировала переговоры о модернизации глубоководного порта Читтагонг (Бангладеш) с целью защиты китайскими военно-морскими силами водных путей, ведущих к порту Ситве (Sittwe, Мьянма), начальной точке нефтепровода, направленного вглубь территории Китая. В Пекине рассудили примерно так: данные порты станут своеобразной «проекцией» военно-морской силы Поднебесной в сторону Ближнего Востока и Индийского океана, где безраздельно властвовал Пентагон. Параллельно и синхронно происходило совершенствование китайского ракетно-ядерного потенциала, частью которого было успешное тестирование противоспутниково-

вого оружия в январе 2007 г. Чувствуя неизбежное приближение «пробы сил» в отношениях с США, китайские специалисты по стратегии внешней политики сформулировали *триединый* подход к противодействию агрессивному противнику, включавший в себя: 1) собственно военную силу; 2) дипломатию и разведку; 3) внешнюю торговлю, финансы, экономическую помощь зарубежным странам [Qiao Liang, Wang Xiangsui, 1999].

Представляется, что событием, повлиявшим на радикализацию стиля внешнеполитического мышления официального Пекина, стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. (существует мнение, что данный кризис не закончился и по сей день). Неразбериха, воцарившаяся в американской финансовой системе, убедила китайские власти в правильности избранного курса на контроль над банковским сектором и поддержку предприятий, которые конкретными делами стимулируют занятость населения и обеспечивают социальную стабильность общества. Данная линия внешнеполитического поведения была четко определена премьер-министром КНР Вэнь Жибао на Всемирном экономическом форуме в Давосе (январь 2009 г.). Глава китайского правительства Вэнь Жибао, не называя поименно Америку и другие государства «коллективного Запада», критиковал «неустойчивые модели развития, опирающиеся на низкий уровень накопления и высокий уровень потребления» и на «чрезмерное расширение роли финансовых инструментов в слепой погоне за прибылью при отсутствии самодисциплины у финансовых учреждений и рейтинговых агентств» [Hiro, 2010, p. 183]. Возможно, мировой финансово-экономический кризис и беспомощность Запада во главе с США в его регулировании оконча-

тельно утвердили официальный Пекин в необходимости смены внешнеполитической парадигмы – с «адаптационной» на «ревизионистскую».

* * *

Изучение историй внешнеполитических «революций» в трех ведущих обществах современного мира показывает несколько тенденций, определяющих характер их протекания; на наш взгляд, наиболее значимыми среди этих трендов можно полагать нижеследующие.

1. В современном мире, трансформирующемся из американоцентричного в многополярный, внешнеполитическая «революция» есть результат диалектического взаимодействия факторов политической экономии (успешного социально-экономического развития) и военно-технического прогресса, позволяющего использовать инструментарий «твердой силы» для отстаивания национальных интересов на глобальном уровне. Диалектическое взаимодействие России, Китая и Индии (в БРИКС, ШОС и других форматах) позволяет трем «государствам-цивилизациям» не только отстаивать свои национальные интересы, но и выступать несущими конструкциями нового, справедливого мира.

2. Создание нового мира происходит и под влиянием «демонстрационного эффекта» деятельности этих трех стран, а также других «новых влиятельных субъектов» (*new influentials*) мировой политики, которые своими смелыми действиями освобождают от психологических оков страны, которые относительно недавно встали на путь «пробуждения угнетенных». Полицентрический мир – это пространство самостоятельных и свободных государств, действующих в своих национальных интересах и уважающих национальные интересы других.

3. «Постамериканский мир» [Zakaria, 2008] – это мир горизонтальных связей, свободного обсуждения дискуссионных межгосударственных и глобальных проблем, ибо только откровенный диалог между субъектами международных отношений поможет найти подходы к решению параметрических проблем человечества, включая изменение климата, обеспечение продовольствием, устойчивое развитие без изъятий и исключений и т. п. Подобный диалог невозможен без глобальной внешнеполитической «революции», предполагающей освобождение массового сознания от конструктов зависимости, доставшихся миру от предшествовавших исторических эпох.

4. В новом мире значительная роль будет принадлежать *новым* элитам, руководствующимся в своей деятельности принципами отзывчивости к нуждам «простого человека», заботы о среде обитания и о развитии как об универсальной ценности для поступательной эволюции ойкумены. О роли элит в формировании новой парадигмы общественного развития исчерпывающе высказался видный индийский экономист П.Ш. Джха: «Французская революция (1789–1794) в сущностном отношении была *городским* (курсив мой – А.В.) явлением, раздуваемым неожиданным приступом инфляции и ведомым недовольной интеллигенцией из рядов среднего класса. 80% французов, проживавших в униженной бедности в деревнях с численностью населения менее двух тысяч человек, остались не затронутыми перипетиями данного процесса» [Jha, 2010, p. 244]. Иначе говоря, внешнеполитическая «революция» предполагает воспитание обществом и государством новых элит – всесторонне образованных, свободно мыслящих, способных оценивать ответственность предлагаемых экономических и социальных проектов, непре-

менно сопрягать свою деятельность с интересами и чаяниями массовых слоев населения.

Список литературы

Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917: пер. с швед. – Москва : Омега, 2007. – 544 с.

Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. В 3-х томах. Том 2. – Тверь : Северная корона, 2006. – 717 с.

Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. – Москва : Наука, 1976. – 268 с.

Тойнби А.Дж. Постигание истории : пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1991. – 736 с.

Уколова В.И., Шкаренков П.П. Россия и Запад: горизонт вызовов, ответов и угроз в концепции А.Дж. Тойнби // Новый исторический вестник. – 2020. – № 3 (65). – С. 56–78.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Ленинград : Наука, 1987. – 272 с.

Daulet Singh Z. Power & Diplomacy. India's Foreign Policies During the Cold War. – New Delhi : Oxford University Press, 2019. – 398 p.

Ferdinand P. Communist Regimes in Comparative Perspective. The Evolution of the Soviet, Chinese and Yugoslav Systems. – London : Barnes & Noble Books, 1991. – 332 p.

Frankel F.R. India's Political Economy, 1947–2004. The Gradual Revolution. 2nd ed. – New Delhi, Oxford University Press, 2005. – 819 p.

Gerschenkron A. Continuity in History and Other Essays. – Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1968. – 560 p.

Hiro D. After Empire. The Birth of a Multipolar World. – New York : Nation Books, 2010. – 348 p.

Jacques M. When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. – London : Allen Lane, 2009. – 550 p.

Jha P.Sh. India & China. The Battle between Soft and Hard Power. – New Delhi : Penguin-Viking, 2010. – 398 p.

Kissinger H. World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – London : Allen Lane, 2014. – 420 p.

Madhav R. Partitioned Freedom. – New Delhi : Prabhat Prakashan, 2022. – 246 p.

McRae H. The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. – London : Harper Collins Publishers, 1995. – 302 p.

Patterns of European Industrialization. The Nineteenth Century / Ed. by R. Sylla, G. Toniolo. – London : Routledge, 1991. – 276 p.

Qiao Liang, Wang Xiangsui. Unrestricted Warfare. – Beijing : PLA Literature and Arts Publishing House, 1999. – 228 p.

Smith D. The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order. – London : Profile Books, 2007. – 266 p.

Stiglitz J. The Roaring Nineties. Why We Are Paying the Price for the Greediest Decade in History. – London : Penguin, 2004. – 389 p.

Zakaria F. The Post-American World. – New York, London : W.W. Norton&Company, 2008. – 292 p.

Political Theory

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

"Revolution and Diplomacy" as a Scientific Challenge

Andrey G. VOLODIN

Dr. Sc (History), Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2024). "Revolution and Diplomacy" as a Scientific Challenge. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 6–26 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.01

Received: 28.09.2024.

Revised: 27.10.2024.

ABSTRACT. Drawing on the case studies of Russia, India, and China, this article seeks to examine the interplay between revolution and foreign policy. The author posits that revolution, as both a phenomenon and a process, aims to modernize national economies while augmenting a nation's influence within the international system. For Russia, the February and October Revolutions marked its transition from the 'periphery' of the global system to a significant force in international affairs. Similarly, India and China pursued world power status along their own distinct trajectories. Nevertheless, the shared objective for these major nations – the "Elephant" and the "Dragon" – was to enhance their geopolitical standing in global politics, thereby ensuring the effective protection of their national interests. The article also underscores the importance of the 'demonstration effect' of the foreign policy revolution in Russia, India, and China, which inspired the political 'awakening of the oppressed,' representing the majority of humankind. This awakening is charac-

terized by a growing assertion of political agency and the active defense of the ideas and principles underpinning a new, polycentric world order.

KEYWORDS: Revolution, diplomacy, foreign policy, revolutionary cycle,, Russia, India, China, polycentric world order, 'century of humiliation', 'pressure-compromise-pressure' strategy.

References

Bjorkegren H. (2007). *Scandinavian Transit. Russian Revolutionaries in Scandinavia. 1906–1917*. Moscow: Omega, 544 pp. (transl. from Swedish into Russian).

Daulet Singh Z. (2019). *Power & Diplomacy. India's Foreign Policies During the Cold War*. New Delhi: Oxford University Press, 398 pp.

Ferdinand P. (1991). *Communist Regimes in Comparative Perspective. The Evolution of the Soviet, Chinese and Yugoslav*

Systems. London: Barnes & Noble Books, 332 pp.

Frankel F.R. (2005). *India's Political Economy, 1947–2004. The Gradual Revolution*. 2nd ed. New Delhi, Oxford University Press, 819 pp.

Gerschenkron A. (1968). *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 560 pp.

Hiro D. (2010). *After Empire. The Birth of a Multipolar World*. New York: Nation Books, 348 pp.

Jacques M. (2009). *When China Rules the World. The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. London: Allen Lane, 550 pp.

Jha P.Sh. (2010). *India & China. The Battle between Soft and Hard Power*. New Delhi: Penguin-Viking, 398 pp.

Kapchenko N.I. (2006). *Stalin's Political Biography*. In three volumes. Vol. 2. Tver: Severnaya Korona, 717 pp. (in Russian).

Kissinger H. (2014). *World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 420 pp.

Madhav R. (2022). *Partitioned Freedom*. New Delhi: Prabhat Prakashan, 246 pp.

McRae H. (1995). *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*. London: Harper Collins Publishers, 302 pp.

Patterns... (1991). Sylla R., Toniolo G. (eds.). *Patterns of European Industrialization. The Nineteenth Century*. London: Routledge, 276 pp.

Qiao Liang, Wang Xiangsui (1999). *Unrestricted Warfare*. Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 228 pp.

Shepelev L.E. (1987). *Tsarism and the Bourgeoisie in 1904–1914. Problems of Trade and Industrial Policy*. Leningrad: Nauka, 272 pp. (in Russian).

Smith D. (2007). *The Dragon and the Elephant. China, India and the New World Order*. London: Profile Books, 266 pp.

Stiglitz J. (2004). *The Roaring Nineties. Why We Are Paying the Price for the Greediest Decade in History*. London: Penguin, 389 pp.

Sudeikin A.G. (1976). *The Colonial Policy of the British Labour Party Between the Two World Wars*. Moscow: Nauka, 268 pp. (in Russian).

Toynbee A.J. (1991). *Comprehension of History*. Moscow: Progress, 736 pp. (transl. into Russian).

Ukolova V.I., Shkarenkov P.P. (2020). Russia and the West: the horizon of challenges, answers and threats in the concept of A.J. Toynbee. *New Historical Bulletin*. No. 3 (65), pp. 56–78 (in Russian).

Zakaria F. (2008). *The Post-American World*. New York, London: W.W. Norton&Company, 292 pp.

УДК 32:008

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Особенности прочтения «старых вопросов» в контексте современных цифровых трансформаций

Сергей Владимирович ВОЛОДЕНКОВ

доктор политических наук, профессор кафедры государственной
политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

ЦИТИРОВАНИЕ: Володенков С.В. Особенности прочтения «старых вопросов» в контексте современных цифровых трансформаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 27–43.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Статья поступила в редакцию 04.10.2024.

Исправленный текст представлен 11.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей работы стало определение принципиально новых в содержательном смысле ответов на традиционные вопросы, стоящие перед учеными на протяжении многих веков, в условиях современных цифровых трансформаций. Исследовательским вопросом стало изучение принципиальных возможностей нового прочтения «старых» вопросов в изменившемся мире. В работе рассматриваются закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби, концепции Паноптикума И. Бенгама и М. Фуко, «пещеры Платона» с позиций их актуальности и применимости к современным условиям функционирования государства и общества на новом технологическом этапе

цифрового развития. В работе показывается, что цифровые технологические трансформации не формируют принципиально новых содержательных объяснений происходящим в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества процессам, а актуальность существующих классических теорий, концепций, законов функционирования государственных систем управления, а также фундаментальных принципов взаимодействий между государством и обществом остается по-прежнему высокой. Традиционные представления о массовом сознании, его роли в формировании моделей поведения, информационно-коммуникационной основе формирования картин мира и массовых

представлений о реальности также не претерпевают каких-либо принципиальных изменений в условиях цифровизации и хорошо согласуются с имеющимися традиционными концепциями и подходами. По итогам исследования делается вывод о том, что содержательные аспекты цифровых решений на «старые» вопросы во многом сходны с уже имеющимися традиционными ответами и решениями, которые и сегодня сохраняют высокий объяснительный потенциал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровые технологические трансформации, система управления, закон необходимого разнообразия, цифровой Паноптикум, «пещеры Платона», массовое сознание.*

Введение

В современном академическом дискурсе уже долгие годы преобладает позиция, в соответствии с которой актуальные цифровые технологические трансформации не только оказывают существенное влияние на функционирование ключевых сфер жизнедеятельности государства и общества, но и порождают новые подходы к пониманию сути информационно-коммуникационной деятельности в процессах влияния на массовое сознание и информационно-коммуникационного взаимодействия институтов власти, политических акторов, представителей гражданского общества друг с другом, а также процессов общественно-политического управления в целом.

Однако, на наш взгляд, подобное позиционирование современных цифровых технологий является весьма преждевременным и во многом неоправданным. Мы считаем, что цифровые технологические трансформации, безусловно, существенным образом расширили инструментальный потен-

циал процессов общественно-политического управления, информационно-коммуникационного влияния и взаимодействия в общественно-политической сфере, однако сущностное содержание данных процессов осталось прежним.

Более того, в настоящее время активно осуществляется лишь присвоение современных цифровых технологий правящим классом для достижения своих традиционных целей и реализации своих традиционных интересов в рамках классической в содержательном смысле деятельности в сфере общественно-политического управления [Государственная политика..., 2024].

В связи с этим нам представляется необходимым поднять вопрос о реальном значении технологической эволюции человечества и рассмотреть в рамках инициируемой нами дискуссии реальный потенциал цифровых технологий в аспекте их влияния на актуальные преобразования в указанных нами сферах общественно-политической жизни современных государств и обществ. Именно решению данной задачи посвящена настоящая работа, а исследовательским вопросом, в свою очередь, для нас стало изучение принципиальных возможностей нового прочтения «старых» вопросов в изменившемся мире.

«Старые» вопросы и цифровые технологические трансформации

В рамках данного раздела мы предпримем попытку рассмотрения существующих на протяжении длительного времени «старых» вопросов в контексте тех технологических изменений в цифровой сфере, которыми характеризуется актуальное развитие человеческой цивилизации. К таким

вопросам в настоящей работе мы относим следующие:

1. Каким образом человек формирует свои представления об окружающей его реальности, свои картины мира?

2. Какую роль играет информация в жизнедеятельности людей?

3. На каких принципах основывается управление в дихотомии «государство – общество»?

В первую очередь нас будут интересовать классические законы, модели, подходы и концепции, изучение которых на предмет их содержательных трансформаций необходимо для достижения поставленной в работе цели.

Закон необходимого разнообразия Эшби

Нам представляется возможным начать настоящий раздел с рассмотрения известного кибернетического закона У.Р. Эшби о необходимом разнообразии систем [Ashby, 1956], в соответствии с которым для успешного осуществления управления (в том числе и общественно-политического) сложность и разнообразие управляющей системы должны быть не ниже (а желательно выше) сложности и разнообразия управляемых систем, выступающих объектом управления. На протяжении многих веков, еще до того, как сам закон был сформулирован, раскрытый в нем принцип активно использовался в большинстве управляющих систем – от религиозных до государственных. Каждая из управляющих систем пыталась выстроить баланс разнообразий и сложностей в свою пользу. Для реализации такой задачи всегда существовали лишь две принципиальные возможности: либо увеличение собственных сложности и разнообразия, либо ограничение разнообразия и сложности объектов управления. Причем вторая

возможность, как показывает анализ практики, оказывается предпочтительней в силу ее более низкой затратности во временном, материальном, организационном и иных аспектах. В качестве одного из исторических примеров мы можем привести Никейский Собор 325 г., в рамках которого была предпринята вполне эффективная попытка снижения разнообразия и сложности сформировавшегося на тот момент христианского учения, которое представляло из себя совокупность весьма разнообразных течений и ответвлений, трактовок, подкрепленных достаточно широким спектром отличавшихся друг от друга религиозных практик, текстовых источников, символов и т. д. Очевидно, что в подобной ситуации Церковь как управляющая система, стремящаяся к доминированию и претендующая на осуществление управления христианами в широких масштабах, испытывала потребность в перебалансировке сложности и разнообразия от управляемой системы в свою пользу. В результате, как мы знаем, был принят единый (универсальный) Символ веры (универсализм мы рассматриваем в качестве крайней степени снижения разнообразия, доведенного до единственно возможного варианта), определены 4 классических евангельских текста, сформулированы единые церковные каноны, а также определен единый день празднования Пасхи. Все же остальные учения (например, гностическое христианство, арианство), выходившие за установленные рамки, были объявлены ересью, а религиозные тексты – апокрифическими. Таким образом, разнообразие христианства было существенным образом снижено, а возможности Церкви как управляющей системы значительно повысились. В дальнейшем любые попытки внесения разнообразия в управляемую систему, как правило,

сопровождались достаточно жестоким их подавлением (Варфоломеевская ночь как пример подавления католиками протестантов-кальвинистов (гугенотов), сжигание на кострах инакомыслящих, появление Святой инквизиции как института борьбы с ересью (то есть с попытками увеличения религиозного разнообразия и т. д.)). По мере становления государств и их выхода из-под контроля Церкви в качестве самостоятельных систем управления деятельность по балансировке разнообразия и сложности между государствами и контролируемыми ими обществами продолжилась, но главным актором стало уже государство. Нам представляется непринципиальным, является ли государство демократическим, тоталитарным, авторитарным или каким-либо иным. Важно то, что любое государство как управляющая система всегда стремится к подавлению разнообразия управляемой системы (общества). Это является, по нашему мнению, имманентной характеристикой любой государственной системы управления, стремящейся к снижению разнообразия и сложности объекта управления, как минимум, и установлению единообразия в управляемой системе, как максимум. Например, в своей работе «Империя» Хардт и Негри пишут о глобальном коммуникационном пространстве как о разновидности «капиталистического производства, где капитал добивается полного подчинения общества своему режиму, в глобальном масштабе, уничтожая все альтернативные пути развития» [Хардт, Негри, 2004, с. 322].

Изменилась ли данная ситуация в условиях современных цифровых технологических трансформаций, которые были встречены многими учеными и экспертами весьма оптимистично? Появились ли действительно дееспособные и эффективные новые модели демо-

кратии (демократия прямого действия, мониторинговая демократия и др.), прогнозы о появлении которых содержались в значительном количестве научных работ, в реальной практике? Нам представляется, что ситуация осталась прежней, и базовые принципы управления, базирующиеся на законе Эшби, остались неизменными. После стремительной эволюции интернет-пространства, превратившегося в общественно-политическую коммуникационную арену, возможности обмена информацией и информационно-коммуникационного взаимодействия, влияния на власть и государственные институты для граждан (как представителей управляемой общественной системы), несомненно, увеличились, что привело и к увеличению разнообразия и сложности управляемой общественной системы. В связи с этим на протяжении нулевых годов XXI в. сформировались и соответствующие надежды на трансформацию традиционной системы дихотомических отношений «государство – общество» и принципов взаимодействия государства и общества в ее рамках, а также появились ожидания преобразований традиционных политических систем и режимов. Однако уже в 2010-е годы практически во всем мире сформировался устойчивый тренд на снижение степени сложности и разнообразия общества, активно использовавшего «цифровые блага» в общественно-политической сфере. Государства «почувствовали» перебалансировку разнообразия и сложности не в свою пользу (что вполне объяснимо: в то время, как люди всё более активно коммуницировали в цифровом пространстве, используя новейшие цифровые технологии, многие государства еще не были готовы к повышению своих собственных сложностей и разнообразий на основе использования цифрового пространства, что было справед-

ливо и для России того периода, когда интернет-пространство было «свободным» и в нем доминировала либеральная и оппозиционная повестка, а само интернет-пространство практически не контролировалось государством). В результате мы стали свидетелями процессов стремительного формирования систем цифрового контроля и регулирования Интернет-пространства со стороны государств (появление профильных надзорных служб), блокировки ресурсов с альтернативными идеологиями, ограничения возможностей общественно-политической коммуникации (в первую очередь определяемых на законодательном уровне). Получили ли мы свободный Интернет или, как оптимистично писали о нем эксперты, пространство глобального демократического транзита? Нам представляется, что ответ на данный вопрос является очевидным образом отрицательным. Более того, Интернет постепенно превращается не только в контролируемое государствами, но и манипулятивное пространство, где между прогосударственными агентами (как внешними, так и внутренними) развернулась масштабная «битва за умы» граждан. При этом внешние агенты нацелены на внесение при помощи современных цифровых информационно-коммуникационных технологий разнообразия и сложности в общественные системы «государств-мишеней», являющихся геополитическими противниками (альтернативные идеологии, ценности, смыслы, символы, модели массового общественно-политического поведения), рассчитывая на социально-политическую дестабилизацию в «государствах-мишенях», аналогичную «цветным переворотам», и потерю управляемости со стороны государственных институтов власти в силу роста разнообразия и сложности общества (в данном случае идеологического, ценностно-смыслового). В это же

время государства внутри собственных национальных сегментов цифрового пространства стремятся снизить, ограничить сложность и разнообразие общества как управляемой системы, используя цифровые инструменты коммуникации для поддержания единообразия (сохранения традиционных ценностно-смысловых и идеологических пространств), а также формируя системы цифрового контроля за национальными сегментами Интернета для подавления нежелательных «всплесков» разнообразия и обеспечения доминирования единой прогосударственной повестки и идеологии. В качестве примера можно привести деплатформизацию экс-президента США Дональда Трампа после победы кандидата от Демократической партии Джо Байдена. Стремясь обеспечить доминирование «демократических идей» победителей, лояльные им глобальные цифровые платформы блокировали аккаунты Трампа, лишив его возможности выражать свою позицию и точку зрения на происходящие в США общественно-политические процессы, то есть запретили ему вносить разнообразие в американскую информационную повестку, транслировать альтернативные политические идеи.

Справедливости ради необходимо отметить, что государства как системы управления не используют исключительно сценарий ограничения разнообразия управляемых систем – обществ. В реальной практике мы можем наблюдать и реализацию сценариев увеличения собственного разнообразия. Применительно к цифровой среде данные сценарии реализуются путем освоения и присвоения государствами цифровых технологий, для чего во многих случаях используются потенциалы глобальных технологических компаний, которые начинают функционировать с учетом интересов своих государств. По сути, мы можем гово-

речь о появлении своего рода гибридных политико-технологических режимов, в которых роль технологических компаний неуклонно растет, а сами технологические компании становятся новыми субъектами современной политики. Безусловно, за счет такой гибридизации разнообразие управляющей системы существенно возрастает.

Таким образом, по сути, происходит присвоение цифрового потенциала (а следовательно, и увеличение собственного разнообразия) самими государствами, а разворачивающиеся в цифровом пространстве различного рода информационные войны происходят между государствами как системами управления. Обыватель становится лишь объектом, на который направлено цифровое информационно-коммуникационное воздействие, объектом, на который направлены процессы контроля, регулирования и надзора в цифровой среде, необходимые для ограничения разнообразия управляемой общественной системы. А само интернет-пространство из глобального трансформировалось в совокупность национальных сегментов, каждый из которых стремится контролировать то или иное государство.

Можем ли мы в подобных обстоятельствах говорить о каких-либо существенных изменениях принципов управления применительно к дихотомии «государство – общество»? Какие принципиально новые по своей сути содержательные изменения привнесли в актуальную практику управления цифровые технологии? Скорее, наоборот: на настоящий момент цифровые технологии лишь укрепили потенциал государственных систем управления, предоставив дополнительные возможности влияния, наблюдения, контроля за гражданами, а также совершения деструктивных действий по отношению к другим государствам, являющим-

ся геополитическими оппонентами или врагами. Развитие же технологий искусственного интеллекта позволяет осуществлять автоматизированное влияние, наблюдение и контроль за собственным населением, а также деструктивные действия в отношении других стран (например, при помощи технологий вычислительной пропаганды с использованием цифровых актантов, функционирующих на основе ИИ), тем самым расширяя возможности по ограничению разнообразия управляемых систем-обществ внутри своих стран и, наоборот, внешней инъекции разнообразия в управляемые системы-общества «стран-мишеней».

Цифровой Паноптикум

Говоря об осуществлении государствами контроля за собственными гражданами с использованием современных цифровых технологий и искусственного интеллекта, необходимо рассмотреть в рамках нашей исследовательской логики и концепт Паноптикума, предложенный в XVIII в. английским философом Иеремией Бентамом. Как известно, Паноптикум, по Бентаму, представляет из себя тюрьму, позволяющую единственному надзирателю наблюдать за всеми заключенными, или же, другими словами, в более общем смысле, – систему наблюдения за большим числом людей. Концепция Паноптикума также была развита и в работе Мишеля Фуко [Фуко, 2022], в которой он показал, что Паноптикум формирует прозрачную социальную реальность, при этом надзирающая за людьми власть становится невидимой, власть не карает, она контролирует, наблюдает, надзирает, но эти процессы являются для общества невидимыми.

В наше время ряд исследователей пишет уже о цифровом Паноптикуме, ос-

нованном на применении современных цифровых технологий. Существуют ли принципиальные содержательные различия между концепциями Бентама и Фуко с одной стороны, и концепцией цифрового Паноптикума – с другой? Нам представляется, что речь может идти только о технологических различиях, но природа и функции Паноптикума остаются прежними – слежение в невидимом режиме со стороны единственного надзирателя – государственной системы управления, обладающей необходимыми технологиями контроля и надзора за управляемой системой. Различия заключаются, по нашему мнению, лишь в технологических уровнях реализации проектов. На сегодняшний день технологии *Big Data* позволяют формировать массивы «цифровых следов» граждан, оставляемых ими в интернет-пространстве при осуществлении любой цифровой активности. Технологии обработки и анализа больших данных, а также технологии предиктивной аналитики позволяют не только осуществлять наблюдение за каждым представителем общества, но и успешно оценивать его состояние, готовность к протестной деятельности, создавать достаточно точные прогнозы общественно-политической динамики, что расширяет разнообразие государств как управляющих систем и позволяет им эффективно реализовывать управленческую деятельность в своих интересах.

Неслучайно одной из знаковых работ последнего времени стал труд профессора Гарвардского университета Шосанны Зубофф, в котором она продемонстрировала скрытые от обывателя цифровые технологии слежения [Зубофф, 2022]. В свою очередь, появление и развитие технологий искусственного интеллекта позволяет перевести такую работу по сбору, обработке, анализу информации из «циф-

ровых следов» и созданию точных прогнозов в интересах управляющей системы уже на новый качественный уровень [Володенков, 2024], где не нужен сам надзиратель – искусственный интеллект в автоматическом режиме способен функционально заместить классического надзирателя Бентама, определить неблагонадежных граждан, а также осуществлять в соответствии с заложенным алгоритмом применение цифровых санкций в их отношении (блокировку аккаунтов в пространстве социальных медиа, блокировку цифровых счетов и транзакций, ограничение доступа к цифровым ресурсам и т. д.).

Более того, тюрьма как таковая уже не нужна. Достаточно осуществить цифровую депривацию индивида или группы лиц (блокировку банковских карт, счетов, номера телефона, электронной почты, аккаунта в системе дистанционного электронного голосования, доступа к публичным цифровым ресурсам, доступа к входу в учреждения, в которых используются автоматические пропускные системы, основанные на распознавании биометрии, доступа в транспорт и др.), и индивид оказывается уже в своего рода цифровой тюрьме, будучи лишенным в эпоху глобальной цифровизации доступа к жизненно важным цифровым ресурсам и отрезанным от реального мира при помощи «мягкого» использования цифровых технологий. И всё это возможно осуществлять в автоматическом режиме при помощи алгоритмов искусственного интеллекта.

По сути, мы можем говорить уже не о цифровом Паноптикуме, но о его новой, технологически более совершенной версии – *алгоритмическом Паноптикуме*, где лишение свободы осуществляется по иным правилам, но это по-прежнему лишение свободы. Наблюдение, надзор, слежение и контроль осуществляются на иной

технологической основе, но по-прежнему это всё те же наблюдение, надзор, слежение и контроль, как и в классической версии концепции. В таком случае в системе взаимодействий «государство – общество» государство становится высокотехнологичным невидимым диктатором-тюремщиком, а общество – подчиненным объектом слежения и контроля, заключенным в невидимые рамки дозволенного.

Таким образом, мы можем констатировать, что современные процессы цифровизации не влияют на суть и содержательные характеристики классической концепции Бентама, изменяют лишь технологический уровень ее реализации.

Цифровые «пещеры Платона»

Говоря о Паноптикуме, контроле над индивидами и группами людей, необходимо указать на тот факт, что, помимо контроля над поведением индивидов и групп людей, управляющие системы также стремятся осуществлять контроль над информационным пространством, теми источниками информации, из которых объект управления получает объяснительный контент относительно окружающей его реальности. Связано это прежде всего с тем обстоятельством, что, по мнению многих ученых, наши представления о мире непосредственным образом программируют наши поведенческие модели [Thomas, 1974]. Соответственно, для успешного контроля над поведением управляющей системе необходимо обеспечить и соответствующий контроль над информационно-коммуникационной системой.

Подобная деятельность осуществляется на протяжении многих веков, с момента появления первых систем общественно-политического управления. Каждое государство всегда стремилось

стать монопольным поставщиком информации и обеспечить себе доминирование в публичном пространстве, контролируя процессы генерации и трансляции объяснительных моделей реальности в массовое сознание, создавая однообразие идеологий, ценностей, смыслов, исторической правды в рамках подконтрольных ему территорий. Утрата контроля над каналами коммуникации, как демонстрирует история, всегда сопровождалась социально-политическими потрясениями, приводила к утрате власти со стороны правящего класса за счет появления нового идейного и ценностно-смыслового разнообразия управляемой системы.

Такая важная роль информационно-коммуникационных ресурсов определяется ключевым значением информации и коммуникации для построения объяснительных моделей реальности и формирования массовых представлений о ней путем трансляции при помощи коммуникационных технологий в массовое сознание.

Еще Платон указывал на то обстоятельство, что человек ограничен в получении непосредственной информации о мире и не познает реальность напрямую, но лишь через образы – тени на стене пещеры. «Платоновская пещера», или аллегория пещеры, – это метафора, предложенная Платоном в его труде «Государство». Она иллюстрирует идею иллюзорного восприятия реальности и трудности перехода к истинному знанию. Аллегория описывает группу людей, которые с детства прикованы к стене в пещере и могут видеть только тени от предметов, отбрасываемые на стену огнем, находящимся позади них: «С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков» [Платон, 2015, с. 239]. Для этих

людей тени являются единственной доступной им реальностью, они не знают о существовании внешнего мира. Когда один из узников выходит из пещеры, он открывает настоящий мир. Однако, когда он возвращается в пещеру и пытается рассказать о реальном мире, его рассказ вызывает лишь недоверие, так как люди не способны понять или принять то, что выходит за пределы их привычного восприятия.

Таким образом, «платоновская пещера» символизирует ограниченное восприятие реальности. Данная аллегория подчеркивает, что людям, привыкшим к иллюзорным представлениям, трудно принять истину и отказаться от своего субъективного восприятия реальности, которое выступает для них истинным.

Данная позиция была в дальнейшем поддержана и развита многими учеными и специалистами. Так, У. Липпман в своей работе указывал на то, что реальный мир «находится за пределами досягаемости, видимости и за пределами сознания» [Липпман, 2004, с. 49]. И остается лишь одна возможность составить свое представление о мире – при помощи информации. Как в связи с этим пишет Ф. Уэбстер, «мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация, напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией» [Уэбстер, 2004, с. 331].

Таким образом, возможности непосредственного познания мира обывателем, по мнению многих ученых, весьма ограничены. И базовые представления об окружающей реальности человек конструирует при помощи информационно-коммуникационных потоков, создавая при их помощи свою субъективную реальность, которая ощущается им как истинная. обстоятельства постижения социально-политической реальности посредством медиаресурсов и каналов массовой коммуникации

являются определяющими при восприятии массовым сознанием социально-политических явлений, событий и процессов, оставляя обстоятельства их существования в пространстве кантовских ноуменов.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах система управления заинтересована в контроле над информационно-коммуникационным пространством, наполняет его выгодными объяснительными моделями реальности, служащими в дальнейшем основой для выработки соответствующих выгодных моделей поведения объекта управления. В случае же проявления нежелательных «отклонений» от требуемых массовых представлений управляющая система немедленно включит «тотальную мобилизацию всех средств массовой информации для защиты существующей действительности» [Маркузе, 2002, с. 88].

Но изменилось ли что-то в этой связи с появлением новых цифровых информационно-коммуникационных технологий? Отвечая на этот вопрос, известный российский философ В.В. Миронов писал следующее: «Современный человек также прикован, пусть и не железными цепями, к новостным лентам, сконструированным образам и часто не способен, да и не особо желает понять, что реальность от этих конструкций может отличаться. Современная «пещера» – это пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной прикованности выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых всё в большей степени зависит, значительно ограничивая, между прочим, свою внутреннюю свободу. По сути, сознание человека становится предметом компьютерной симуляции» [Миронов, 2019, с. 14], «...человек видит уже не просто тени как отражения

реальных объектов, а созданные современными технологиями образы, которые трудно отличить от реальности» [Миронов, 2019, с. 13].

То есть человек по-прежнему остается в мире теней, только теперь теней цифровых. А стену пещеры заменяет экран смартфона, планшета, компьютера. Таким образом, современные люди, живущие в технологически развитых государствах, в своем большинстве – это «люди, погруженные в мир теней, причем прикованные к нему даже не кем-то сознательно, а только собственной привязанностью к виртуальному миру в смартфоне» [Миронов, 2019, с. 13].

Вновь мы можем говорить о технологических, но не принципиальных содержательных различиях между «пещерой Платона» и современными «цифровыми пещерами», к контролю над которыми стремятся управляющие системы – государства.

Меняются лишь технологии доставки объяснительного контента, которые стали экстерриториальными (то есть национальные «цифровые пещеры» подвержены внешнему информационно-коммуникационному влиянию управляющих систем-оппонентов), мультимедийными (что позволяет на основе использования разнообразных типов контента более эффективно выстраивать яркие объяснительные модели реальности для масс, используя для построения «цифровых теней» разнообразные типы контента), таргетированными (объяснительные модели выстраиваются и транслируются с учетом индивидуальных и групповых особенностей и предпочтений индивидов и групп людей, что обеспечивает более высокий уровень «усвоения» контента), оперативными (что позволяет своевременно доставлять контент потребителю информации). Но принцип сохраняется тот же самый – человек познает реальность на основе имеющейся

у него информации, а субъективные представления оказываются более истинными для человека, чем объективные факты. Как в связи с этим писал Фридрих Ницше, «фактов не существует» [Ницше, 2005, с. 281].

На протяжении многих веков для массового сознания не существовало выхода из пещер и миров теней, конструировавшихся при помощи различных видов медиа. Цифровые технологии также не дали такого рода выхода. Как справедливо заметил Никлас Луман, «мы сопротивляемся воздействию медиа, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из масс-медиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [Луман, 2005, с. 8]. В свою очередь Майкл Паренти также обращает наше внимание на то обстоятельство, что «СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [Паренти, 1990]. И цифровые СМИ не являются исключением из правила.

Строго говоря, подобная изолированность масс от реального мира приводит к тому, что роль их субъективных представлений становится определяющей и в реальном мире. Как мы уже отмечали, субъективные представления программируют вполне реальное поведение, включая общественно-политическое, социальное, экономическое, что безусловно имеет самые прямые последствия для изменений в реальном мире.

Так, например, по нашему глубокому убеждению, в большинстве слу-

чаев граждане голосуют не за кандидата, но лишь за свое представление о нем. Протестующие выходят на улицы не против конкретных политиков, но против своих представлений о них. В экономической сфере потребители выбирают не столько сами товары, сколько основываются на своих представлениях о них, сформированных при помощи рекламы. Иными словами, мы можем выдвинуть тезис о том, *что мы голосуем за «тени», потребляем «тени», ненавидим «тени»* и т. д. В данном случае мы понимаем под «тенями» любые события, явления, процессы, организации, личности, прямого опыта взаимодействия с которыми у носителя субъективных представлений не было.

Что касается применения данного тезиса к политической сфере, то уже до нас подобные идеи выдвигал Маршалл Маклюэн, отмечавший, что «в конце концов, живых политиков окончательно вытеснят их образы в СМИ. И первым останется только благодарить вторых за свое изгнание из эфира, поскольку зажившие своей жизнью образы в масс-медиа смогут сделать столько, сколько политику-человеку и не снилось» [Маклюэн, 2007, с. 315]. И данный тезис нашел свое воплощение с приходом в политику цифровых технологий.

Уже сегодня в реальной практике политических коммуникаций мы наблюдаем активное применение цифровых двойников политиков, выполняющих традиционную роль самого политика в его взаимодействиях с целевыми электоральными аудиториями. Так, например, в 2022 г. в ходе выборов президента Южной Кореи кандидат от консервативной партии «Сила народа» Юн Сок Ёль использовал своего цифрового двойника для взаимодействия со своей электоральной аудиторией в цифровом пространстве. Только

за первые дни запуска проекта с цифровым двойником пообщались более 7 млн избирателей. Нам представляется, что в итоговую победу Юн Сок Ёля его цифровой двойник смог внести определенный и вполне весомый вклад. Существуют и иные кейсы применения цифровых технологий, позволяющих заместить реального политика его цифровым образом. Так, кандидат в президенты Франции Жан-Люк Меланшон, президент Турции Реджеп Эрдоган, премьер-министр Индии Нарендра Моди и многие другие активно используют в своей публичной деятельности своих цифровых двойников на уровне политических голограмм.

Но меняет ли принципиально использование цифровых технологий сам принцип голосования за свои представления, а не за реального политика? Если раньше представления формировались при помощи традиционных средств массовой коммуникации, то сегодня мы вновь имеем дело лишь с изменением технологий формирования представлений – переходом на цифровой уровень. Однако сам принцип остается неизменным – *субъективные представления, сформированные информационно-коммуникационным способом, являются, как и прежде, более истинными для их носителей, чем объективная действительность.*

В связи с этим еще Зигмунд Фрейд указывал, рассуждая о массах, что «ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным» [Фрейд, 2016, с. 18]. Как мы показали в другой своей работе, «массовому человеку доступна лишь кем-то сконструированная медиакартина мира, и эта картина является основой управления обществом, не готовым к саморефлексии и критическому восприятию предлагаемых ему медийных версий реальности» [Володенков, 2020, с. 54].

Таким образом, «цифровые пещеры» не имеют принципиальных различий с «пещерами Платона». Задачей управляющих систем по-прежнему является поддержание существующих в их интересах цензурированных «пещер», защита таких «пещер» от внешнего вторжения и внутреннего разрушения, а управляемые системы традиционно оторваны от реальности и довольствуются красочными тенями на стенах, не претендуя на постижение истины. И даже если им будет представлена объективная информация о реальном мире – она будет отвергнута как недостоверная. Ведь как заметил еще Гюстав Лебон, «толпа никогда не стремится к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее» [Лебон, 2024]. Более того, по мнению Лебона, «главным фактором эволюции народов никогда не была истина, но всегда заблуждение» [Лебон, 2024]. Зигмунд Фрейд имел схожие представления по поводу стремления масс познать истину: «Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться» [Фрейд, 2016, с. 18].

Более того, появились новые способы формирования подобных «цифровых пещер», недоступные ранее, в доцифровую эпоху. Речь идет в первую очередь об эхо-камерах, пузырях фильтров и информационных капсулах, которые по своей сути представляют такие же «цифровые пещеры» в интернет-пространстве.

Так, эхо-камеры представляют из себя информационную среду, в которой люди получают подтверждение своих существующих убеждений и мнений через повторение и усиление этих убеждений другими участниками той же среды. Эхо-камеры формиру-

ются через алгоритмы социальных сетей и других медиа-платформ, которые показывают пользователям контент, соответствующий их предпочтениям и взглядам [Sunstein, 2004]. В эхо-камерах пользователи получают информацию, подтверждающую их существующие убеждения, что закрепляет существующие мнения и ведет к желаемому системами управления снижению разнообразия мнений.

В свою очередь, «пузыри фильтров» описывают ситуации, когда интернет-пользователи получают ограниченный доступ к информации благодаря алгоритмам персонализации, которые отбирают контент на основе пользовательских предпочтений и поведения в сети [Pariser, 2011]. Эти алгоритмы, используемые социальными сетями, поисковыми системами и другими онлайн-платформами, создают так называемый «пузырь» – замкнутую информационную среду, где пользователю демонстрируется только та информация, которая соответствует его интересам и взглядам. Пользователи видят только тот контент, который согласуется с их текущими интересами, предпочтениями и убеждениями. В силу влияния «пузырей» фильтров люди меньше сталкиваются с альтернативными точками зрения и мнениями, которые скрываются, фильтруются для недопущения увеличения разнообразия существующих картин мира. По сути, речь идет о классической цензуре, но уже на новом технологическом уровне.

Наконец, в рамках введенной нами в научный оборот концепции информационных капсул под ними подразумеваются отдельные и автономные фрагменты информационного пространства, которые содержат определенный набор данных, знаний или сообщений [Володенков, Артамонова, 2020]. Эти капсулы могут

иметь как позитивный, так и негативный характер, могут варьироваться по размеру и значимости. Информационные капсулы формируются через процессы селекции и агрегирования информации, что позволяет им быть компактными и легко усваиваемыми. Информационные капсулы не статичны; они могут эволюционировать, трансформироваться и взаимодействовать с другими капсулами. Это взаимодействие может приводить к изменению содержания, усилению или ослаблению их воздействия на общество.

Информационные капсулы ориентированы на создание и распространение конкретных сообщений или наборов информации, которые должны воздействовать на определенную аудиторию, в то время как эхо-камеры формируются естественным образом через алгоритмическую фильтрацию контента и основаны на существующих предпочтениях пользователей, а их основная цель – подтверждение существующих пользовательских убеждений, что приводит к их усилению и закреплению в сознании. Хотя и информационные капсулы, и эхо-камеры являются инструментами распространения информации и ее воздействия на массовое сознание, они отличаются по своей природе, механизмам формирования и целям. Информационные капсулы являются целенаправленными инструментами коммуникации, тогда как эхо-камеры представляют собой среды, где существующие убеждения пользователей усиливаются и подтверждаются.

И вновь, как мы можем заметить, цифровые технологии позволили создать новые инструменты и механики для работы с массовым сознанием, однако принципиальных содержательных различий с «пещерами Платона» мы усмотреть не можем.

Выводы

Подводя итоги данной работы, мы можем сделать основной вывод, заключающийся в том, что современные цифровые трансформации по многим «старым» вопросам не дали каких-либо принципиально новых в содержательном аспекте ответов. Сегодня мы можем говорить о подтверждении актуальности концепции гегелевской спирали развития уже на новом, цифровом технологическом витке.

На наш взгляд, оптимистичные и даже в чем-то наивные прогнозы и сценарии, связанные с глобальной цифровизацией человеческой цивилизации, оказались во многом несостоятельными. На сегодняшний день, по нашему мнению, происходит присвоение цифровых технологий традиционными системами управления в собственных интересах, но сами системы отношений, включая общественно-политические, остаются во многом неизменными, как и сам человек.

Безусловно, цифровые технологии позволяют сегодня создавать новые управленческие дизайны и на иных уровнях решать традиционные «старые» вопросы в ключевых сферах жизнедеятельности государства и общества. Но если мы отвлечемся от технологического уровня и посмотрим на содержательные аспекты цифровых решений, то они во многом сходны с уже имеющимися традиционными ответами и решениями, которые и сегодня сохраняют свою актуальность.

В данной работе мы предприняли попытку показать, что один из базовых кибернетических законов (закон необходимого разнообразия Эшби) по-прежнему может служить для эффективного объяснения деятельности современных систем управления, функционирующих уже на основе применения современных цифровых тех-

нологий. Традиционные точки зрения на массовое сознание, его роль в формировании моделей поведения, на информационно-коммуникационную основу формирования картин мира и массовых представлений о реальности также не претерпевают каких-либо принципиальных изменений в условиях цифровизации.

Безусловно, цифровые технологические трансформации на современном этапе развития человечества создают определенный потенциал для изменений в традиционных сферах жизнедеятельности государства и общества, однако фундаментальные характеристики государств, обществ, людей, а также ключевые цели и принципы организации процессов взаимодействия между ними остаются, по нашему глубокому убеждению, прежними.

Нам представляется, что «пещеры Платона», Паноптикум Бенгама, закон необходимого разнообразия Эшби и многие другие классические концепции и модели общественно-политического развития будут еще долгое время сохранять свою актуальность даже в условиях цифровых технологических преобразований человеческой цивилизации.

Список литературы

Володенков С.В. Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // Диалог со временем. – 2020. – № 71. – С. 49–56. – DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.

Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Сер. 12 : Политические науки. – 2024. – № 2. – С. 47–70. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70.

Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – Т. 53, № 1. – С. 188–196. – DOI: 10.17223/1998863X/53/20.

Государственная политика как объект современных научных исследований / Якунин В.И. [и др.]. – *PREPRINTS.RU*. – 2024. – DOI: 10.24108/preprints-3113129.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

Лебон Г. Психология народов и масс. – Москва : АСТ, 2024. – 320 с.

Липпман У. Общественное мнение. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с.

Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. – Москва : Гиперборея; Кучково поле, 2007. – 464 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – Москва : АСТ, 2002. – 526 с.

Миронов В.В. Платон и современная пещера *big-data* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 1. – С. 4–24. – DOI: 10.21638/srbu17.2019.101.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – Москва : Культурная революция, 2005. – 880 с.

Паренти М. Демократия для немногих. – Москва : Прогресс, 1990. – 504 с.

Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова; вступ. ст. Е.Н. Трубецкого; коммент. В.Ф. Асмуса; примеч.

А.А. Тахо-Годи. – Москва : Академический проект, 2015. – 398 с.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 96 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва : Ад Маргинем, 2022. – 384 с.

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ.; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – Москва : Праксис, 2004. – 440 с.

Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. – London : Chapman & Hall, 1956. – 295 p.

Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York : Penguin Press, 2011. – 294 pp.

Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. – Vol. 47, N 12. – P. 57–59. – DOI: 10.1145/1035134.1035166.

Thomas W.I. Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex. (Reprint Edition) (Perspectives in social inquiry). – New York : Arno Press, 1974. – 325 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Revisiting ‘Old Questions’: Perspectives amid Contemporary Digital Transformations

Sergey V. VOLODENKOV

Dr. Sc. (Political Sciences), Professor of the Public Policy Department

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovsky Avenue, 27, Building 4, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

CITATION: Volodenkov S.V. (2024). Revisiting ‘Old Questions’: Perspectives amid Contemporary Digital Transformations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 27–43 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.02

Received: 04.10.2024.

Revised: 11.11.2024.

ACKNOWLEDGMENT. This research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

ABSTRACT. *The aim of this work is to define fundamentally new, substantive answers to traditional questions that have challenged scientists for centuries within the context of contemporary digital transformations. The central research question focuses on the fundamental reinterpretation of “old” questions in a changed world. The paper explores W.R. Ashby’s law of requisite variety, the concept of the Pannopticon by J. Bentham and M. Foucault, and Plato’s allegory of the cave, assessing their relevance and applicability to contemporary conditions of state and societal functioning in a new technological stage of digital development. This study demonstrates that digital technological transformations fail to generate fundamentally novel substantive frameworks for interpreting the processes occurring in critical spheres of state and societal dy-*

namics. Instead, the enduring relevance of established classical theories, conceptual paradigms, systemic laws governing state administration, and foundational principles of interaction between the state and society remain evident. Traditional ideas about mass consciousness – its role in shaping behavioral patterns and the information and communication foundation for constructing worldviews and mass perceptions of reality – do not undergo fundamental changes within the context of digitalization. Rather, they align seamlessly with existing traditional concepts and approaches. The results of the study indicate that the substantive aspects of digital solutions to “old” questions largely correspond to existing traditional answers and solutions, which retain a high explanatory potential even in the contemporary era.

KEYWORDS: *digital technological transformations, control system, law of requisite variety, digital Panopticon, Plato's allegory of the cave, collective consciousness.*

References

- Ashby W.R. (1956). *Introduction to Cybernetics*. London: Chapman & Hall, 295 pp.
- Foucault M. (2022). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem, 384 pp. (in Russian).
- Freud S. (2016). *The Psychology of the Masses and Ego Analysis*. Moscow: Publishing house "E", 96 pp. (in Russian).
- Hardt M., Negri A. (2004). *Empire*. Moscow: Praxis, 440 pp. (in Russian).
- Gosudarstvennaya politika... (2024). Yakunin V.I. et al. Public policy as an object of contemporary scientific research. *PREPRINTS.RU* (in Russian). DOI: 10.24108/preprints-3113129.
- Le Bon G. (2024). *Psychology of Peoples and Masses*. Moscow: AST, 320 pp. (in Russian).
- Lippman W. (2004). *Public Opinion*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 384 pp. (in Russian).
- Luhmann N. (2005). *The Reality of the Mass Media*. Moscow: Praxis, 256 pp. (in Russian).
- Marcuse H. (2002). *One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Moscow: AST, 526 pp. (in Russian).
- McLuhan M. (2007). *Understanding Media: External Extensions of Man*. Moscow: Hyperborea; Kuchkovo Pole, 464 pp. (in Russian).
- Mironov V.V. (2019). Plato and the modern cave of big data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. Vol. 35, issue 1, pp. 4–24 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2019.101.
- Nietzsche F. (2005). *The Will to Power. An Experience of Revaluation of All Values*. Moscow: Cultural Revolution, 880 pp. (in Russian).
- Parenti M. (1990). *Democracy for the Few*. Moscow: Progress, 504 pp. (in Russian).
- Pariser E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 294 pp.
- Plato (2015). *State*. Moscow: Academic project, 398 pp. (in Russian).
- Sunstein C.R. (2004). Democracy and filtering. *Communications of the ACM*. Vol. 47, no. 12, pp. 57–59. DOI: 10.1145/1035134.1035166.
- Thomas W.I. (1974). *Sex and Society: Studies in the Social Psychology of Sex*. (Reprint edition). New York: Arno Press, 325 pp.
- Volodenkov S.V. (2020). One-dimensional society 3.0: from H. Marcuse to the digital world of the 21st century. *Dialogue with Time*. No. 71, pp. 49–56 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.
- Volodenkov S.V. (2024). Digital actors and computational propaganda as tools for influencing mass consciousness in the context of global technological transformations. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 2, pp. 47–70 (in Russian). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70.
- Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. (2020). Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 53, no. 1, pp. 188–196 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/20.
- Webster F. (2004). *Theories of the Information Society*. Moscow: Aspect Press, 400 pp. (in Russian).
- Zuboff Sh. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 784 pp. (in Russian).

С точки зрения экономики

УДК 338.1+004.8

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.03

Так ли новы риски развития искусственного интеллекта в экономике и обществе?

Николай Васильевич ЛУКЪЯНОВИЧ

доктор политических наук, профессор, советник

ООО «СпектроТех»

4801-й проезд, д. 7, стр. 1, г. Зеленоград, г. Москва, Российская Федерация, 124460

E-mail: lukjanovich@rambler.ru

ORCID: 0009-0003-6167-6266

Сергей Александрович НЕКРАСОВ

доктор экономических наук, кандидат технических наук, ведущий научный

сотрудник Лаборатории экспериментальной экономики

Центральный экономико-математический институт РАН

Нахимовский проспект, д. 47, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: san693@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7649-0515

ЦИТИРОВАНИЕ: Лукьянович Н.В., Некрасов С.А. Так ли новы риски развития искусственного интеллекта в экономике и обществе? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 44–60.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.03

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.

Исправленный текст представлен 09.08.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы риски, сопровождающие развитие искусственного интеллекта (ИИ), и определены основные сферы его применения. Технологии ИИ активно используются в настоящее время во многих областях человеческой деятельности и в значительной мере определяют направления развития современной мировой экономики. Рассмотрены исторические аналогии, связанные с рисками ИИ, которые и ранее неизбежно возникали на различных этапах научно-технологического развития по мере внедрения тех или иных

инновационных решений. Актуальной и социально значимой, а поэтому в значительной степени более изученной является проблема сокращения рабочих мест и увеличения безработицы, неконтролируемый рост которой может привести к снижению социальной стабильности и дальнейшему расслоению общества в результате сокращения доходов наименее квалифицированных наемных работников и обогащения более энергичных и талантливых. Для нивелирования этих последствий роль государственных структур при масштабном использовании ИИ должна

не только не снижаться, но и существенно возрастать. Так как в процессах цифровизации в перспективе, возможно, будет доминировать небольшое количество крупных компаний и правительств, то это может усугубить неравенство и ограничить разнообразие вариантов использования систем ИИ. Следует заметить, что многонациональные корпорации (МНК), особенно группа GAFА (Google, Apple, Facebook, Amazon), успешно трансформируют сознание масс в нужных для нас направлениях, активно используя ИИ для обработки массового сознания. Учитывая, что поставленные проблемы носят синтетический характер, возникает необходимость в увеличении междисциплинарных исследований, которые позволят на государственном и корпоративном уровнях своевременно выявлять риски использования ИИ и принимать меры по их минимизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *искусственный интеллект, технологическое развитие, исторические аналогии, риски, безработица, манипулирование сознанием, многонациональные корпорации.*

Введение

Сегодня сложно назвать область экономики, которую бы не затронуло развитие искусственного интеллекта, хотя его общепринятой дефиниции до настоящего времени в научной литературе нет. Британская энциклопедия определяет ИИ как способность цифрового устрой-

ства (компьютера) или управляемого им робота выполнять задачи, свойственные разумным существам¹. В России, согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»². Многие ученые, как справедливо отмечают М. Лысачев и А. Прохорова, считают ИИ неудачным термином, который стал общепринятым. Такая ситуация создает многочисленные трудности при решении ряда правовых и экономических проблем³. Имеется и ряд других определений ИИ, но его основное содержание примерно одинаковое: речь идет о функционировании технических устройств, сопоставимых по сложности решаемых задач с человеком.

Эмпирические исследования показывают, что ИИ занимает лидирующие позиции не только по охвату, но и по скорости распространения, являясь наиболее интенсивно развивающейся областью. По состоянию на начало 2024 г. стоимостной объем мирового рынка ИИ оценивался в 196,63 млрд долл. (для сравнения: аналогичный показатель глобального рынка нефти в 2020–2023 гг. ежегодно составлял более 2 трлн. долл., а полупроводников – около

1 Artificial intelligence // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (дата обращения: 12.05.2024).

2 Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 12.05.2024).

3 Термин «Искусственный интеллект» употребляется уже 70 лет, но всеми понимается по-разному. Что такое ИИ на самом деле? // Tadviser. – 2023. – 17 марта. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_\(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Что_такое_Искусственный_интеллект_(ИИ,_Artificial_intelligence,_AI)) (дата обращения: 12.05.2024).

600 млрд долл.). Ожидается увеличение стоимости этой отрасли в 13 раз к 2030 г., а увеличение объема рынка ИИ к этому сроку прогнозируется на 36,6%⁴.

Помимо опережения по скорости развития других областей человеческой деятельности, особенностью ИИ является высокий уровень проникновения во все слои населения. По данным телеграмм-канала *Forbes Club*, самым популярным запросом в «Википедии» в 2023 г. стала статья о *ChatGPT* – ее прочитали почти 50 млн пользователей, а «искусственный интеллект» и «нейросеть», по оценке британского словаря *Collins*, стали словами года⁵.

Сегодня ИИ прочно вошел в повседневную жизнь не только на бытовом, но и на корпоративном и общегосударственном уровнях. Согласно опросу *McKinsey* 2022 г., более половины организаций хотя бы в одном бизнес-подразделении или функции внедрили связанные с ИИ технологии⁶. Сферами активного прикладного применения ИИ являются прогнозное моделирование и предикативный анализ, программы-переводчики, интеллектуальные системы поддержки принятия решений, выявление и оценка рисков, системы управления городским транспортом, системы, предотвращающие сбои цифровых сервисов [*Матраева, Васюткина, Башина, 2024*].

Распространение любого явления – это не только появление новых возмож-

ностей, но и возникновение новых рисков и необходимость формирования адекватных подходов, сводящихся к приемлемому уровню их влияния. И риски, возникающие в результате распространения ИИ, становятся своеобразным магнитом и центром притяжения исследователей [*Народосохранение...*, 2019].

Целью статьи является выявление на основе исторических аналогий⁷ наиболее значимых рисков, сопровождающих развитие ИИ и определение на этом базисе направлений снижения возможных негативных последствий происходящего сегодня его проникновения во все области человеческой деятельности.

Риски, сопровождающие расширение использования ИИ, становятся всё более острыми во всех областях человеческой деятельности. Американский исследователь Э. Смит, анализируя «темную сторону» ИИ, провела классификацию тех опасностей, которые могут угрожать обществу (таблица 1).

По вполне обоснованному мнению экспертов российской компании «Геопропространственное агентство *Innoter*», специализирующейся в разработке и создании геоинформационных систем различного назначения, для оценки рисков полезно отслеживать взаимосвязь между прошлым и настоящим в различных областях научной деятельности, для того чтобы понять подходы, которые использовались предшественниками⁸. Это тем более необходимо де-

4 Howarth J. 57 NEW Artificial Intelligence Statistics (May 2024). – URL: <https://explodingtopics.com/blog/ai-statistics> (дата обращения: 10.05.2024).

5 Сидоренко Н. Как ИИ покорил весь мир в 2023 году. – URL: <https://club.forbes.ru/practicum/strategicheskij-zahvat-kak-ii-pokoril-ves-mir-v-2023-godu> (дата обращения: 12.05.2024).

6 Почему ИИ революция выгодна для инвесторов // АБН24. – 2023. – 27 июля. – URL: <https://abnews.ru/news/2023/7/27/pochemu-ii-revoluciya-vygodna-dlya-investorov#:~:text=Международная%20консалтинговая%20компания%20McKinsey%20провела,эта%20цифра%2C%20скорее%20всего%2C%20увеличится> (дата обращения: 22.05.2024).

7 Метод прогнозирования «по аналогии» заключается в анализе показателей хорошо изученного процесса. Далее проводится проецирование выявленных тенденций и характеристик развития изучаемого процесса с ранее изученным. См.: Основы социального и экономического прогнозирования. – Казань: Казанский федеральный университет, 2014. – URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F147717178/Osnovy.socialnogo.i.ekonomicheskogo.prognozirovaniya.MAG.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).

8 Retrospective analysis and retrospective data // Innoter. – URL: <https://innoter.com/en/articles/retrospective-analysis-and-retrospective-data> (дата обращения: 07.08.2024).

Таблица 1. Вызовы и угрозы, сопровождающие развитие ИИ
Table 1. Challenges and threats accompanying the development of AI

Вызовы и угрозы	Последствия
Потеря рабочих мест из-за автоматизации	Безработица. Но ИИ формирует условия для создания новых рабочих мест, поэтому его внедрение может привести также к возникновению как новых рынков, так и новых возможностей для бизнеса и новых профессий
Рост социально-экономического неравенства	Использование ИИ для повышения эффективности деятельности компаний может привести к снижению затрат и, следовательно, к увеличению прибыли, но не обязательно к увеличению заработной платы работников
Глубокие подделки и угроза манипулирования	Распространение дезинформации и нанесение ущерба репутации людей или организаций
Смещение алгоритма, вызванное повреждением данных	Распространение неверной информации, дискриминация определенных групп людей
Нарушения конфиденциальности	Негативные результаты для вовлеченных физических и юридических лиц. Ущерб репутации и доверию к организациям, обрабатывающим данные
Повышенная волатильность рынка	Внезапные колебания цен
Автономизация оружия	Увеличение летальности оружия и расстояния между противниками

Источник: Smith E. The dark side of Artificial Intelligence: the possible dangers from privacy violation to weapons automation // World Excellence. – 2023. – March 5. – URL: <https://www.worldexcellence.com/dangers-of-artificial-intelligence-ai/> (дата обращения: 19.05.2024).

вать при проектировании и внедрении перспективных технологий, способных оказать существенное влияние на различные области жизнедеятельности общества и государства, в частности систем ИИ. Известный английский писатель Дж. Оруэлл по этому поводу заметил: «Кто владеет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, управляет прошлым» [Оруэлл, 2014, с. 215].

Научно-технологический прогресс, поступательное движение науки и техники являются неотъемлемой частью новейшей истории. Однако развитие большинства технологий происходило в условиях, далеко не всегда благоприятных для их широкого распространения. В качестве примеров можно привести начавшееся в конце XVIII в. вытеснение ручных станков механическими, электрификацию различных областей человеческой деятельности в конце XIX – начале XX в., создание метрополитена, автомобилей, самолё-

тов, атомных электростанций и т. д. Негативные последствия использования новых технологических решений, связанные в первую очередь с сокращением рабочих мест, на начальных этапах были значительными, и нивелировались они только по мере совершенствования производства. И этот процесс в ряде случаев происходил на протяжении многих десятилетий.

Становление новых технологий и угроза роста безработицы

Таким образом, в настоящее время среди вызовов и угроз, сопровождающих развитие ИИ, наиболее социально значимой и поэтому в значительной степени более изученной [Тимофеев, 2020; Крайнов, 2023; Митрясова, 2023] проблемой является рост безработицы. Обобщив характерные закономерности развития различных технологий, можно прийти к выводу, что на протяжении более двух веков вопрос потери

рабочих мест являлся первым камнем преткновения на пути их распространения. Эта проблема часто решалась насильственным образом.

Так, отправной точкой силового преодоления ситуации вытеснения устоявшихся видов деятельности в результате появления промышленных станков с механическим приводом является пожар 1779 г. на новой фабрике в Манчестере, который был вызван с целью недопущения установки 500 станков Аркрайта с управлением от водяной мельницы. В результате проект сменил локацию на Кромфорд, его реализация сопровождалась организацией системы обороны вокруг фабрики с применением пушек и рвов, а также законодательской деятельностью по изменению правового поля – рассмотрением вопроса в парламенте Великобритании и принятием в 1788 г. закона *Protection of Stocking Frames*, предусматривающего за порчу станков лишение свободы от 7 до 14 лет. В 1811 г. в Ноттингеме произошел крупный бунт. И несмотря на угрозу тюремного заключения для его участников, было уничтожено более 1000 ткацких станков. Впоследствии беспорядки распространились на Йоркшир и Ланкашир. Ответное введение властями смертной казни за порчу имущества фабрик в указе *Destruction of Stocking Frames* снизило количество происшествий, связанных с уничтожением станков, но не прекратило движение луддитов: отдельные вспышки происходили до 1817 г.⁹

Череда этих событий не остановила технологическое развитие: уже к 1835 г. $\frac{3}{4}$ ткацких фабрик Великобритании использовали паровую энергию, а количество механических ткацких станков превысило 50 тыс. единиц. Важным является тот факт, что в результате раз-

вития промышленного производства происходило увеличение числа занятых в промышленности, не прекращающееся на протяжении более двух веков, а не сокращение рабочих мест.

Произошедшее через 100 лет противостояние развитию электрического трамвая со стороны как российских, так и европейских бизнес-сообществ, контролировавших финансовые потоки от городских пассажирских перевозок, свидетельствует об инвариантности указанных закономерностей относительно не только временных, но и социокультурных параметров. В отличие от более чем десятка российских городов (Киева, Нижнего Новгорода, Екатеринослава, Елисаветграда, Витебска, Севастополя, Орла, Курска, Москвы, Житомира, Кременчуга, Ливавы, Казани), где электрический трамвай стал замещать другие виды городского транспорта в последнее десятилетие XIX в., в столице России – Санкт-Петербурге – первая линия наземного электрического трамвая начала функционировать только в 1907 г. Проблема заключалась не в технических решениях и не в отсутствии возможности обеспечить электроснабжение нового вида перевозок. По льду Невы сезонное движение трамваев осуществлялось с 1895 г. На протяжении нескольких десятилетий после успешного испытания в Санкт-Петербурге Ф.А. Пироцким в 1880 г. электрического вагона, прототипа трамвая, задача максимизации прибыли владельцев обществ конно-железных дорог, заключивших концессионные договоры с городом об исключительном праве на укладку рельсовых путей и перевозку пассажиров, оставалась более приоритетной по сравнению с увеличением скорости перемещения пассажиров и логистиче-

9 Движение луддитов возникло в Великобритании в начале XIX в. Оно ставило своей целью уничтожение машин, поскольку их внедрение означало рост безработицы. Для подавления восстаний луддитов правительство использовало военную силу.

скими проблемами, связанными с удалением за пределы города, ставшего в 1890 г. миллионным мегаполисом, конского навоза.

Защита интересов капитала в течение нескольких десятилетий была характерна для развития торговых отношений не только в Санкт-Петербурге. Например, в Харькове Бельгийское акционерное общество Харьковских конно-железных дорог не менее настойчиво препятствовало развитию электрического трамвая: согласно концессионному соглашению было запрещено примыкать к конкам и даже пересекать их пути. Однако город развивался и в 1909 г. городская линия электрического трамвая пересекла линию концессионеров. Для разрешения длительного силового противостояния городских властей и концессионеров, оплачивавших физическую порчу линий электрического трамвая, потребовалось личное вмешательство министра внутренних дел Российской империи П.А. Столыпина.

Как и в случае сопротивления замещению ручного труда ткацкими станками с паровым приводом в Великобритании, противодействие электрификации городских пассажироперевозок в России со стороны концессионеров, которые были ориентированы на финансовые интересы, не изменило ни вектора научно-технического прогресса, ни общей тенденции возникновения ранее не существовавших видов деятельности в машиностроении, электроэнергетике, электротранспорте и многих других областях теперь уже ставшей будничной человеческой деятельности.

Как уже отмечалось выше, рост безработицы в результате развития ИИ является наиболее исследованным риском [Меджидов, 2023; Капралова, 2022;

Гулевский, Филиппов, 2022; Цзежэнь, 2023]. Как и ранее, сегодня вытеснение традиционных, устоявшихся на протяжении предыдущих поколений видов деятельности сопровождается созданием новых рабочих мест с использованием новых возможностей, возникающих в результате проникновения ИИ в отраслевые и корпоративные структуры. Характерной особенностью новых вакансий является готовность работодателей устанавливать более высокую заработную плату, которая в стремительно развивающихся областях, использующих ИИ, превосходит не только средние показатели в экономике той или иной страны, но и средние значения в наиболее высокооплачиваемом ИТ-сегменте. Например, медианная зарплата специалистов в области ИИ в США к 2024 г. составила 290 тыс. долл. в год, что в среднем на 100 тыс. долл. в год больше, чем зарабатывали программисты, не работающие с ИИ¹⁰. Ожидается, что по меньшей мере в ближайшие 30 лет сохранится тенденция к возникновению новых профессий по мере проникновения ИИ в различные отрасли экономики и, соответственно, к увеличению спроса на специалистов с новыми компетенциями, способными формулировать, решать, а впоследствии корректировать задачи на стыках технологических проблем той или иной отрасли и новых возможностей ИИ [Аверьянов, Степунь, Гуртов, 2023].

Исходя из данного тезиса, можно сделать прогноз о повышении социальной нестабильности и об интенсификации расслоения общества в результате сокращения доходов наименее квалифицированных слоев и обогащения более энергичных и талантливых. Как показывает исторический опыт, модель

10 AI engineer pay hits \$300k // Sherwood. – 2024. – May 22. – URL: <https://sherwood.news/tech/ai-engineer-pay-hovers-around-usd300k/> (дата обращения: 19.05.2024).

развития общества, полагающаяся на «невидимую руку рынка» и не допускающая вмешательства государства в решение этой проблемы, с неизбежностью предполагает снижение структурной устойчивости социально-экономической системы. С точки зрения выдающегося русского ученого-экономиста А.А. Богданова, в данном случае государство лишается способности продолжать устойчиво функционировать при усилении воздействий со стороны внешней среды [Богданов, 1989]. Таким образом, роль государственных структур при любом технологическом переходе должна не только не снижаться, но и существенно возрастать.

Роль капитала в развитии ИИ. Расширение возможностей манипулирования сознанием

Можно привести множество различий между процессами замещения ручного труда машинным, последующей более чем через 100 лет электрификацией экономики и замещением видов деятельности, поддающихся алгоритмизации искусственным интеллектом. Но в контексте угрозы структурной устойчивости общества эти процессы имеют общие признаки. На любом этапе исторического развития инициатива создания новых рабочих мест в результате внедрения новых технологий в основном исходила от владельцев крупного капитала, экономическая мощь которых постоянно возрастала. А эффективность ее возрастания далеко не в последнюю очередь определялась тем, какое значение придавалось поддержке развития новых технологий. Как и в период промышленной революции XVIII – XIX вв., электрификации всех

видов хозяйственной деятельности в первой половине XX в., сегодня разработку новых направлений применения ИИ в основном иницируют крупнейшие цифровые многонациональные компании. В 2023 г. капитализация крупнейших ИТ-корпораций (*Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon*), по версии американского издания *Geoworld*, достигла суммы 6,9 трлн долл.¹¹ При этом научно-исследовательские структуры корпорации *Google* (входит в холдинг *Alphabet*), по оценке японской компании *Epoch* в ноябре 2023 г., являются лидерами в разработке систем ИИ. За ними следуют академические подразделения из компаний *Meta* и *Microsoft*, а также американских университетов Беркли и Стэнфорда.

Как показано Ж. Сегелом в монографии «Дьявол носит GAFА» (*GAFА* – аббревиатура лидеров на рынке цифровых услуг: *Google, Apple, Facebook, Amazon*), происходит согласованное формирование системы новых технологий, алгоритмы которой диктуют условия существования всего социума. В результате возникают новые риски:

- появления более совершенных технологий не только постоянного мониторинга личной жизни потребителей со стороны торговых и сервисных компаний, но и вторжения в нее с последующей корректировкой;
- трансформации общества в «единое цифровое множество, в котором жизнь будет программируемой и предсказуемой последовательностью от ноля до единицы»;
- полного контроля всевозможных действий в Сети.

Перспективой отсутствия выработки адекватного ответа является неизбежность трансформации приро-

11 Sophie Ireland. The Biggest Companies in the World by Market Capitalization // CEOWORLD Magazine. – 2023. – March 23. – URL: <https://ceoworld.biz/2023/03/23/the-biggest-companies-in-the-world-by-market-capitalization-march-23-2023/> (дата обращения: 14.05.2024).

ды человека, «дабы прийти к общему сознанию» с машиной. В полном соответствии с теорией о том, что производственные отношения определяются производственными силами, МНК будут руководствоваться стремлением к власти и утрачивать чувство действительности, что ввергает человека «в трансгуманистический бред, распаляемый верой во всемогущество технологий» [Сегела, 2022].

На опасность концентрации власти в случае масштабного использования ИИ указывает известный британский эксперт и писатель Б. Марр. Он считает, что если в процессах цифровизации будет доминировать небольшое количество крупных корпораций и правительств, то это может усугубить неравенство и ограничить разнообразие вариантов использования систем ИИ. Поэтому поощрение децентрализованной и совместной разработки его систем и продуктов, по мнению автора, является ключом к предотвращению концентрации власти на всех уровнях¹². Поскольку основной целью деятельности МНК является экономический успех, то следует заметить, что еще в XIX в. известный английский публицист Т.Дж. Даннинг утверждал, что при 100%-й прибыли капитал «попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Эту фразу Даннинга процитировал К. Маркс в своем знаменитом труде «Капитал». И в этом контексте наиболее значимым риском является открытие новых возможностей по манипулированию сознанием, поскольку одновременно с развитием

ИИ появилась и концепция *Big Data* – массового объема данных по социально-экономическим и другим параметрам, собираемых и анализируемых информационными системами. Утверждается, что сочетание «ИИ и *Big Data*» позволяет повысить точность прогнозирования, оптимизировать процессы принятия решений, обеспечить автоматизацию постановки целей и задач в экономике и обществе в целом¹³. Но в первую очередь обработка общественного мнения позволит избежать возникновения неконтролируемых процессов в социуме и тем самым сохранить действующую социально-экономическую модель.

Отметим, что проблема манипулирования сознанием путем изменения первоисточников уходит корнями в историю значительно глубже по сравнению с вытеснением ручного труда в результате промышленной революции. Так, манипулирование сознанием широких масс особенно усилилось после изобретения печатного станка и средств массовой информации в виде газет. Наполеон в свое время утверждал: «Четырех враждебных газет следует опасаться больше, чем тысячи штыков»¹⁴. После появления радио, а затем телевидения технологии манипулирования массовым сознанием вышли на новый уровень. По экспертным оценкам, в настоящее время средний американец, начиная с двухлетнего возраста, посвящает просмотру телепередач более 34 часов в неделю. Кроме того, еще 3 часа он просматривает записанные на видео медиапрограммы. При этом 75% коммерческого эфирного времени оплачивается 100 крупней-

12 Marr B. The 15 Biggest Risks Of Artificial Intelligence // Forbes. – 2023. – June 2. – URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/06/02/the-15-biggest-risks-of-artificial-intelligence/?sh=704ecb922706> / (дата обращения: 24.05.2024).

13 Искусственный интеллект и *BigData* // Unetway. – 2023. – 1 июля. – URL: <https://unetway.com/blog/iskusstvennyi-intellekt-i-big-data?ysclid=lwz2qwa29z756191539> (дата обращения: 29.05.2024).

14 Napoleon Bonaparte: «Four hostile newspapers are more to be feared than a thousand bayonets». – URL: <https://www.socratic-method.com> (дата обращения: 25.05.2024).

шими корпорациями США, поэтому именно они решают, какие программы должны выходить в эфир, чтобы склонить общественное мнение в свою пользу. Понятно, что довольно часто они носят в основном пропагандистский характер, так как аудитория после такой массивной обработки часто оказывается не в состоянии отличить правду от лжи. Еще в 1969 г. американский исследователь Г. Кругман провел эксперименты по выявлению влияния телевидения на человеческий мозг и установил, что просмотр телепередач снижает уровень критического мышления и отвлекает внимание от насущных социальных проблем¹⁵.

Особенно актуальной проблема манипулирования сознанием стала в начале 2000-х годов, когда началось активное развитие нейросетей [Бостром, 2003]. Сегодня ей посвящено значительное число исследований [Уртаева, 2024; Бродская, 2023; Литовченко, 2023; Цвык, Цвык, 2022; Гончаров, 2022].

Использование ИИ в СМИ привело к значительному прогрессу в создании, распространении и потреблении новостей. Его применение дает множество преимуществ, но вместе с тем таит в себе целый ряд рисков и проблем. Как и во многих других областях человеческой деятельности, в журналистике ИИ привел к революционным изменениям. Наряду с сокращением времени и затрат на создание контента в результате оперативной и эффективной генерации новостных статей, отчетов и резюме, ИИ улучшает взаимодействие с пользователем путем персонализации новостного контента, следуя его индивидуальным предпочтениям. ИИ

помогает журналистским расследованиям за счет обработки огромного объема данных для выявления тенденций и идей, в том числе с использованием инструментария по снятию языковых барьеров и переводу текстов. В результате в журналистской среде начало формироваться мнение, что «ИИ наделен умением выявлять ложную информацию и бороться с распространением дезинформации, фейков, дипфейков» [Волкова, 2023].

Риски манипулирования сознанием на основе не всегда верных исходных положений

Но, как обоснованно предупреждает авторитетный британский исследователь Дж. Брайсон, широко распространенное мнение, что ИИ не может совершить ошибку, в корне неверно. Она справедливо констатирует, что «человек отвечает за работа, так как у человека есть свобода воли, у работа ее нет». Аналогично эксперты Стэнфордского университета в своем докладе 2021 г. утверждали, что одной из наиболее значимых проблем развития ИИ является технорешинизм (*techno-solutionism*), который рассматривается как панацея, «когда это всего лишь инструмент» в руках его создателей¹⁶. Исходя из этого, ведущие западные академические и аналитические центры, как государственные, так и частные, вполне осознают опасности, которые представляет ИИ для будущего человечества. Именно поэтому в 2018 г. компания *Google* создала специальную программу *AI for Social Good* («ИИ для общественного блага»), задачей

15 Nelson K. TV is Mind Control through Physiological and Psychological Manipulation. – URL: <https://evolveconsciousness.org/tv-mind-control-physiological-psychological-manipulation/> (дата обращения: 28.05.2024).

16 SQ10. What are the most pressing dangers of AI? // Stanford University. – 2021. – URL: <https://ai100.stanford.edu/gathering-strength-gathering-storms-one-hundred-year-study-artificial-intelligence-ai100-2021-1-0#misinformation> (дата обращения: 14.05.2024).

которой является исследование возможностей ИИ в решении глобальных гуманитарных и экологических проблем. В одной из публикаций данной программы, в статье «Почему искусственный интеллект представляет серьезную угрозу для нашего общества и как с этим бороться», детально анализируются социально-экономические факторы, обусловленные развитием ИИ, и определены основные риски его использования. Одним из наиболее весомых рисков, по оценке авторов данной публикации, является возможность дезинформации и обмана с помощью так называемых глубоких подделок. Под ними понимается использование ИИ и других высоких технологий для создания контента с цифровыми манипуляциями (как, например, распространение фейковых новостей или шантаж граждан), который непосвященным лицам будет представляться вполне реальным.

Для создания достоверных подделок используются высокотехнологичные разработки, в частности технология *Deepfake* (от англ. *deeplearning* – «глубокое обучение» и *fake* – «подделка»), которая позволяет манипулировать людьми путем имитации их внешних данных или изменения их действий на видео- и других изображениях. В докладе Стэнфордского университета даже отмечается, что системы ИИ, которые используются для дезинформации в Интернете, дают им «возможность стать угрозой демократии и инструментом фашизма» [Marr, 2023].

ИИ проникает не только в СМИ, но в научные статьи. По оценкам бри-

танских экспертов, в 2023 г., по меньшей мере в 60 тыс. статей, возможно, использовался генеративный ИИ. В публикациях по информатике этот показатель достигает 17,5%¹⁷. По всей видимости, такая тенденция будет нарастать, что, безусловно, является негативным явлением.

Страновые особенности развития систем искусственного интеллекта

Как следует из интервью, данного экспертами исследовательского института *OpenAI* аналитическому сайту *Insider Monkey* в декабре 2022 г., в настоящее время довольно сложно определить, какие страны лидируют в ИИ, поскольку эта область динамично развивается и постоянно появляются новые технические решения выявляющихся проблем. Тем не менее эксперты института в числе государств, которые внесли наибольший вклад в разработку систем ИИ, обозначили Соединённые Штаты Америки, Китай и Канаду, а из европейских стран – Великобританию, Францию и Германию. Из корпораций они особо выделили американские *Google*, *Microsoft*, *Amazon*, *Facebook* и *OpenAI*¹⁸.

Эти утверждения не стыкуются с оценками М. Цукерберга о том, что в 2009 г. почти все основные интернет-платформы были американскими, а в 2019 г. шесть из десяти лучших – это китайские¹⁹. И хотя эксперты института в число самых известных китайских компаний в области ИИ включили *Tencent*, *Baidu* и *Alibaba*, они не дали

17 Stokel-Walker Ch. AI Chatbots Have Thoroughly Infiltrated Scientific Publishing // Scientific American. – 2024. – May 1. – URL: <https://www.scientificamerican.com/article/chatbots-have-thoroughly-infiltrated-scientific-publishing/> (дата обращения: 21.05.2024).

18 13 Most Advanced Countries in Artificial Intelligence // Insider Monkey. – 2022. – December 9. – URL: <https://www.insidermonkey.com/blog/13-most-advanced-countries-in-artificial-intelligence-1095398/> (дата обращения: 29.05.2024).

19 Romm T. Zuckerberg: Standing For Voice and Free Expression // Washington Post. – 2019. – October 17. – URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2019/10/17/zuckerberg-standing-voice-free-expression> (дата обращения: 29.05.2024).

данных по их вкладу в развитие ИИ. В свою очередь сотрудники *Insider Monkey* на основе анализа количества патентов США по ИИ, выданных в период с 1976 по 2020 г., и аналогичных данных ОЭСР 2017 г. в число лидирующих стран, имеющих высокие рейтинги в данной области, включили также Россию, Израиль, Нидерланды, Францию, Индию и Тайвань.

Следует отметить, что эксперты российской цифровой системы «Онлайн Патент» несколько по-иному оценивают страновую специфику в сфере ИИ. В частности, они указывают, что страны Евросоюза значительно отстают в этой области от государств-лидеров (США и КНР), что связано со сложностью правовой и экономической систем ЕС²⁰.

Естественно, что все перечисленные выше страны в меньшей или большей степени являются конкурентами, поэтому одним из проявлений данной ситуации стал рост экономического и промышленного шпионажа в данной сфере, поскольку многие разработки ИИ носят закрытый характер. Исторически он существовал всегда, но сейчас его объемы и масштабы значительно увеличились. Так, в 2021 г., по данным IT-компании *Group-IB*, количество кибератак в экономической сфере возросло в геометрической прогрессии²¹. При этом, ввиду исключительной роли высоких технологий в экономике и политике, появился термин «высокотехнологичный шпионаж» (*high-tech espionage*), который в настоящее вре-

мя осуществляется не только людьми, но и техническими устройствами, как в реальной действительности, так и в киберпространстве²².

Острота указанной ситуации проявляется в том, что в последние годы США постоянно обвиняют КНР в краже своих передовых технологий, в том числе и в сфере ИИ. По оценкам ФБР, «воровство Пекином интеллектуальной собственности и других экономически ценных данных остается главной проблемой». В Вашингтоне на официальном уровне было заявлено, что китайская корпорация *Huawei* «имеет возможность тайно получать доступ к конфиденциальной и личной информации в системах, которые она обслуживает и продает»²³. Но Соединённые Штаты, в свою очередь, сами занимаются «высокотехнологичным шпионажем», в том числе за своими союзниками, в частности за Германией.

Невзирая на эту противоречивую и часто недостоверную информацию, бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэр в июле 2022 г. заявил, что Китай «догнал Америку во многих областях технологий и может превзойти ее в других». Поэтому, по его мнению, в настоящее время основной задачей внутренней политики его государства является «использование технологической революции» при одновременной минимизации «ее несомненных рисков»²⁴.

Таким образом, следует констатировать, что поставленные проблемы

20 Технологии искусственного интеллекта в Европе // Хабр. – 2023. – 14 июля. – URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/748102/> (дата обращения: 19.05.2024).

21 Hi-Tech Crime Trends 2021/2022 // Group-IB. – 2022. – URL: <https://www.group-ib.com/resources/research-hub/?amp&> (дата обращения: 19.05.2024).

22 Rash J. Rash Report: High-tech espionage veils le Carré's spy era // The Minnesota Star Tribune. – 2020. – December 19. – URL: <https://www.startribune.com/high-tech-espionage-veils-le-carre-s-spy-era/573432071/> (дата обращения: 19.05.2024).

23 Limiting Chinese National Security Espionage // Carnegie Endowment. – 2022. – April 25. – URL: <https://carnegieendowment.org/2022/04/25/> (дата обращения: 19.05.2024).

24 Tony Blair's Speech: After Ukraine, What Lessons Now for Western Leadership? // Tony Blair Institute for Global Change. – 2022. – July 16. – URL: <https://www.institute.global/insights/geopolitics-and-security/tony-blairs-speech-after-ukraine-what-lessons-now-western-leadership> (дата обращения: 19.05.2024).

увеличивают потребность в междисциплинарных, то есть синтетических, исследованиях, так как ИИ проникает во все области человеческой деятельности, увеличивает риски во многих областях жизнедеятельности государства и общества, поскольку последствия его использования не всегда можно достоверно спрогнозировать.

Выводы

На протяжении всей истории научно-технологического развития создание и распространение любой инновационной технологии открывало новые возможности, но и приводило к возникновению новых рисков. ИИ не является исключением из этой закономерности. Поэтому акцентирование внимания только на отрицательных последствиях использования ИИ, вплоть до его полного неприятия, контрпродуктивно, поскольку эта инновация не является чем-то внезапным, а результатом и продуктом последовательного и поэтапного технологического развития. В настоящее время для всех государственных и частных институтов понятно, что использование ИИ позволяет повысить эффективность многих производственных процессов, оптимизировать использование ресурсов, ускоренно решать многие социальные проблемы и т. д.

Вместе с тем, учитывая тот факт, что разработкой систем ИИ занимаются в основном крупные IT-корпорации, заинтересованные главным образом в увеличении прибыли, требуется жесткое государственное регулирование развития ИИ. Его неконтролируемое внедрение может спровоцировать рост безработицы и снижение социальной стабильности, тем самым способствовать концентрации власти в руках немногих корпораций и правительств. Технологии ИИ, которые сейчас ис-

пользуются для манипулирования массовым сознанием, делают эти вызовы, угрозы и риски вполне реальными, хотя общественное мнение не подготовлено к такому развитию событий.

Роль государства не сводится к регулированию развития ИИ, к поддержке новых рабочих мест, к обеспечению социальной стабильности и защиты от неолуддитов. Это слишком общая характеристика с точки зрения достигнутого к настоящему времени уровня международного нормотворчества в области ИИ. В настоящее время консенсусной является более глубокая детализация государственного присутствия. Наряду с реализацией национальной стратегии развития искусственного интеллекта, предполагающей поддержку научных исследований, разработку и развитие программного обеспечения с ИИ, повышение доступности данных и аппаратного обеспечения, а также обучение квалифицированных специалистов, в Российской Федерации требуется активизировать участие государства:

- в образовательных проектах путем внедрения комплекса образовательных проектов для повышения уровня информированности населения о возможностях и рисках, связанных с ИИ;
- нормативном регулировании, а именно в создании системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием ИИ, включая защиту прав и обеспечение безопасности;
- развитии риск-ориентированного подхода, основанного на его применении к регулированию ИИ и учете предполагаемых рисков и основных бенефитов, таких как конфиденциальность, «недискриминация», прозрачность и безопасность;
- формировании системы управления рисками, включающей разработку и внедрение систем управления рисками ИИ, которые помогут организациям

управлять рисками, связанными с ИИ, и способствовать надежной и ответственной разработке и использованию ИИ-систем.

Следует также учитывать, что поскольку этапы смены поколений ИИ в настоящее время не превышают нескольких месяцев и в перспективе будут сокращаться, необходимо создать такую систему государственного регулирования, которая могла бы непрерывно подстраиваться под новые вызовы.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что для целого ряда рисков, сопровождающих развитие ИИ, существуют исторические аналогии. Поэтому важно не повторять ошибки прошлого, когда прибегали к силовым методам внедрения новых технологий, которые часто приводили к человеческим жертвам. Народы планеты накопили значительный опыт по выходу из такого рода кризисных ситуаций, которым не следует пренебрегать. Поэтому большую опасность представляет неспособность выявления новых угроз, в ряде случаев основанная на императиве, что результатом развития ИИ будет прогресс, улучшение качества жизни, отсутствие возникновения дезинформации, фейков, дипфейков. Эти позитивные аспекты внедрения ИИ могут воплотиться в реальность только в том случае, если отрицательные последствия его использования будут своевременно выявлены и нейтрализованы, что возможно только при активной роли государственных структур в этих процессах.

Список литературы

- Аверьянов А.О., Степуть И.С., Гуртов В.А. Прогноз кадровой потребности для сферы искусственного интеллекта в России // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 1 (196). – С. 129–143. – DOI: 10.47711/0868-6351-196-129-143.
- Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. / ред. кол. Л.И. Абалкин [и др.]. – Москва : Экономика, 1989. – 304+351 с.
- Бостром Н. Этические проблемы в продвинутом искусственном интеллекте // Когнитивные, эмоциональные и этические аспекты принятия решений у человека и искусственного интеллекта. Том 2 / под ред. И. Смита [и др.]. – Оксфорд : Великобритания, 2003. – С. 12–17.
- Бродская Н.П. Большие языковые модели ИИ как инструмент влияния в социальном пространстве современного общества // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 10-1 (98-1). – С. 5018–5029. – DOI: 10.35775/PSI.2023.98-1.10-1.005.
- Волкова Е.А. Этические дилеммы использования искусственного интеллекта в журналистике // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Р. Вашкевича. – Минск, 2023. – С. 42–43.
- Гончаров В.С. Применение комбинированных технологий искусственного интеллекта в информационно-психологических войнах // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 4 (80). – С. 1118–1126. – DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.015.
- Гулевский Я.Е., Филиппов Д.В. Правовые методы борьбы с технологической безработицей // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 180–191.
- Капралова Е.А. Феномен социального благополучия в виртуально-цифровой реальности // Социология. – 2022. – № 1. – С. 292–298. – DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-133-148.
- Крайнов А.Л. Искусственный интеллект: помощник или конкурент? //

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2023. – № 3 (40). – С. 65–72.

Литовченко А.И. *DEEPFAKE* как угроза общественной нравственности // Цифровые технологии и право : сб. научных трудов II Международной научно-практической конференции : в 6 томах. Том 2. – Казань, 2023. – С. 162–165.

Матраева Л.В., Васютина Е.С., Башина О.Э. Методологические проблемы развития информационно-аналитической инфраструктуры для оценки состояния и прогнозирования сферы искусственного интеллекта // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 1. – С. 116–131. – DOI: 10.47711/0868-6351-202-116-131.

Меджидов Ш.О. Влияние технологических изменений на безработицу и самозанятость и перспективы их развития в России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – № S1. – С. 83–87. – DOI: 10.47576/2411-9520_2023_S1_83.

Митрясова А.С. Трансформация занятости и трудовых отношений под воздействием искусственного интеллекта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 5. – С. 128–133. – DOI: 10.52452/19931778_2023_5_128.

Народосохранение и (или) сбережение здоровья людей: социальные, эконо-

мические, правовые, медицинские и экологические аспекты : монография / под ред. А.И. Новикова. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. – 325 с.

Оруэлл Дж. 1984 : роман. Скотный двор : сказка-аллегория. – Москва : АСТ, 2014. – 368 с.

Сегела Ж. Дьявол носит GAFa. – Москва : Издательский дом МГУ, 2022. – 211 с.

Тимофеев А.В. Сущность и проблемы искусственного интеллекта в контексте современных научных и философских представлений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. – 2020. – № 2. – С.127–133. – DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-127-133.

Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 2 (127). – С. 44–51. – DOI: 10.24158/per.2024.2.3.

Цвык В.А., Цвык И.В. Социальные проблемы применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 58–69. – DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69.

Цзежэнь У. Протестное движение, вызванное искусственным интеллектом: социологический анализ // Архонт. – 2023. – № 5 (38). – С. 27–41.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.03

Are the Risks Associated with Artificial Intelligence Development in Economy and Society Truly Novel?

Nikolay V. LUKJANOVICH

Dr. Sc. (Political Sciences), Professor, Advisor

SpectroTech LLC

4801-th Passage, 7, building 1, Zelenograd, Moscow, Russian Federation, 124460

E-mail: lukjanovich@rambler.ru

ORCID: 0009-0003-6167-6266

Sergey A. NEKRASOV

Dr. Sc. (Econ.), PhD. (Technical Sciences), Leading Researcher at the Laboratory of Experimental Economics

Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 47, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: san693@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7649-0515

CITATION: Lukjanovich N.V., Nekrasov S.A. (2024). Are the Risks Associated with Artificial Intelligence Development in Economy and Society Truly Novel? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 44–60 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.05.03

Received: 04.06.2024.

Revised: 09.08.2024.

ABSTRACT. *The article analyzes the risks accompanying the development of artificial intelligence (AI) and identifies the main areas of its application. AI technologies are currently actively used in many areas of human activity, and they are instrumental in determining the direction of the modern world economy. Historical analogies related to AI risks, which have inevitably arisen during various stages of scientific and technological development as certain innovative solutions were introduced, are considered. The issues of job reductions and rising unemployment, both of which are relevant and socially significant, have garnered substantial academic attention. The*

uncontrolled escalation of these phenomena could undermine social stability and exacerbate societal stratification, resulting from declining incomes among the least qualified employees alongside the enrichment of more dynamic and skilled individuals. To mitigate these consequences, the role of government agencies in the large-scale use of AI should not only remain significant but also increase considerably. As digitalization processes may eventually be dominated by a small number of large companies and governments, these dynamics could exacerbate inequality and limit the variety of use cases for AI systems. It should be noted that multinational corporations (MNCs), and especially

the GAF A group (Google, Apple, Facebook, and Amazon), are successfully transforming the consciousness of the masses in directions that serve their interests, actively using AI to shape and manipulate mass consciousness. Considering that the problems posed are synthetic in nature, there is an urgent need for interdisciplinary research to identify the risks associated with using AI at the state and corporate levels and to adopt measures aimed at minimizing them.

KEYWORDS: artificial intelligence, technological development, historical analogies, risks, unemployment, mind manipulation, multinational corporations.

References

- Averyanov A.O., Stepus I.S., Gur-tov V.A. (2023). Forecast of Staffing Needs for the Artificial Intelligence Sector in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34, no. 1, pp. 86–95. DOI: 10.1134/S1075700723010021.
- Bogdanov A.A. (1989). *Tectology: General Organizational Science*. In 2 books. Moscow: Economics, 304+351 pp. (in Russian).
- Bostrom N. (2003). Ethical problems in advanced artificial intelligence. In: Smith I. et. al. (eds.). *Cognitive, Emotional and Ethical Aspects of Decision Making in Humans and Artificial Intelligence*. Vol. 2. Oxford, 2003, pp. 12–17 (in Russian).
- Brodskaya N.P. (2023). Large language models of AI as a tool of influence in the social space of modern society. *Political Science Issues*. Vol. 13, no. 10-1 (98-1), pp. 5018–5029 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2023.98-1.10-1.005.
- Goncharov V.S. (2022). Application of combined artificial intelligence technologies in information and psychological warfar. *Political Science Issues*. Vol. 12, no. 4 (80), pp. 1118–1126 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.015.
- Gulevsky Ya.E., Filippov D.V. (2022). Legal methods of combating technological unemployment. *Issues of Russian Justice*. No. 19, pp. 180–191 (in Russian).
- Jezhen W. (2023). Protest movement caused by artificial intelligence: sociological analysis. *Archon*. No. 5 (38), pp. 27–41 (in Russian).
- Kapralova E.A. (2022). The phenomenon of social well-being in virtual digital reality. *Sociology*. No. 1, pp. 292–298 (in Russian). DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-133-148.
- Krainov A.L. (2023). Artificial intelligence: assistant or competitor? *Philosophy and Humanities in the Information Society*. No. 3 (40), pp. 65–72 (in Russian).
- Litovchenko A.I. (2023). DEEPFAKE as a threat to public morality. In: *Digital Technologies and Law*. Collection of scientific works of the II International Scientific and Practical Conference: in 6 volumes. Kazan, Vol. 2, pp. 162–165 (in Russian).
- Matraeva L.V., Vasyutina E.S., Bashina O.E. (2024). Methodological Problems of Information Development-Analytical Infrastructure for Assessing the State and Forecasting the Sphere of Artificial Intelligence. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 35, no. 1, pp. 80–90. DOI: 10.1134/S107570072401009X.
- Medzhidov Sh.O. (2023). The impact of technological changes on unemployment and self-employment and prospects for their development in Russia. *Innovative Economics: Information, Analytics, Forecasts*. No. S1, pp. 83–87 (in Russian). DOI: 10.47576/2411-9520_2023_S1_83.
- Mitryasova A.S. (2023). Transformation of employment and labor relations under the influence of artificial intelligence. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*. No. 5, pp. 128–133 (in Russian). DOI: 10.52452/19931778_2023_5_128.
- Narodosokhraniye... (2019). No-vikov A.I. (ed.). *Preservation of People and (or) Preservation of Human Health: Social, Economic, Legal, Medical and Environmen-*

tal Aspects. Vladimir: Vladimir branch of RANÉPA, 325 pp. (in Russian).

Orwell J. (2014). *1984: Novel. Animal Farm: A Fairy Tale – Allegorical Story*. Moscow: AST, 368 pp. (in Russian).

Seguela J. (2022). *The Devil Wears a GAFA*. Moscow: MSU Publishing House, 211 pp. (in Russian).

Timofeev A.V. (2020). The essence and problems of artificial intelligence in the context of modern scientific and philosophical concepts. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. No. 2, pp. 127–133 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2020-2-127-133.

Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. (2022). Social problems of using artificial intelligence.

RUDN Journal of Sociology. Vol. 22, no. 1, pp. 58–69 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69.

Urtaeva E.B. (2024). Opportunities and threats of using artificial intelligence in political communications. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 2 (127), pp. 44–51 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2024.2.3.

Volkova E.A. (2023). Ethical dilemmas of using artificial intelligence in journalism. In: *Corporate Strategic Communications: Trends in Professional Activity*. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the birth of V.R. Vashkevich. Minsk, pp. 42–43 (in Russian).

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 327:339.9

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04

Контуры нового мирового порядка и БРИКС+

Леонид Ефимович ГРИНИН

доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000;

ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031

E-mail: leonid.grinin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0278-2619

Антон Леонидович ГРИНИН

кандидат биологических наук, научный сотрудник Факультета глобальных процессов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991;

старший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: algrinin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0912-0423

Андрей Витальевич КОРОТАЕВ

доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000;

ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031;

профессор Факультета глобальных процессов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: akorotayev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3014-2037

ЦИТИРОВАНИЕ: Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 61–81.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04

Статья поступила в редакцию 22.09.2024.

Исправленный текст представлен 03.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при содействии Российского научного фонда (проект № 23-11-00160).

АННОТАЦИЯ. *Сегодня Мир-Система находится в состоянии столь глубокого кризиса, что выход из него возможен лишь через реконфигурацию Мир-Системы и формирование нового мирового порядка. Однако путь к этому новому порядку долог, непрост, очень конфликтен и во многом еще неясен. При этом в мире усиливается соперничество по многим направлениям, включая и борьбу за принципы сосуществования и развития. В статье анализируется, как процессы трансформации Мир-Системы в итоге могут привести к слову существующего однополярного мирового порядка и формированию нового – соответственно, уже на новых принципах. Наглядно показывается динамика таких изменений за последние десятилетия на примере сравнений (в том числе графических) западных стран и стран БРИКС. Показана растущая роль в формировании нового мирового порядка объединения БРИКС+, которое, без сомнения, уже является альтернативой и противовесом США и Западному блоку стран в целом. В статье даны прогнозы о некоторых возможных контурах и принципах мирового порядка. Показана растущая роль новых форм взаимоотношений и союзов в формировании нового мирового порядка. В частности, анализируется, что нового может дать БРИКС+ мировому сообществу, в каких аспектах и направлениях БРИКС+ может стать моделью в процессе формирования важных принципов и механизмов нового мирового порядка.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Мир-Система, реконфигурация Мир-Системы, мировой порядок, смена мирового порядка, новый мировой порядок, баланс сил, БРИКС, БРИКС+, принципы нового мирового порядка, США, лидер Мир-Системы, геополитическое соперничество, глобальный проект.*

В мире всё более осознается, что нужен новый мировой порядок с новыми принципами, который бы уменьшил конфликтность и стимулировал сотрудничество [Гринин, Гринин, Кортаев, 2024]. Как пишет бывший помощник министра обороны США и посол Чез Фриман [Фриман, 2024], нам нужен мировой договор, основанный на взаимном уважении к территориальной целостности и суверенитету друг друга, взаимном обязательстве о ненападении и невмешательстве во внутренние дела, терпимости, равенстве и взаимовыгодном сотрудничестве. Если не удастся его заключить, под угрозой окажется не только наше благополучие, но и само существование. С этим трудно не согласиться. Но как реализовать это?

Ослабление американского лидерства, намечающийся распад мирового порядка, усиление реконфигурации Мир-Системы при одновременном стремлении США усилить давление на своих оппонентов создает острую потребность в поисках новых форм взаимодействия на международной арене. Одним из решений тут может стать практика БРИКС+. Подробнее о БРИКС+ **как одной из самых перспективных организаций переходного к новому порядку периода, об особенностях этой организации, которые дают основания рассматривать ее в таком качестве**, мы скажем ниже.

В целом основной исследовательский вопрос данной статьи можно сформулировать следующим образом: можно ли, исходя из сегодняшних реалий, сделать прогнозы относительно принципов будущего мирового порядка и насколько полезным для этого будет использование анализа отношений как в рамках БРИКС, так и анализа взаимоотношений БРИКС с внешним миром? Необходимо найти в рамках исследуемой темы причины желания

многих стран вступить в БРИКС и связать это с особенностями объединения.

Прежде всего, кратко сформулируем основные идеи. Изменение баланса сил, скорее всего, приведет к усилению борьбы за лидерство в мире и регионах, за сохранение или изменение мирового порядка [Grinin, Grinin, Korotayev, 2021; Grinin, Grinin, Korotayev, 2023]. Есть различные сценарии движения к новому мировому порядку. Исходя из сегодняшних реалий, однако, можно заключить, что переход к новой системе с большой долей вероятности будет не плавным, а бурным. Этот период будет довольно конфликтным и турбулентным и, по нашим предположениям, будет происходить в 2020–2040-е годы. В 2050–2060-е годы¹ уже должны сформироваться контуры и принципы нового миропорядка².

Предположения о лидерстве в новом мировом порядке

Мир без абсолютного гегемона. Каким он будет? Рассматриваемые процессы, несмотря на то, что сегодня мы находимся в фазе разрешения и противостояния борющихся сил, могут дать некоторые намеки на формы перехода к будущему мировому порядку. Тут прежде всего следует сказать, что ослабление способности США быть лидером не означает, что США как лидера заменит другой гегемон. Мы подробно аргументировали свою позицию (см., например, [Гринин, Коротаев, 2016; Grinin, Korotayev, 2015]), что не следует ожидать простой смены лидерства (как представляют нередко

сторонники циклов гегемонии³). Это связано с тем, что в Мир-Системе нет ни государства, ни иного образования, которое могло бы заменить США, сосредоточившие в своих руках самые разные аспекты лидерства: экономический, политический, военный, финансовый, научный, образовательный, технологический, идеологический, культурный и т. д. (см. также [Zakaria, 2008; Wohlforth, Brooks, 2016]).

Абсолютное лидерство и совмещение у США практически всех преимуществ лидера – это **исключение, а не правило**. А значит, не следует ожидать, что исключение станет правилом.

Что касается перспектив возможной глобальной гегемонии Китая, на которые указывают некоторые исследователи (например, [Komlosy, 2019]), то было продемонстрировано (например, [Grinin, Tsirel, Korotayev, 2015]), что, с одной стороны, экономические, военные и политические позиции КНР укрепятся в ближайшие десятилетия, но, с другой стороны, страна, даже предполагая все возможные будущие успехи, не сможет занять даже основные позиции США в Мир-Системе по ряду причин. Действительно, в Китае много проблем: от демографических до экологических, от засилья огромного внутреннего долга до коррупции, но главное – мотор роста слабеет, а экономическая модель требует решительной перестройки, на что руководство не решается.

Основания, по которым предполагалось и всё еще предполагается, что Китай будет таким же абсолютным лидером, по сути, заключаются

1 Здесь, конечно, возможны разные сценарии. Контуры и принципы нового миропорядка могут сформироваться и несколько раньше, но всё же переходный период вряд ли может быть короче 10–15 лет – слишком уж много имеется противоречий.

2 Мы не согласны со всё еще популярной идеей (см., например, [Weizsäcker, Wijkman, 2018]; [Kurtz, 2019]; [Schwab, Malleret, 2020]) о том, что мировое развитие движется к чему-то, что можно было бы назвать мировым правительством. Новый порядок будет базироваться на других основаниях.

3 См., например, [Валлерстайн, 2001; Arrighi, 1994; Modelski, Thompson, 1996; Wallerstein, 2003; Vieira, 2022].

в том, что его нынешний экономический рост позволит сначала догнать США по ВВП по номиналу, а затем подтянуться к богатым странам по объему производства на душу населения. Тогда экономическая мощь страны с населением 1,4 млрд чел. станет неимоверной.

Такой подход основан на двух не всегда ясно выраженных посылах: 1) высокие темпы роста могут продолжаться очень долго; 2) объем производства равнозначен месту государства в Мир-Системе. Последние несколько лет вполне показали, что темпы роста экономики КНР замедляются и будут замедляться. Достичь уровня развитых стран на душу населения Китая вряд ли удастся уже потому, что для этого не хватит никаких ресурсов, но достичь достаточно высокого уровня потребления он, конечно, может. Возможности даже заметного экономического роста в Китае весьма ограничены, а быть даже первой по валовому продукту державой мира абсолютно не значит быть центром Мир-Системы по многим причинам. Например, ясно, что некоторые из перечисленных выше аспектов лидерства будут недоступны для Китая по определению. Так, сложно представить, что юань станет резервной мировой валютой уровня доллара. Даже достижение реальной конвертации юаня было бы огромным успехом.

Китай, безо всяких сомнений, становится всё более заметным центром силы, но быть абсолютным лидером по типу США ни он, ни кто-то другой не способен. Больше шансов, что Китай станет центром силы в новом двуполярном мире, особенно если этот полюс будет представлять альянс Китая и России. Если же мировой порядок будет многополярным, то Китай однозначно станет одним из главных его полюсов.

Поэтому на смену лидерства США с очень большой долей вероятности придет **мир без абсолютного гегемона**. Отсюда возникает вопрос: как может функционировать мир без абсолютного гегемона? Если мы всё же говорим о мировом порядке (а не о мировом беспорядке), то очевидно, что новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации глобальных процессов. Мы можем найти некоторые аналогии (конечно, далеко не полные) такого порядка в предшествующих системах мирового порядка. Это может быть похоже или на «концерт» мировых держав, как это было в XIX в., или на баланс двух противостоящих группировок, как это было в период с 1890-х по 1914 г. Но исходя из того, что второй вариант фактически означает приближение мировой войны, которая в настоящий момент, всё же надеемся, не имеет больших шансов реализоваться, мы полагаем, что новый мировой порядок будет ближе к первому варианту. Таким образом, разрушение гегемонии США способно привести к появлению нового «концерта» крупнейших держав.

Поэтому основной сценарий формирования нового мирового порядка, на наш взгляд, не ведет ни к однополярной, ни к биполярной его модели. Мы полагаем (что очень вероятно), что новый мировой порядок будет представлять некую систему крупнейших игроков (стран и союзов). Можно ожидать появления своего рода политического форума, или клуба сил, или даже организации, состоящей из нескольких (трех – семи или более) крупных держав и блоков, способных каким-то образом устроить новый порядок. Это и будет одним из главных изменений в новом мировом порядке. Такое об-

разование из наиболее важных держав и наднациональных организаций логично назвать Gx.

Прежде чем высказать наше видение организации Gx, рассмотрим нынешние образования. В прежние времена реально ведущим образованием был G7, при этом хотя в него входили союзные страны, в целом принимавшие лидерство США, однако это были союзники, обладавшие еще какими-то остатками суверенитета⁴. Поэтому на обсуждениях «семерки», а тем более когда туда вошла Россия (и получилась «восьмерка»), присутствовали разные точки зрения. Но сегодня эти страны потеряли и остатки суверенитета, так что они просто вотируют то, что говорит США. Поэтому сейчас «семерка» – это просто США+. Таким образом, G7 нельзя рассматривать как реально способную к глобальному управлению группу. В G20 США и западным государствам сложнее навязать свое мнение развивающимся странам из «двадцатки», и в этом достоинство этой организации (площадки). Однако 20 членов – слишком большое собрание, чтобы оно стало реально действующим. Пять – это, на наш взгляд, оптимум, семь – уже предел. Вспомним, что после Второй мировой войны реально только три державы определяли контуры будущего мира. Эта тройка потом разошлась по геополитическим и особенно идеологическим противоречиям. Но в будущем, мы надеемся, идеологические барьеры не будут столь сильными, чтобы помешать формированию Gx.

Некоторые предположения о группе Gx. Мы не думаем, что такая группа

Gx может оформиться без США. Последние будут оставаться мощной державой в любом случае. И это, кстати, уменьшало бы опасность крупномасштабной войны за гегемонию. Однако США не были бы гегемоном, а скорее, при позитивном развитии событий, первым среди равных в части многих вопросов. В других вопросах мог бы выйти на передний край Китай.

Можно было бы гипотетически рассмотреть возможный состав ведущей группы в новом мировом порядке – Gx. Кто мог бы входить в этот глобальный «концерт», если исходить из сегодняшних реалий⁵? США, ЕС, Китай, Индия, Россия. Вот пятерка реально ведущих акторов. Можно было бы говорить о Бразилии (тогда была бы «шестерка»), но с военной точки зрения (в отличие от экономики и населения) это относительно слабая страна⁶. Разумеется, в рамках этой пятерки (или иного числа игроков Gx) постоянно будут различные блокировки по тем или иным вопросам. Для устойчивости нового порядка важно было бы, чтобы баланс сил не сдвигался существенно (как происходило в последние десятилетия), а лишь колебался.

Как можно видеть на рисунках 1 и 2, на настоящий момент западная часть гипотетической Gx оказывается мощнее по ВВП по номиналу и военным расходам, но в динамике этот разрыв будет сокращаться (рисунк 3) и одновременно будет увеличиваться разрыв в численности населения в пользу незападной части, в частности за счет Индии⁷.

4 Хотя и в 1980–1990-е годы G7 часто выступали как США+.

5 Многие подвергают сомнению прочность ЕС. О вариантах нового мирового порядка см. также [Кортунов, 2024].

6 См., например, базу данных военных расходов SIPRI. – URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 10.07.2024).

7 Надо также принимать во внимание, что нередко оказывается, что страны с меньшим размером экономики, но большими мобилизационными возможностями на равных противостоят экономически более мощным странам и их коалициям [Афонцев, 2024, с. 153].

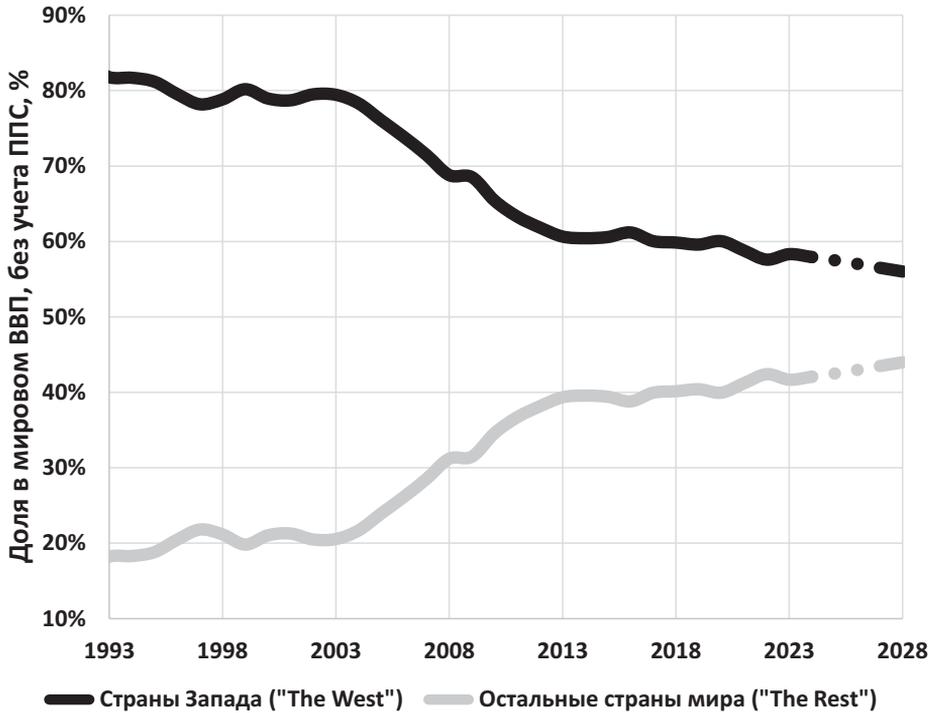

Рисунок 1. Динамика доли стран Запада (The West) и остальных стран мира (The Rest) в мировом ВВП (без учета ППС), 1993–2023 гг. с прогнозом до 2028 г., %

Figure 1. Dynamics of the share of Western countries (The West) and the rest of the world (The Rest) in global GDP (not counting PPP), 1993–2023, with a forecast until 2028, %

Источник: База данных «Перспективы развития мировой экономики» – World Economic Outlook – 2024. – April. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 10.08.2024). В качестве прокси-«стран Запада» использован агрегат МВФ *Advanced economies*.

Таким образом, между двумя частями Gx не будет подавляющего в целом разрыва, поэтому в таком гипотетическом глобальном «концерте» требовался бы консенсус. Конечно, достичь его было бы непросто, но при его достижении эта «пятерка» могла бы оказать очень большое влияние на остальной мир. Также мы видим, что в «концерт пятерки» входили бы три страны БРИКС, что заставляет нас еще более внимательно приглядеться к потенциам этой организации.

Gx, состоящий из пятерки, был бы малым «концертом». При этом на период укрепления принципов нового мирового порядка образование должно быть менее формальным на случай необходимости кооптировать в него новых членов.

Но если рассматривать возможность большого глобального «концерта», тогда в нашем гипотетическом объединении нужно было бы пригласить такие континентальные объединения, как Африканский союз, возможно,

и Организацию американских государств (без США и Канады), не исключены и крупные региональные организации, вроде Лиги арабских государств, которые должны были бы, как ЕС, иметь один и консолидированный голос⁸. Вероятно, такой большой «концерт» мог бы сложиться на более позднем этапе. И если бы в состав ведущих держав стали входить наднациональные образования, это свидетельствовало бы о реально новом этапе развития международных отношений⁹.

О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует новых принципов для снижения конфронтации и стимулирования сотрудничества. Эти принципы начнут формироваться, возможно, в 2030–2040-е годы, более или менее утвердятся в 2050–2060-е.

Разумеется, о новых принципах можно говорить только предположительно, всякие формулировки их по определению не обладают точностью. Поэтому критики могут, конечно, объявить такие формулировки «благопожеланиями». Они могут быть такими, если взяты просто из «маниловских мечтаний». Однако, если они взяты из острых внешнеполитических дискуссий и острых проблем современности, то это уже нечто реальное, а не просто «благопожелания».

Относительно соотношения принципов и институтов могут быть, разумеется, разные точки зрения. Мы придерживаемся расширительной точки зрения, следуя за Э.Я. Бата-

ловым [Баталов, 2016]), по мнению которого, следует рассматривать в единой системе не только непосредственно правила, на основании которых выстраиваются взаимодействия между государствами, но и принципы, которые их обосновывают, а также организации, которые их воплощают (см. также [Истомин, 2020]).

Конечно, декларации не являются институтами. Но вспомним, что после Второй мировой войны именно декларации (такие как Всеобщая декларация прав человека) стали основой для формирования и международных отношений, и принципов. Хотя они далеко не всегда соблюдаются, но являются маяком. Поэтому мы согласны, что формирование миропорядка не может быть осуществлено без «нового мировоззрения», которое опиралось бы на «разумную достаточность» и «сбалансированность политики великих держав» [Карпович, Манойло, 2020]. Но очевидно, что без формулирования новых принципов мирового порядка невозможно и новое мировоззрение. Кроме того, многие моменты в предлагаемых ниже принципах так или иначе уже декларируются. Например, в Казанской декларации БРИКС (2024) о нелегитимных односторонних принудительных мерах и санкциях и их разностороннем вреде (п. 10 и п. 22). Разумеется, не все вещи, которые желательны для нового порядка, возможно сегодня согласовать на таком широком форуме, каков БРИКС+, тем более что многое в декларациях этой организации есть дань многолетним предшествующим проектам и идеологиям (например, относительно распространения демо-

8 Таким образом, присоединялись бы Африка и Арабский Восток, составляющий половину исламского мира (а с исламскими странами Африки и индийской мусульманской общиной это была бы большая часть исламского мира).

9 Мы, разумеется, не отрицаем развития и значения для складывания нового мирового порядка и сетевых отношений новой архитектуры мировой политики (см. об этом: [Лебедева, 2024]).

кратии и зеленых проектов). Поэтому многие моменты более откровенно высказываются во внутривнутриполитических выступлениях, декларациях и законодательстве, включая, например, поддержку традиционных ценностей и борьбу с пропагандой ЛГБТ.

Сформулируем краткий перечень этих принципов:

1) ценность глобализации и прочности правил международных отношений;

2) плюрализм политических режимов; этот принцип подразумевает а) легитимность всех режимов; б) представление о том, что нет лучшего режима (в том числе и демократического), у всех есть свои плюсы и минусы¹⁰; в) плюрализм сам по себе может быть полезной системой (аналогично плюрализму религий);

3) отказ от насильственного навязывания институтов (включая демократию);

4) признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от того, чтобы вдохновлять внутренние революции; это означает следующее: а) социальный порядок, гарантированная безопасность и экономический рост должны обеспечиваться даже при авторитарных режимах и признаваться более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных протестов, угроз, анархии и свержения власти (и уж тем более подстрекательство к свержению режима) может осуществляться лишь в исключительных случаях, узаконенных общепризнанными международными институтами;

5) запрет на использование глобальных экономических, финансо-

вых, рейтинговых организаций, СМИ и других средств в качестве инструментов внешней политики;

6) гарантии государственных границ, ограничение всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни проводились, – это значительно уменьшило бы международные трения;

7) отказ от введения новых этических и правовых норм (особенно в сексуальных и семейных отношениях) и дискриминации под этим предлогом;

8) демонополизация СМИ во всем мире и запрещение попыток любых политических или иных сил монополизировать эти активы; поскольку средства массовой информации стали сверхмощными и глобальными по своим масштабам, чрезвычайно влияя на формирование общественного мнения и идеологии, в этой сфере необходимы сдержки и противовесы как на национальном, так и на международном уровне; очевидно, что признание принципов само по себе не гарантирует их выполнения, но важно избегать сегодняшней практики, когда идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются в качестве тарана в геополитической борьбе;

9) более справедливая мировая финансовая система с большими возможностями для развивающихся и среднеразвитых стран; отказ от резервной валюты, принадлежащей одной стране; это требование страны БРИКС декларируют и проводят как свое видение о самом появлении организации и с каждым разом это требование становится всё определеннее.

10 Как отмечает А.Ю. Мельвилль [Мельвилль, 2024], в современной политической науке важным вызовом является значительная вариативность «нового авторитаризма», в том числе как относительно эффективного инструмента социально-экономического развития современного мира, а также вариативность современных демократий.

БРИКС и некоторые идеи нового мирового порядка

Почему БРИКС может рассматриваться как одна из самых перспективных организаций переходного периода? Ослабление американского лидерства, намечающийся распад мирового порядка, усиление реконфигурации Мир-Системы при одновременном стремлении США усилить давление на своих оппонентов создают острую потребность в поисках новых форм взаимодействия на международной арене. В такой ситуации слома старого, как правило, какие-то наработки прежнего времени, которые не играли существенной роли, могут выходить на передний план. Соответственно, ускоряется поиск новых контактов и взаимодействий, в рамках которых идет иногда незаметный отбор наиболее эволюционно приемлемых и перспективных форм сотрудничества. Одной из самых перспективных, по мнению многих (и мы тоже согласны с этим), может быть БРИКС. Почему? Разумеется, мы исходим не из субъективных предпочтений (поскольку Россия – один из ведущих членов этого образования), но из объективных реалий. Так сложилось, что в рамках этой организации ее членам, при особенно активной позиции России и Китая, удалось создать некоторый противовес западной гегемонии. Вспомним, что такие попытки осуществлялись с 2009 г. в рамках G20, но там идеи отказа от гегемонии доллара, более справедливого порядка «забуксовали» по понятным причинам. Таким образом, БРИК, а потом и БРИКС, несмотря на необычную форму первоимпульса для его формирования, естественным образом подхватил актуальные для его членов мировые проблемы.

Сформулируем некоторые характеристики БРИКС, проистекающие

из объективного анализа его современного положения, которые делают его популярным и формируют желание многих стран присоединиться к этой организации.

1. Эта площадка становится важнейшей для обмена мнениями, опытом и для выработки коллективных подходов, при помощи которых можно избежать давления США и Запада.

2. БРИКС не жестко иерархическая организация, там нет принуждения. Поэтому в известной мере БРИКС можно рассматривать как мягкую силу незападного мира.

3. БРИКС включает в себя страны разных культур и традиций, не объединенных какими-то общими религиями или историческими судьбами. Образно говоря, БРИКС в этом аспекте можно рассматривать как организацию разных цивилизаций. И хотя в официальных документах это слово не употребляется, но имплицитно оно присутствует. Однозначно можно сказать, что в БРИКС+ уважают культурно-цивилизационные особенности стран и народов.

4. БРИКС выглядит как площадка, на которой будут слышны голоса всех членов, где будет (и имеет место) иная повестка дня, чем навязывается США и Европой.

5. Важным является отсутствие доминирования глобалистов, которые стараются поднять страны третьего мира под свои глобально-эгоистичные программы.

6. Страны БРИКС не приемлют морально-идеологические нарративы и постулаты, которые упорно продвигают на Западе, прежде всего ЛГБТ-повестку, разрушение традиционных институтов: семьи, религии, национального суверенитета.

7. Сейчас практически нет мировых организаций и форумов, в которых не было бы доминирования США (за ис-

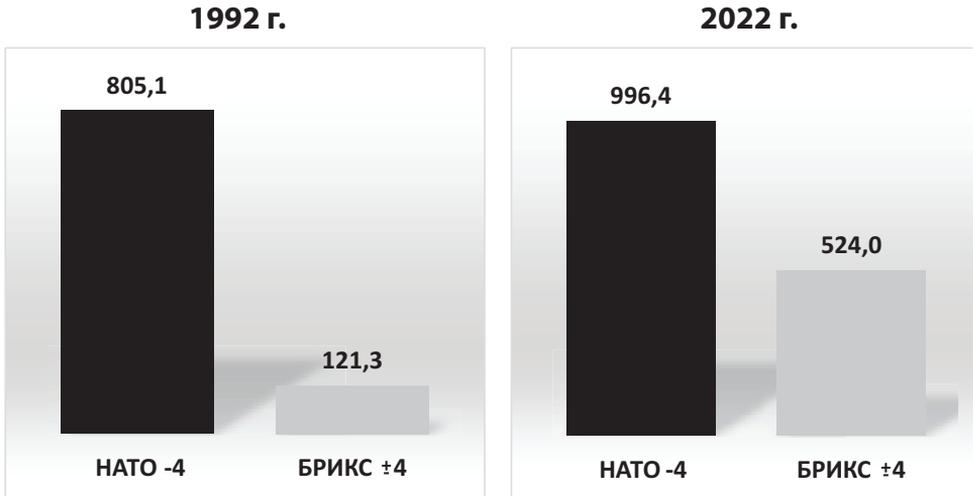

Рисунок 2. Сравнение суммарных военных расходов четырех стран НАТО (США, Великобритания, Германии и Франции: НАТО-4) и четырех стран БРИКС+ (Россия, Китай, Индия, Саудовская Аравия¹¹: БРИКС±4) с самыми высокими военными расходами (млрд постоянных долларов США 2021 г.) в 1992 и 2022 гг.

Figure 2. Comparison of total military expenditures of four NATO countries (USA, UK, Germany and France: NATO-4) and four BRICS+ countries (Russia, China, India, Saudi Arabia: BRICS±4) with the highest military expenditures (in billions of constant 2021 US dollars) in 1992 and 2022

Источник: База данных военных расходов SIPRI. – URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 10.07.2024).

ключением, может быть, «двадцатки», но и там в лучшем случае можно только сопротивляться доминированию США). А нужна площадка для более свободного выражения мнений. Именно этим во многом объясняется привлекательность БРИКС сегодня. Какая-то свобода есть только в региональных организациях. Но региональная организация – это не мировая. БРИКС же, хотя и не может претендовать на мировой уровень, явно превышает региональный. Это повышает его статус.

8. Наконец, БРИКС, тем более БРИКС+, в технологическом и военном отношениях является реальной альтернативой и противовесом США и Западу в целом (хотя военного союза между его членами нет).

БРИКС и страны Запада: некоторые сравнения. Рассмотрим изменение баланса сил в плане военных расходов (рисунки 2 и 3).

Действительно, если суммарные военные расходы четырех ведущих стран НАТО (США, Великобритании, Германии и Франции: НАТО-4)¹² с 1992

¹¹ Необходимо отметить, что Саудовская Аравия на настоящий момент получила приглашение войти в БРИКС+, но окончательно в это объединение еще не вошла.

¹² Согласно базе данных военных расходов SIPRI, эти страны имели самые высокие военные расходы из всех членов НАТО в 2022 г. и на их долю приходится абсолютно большая часть суммарных военных расходов НАТО (URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>; дата обращения: 10.07.2024).

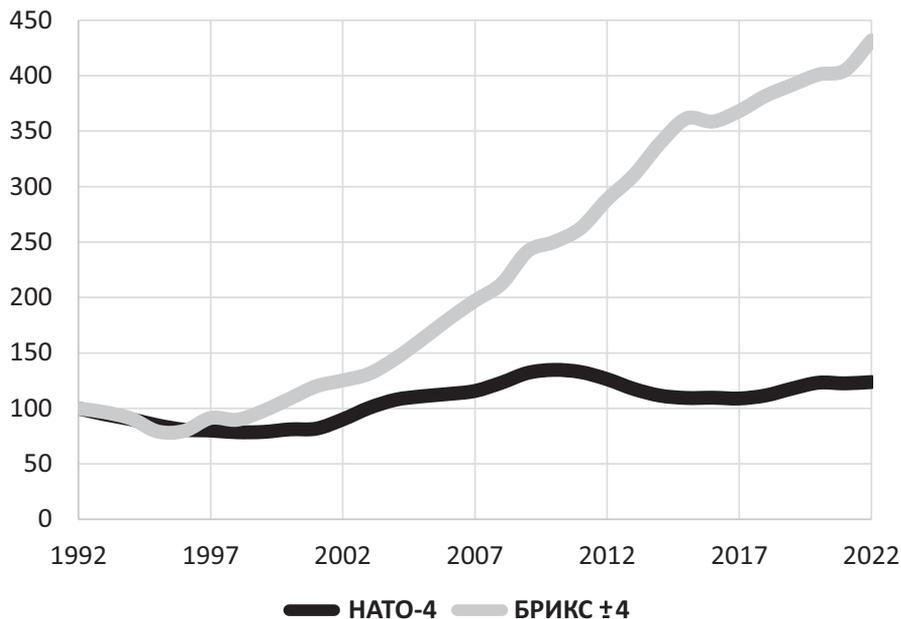

Рисунок 3. Относительная динамика суммарных военных расходов четырех стран НАТО (США, Великобритании, Германии и Франции: НАТО-4) и четырех стран БРИКС+ (Россия, КНР, Индия, Саудовская Аравия: БРИКС±4) с самыми высокими военными расходами (100 = уровень 1992 г.), 1992–2022 гг.

Figure 3. Relative dynamics of total military expenditures of four NATO countries (USA, UK, Germany and France: NATO-4) and four BRICS+ countries (Russia, China, India, Saudi Arabia: BRICS±4) with the highest military expenditures (100 = 1992 level), 1992–2022

Источник: База данных военных расходов SIPRI. – URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 10.07.2024).

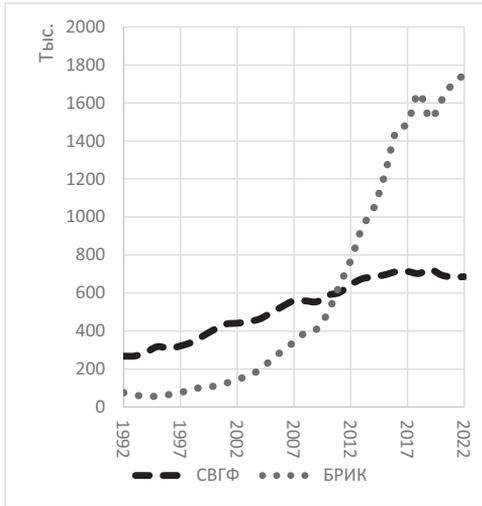
по 2022 г. выросли (с учетом инфляции) на 24%, то военные расходы БРИКС±4 (Россия, Китай, Индия, Саудовская Аравия)¹³ за тот же период подскочили на 332% (см. рисунок 3). В результате если в 1992 г. суммарные расходы БРИКС±4 были меньше, чем у НАТО-4, почти в 7 раз, то в 2022 г. – менее чем в 2 раза (рисунок 2), а по паритетам покупательной способности военные расходы

БРИКС±4 уже значительно обгоняют показатели по НАТО-4¹⁴.

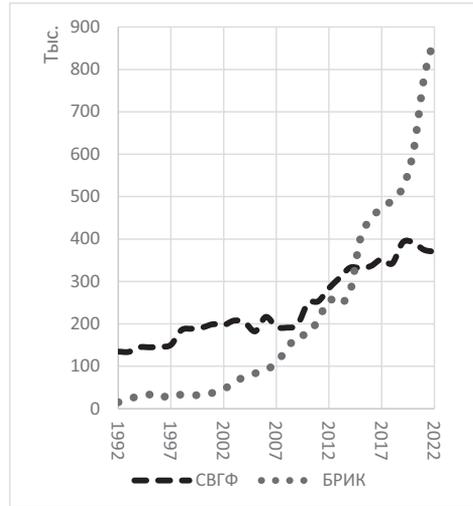
Особо стоит остановиться на патентной статистике. В целом сопоставление этой статистики для четырех ведущих государств БРИКС+ и в целом незападного мира (БРИК = Бразилия + Россия + Индия + Китай) и четырех ведущих стран Запада (СВГФ = США + Великобритания + Германия + Франция) представлено на рисунке 4.

¹³ Согласно базе данных военных расходов SIPRI, эти государства имели самые высокие военные расходы из всех стран БРИКС+ в 2022 г. и на их долю приходится абсолютно большая часть суммарных военных расходов БРИКС+ (URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>; дата обращения: 10.07.2024).

¹⁴ Однако следует сказать, что украинский конфликт подтолкнул западные страны к увеличению военных расходов, таким образом, началась спираль гонки вооружений. В то же время США, главный субъект в военных расходах Запада, не увеличивают свои военные расходы существенно (если смотреть по их доле в ВВП).

а) Патентные заявки

б) Выданные патенты

Рисунок 4. Динамика общего числа патентных заявок, сделанных в четырех ведущих государствах БРИКС+/незападного мира (БРИК = Бразилия + Россия + Индия + Китай) и четырех ведущих странах Запада (СВГФ = США + Великобритания + Германия + Франция) и общего числа патентов, выданных в этих странах, 1992–2022 гг.

Figure 4. Dynamics of the total number of patent applications (in thousands) made in the four leading BRICS+/non-Western countries (BRIC = Brazil + Russia + India + China) and the four leading Western countries (NAGF = USA + UK + Germany + France) and the total number of patents (in thousands of pieces) issued in these countries, 1992–2022

Источник: База данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС/WIPO). – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 10.07.2024).

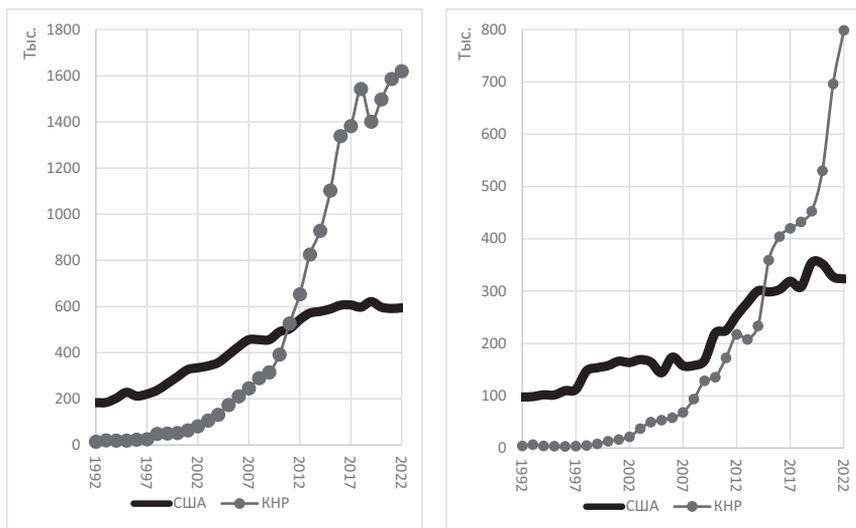
Как мы видим, по числу патентных заявок БРИК обогнали четыре ведущих государства Запада (СВГФ) еще в 2011 г., и на 2022 г. по этому показателю они обогнали их почти в 3 раза. По выданным патентам БРИК обогнали СВГФ в 2015 г., и в 2022 г. первые выдали более чем в 2 раза больше патентов на изобретения, чем вторые.

Однако более внимательный анализ показывает, что столь впечатляющих успехов БРИК удалось добиться почти исключительно благодаря Китаю (но, впрочем, и более чем трехкратный рост числа патентных заявок и выданных патентов был достигнут в 1992–2022 гг.

в странах СВГФ почти исключительно благодаря США) (рисунок 5).

Применительно к ведущим странам БРИКС+/не-Запада и Запада второго уровня (БРИ, с одной стороны, и ВГФ – с другой) изменение баланса сил здесь выглядит отнюдь не столь драматично, но прослеживается оно и здесь (рисунок 6).

Преимущества БРИКС+ и стремление присоединиться к организации. В 2023–2024 гг. расширение БРИКС (были приняты 4 новые страны) и выраженное желание со стороны десятков стран из Азии, Африки, Латинской Америки присоединиться

а) Патентные заявки

б) Выданные патенты

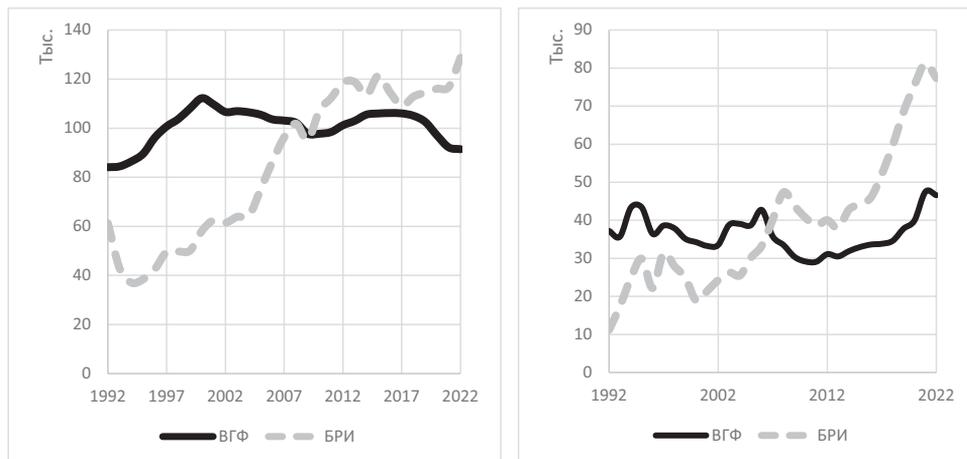
Рисунок 5. Динамика общего числа патентных заявок, сделанных в КНР и США, и общего числа патентов, выданных в этих странах, 1992–2022 гг.

Figure 5. Dynamics of the total number of patent applications (in thousands of pieces) made in China and the USA, and the total number of patents (in thousands of pieces) issued in these countries, 1992–2022

Источник: База данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС/WIPO). – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 10.07.2023).

к организации стало одним из веховых явлений. Несомненно, стремление нескольких десятков государств мира вступить в БРИКС требует осмысления. Требуется понять, каковы причины такого массового движения. Мы пытаемся вскрыть эти причины, показать, что определенные характеристики БРИКС отвечают желаниям многих стран. Найденные нами формулировки позволяют сформулировать авторскую оценку и дать прогноз. Поскольку все мировые организации от ООН до ВТО или полностью коррумпированы, подмяты США или просто игнорируются ими, как ВТО, незападные страны (их очень большая часть) испытывают дискомфорт в отсутствии возможности вести собственный диалог на гло-

бальном уровне. В этом смысле БРИКС в известной мере может закрыть дефицит относительно равноправного партнерства, партнерства без требований следовать западной повестке, в чем сейчас растущие страны Глобального Юга испытывают потребность. Поясним сказанное дополнительно. Уже в течение длительного времени протесты против навязывания американского диктата облекались не только в политическую и экономическую формы, но и в цивилизационные и культурные термины (см., например, [Acharya, 2004; Fazi, 2024]). Многие страны протестуют против американской универсализации политики и культуры, справедливо утверждая, что у народов мира могут быть разные взгляды и культуры, и по-

а) Патентные заявки

б) Выданные патенты

Рисунок 6. Динамика общего числа патентных заявок, сделанных в ведущих странах не-Запада и Запада второго уровня (БРИ, с одной стороны, и ВГФ – с другой), и общего числа патентов, выданных в этих странах, 1992–2022 гг.

Figure 6. Dynamics of the total number of patent applications (in thousands of pieces) made in the leading countries of the Non-West and the West of the second level (BRI, on the one hand, and WGF, on the other), and the total number of patents (in thousands of pieces), issued in these countries, 1992–2022

Источник: База данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС/WIPO). – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 10.07.2024).

пытки США навязывать силой свои ценности остальному человечеству контрпродуктивны¹⁵. Это тем более справедливо, что теперь вместо либеральных ценностей, связанных с правами и свободами человека, навязываются антинравственные ценности разрушения семьи, брака, калечения детей, пропаганды гомосексуальных и иных взглядов, а также идет продвижение иных «ценностей» и навязывание глобалистской зеленой повестки. С учетом же деятельности многих тысяч НКО, которые ставят своей целью под видом продвижения культурной повестки дискредитировать и подрывать политический порядок во мно-

жестве стран, требование признания культурно-цивилизационной независимости становится очень важным.

Что может дать БРИКС+ для выработки курса к новому мировому порядку? Выше мы изложили свое видение контуров нового мирового порядка и возможных его принципов. Очевидно, что при модели «концерта» ведущих мировых сил мир не может быть одноили двухполярным. Он должен иметь несколько полюсов. Условно можно говорить о многополярном мире, имея в виду, что число полюсов будет больше двух или даже трех.

Однако мир должен быть не только многополярным, но и обязательно

¹⁵ Слова Мухаммеда бен Салмана, кронпринца Саудовской Аравии, в июле 2022 г. на встрече с Джоозефом Байденом. См.: Crown Prince to Biden: Every Country Has Its Own Different Values that Must Be Respected // Saudi Gazette. – 2022. – July 17. – URL: <https://saudigazette.com.sa/article/623026> (дата обращения: 10.07.2024).

должен иметь разные культурные и политические модели. Тут может быть уместна древнекитайская идея «пусть расцветают сто цветов». Поэтому необходимо уйти от евро- и американо-центризма, навязывания западных стереотипов. БРИКС – сила, которая может этому всячески способствовать.

Необходимо также создавать новую мир-системную среду, более благоприятную для развития и более дружественную к странам разного уровня развития и культуры. БРИКС – модель такого развития.

В БРИКС могут быть выработаны некоторые принципы нового мирового порядка, поскольку в этой организации нет явного доминирования одного члена, соответственно, тут просматривается некий прообраз будущего мирового «концерта», где нужно поддерживать баланс сил и интересов.

Это вовсе не значит, что БРИКС и есть прообраз будущего мироустройства, но это значит, что БРИКС может быть одним из «мостиков» к нему. И если это рассматривать как реальность, тогда можно осторожно планировать движение в направлении выработки принципов и паттернов (прецедентов) к будущему мировому порядку.

Нередко в адрес БРИКС высказывается критика (особенно со стороны западных аналитиков), что по сути это не союз, не образование, а некий клуб (см., например, [Cooper, Farooq, 2013]). В какой-то мере критики правы. Организационно БРИКС пока еще достаточно аморфен. Однако то, что он существует уже почти 20 лет, показывает, что такой формат имеет свои преимущества. Мы думаем, именно такой формат, в котором нет жесткой

обязательности и зарегулированности, который не ставит каких-то сверхамбициозных планов, но спокойно, шаг за шагом, укрепляет отношения между странами, входящими в него, и привлекает многих. При этом можно прогнозировать, что в случае увеличения числа членов БРИКС движение к большей организованности пойдет неизбежно. Но мы полагаем, что такого рода формат и дальнейшие организационные решения в отношении очень разноплановых будущих членов могут существенно помочь в поиске новых форм будущей международной организации.

БРИКС как глобальный проект

В настоящее время в мире мало глобальных проектов, которые могли бы охватить большое количество стран, были бы межрегиональными, межконтинентальными. Можно вспомнить инициативу «Один пояс – один путь». Есть попытки Запада предложить глобальный проект Африке. Программа западной «семерки» называется *Build Back Better World (B3W)* (см., например, [Mutlu, 2023; Mwadi, Mimbale, 2023]). И они обещали до 2035 г. ни много ни мало 40 трлн долл. на инфраструктурные проекты в страны с низким доходом (а большинство таких стран – именно в Тропической Африке)¹⁶. Однако (при всей значимости таких проектов, особенно китайского) их продвижение буксует. В отношении западных проектов у развивающихся стран всегда есть подозрение в том, что они с «двойным дном», что их цель – усилить зависимость стран от США (недаром в Африке приветствуют присутствие России, рассматривая его как некий противовес Западу).

16 Одно из мест соперничества – Демократическая Республика Конго, одно из крупнейших государств Африки по площади и населению, очень богатое дефицитными полезными ископаемыми (включая редкоземельные металлы), в котором, однако, фактически почти непрерывно идут гражданские войны. Сейчас власти и общественность этой страны обсуждают плюсы и минусы западной и китайской программ для Африки (см., например, [Mwadi, Mimbale, 2023]).

В отношении китайского проекта есть важный момент: страны боятся усиления Китая. Неудивительно, что Индия стала предлагать собственный проект, который, правда, сейчас под угрозой из-за конфликта в Газе. Однако если бы такие проекты шли под эгидой БРИКС, даже при ведущей роли Китая, ситуация могла бы выглядеть более интересно для развивающихся стран. При этом и Индия, и Россия, и Бразилия могли бы в той или иной мере принимать участие в таких проектах, и можно было бы использовать банк БРИКС. Разумеется, такая кооперация – дело сложное и небыстрое, но она могла бы сильно повысить статус организации и сделать ее важным игроком, привлекая для этого дела и новых членов, таких, например, как КСА или ОАЭ. Во всяком случае усиление одной страны вызывает напряжение, усиление объединения – меньшее, по крайней мере, на каком-то значимом временном отрезке. А чем больше стран будет в организации, тем более реально глобальным может выглядеть проект. Таким образом, БРИКС+ мог бы выступать как совокупность глобальных проектов самых разных типов.

Конечно же, можно сказать, что БРИКС – это эксперимент. В нем могут усилиться противоречия, особенно при сильном расширении (как случилось в ЕС), БРИКС может быть не навсегда (ни один союз не бывает вечным), но нам важнее БРИКС как переходный феномен в контексте движения к новому мировому порядку.

Заключение

Современная Мир-Система находится на очень сложном и опасном переломе, в состоянии ускоряющейся реконфигурации и нарастающей турбулентности. Есть основания говорить о том, что этот период в 2030–2040-е годы должен завершиться формировани-

ем более или менее ясных контуров нового мирового порядка, если, конечно, период распада современного однополярного порядка не затянется.

Поскольку будущее зависит от многих факторов, естественно, должны возникнуть разные варианты укрепления нового мирового порядка. Но мы полагаем, что описанная нами модель Gx («концерта» ведущих акторов) имеет неплохие шансы реализоваться, так как: а) период хаоса должен когда-то завершиться каким-то порядком; б) новый абсолютный, подобный США, лидер в Мир-Системе почти невозможен; в) новый порядок должен основываться в этом случае одновременно на каком-то консенсусе и силе, способной навязать общие решения; г) консенсус невозможно достигнуть в рамках большого количества членов, тем более навязать решения; д) поэтому этот «концерт» должен включать в себя ограниченное количество реально влиятельных держав и организаций.

Но, вероятно, более прочным мировой порядок может быть при включении нескольких уровней. Два мы описали: это малый «концерт» (G5) и большой «концерт», включающий в себя ряд континентальных и региональных организаций. Но на нижнем этаже требовались бы площадки для большей группы стран, куда будут присоединяться и остальные. Тут как раз такие организации, как БРИКС+, могли бы сыграть важную роль. Ну и, наконец, требовался бы уровень глобального «концерта». Модель, в чем-то похожая на ООН: Генеральная ассамблея, Совет Безопасности, постоянные члены Совета Безопасности. Но более гибкая и менее формализованная. Проблема ООН сегодня (одна из проблем) – необходимость существования слоя функционеров, которые как бы теряют связь со своими странами и которых, как показала практика, сверхдержава может поставить под контроль.

Список литературы

Афонцев С.А. Экономическое изменение многополярного мира: о чем говорят показатели ВВП // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 151–170. – DOI: 10.31249/poln/2024.02.07.

Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 6–25.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.

Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Глобальные трансформации Мир-Системы и контуры нового мирового порядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 124–150. – DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. – Москва : Московская редакция издательства «Учитель», 2016. – 496 с.

Истомин И.А. Американская стратегия и международный порядок после холодной войны // Актуальные проблемы мировой политики. – 2020. – Т. 10. – С. 405–431.

Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. – Москва : Издательство Дипломатической академии МИД России, 2020. – 492 с.

Кортунов А.В. Многополярность и многосторонность – два измерения будущего миропорядка // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 80–101. – DOI: 10.31249/poln/2024.01.04.

Лебедева М.М. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики // Политическая наука. – 2024. – № 2. – С. 102–123. – DOI: 10.31249/poln/2024.02.05.

Мельвиль А.Ю. Новые вызовы для политической науки // Политическая

наука. – 2024. – № 2. – С. 16–36. – DOI: 10.31249/poln/2024.02.01.

Фриман Ч. Дожить до грядущего мирового порядка // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22, № 5. – С. 60–71.

Acharya A. How ideas spread: Whose norms matter? Norm localization and institutional change in Asian regionalism // International organization. – 2004. – Vol. 58, N 2. – P. 239–275.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. – London : Verso, 1994. – 400 p.

Cooper A.F., Farooq A.B. BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. – 2013. – Vol. 4, N 4. – P. 428–433.

Fazi T. Kamala Harris is a neocon in disguise // UnHerd. – 2024. – September 18. – URL: <https://unherd.com/2024/09/kamala-harris-is-a-neocon-in-disguise/> (дата обращения: 20.09.2024).

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Future political change. Toward a more efficient world order // Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome / ed. by V. Sadovnichy, A. Akaev, I. Ilin, S. Malkov, L. Grinin, Y. Sayamov, A. Korotayev. – Cham : Springer, 2023. – P. 191–206. – DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_11.

Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Global trends and forecasts of the 21st century // World Futures. – 2021. – Vol. 77, N 5. – P. 335–370. – DOI: 10.1080/02604027.2021.1949939.

Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. – Cham : Springer Nature, 2015. – 252 p. – DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9.

Grinin L., Tsirel S., Korotayev A. Will the explosive growth of China continue? // Technological Forecasting & Social Change. – 2015. – Vol. 95. – P. 294–308.

Komlosy A. Crises, long waves, and world system analysis // Journal of Global-

ization Studies, – 2019. – Vol. 10, N 2. – P. 55–76.

Kurtz D.V. Politics, culture, rhetoric, global warming: From local to global realities // Journal of Globalization Studies. – 2019. – Vol. 10, N 1. – P. 3–18.

Modelski G., Thompson W.R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics. – Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1996. – 263 p.

Mutlu N. A Causal Comparative Research: Build Back Better (B3W) and Global Gateway (GG) Projects from a Geoeconomic Perspective // UPA Strategic Affairs. – 2023. – Vol. 4, N 1. – P. 48–83.

Mwadi B., Mimbale M. Build Back Better World Versus the Belt and Road Initiative: Why DRC Might Find Itself in a Complex Dilemma? // Journal of Globalization Studies. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 55–84.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. – Geneva : World Economic Forum, 2020. – 280 p.

Vieira P. China as the possible new hegemon: an assessment based on Giovanni Arrighi's theoretical framework // The World System in Transition / Ed. by C. Penaforte. – Porto Pelotas : Editora UFPel, 2022. – P. 104–130.

Wallerstein I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. – New York : New Press, 2003. – 324 p.

Weizsäcker E.U. von, Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet – A Report to the Club of Rome. – New York : Springer, 2018. – 220 p.

Wohlforth W., Brooks S. The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United States // Foreign Affairs. – 2016. – Vol. 95, N 3. – P. 91–104.

Zakaria F. The Post-American World. – New York : Norton, 2008. – 304 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04

Shaping a New World Order and BRICS+

Leonid E. GRININ

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher at the Centre for Stability and Risk Analysis
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000;
Leading Researcher
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka Street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031
E-mail: leonid.grinin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0278-2619

Anton L. GRININ

PhD (Biology), Researcher Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, building 13, Moscow, Russian Federation, 119991;
Senior Researcher at the Centre for Stability and Risk Analysis
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: algrinin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0912-0423

Andrey V. KOROTAYEV

Dr. Sc. (History), Director of the Centre for Stability and Risk Analysis
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000;
Leading Researcher
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka Street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031;
Professor of the Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, building 13, Moscow, Russian Federation, 119991
E-mail: akorotayev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3014-2037

CITATION: Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. (2024). Shaping a New World Order and BRICS+. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 61–81 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04

Received: 22.09.2024.

Revised: 03.11.2024.

ASKNOWLEDGMENT. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-11-00160).

ABSTRACT. *Currently, the global system finds itself in a profound crisis, one that necessitates a fundamental reconfiguration and the establishment of a new world order as the only viable path forward. However, the journey toward this emerging order is protracted, arduous, marked by intense conflicts, and remains uncertain in many respects. Simultaneously, competition is escalating across various domains, including the contestation over principles governing coexistence and development. The article analyzes how the transformation processes of the world system can ultimately lead to the destruction of the existing American-led world order and the formation of a new world order based on alternative principles. The article considers the dynamics of such changes over the past decades through comparisons between Western nations and the BRICS countries, including graphical representations. It analyzes the growing role of the BRICS+ association in the formation of a new world order, which is undoubtedly an alternative to and a counterbalance to the United States and the collective Western bloc of nations. The article offers forecasts on some possible contours and principles of the world order. The growing role of new forms of relationships and alliances in the formation of a new world order is emphasized. In particular, it analyzes the potential contributions of BRICS+ to the world community, along with the aspects and directions that can become a model for shaping important principles and mechanisms central to a new world order.*

KEYWORDS: *World System, World System reconfiguration, world order, world order change, new world order, balance of power, BRICS, BRICS+, principles of the new world order, USA, world-system leader, geopolitical rivalry, global project.*

References

- Afontsev S.A. (2024). Economic dimensions of the multipolar world: what do GDP figures really tell. *Political Science*. No. 2, pp. 151–170 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.02.07.
- Arrighi G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso, 400 pp.
- Batalov E.Ya. (2016). New institutionalization of world politics. *International Trends*. Vol. 14, no. 1, pp. 6–25 (in Russian).
- Cooper A.F., Farooq A.B. (2013). BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance. *Global Policy*. Vol. 4, no. 4, pp. 428–433.
- Fazi T. (2024). Kamala Harris is a neocon in disguise. *UnHerd*. September 18. Available at: <https://unherd.com/2024/09/kamala-harris-is-a-neocon-in-disguise/>, accessed 20.09.2024.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2021). Global trends and forecasts of the 21st century. *World Futures*. Vol. 77, no. 5, pp. 335–370. DOI: 10.1080/02604027.2021.1949939.
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2023). Future political change. Toward a more efficient world order. In: Sadovnichy V. et al. (eds). *Reconsidering the Limits to Growth. A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer, 2023, pp. 191–206. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_11.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotayev A.V. (2024). Global transformations of the World System and contours of a new world order. *Political Science*. No. 2, pp. 124–150 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.02.06.
- Grinin L., Korotayev A. (2015). *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Cham: Springer Nature, 252 pp. DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9.
- Grinin L., Korotayev A. (2016). *Middle East, India, and China in the Globalization Processes*. Moscow: Uchitel, 496 pp. (in Russian).
- Grinin L., Tsirel S., Korotayev A. (2015). Will the explosive growth of China continue? *Technological Forecasting & Social Change*. Vol. 95, pp. 294–308.

- Istomin I.A. (2020). American Strategy and International Order after the Cold War. *Actual Problems of World Politics*. Vol. 10, pp. 405–431 (in Russian).
- Karpovich O.G., Manoylo A.V. (2020). *Multipolarity Policy: New Challenges and Threats*. Moscow: Publishing House of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 492 pp. (in Russian).
- Komlosy A. (2019). Crises, long waves, and world system analysis. *Journal of Globalization Studies*. Vol. 10, no. 2, pp. 55–76.
- Kortunov A.V. (2024). Multipolarity and Multilateralism as the Two Dimensions of the Future World Order. *Political Science*. No. 2, pp. 80–101 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.01.04.
- Kurtz D.V. (2019). Politics, culture, rhetoric, global warming: From local to global realities. *Journal of Globalization Studies*. Vol. 10, no. 1, pp. 3–18.
- Lebedeva M.M. (2024). In search of a new world order: interests of actors of world politics. *Political Science*. No. 2, pp. 102–123 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.02.05.
- Melville A.Yu. (2024). New challenges for political science. *Political Science*. No. 2, pp. 16–37 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2024.02.01.
- Modelski G., Thompson W.R. (1996). *Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 263 pp.
- Mutlu N. (2023). A Causal Comparative Research: Build Back Better (B3W) and Global Gateway (GG) Projects from a Geoeconomic Perspective. *UPA Strategic Affairs*. Vol. 4, no. 1, pp. 48–83.
- Mwadi B., Mimbale M. (2023). Build Back Better World Versus the Belt and Road Initiative: Why DRC Might Find Itself in a Complex Dilemma? *Journal of Globalization Studies*. Vol. 14, no. 2, pp. 55–84.
- Schwab K., Malleret T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum, 280 pp.
- Vieira P. (2022). China as the possible new hegemon: an assessment based on Giovanni Arrighi's theoretical framework. In: Pennaforte C. (ed). *The World System in Transition*. Porto Pelotas: Editora UFPel, pp. 104–130.
- Wallerstein I. (2001). *Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World*. Saint Petersburg: University Book, 416 pp. (in Russian).
- Wallerstein I. (2023). *The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World*. New York: New Press, 324 pp.
- Weizsäcker E.U. von, Wijkman A. (2018). *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet – A Report to the Club of Rome*. New York: Springer, 220 pp.
- Wohlforth W., Brooks S. (2016). The Once and Future Superpower. Why China Won't Overtake the United State. *Foreign Affairs*. Vol. 95, no. 3, pp. 91–104.
- Zakaria F. (2008). *The Post-American World*. New York: Norton, 304 pp.

УДК 327(7/8)

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05

Присоединение к БРИКС стран Латинской Америки: проблемы и перспективы

Иван Дмитриевич ГЛУХОВ

научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: ivguerreirodapaz@gmail.com
ORCID: 0009-0001-2252-533X

ЦИТИРОВАНИЕ: Глухов И.Д. Присоединение к БРИКС стран Латинской Америки: проблемы и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 82–102.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05

Статья поступила в редакцию 02.09.2024.

Исправленный текст представлен 25.10.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются перспективы вступления в объединение БРИКС государств Латинской Америки в ходе его возможного нового расширения. Проведен анализ причин, по которым Россия, Китай и Бразилия (выступающая в качестве регионального лидера) могут быть заинтересованы во вхождении в состав БРИКС Боливии, Венесуэлы, Гондураса, Колумбии, Кубы и Никарагуа. Определены основные политические и экономические предпосылки принятия в БРИКС этих государств. Выявлены политические критерии, предъявляемые государствами – членами «ядра» БРИКС к кандидатам на присоединение. Рассмотрена дискуссия между государствами-членами относительно правового и смыслового оформления нового статуса взаимодействия с объединением, который получит название «страна – партнер БРИКС». Сделан вывод, что потенциальное включение Боливии в состав объединения представляется наиболее вы-

годным как для Китая, так и для России в связи с большим количеством совместных проектов по развитию экономики и энергетики. В свою очередь, инициатива Бразилии по поддержке кандидатуры Колумбии может встретить положительный отклик Китая, который стремится к последовательному расширению своего влияния в Латинской Америке. При этом, несмотря на большой экономический потенциал Венесуэлы и геостратегическую значимость Кубы, включение этих стран в расширенный состав БРИКС пока затруднено в связи с тем, что часть членов объединения стремится избежать его ослабления и «размытия» за счет включения экономически и политически нестабильных государств. Часть кандидатов не претендует на вступление в БРИКС в качестве государства-члена: власти Никарагуа заявили о стремлении получить статус страны – партнера БРИКС, а руководство Гондураса – о планах присоединения к Новому банку развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полицентричность, миропорядок, БРИКС, Россия, Латинская Америка, Боливия, Колумбия, Глобальный Юг.

Формирующийся полицентричный мировой порядок подразумевает сосуществование условного моноцентричного Запада, действующего по негласным правилам, навязываемым Соединёнными Штатами, и нескольких крупных конкурирующих и сотрудничающих центров притяжения не-Запада, ставящих во главу угла идею плюрализма в международных отношениях [Аватков, 2022].

В связи с этим особый интерес представляет изучение перспективных диалоговых площадок, в рамках которых потенциально может развернуться конструктивное взаимодействие ведущих государств не-Запада. Одним из подобных пространств является объединение БРИКС.

В данной статье рассматривается значимость присоединения государств Латинской Америки к БРИКС с точки зрения дальнейшего институционального развития объединения. Проанализированы причины, по которым Бразилия и другие государства – члены БРИКС могут быть заинтересованы во включении в его состав Боливии, Венесуэлы, Гондураса, Колумбии, Кубы и Никарагуа. Определены основные политические и экономические предпосылки принятия этих государств в состав БРИКС.

Эволюция БРИКС

В первые годы своего существования объединение БРИКС воспринималось его участниками и внешними наблюдателями в качестве неформального клу-

ба, где ведущие развивающиеся страны могли «сверить часы» относительно тенденций глобального и регионального экономического развития, обсудить наиболее интересные инвестиционные и логистические проекты.

Большая географическая удаленность и разнородность государств – основателей объединения (Бразилии, России, Индии и Китая) вызывала сомнения относительно будущего данного формата. Однако на фоне масштабных глобальных трансформаций, исчезновения единых правил политической и экономической игры [Евстафьев, 2023] вкупе с кризисом межгосударственного общения значимость БРИКС как диалоговой площадки, на которой могут быть озвучены и услышаны мнения различных держав, поступательно возрастала.

Объединение стало пространством, где участники могут рассчитывать на выстраивание взаимовыгодного диалога на основе уважения к культурным и цивилизационным особенностям друг друга без необходимости следовать идеологическим стандартам, навязываемым извне.

Избрав в качестве отправной точки обсуждение экономических планов и перспектив, страны – члены объединения последовательно расширяли повестку дня, включая в спектр тем инвестиционное взаимодействие, спортивное и молодежное сотрудничество. Вскоре последовало и институциональное оформление некоторых аспектов деятельности БРИКС. Так, в 2014 году было подписано Соглашение о Новом банке развития¹.

Несмотря на то, что БРИКС остается неформальным объединением

1 Вступление в силу Соглашения о Новом банке развития БРИКС, подписанного 15 июля 2014 г. Entrada em vigor do Acordo sobre o Novo Banco de Desenvolvimento (NDB) // Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – 2015. – 3 de julho. – Португ. яз. – URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/entrada-em-vigor-do-acordo-sobre-o-novo-banco-de-desenvolvimento-ndb (дата обращения: 13.07.2024).

без собственной штаб-квартиры и постоянных органов, на некоторых направлениях взаимодействия, таких как межпарламентское сотрудничество, происходит укрепление межгосударственных отношений, в том числе подразумевающее частичную институционализацию. В своем обращении к участникам парламентского форума БРИКС, проходившем 11–12 июля 2024 г. в г. Санкт-Петербурге, президент Российской Федерации В.В. Путин заявил о том, что БРИКС в будущем может получить собственную парламентскую структуру².

Эффективность объединения с точки зрения организации и координации экономических проектов между странами-участниками не могла не привлечь внимание руководства государств, стремящихся диверсифицировать свои внешнеполитические контакты и занять достойное место в формирующемся полицентричном миропорядке. В течение 2023 г. между представителями государств «ядра» БРИКС (включает в себя 4 страны-основательницы и ЮАР) состоялись консультации относительно включения в состав объединения новых членов. Члены БРИКС исходили из экономических предпосылок, политической заинтересованности (включение стран, с которыми то или иное государство – член «ядра» БРИКС имеет совместные проекты) и сделали акцент на увеличении региональной представленности. Из обширного списка стран-претендентов на вхождение в расширенный состав БРИКС (БРИКС+) были согласованы кандидатуры ряда государств: Саудовской Аравии и ОАЭ, представляющих Ближний Восток и обладающих уникальными инвестиционными возможностями; Ирана, обладающего выгодным геостратегическим поло-

жением в «сердце» Евразии; Эфиопии и Египта, готовых выступить в качестве плацдармов объединения в Северной и Восточной Африке; Аргентины, членство которой активно продвигалось руководством Бразилии, стремящимся расширить представительство латиноамериканских государств в БРИКС и придать больший вес своим притязаниям в качестве единственного регионального лидера в складывающемся полицентричном мире.

Однако устремлениям Бразилии не суждено было сбыться. После победы кандидата от ультраправых сил Х. Милея на президентских выборах в Аргентине в ноябре 2023 г. новое правительство страны приняло решение о сближении с США и странами Запада и об отказе от вступления в БРИКС+. Подобный поворот стал весомым ударом для левых сил в Латинской Америке, рассчитывавших на консолидацию вокруг Бразилии, проводящей под руководством президента Л. Лулы сбалансированный внешнеполитический курс, основывающийся в первую очередь на интересах «тропического гиганта». Отказ Аргентины не только не нанес репутационного ущерба объединению, но и вызвал внешнеполитическую активизацию ряда государств Латинской Америки, желающих получить бразильскую поддержку собственных притязаний на вхождение в БРИКС+.

Следует также принять во внимание маятниковый характер политической динамики в странах Латинской Америки, подразумевающий регулярный переход власти от левых политических сил к правым и обратно в ходе электоральных циклов. В связи с этим поражение коалиции «Союз за Родину» в ходе президентских выборов 2023 г. вовсе не означает, что аргентинские ле-

2 Путин допустил в будущем создание парламента БРИКС // Известия. – 2024. – 11 июля. – URL: <https://iz.ru/1725984/2024-07-11/putin-dopustil-v-budushchem-sozdanie-parlamenta-briks> (дата обращения: 13.07.2024).

вые окончательно утратили свои политические позиции. Они вполне успешно продолжают противодействовать инициативам президента Х. Милея в Национальном конгрессе, занимают прочное положение в руководстве наиболее экономически развитых провинций Аргентины. Данное положение вкпе с позицией аргентинских бизнес-элит, стремящихся сохранить взаимовыгодные связи с Китаем, вполне способно привести к тому, что политический маятник вновь качнется влево в ходе президентских выборов 2027 г.

По итогам совещания министров иностранных дел стран БРИКС, проходившего в Нижнем Новгороде в июне 2024 г., 28 государств выразили желание войти в состав объединения. В данный список вошли Азербайджан, Алжир, Бангладеш, Бахрейн, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гондурас, Зимбабве, Индонезия, Казахстан, Куба, Кувейт, Марокко, Нигерия, Никарагуа, Пакистан, Сенегал, Сирия, Таиланд, Турция, Уганда, Чад, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея и Южный Судан³. Данный список, однако, не является окончательным. В заявлении по итогам встречи 17 апреля 2024 г. между президентом Бразилии Л. Лулой и Президентом Колумбии Г. Петро содержится пункт о поддержке бразильским правительством заинтересованности Колумбии в скорейшем вступлении в расширенный состав БРИКС в качестве полноправного члена⁴. Также сообщалось о заявке Палестинской

национальной администрации, которая сможет присоединиться к объединению в качестве партнера по диалогу или государства-наблюдателя⁵.

Принимая во внимание повышенный интерес большого числа международных акторов к участию в объединении, Россия на правах государства – председателя БРИКС в 2024 г. продолжила разработку критериев присоединения к объединению в качестве полноправного члена или государства-партнера. Следует отметить, что ранее другие заинтересованные государства могли принять участие во встречах стран – членов БРИКС только по приглашению одного из государств «ядра». Необходимость введения нового формата участия очевидна, поскольку к взаимодействию с БРИКС стремятся не только государства, претендующие на региональное лидерство или обладающие значительным экономическим потенциалом, но и средние и малые державы, желающие увеличить свой политический вес и принять непосредственное участие в формировании полицентричного мира.

Страны – члены расширенного БРИКС продолжают обсуждение критериев присоединения новых участников к объединению. Исходя из положений речи министра иностранных дел Бразилии М. Виейры, произнесенной им в ходе совещания министров иностранных дел БРИКС в Нижнем Новгороде, а также из его комментариев представителям СМИ, может быть сделан вывод, что в настоящий момент об-

3 Костина А. Кандидатский максимум: названы все претенденты на присоединение к БРИКС // Известия. – 2024. – 14 июня. – URL: <https://iz.ru/1712179/anastasiia-kostina/kandidatskii-maksimum-nazvany-vse-pretendenty-na-prisoedinenie-k-briks> (дата обращения: 13.07.2024).

4 Официальное заявление президента Л. Лулы по итогам двусторонней встречи с президентом Колумбии Г. Петро. Declaração do presidente Lula à imprensa após reunião bilateral com o presidente da Colômbia, Gustavo Petro // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2024. – 17 de abril. – Португ. яз. – URL: https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos-e-pronunciamentos/2024/declaracao-do-presidente-lula-a-imprensa-apos-reuniao-bilateral-com-o-presidente-da-colombia-gustavo-petro?set_language=pt-br (дата обращения: 14.07.2024).

5 Костина А. Кандидатский максимум: названы все претенденты на присоединение к БРИКС // Известия. – 2024. – 14 июня. – URL: <https://iz.ru/1712179/anastasiia-kostina/kandidatskii-maksimum-nazvany-vse-pretendenty-na-prisoedinenie-k-briks> (дата обращения: 13.07.2024).

суждаются следующие критерии присоединения к организации⁶:

- участниками БРИКС не могут быть государства, которые не признают друг друга;
- членами организации не могут быть государства, правительства которых прибегают к санкционному давлению в отношении других стран;
- кандидаты на вступление в объединение должны выражать поддержку реформе глобального управления в духе полицентричного миропорядка⁷;
- потенциальные кандидаты должны быть заинтересованы в постепенном отказе от примата доллара США в межгосударственном экономическом взаимодействии и принятии мер, необходимых для перехода на взаимные расчеты в национальных валютах;
- кандидат на присоединение должен разделять ценности БРИКС (называемые в официальных документах «духом БРИКС»), основу которых составляют взаимное уважение, понимание интересов и устремлений друг друга, суверенное равенство, сплоченность, солидарность, открытость, укрепление сотрудничества и нацеленность на достижение консенсуса.

Латиноамериканское видение расширения БРИКС

Состав государств, пополнивших ряды БРИКС в январе 2024 г., демонстрирует новую роль, на которую претендует объединение в формирующемся полицентричном миропорядке. Значительно возросла представлен-

ность регионов, включившихся в процесс глобального обновления и построения новой международной системы. Длительные консультации стран – членов БРИКС по вопросу выработки критериев для включения в состав объединения новых членов и стран-партнеров не случайны: необходимо соблюсти тонкий баланс между разумным расширением с учетом регионального представительства (две-три страны-члена, в числе которых присутствует государство, претендующее на региональное лидерство и несколько стран-партнеров из региона, поддерживающих подобную архитектуру) и при этом не допустить размытия объединения и его чрезмерной политизации.

Бразилия, традиционно находившаяся в авангарде инициатив БРИКС, в настоящее время борется за возможность выступать от лица всего латиноамериканского региона. В данной ситуации задача Бразилии заключается в лоббировании включения в состав объединения своих политических союзников в регионе, а также в выстраивании прочных связей с латиноамериканскими государствами, обладающими геостратегическим, торгово-экономическим и логистическим потенциалом, с целью их постепенного включения в орбиту бразильского регионального влияния. При этом стремление бразильского правительства сформулировать ясный набор критериев для вступления в расширенный БРИКС объясняется также желанием не допустить массового присоединения к объединению китайских, индийских и российских «протезе». Особенно обостри-

6 Речь министра иностранных дел Бразилии М. Виейры на первой рабочей встрече глав внешнеполитических ведомств стран БРИКС. Discurso do Ministro Mauro Vieira na primeira sessão de trabalho da reunião de Ministros de Relações Exteriores dos BRICS // Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – 2024. – 10 de junho. – Португ. яз. – URL: <https://www.gov.br/mre/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/discursos-artigos-e-entrevistas/ministro-das-relacoes-exteriores/discursos-mre/mauro-vieira/discurso-do-ministro-mauro-vieira-na-primeira-sessao-de-trabalho-da-reuniao-de-ministros-de-relacoes-exteriores-dos-brics> (дата обращения: 14.07.2024).

7 Речь идет и о реформе Совета Безопасности ООН, который более не справляется с урегулированием международных кризисов, что особенно ярко продемонстрировали события последних месяцев в Секторе Газа.

эту ситуацию «демарш» нового аргентинского правительства, в результате которого Латинская Америка пока остается недостаточно представленной в структуре БРИКС в страновом отношении.

Прогрессивно мыслящие общественные и политические деятели региона осознают, что в среднесрочной перспективе вступление в расширяющийся БРИКС способно усилить роль того или иного латиноамериканского государства в геоэкономической структуре складывающегося полицентрического миропорядка [Крылов, Глухов, 2024].

В академических кругах Латинской Америки с середины 2010-х годов обсуждаются перспективы расширения и дальнейшей институционализации БРИКС: в 2024 г. эта дискуссия не теряет актуальности. Научные публикации 2010-х годов в основном были посвящены осознанию государствами, составляющими «ядро» БРИКС, своего потенциала в качестве основных движущих сил, формирующих полицентричный миропорядок [Da Silva, 2013], и роста их влияния на геостратегические процессы в Южном полушарии [Bonette, 2021].

В начале третьего десятилетия XXI в. возросло число исследований, посвященных рассмотрению роли государств – членов БРИКС в создании новых международных экономических структур [Fernandes, 2022], которые позволили бы преодолеть гегемонию западных экономик [Cabello, Ortiz, Sosa, 2021].

Группа исследователей из Федерального университета Пелотас, расположенного на юге бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул, пришла к выводу о том, что, несмотря на общее устремление государств – членов БРИКС к реформированию международной экономической системы, по состоянию на 2022 г. критические программы по противодействию либеральному международному порядку так и не были согласованы. Авторы

объясняют подобную ситуацию расхождением позиций отдельных участников объединения [Daldegan, Perachi, Souza, 2022].

В публикациях отдела исследований БРИКС юридического факультета Университета Сан-Паулу высказывается предположение, что расширение объединения в наибольшей степени отвечает интересам Китая и России, в то время как Бразилия и Индия опасаются ослабления БРИКС и его превращения в структуру, дублирующую формат «Группы семидесяти семи». По мнению бразильских исследователей, государства – члены БРИКС могли бы усилить свое влияние на глобальные экономические процессы посредством включения возможно широкого круга заинтересованных государств в проекты Нового банка развития, а также за счет создания «организации сотрудничества по линии Юг – Юг и устойчивому развитию», которая стала бы альтернативой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [Bueno, 2023].

К числу положительных сторон расширения БРИКС латиноамериканские исследователи относят укрепление цивилизационного диалога, оздоровление региональных интеграционных объединений за счет появления новых направлений торгово-экономического взаимодействия, возникновение двусторонних и многосторонних проектов, основанных на принятии уникальности делового подхода государств-партнеров [Shulz, 2023]. В публикациях, выдержанных в критической тональности, указывается на значительную роль Китая в экономических проектах БРИКС для развивающихся государств Южного полушария [Delcourt, 2024]. Авторы высказывают сомнения относительно перспектив данных проектов, полагая, что при их реализации Китай будет исходить из собственных геоэкономических интересов, пренебрегая

реальными потребностями государств Глобального Юга [Vadell, 2019].

М. Росас Гонсалес из Национального автономного университета Мексики посвятила свое исследование различиям в подходах государств – участников БРИКС к потенциальному введению санкций в ответ на агрессивные действия США и других государств «коллективного Запада»: она стремится доказать, что к контрсанкционным мерам готовы прибегнуть лишь Китай и Россия, поскольку торгово-экономическая и инвестиционная взаимозависимость других участников расширенного БРИКС со странами Запада остается довольно высокой [Rosas González, 2024].

Бразильский эксперт по международным отношениям, обозреватель журнала *Americas Quarterly*, приглашенный эксперт Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон, США), сотрудник Фонда Жетулио Варгаса О. Стюнкель отмечает, что «времена, когда членство в БРИКС давало Бразилии только преимущество, подошли к концу» в связи с тем, что Китай и Россия «добились включения антизападных формулировок в итоговые декларации саммитов БРИКС, а также преодолели внутреннее сопротивление Бразилиа и Дели, настаивая на включении в объединение новых членов»⁸.

По мнению О. Стюнкеля, многократные заявления президента Бразилии Л. Лулы о неконфронтационном характере БРИКС расходятся с актуальным положением дел в объединении. Действующие бразильские дипломаты, работающие по линии БРИКС, указывают на то, что с включением

новых членов Бразилиа теряет способность контролировать динамику внутри объединения, а также сталкивается со всё большими трудностями в части проведения равноудаленного внешнеполитического курса⁹. В своей публикации для журнала *Foreign Affairs* О. Стюнкель высказывает предположение о том, что внутренняя борьба между антизападными (Китай, Россия, Иран¹⁰) и «неприсоединившимися» государствами (прежде всего Индией и Бразилией, заинтересованными в сохранении контактов с Западом) определит будущее БРИКС и будет иметь важные последствия для глобального порядка [Gabuev, Stuenkel, 2024].

О. Стюнкель полагает, что БРИКС становится опорой китаецентричного порядка, а также подвергает критике нерешительную политику США в Латинской Америке, инертную стратегию ЕС на переговорах с МЕРКОСУР, которые, по его мнению, вызывают растущее недоумение в Бразилиа, Буэнос-Айресе и других латиноамериканских столицах. Включение одного из латиноамериканских государств в БРИКС, вероятно, способно «пробудить Запад от его пассивности»¹¹.

Взгляд Вашингтона на расширение БРИКС

США традиционно рассматривают Латинскую Америку в качестве подконтрольного региона, реализация внешнеполитических интересов в котором требует ограниченных вложений. Несмотря на то, что администрация Д. Байдена поставила цель по продвижению обнов-

8 Stuenkel O. Brazil's BRICS Balancing Act Is Getting Harder // *Americas Quarterly*. – 2024. – October 21. – URL: <https://www.americasquarterly.org/article/brazils-brics-balancing-act-is-getting-harder/> (дата обращения: 24.10.2024).

9 Ibid.

10 Ferragamo M. What Is the BRICS Group and Why Is It Expanding? // *Council on Foreign Relations*. – 2024. – October 18. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-brics-group-and-why-it-expanding> (дата обращения: 24.10.2024).

11 Stuenkel O. How BRICS Expansion Will Impact South America // *Americas Quarterly*. – 2023. – August 24. – URL: <https://www.americasquarterly.org/article/how-brics-expansion-will-impact-south-america/> (дата обращения: 09.10.2024).

ленной внешнеполитической повестки в отношении государств Латинской Америки, ее успехи на этом направлении оказались весьма скромными в связи с необходимостью активно противодействовать расширению влияния Китая, а также сохранять объемы военной помощи Украине и Израилю.

США оказывают финансовую поддержку только тем государствам региона, которые готовы беспрекословно принимать американскую концепцию демократии. При этом всё большее число государств Латинской Америки стремятся к возможно большей диверсификации своих внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Данным обстоятельством успешно воспользовался Китай, предложивший эффективную программу сотрудничества Гондурасу, Доминиканской Республике, Колумбии, Коста-Рике, Никарагуа и Панаме, что отразилось на объемах взаимодействия как с США, так и с подконтрольными США тайваньскими компаниями¹².

Официальный Вашингтон не считает БРИКС серьезным геополитическим конкурентом, о чём прямо заявил советник президента США по национальной безопасности Д. Салливан 22 августа 2023 г.¹³ В свою очередь, министр финансов США Д. Йеллен в выступлении перед Конгрессом заявила, что инициативы государств БРИКС по дедоллари-

зации не являются серьезным вызовом, а представляют собой «естественное стремление к диверсификации контактов»¹⁴. Научный сотрудник Женевского центра по политике безопасности Г. Моностириакас разделяет позицию американского руководства, называя БРИКС «карточным домиком» и указывая на критическую сумму противоречий между государствами объединения¹⁵.

США рассчитывают на то, что их участие в Североатлантическом альянсе (НАТО), оборонном альянсе АУКУС, а также дальнейшее развитие двусторонних отношений с Японией, Кореей, Саудовской Аравией и латиноамериканскими союзниками нивелирует «скромные геополитические» успехи БРИКС. В то же время эксперты Института мира США А. Галлахер и А. Читхем призывают американское руководство с вниманием отнестись к тому, что более тридцати государств официально заявили о своем стремлении присоединиться к БРИКС. А. Галлахер указывает на то, что принятие большого числа государств в объединение может снизить его эффективность, а также выражает сомнение в скором появлении единой валюты БРИКС, однако обращает внимание американского руководства на необходимость следить за дальнейшей институционализацией БРИКС и укреплять стратегические связи с Саудовской Аравией, Индией и Вьетнамом¹⁶.

12 Кравцов Д. Стратегия США в отношении Латинской Америки // Российский совет по международным делам. – 2023. – 26 сентября. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-ssha-v-otnošenii-latinskoy-ameriki/> (дата обращения: 14.10.2024).

13 Press Gaggle by National Security Advisor Jake Sullivan // The White House. – 2023. – August 22. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2023/08/22/press-gaggle-by-national-security-advisor-jake-sullivan-2/> (дата обращения: 14.10.2024).

14 Zerzan G. Ignoring BRICS Expansion Threatens America's Economic Security // Newsweek. – 2024. – January 12. – URL: <https://www.newsweek.com/ignoring-brics-expansion-threatens-americas-economic-security-opinion-1859634> (дата обращения: 14.10.2024).

15 Monastiriakos G. The BRICS Is Not a Strategic Threat to the United States // Geopolitical Monitor. – 2023. – September 7. – URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/the-brics-is-not-a-strategic-threat-to-the-united-states/> (дата обращения: 14.10.2024).

16 Gallagher A., Cheatham A. What's Driving a Bigger BRICS and What Does it Mean for the U.S.? // The United States Institute of Peace. – 2024. – October 17. – URL: <https://www.usip.org/publications/2024/10/whats-driving-bigger-brics-and-what-does-it-mean-us> (дата обращения: 18.10.2024); BRICS enlargement – a “non-event” or a stage victory against the West? // Friedrich Naumann Foundation. – 2024. – March 27. – URL: <https://www.freiheit.org/latin-america/brics-enlargement-non-event-or-stage-victory-against-west> (дата обращения: 14.10.2024).

Боливия: уверенный полет «андского кондора»

Стремление Боливии стать частью БРИКС неоднократно декларировалось ее представителями на различных уровнях, в том числе президентом страны Л. Арсе¹⁷. В связи с этим заслуживают внимания заявления боливийских властей о том, что страна хотела бы стать стратегическим партнером БРИКС для обеспечения диверсификации экспортных поставок лития, углеводородов и сельскохозяйственной продукции и для увеличения темпов промышленного строительства.

В XXI в. Боливия качественно пересмотрела подходы к геоэкономическому положению страны. Кризис утраты выхода к морю, присутствующий в идейно-ценностном пространстве Боливии со времен завершения Второй Тихоокеанской войны 1879–1883 гг., нашел неожиданное разрешение в начале нынешнего столетия. Боливии не только удалось взять в аренду у перуанского правительства землю для постройки собственного порта на тихоокеанском побережье¹⁸ и согласовать с Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем условия использования крупных портов на атлантическом побережье для боливийского экспорта и импорта,

но и привлечь значительные китайские инвестиции для постройки железнодорожных и автомобильных стратегических транспортных коридоров¹⁹, которые в настоящее время позволяют стране выгодно экспортировать широкую номенклатуру полезных ископаемых, залежи которых были обнаружены и разработаны во второй половине XX – начале XXI в.

Особый интерес в этом контексте представляют значительные запасы боливийского лития: страна располагает 21 млн тонн этого редкоземельного металла (1-е место в мире, 23,6% мировых запасов)²⁰. Таким образом, потенциальное вступление страны в БРИКС позволило бы Боливии навсегда забыть о роли регионального аутсайдера, лишённого выхода к морю, и уверенно шагнуть в будущее.

Начинания Боливии находят положительный отклик в Бразилии. В ходе встречи президентов Бразилии Л. Лулы и его боливийского коллеги Л. Арсе, состоявшейся 9 июля 2024 г. в г. Санта-Крус-де-ла-Сьерра (наиболее населенный город Боливии, главный экономический центр страны), бразильский лидер заявил о поддержке кандидатуры Боливии на вступление в БРИКС, а также на повышение статуса в МЕРКОСУР²¹ (переход от ас-

17 Президент Л. Арсе: Боливия стремится стать стратегическим партнером БРИКС, так как у страны имеются широкие экспортные возможности. Presidente Arce: Bolivia quiere ser un socio estratégico de los BRICS porque tiene una diversidad de productos // Viceministerio de Comunicación. Estado Plurinacional de Bolivia. – 2023. – 31 de agosto. – Исп. яз. – URL: <https://www.comunicacion.gob.bo/?q=20230831/34794> (дата обращения: 23.06.2024).

18 «Боливия Мар»: пятикилометровый коридор на побережье, который Перу предоставила Боливии в аренду на 99 лет. Bolivia Mar: La extensión de 5 kilómetros de la costa que Perú le cedió por 99 años // Agencia infobae. – 2022. – 26 de enero. – Исп. яз. – URL: <https://www.infobae.com/america/peru/2022/01/26/bolivia-mar-la-extension-de-5-kilometros-de-la-costa-que-peru-le-cedio-por-99-anos/> (дата обращения: 23.06.2024).

19 Оливейра Ф. Китай заявляет о новых кредитах для Боливии. Oliveira F. China anuncia novos créditos à Bolívia // Construção Latino-Americana. – 2016. – 7 de outubro – Португ. яз. – URL: <https://www.construcao-latinoamericana.com/news/China-anuncia-novos-creditos-a-bolivia/3121869.article> (дата обращения: 24.06.2024).

20 Литий: Боливия заключила беспрецедентное соглашение с китайским консорциумом по производству аккумуляторов. Lítio: Bolívia fecha acordo inédito com consórcio chinês para fabricar baterias elétricas // Agência «Brasil de Fato». – 2023. – 4 de fevereiro. – Португ. яз. – URL: <https://www.brasildefato.com.br/2023/02/04/litio-bolivia-fecha-acordo-com-consorcio-chines-liderado-por-fabricante-de-bateria-eletrica> (дата обращения: 24.06.2024).

21 Сантос Д. Л. Лула: Бразилия очень положительно относится к перспективе вступления Боливии в БРИКС. Santos D. Lula: Brasil vê como «muito positiva» a entrada da Bolívia nos Brics // Metropoles. – 2024. – 9 de julho. – Португ. яз. – URL: <https://www.metropoles.com/mundo/lula-brasil-ve-como-muito-positiva-a-entrada-da-bolivia-nos-brics> (дата обращения: 15.07.2024).

соцированного членства к полному, одобренному странами – членами общего рынка на саммите в Асунсьоне 8 июля 2024 г.)²². Бразильский президент также подчеркнул значимость торгово-экономического сотрудничества Боливии с «тропическим гигантом»: Ла-Пас остается основным поставщиком природного газа в Бразилию, а также экспортирует значительные объемы минеральных удобрений, которые используются крупными бразильскими агропромышленными предприятиями, прежде всего расположенными в штате Мату-Гроссу-ду-Сул, получившем известность в качестве одного из центров «бразильского агропромышленного чуда».

Л. Лула указал на перспективы сотрудничества предприятий по производству удобрений на бразильско-болливийской границе (район городов Корумба, штат Мату-Гроссу-ду-Сул (Бразилия), и Пуэрто-Кихарро, департамент Санта-Крус (Боливия)). Также Бразилия намеревается поддержать Ла-Пас в постройке предприятий по производству биотоплива²³.

В поддержку кандидатуры Боливии могут высказаться и другие государства – основатели БРИКС. Следует отметить большие перспективы российско-болливийского сотрудничества. В октябре 2023 г. на площадке самого высокогорного ядерного объекта в мире – Центра ядерных испытаний и технологий в Эль-Альто, сооружаемого Госкорпорацией «Росатом» по заказу

Боливийского агентства по атомной энергии (АБЕН), – состоялась торжественная церемония открытия многоцелевого центра облучения и установка в проектное положение корпуса первого в Боливии исследовательского реактора²⁴. Данный исследовательский реактор обеспечит производство радиоизотопной продукции (в том числе для медицинских целей) и будет служить площадкой для обучения болливийских инженеров-ядерщиков.

В церемонии открытия приняли участие генеральный директор Госкорпорации «Росатом» А.Е. Лихачев и президент Боливии Л. Арсе. В декабре 2023 г. Боливия подписала соглашение с компанией *Uranium One Holding*, входящей в состав Госкорпорации «Росатом», о партнерстве в разработке литиевых месторождений с использованием технологии прямой добычи из рассолов солончаков. В рамках данного проекта российская компания предоставит болливийским партнерам технологии и квалифицированную поддержку по организации коммерческой добычи лития [*Lopez Airñes*, 2024].

В свою очередь, в 2023 г. Китай стал одним из ведущих экспортеров в Боливию (объем экспорта составил рекордные 1,17 млрд долл. США). В январе 2024 г. болливийская государственная компания *YBL* и китайский консорциум *SBC* подписали соглашение о совместной разработке месторождений лития. По заявлению президента Л. Арсе, на первом этапе реализации двусто-

22 Нери Л. В отсутствие Милея участники саммита МЕРКОСУР встречают Боливию в качестве полноправного члена организации. Nery L. Sem Milei, cúpula do Mercosul abraça a Bolívia como membro pleno do bloco // Agência UOL. – 2024. – 6 de julho. – Порт. яз. – URL: <https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2024/07/06/sem-milei-cupula-do-mercotel-abraca-a-bolivia-como-membro-pleno.htm> (дата обращения: 15.07.2024).

23 Правительство Бразилии поддерживает вступление Боливии в БРИКС. Governo do Brasil apoia adesão da Bolívia ao BRICS // TV BRICS – International Media Network. – 2024. – 10 de julho. – Порт. яз. – URL: <https://tvbrics.com/pt/news/governo-do-brasil-apoia-ades-o-da-bol-via-ao-brics/> (дата обращения: 16.07.2024).

24 В Боливии состоялась церемония открытия многофункционального центра облучения и начала монтажа исследовательского реактора // Департамент коммуникации Госкорпорации «Росатом». – 2023. – 25 октября. – URL: <https://rosatom.ru/journalist/news/v-bolivii-sostoyalas-tseremoniya-otkrytiya-mnogofunktionalnogo-tsentra-oblucheniya-i-nachala-montazh/> (дата обращения: 16.07.2024).

ронного проекта китайская компания инвестирует в боливийские предприятия порядка 1 млрд долл. США²⁵.

Боливия рассчитывает начать экспорт литиевых аккумуляторов, производимых на базе двух боливийско-китайских промышленных комплексов, к I кварталу 2025 г. Также в феврале 2024 г. боливийский банк *Unión* и торгово-промышленный банк Китая (*ICBC*) пришли к соглашению об использовании национальных валют во взаимных расчетах [*Lopez Airñes*, 2024].

Таким образом, исходя из обсуждаемых в настоящий момент критериев, можно предположить, что Боливия может претендовать на получение членства в БРИКС в ходе его потенциально нового расширения. Андская страна обладает поддержкой государств – основателей БРИКС, нацелена на активное участие в структурах и проектах многополярного мира, дедолларизацию экономики и высказывается за реформу системы глобального управления. Осложнить вступление Боливии в объединение могут только дополнительные критерии, принимающие во внимание общеэкономические показатели и общественно-политическую стабильность в стране (боливийским властям необходимо стабилизировать обстановку в стране и не допустить массовых протестных выступлений или попыток государственного переворота, подобных той, что произошла 27 июня 2024 г.)²⁶.

Колумбия: «большие надежды» левого поворота

Президент Колумбии Г. Петро придерживается курса на многовекторную политику, который заключается в последовательном сближении с левыми и левоцентристскими правительствами региона (что нашло реальное выражение в интенсификации контактов с Бразилией и восстановлении дипломатических отношений с Венесуэлой в августе 2022 г.) при продолжении сотрудничества с США [*Ивановский*, 2023]. Подобно другим левым правительствам, администрация Г. Петро делает ставку на продвижение неолиберальной повестки, включающей борьбу против климатических изменений, сохранение биологического разнообразия, преодоление дискриминации по возрастному, гендерному и этническому принципам²⁷. Во внутренней политике правительство Г. Петро стремится к постепенному переходу от сырьевой модели развития к увеличению доли обрабатывающей промышленности в структуре экономики и преодолению глубокого неравенства в социальной сфере [*Ивановский*, 2022].

Совместное заявление президентов Бразилии и Колумбии, подписанное по итогам встречи в Боготе 17 апреля 2024 г., свидетельствует о расширении бразильско-колумбийских контактов и переходе их двусторонних отноше-

25 Молина Ф. Боливия подписала соглашения с китайской и российской компаниями о добыче лития на солончаках. *Molina F. Bolivia firma convenios con una empresa china y otra rusa para extraer litio de sus salares // El País*. – 2023. – 30 de junio. – Исп. яз. – URL: <https://elpais.com/internacional/2023-06-30/bolivia-firma-convenios-con-una-empresa-china-y-otra-rusa-para-extraer-litio-de-sus-salares.html#> (дата обращения: 17.07.2024).

26 Логинова К. Попытка госпереворота в Боливии: отставной генерал намерился захватить власть // *Известия*. – 2024. – 27 июня. – URL: <https://iz.ru/1718903/kseniia-loginova/popytka-gosperevorota-v-bolivi-otstavnoi-general-namerilsia-zakhatit-vlast> (дата обращения: 17.07.2024).

27 Колумбия: мировая держава и глобальный источник жизни. Программа правительства президента Г. Петро и вице-президента Ф. Маркес на 2022–2026 гг. *Colombia: potencia mundial de la vida. Programa del gobierno 2022–2026. Presidente Petro. Vicepresidenta Francia // Presidencia de la República de Colombia*. – 2023. – 10 de mayo. – Исп. яз. – URL: <https://www.presidencia.gov.co/prensa/Paginas/Conozca-aqui-el-Plan-Nacional-de-Desarrollo-2022-2026-Colombia-potencia-mundial-de-la-vida-230510.aspx> (дата обращения: 19.07.2024).

ний в статус стратегических. Бразилия и Колумбия намереваются совместно продвигать экологическую повестку (сохранение биоразнообразия, защита вымирающих видов, борьба с обезлесением и лесными пожарами, зеленая энергетика) в региональных и международных организациях. Бразилия заявила о готовности выступить в поддержку колумбийского кандидата на пост генерального секретаря Организации Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки. Обе страны договорились о продолжении работ по улучшению логистической связности южноамериканского региона в рамках одного из проектов мультимодальных транспортных коридоров, реализуемых организацией «Инициатива по интеграции региональной инфраструктуры Южной Америки» (*IRSA-Cosiplan*), основной целью которых является повышение транспортной связанности атлантического и тихоокеанского побережий²⁸.

Бразилия и Колумбия активизируют работы по сооружению речных транспортных систем под условным названием «Амазонская ось», в особенности его участка от порта Манаус, штат Амазонас (Бразилия), до порта Манта, департамент Кундинамарка (Колумбия) [Кучинов, Мацур, 2021].

Наблюдается также и сближение с Китаем: в октябре 2023 г. в ходе официального визита президента Г. Петро в Пекин Китай и Колумбия подписали 12 документов о двустороннем сотрудничестве, а также заявили о повыше-

нии уровня отношений, Колумбия поддержала принцип «одного Китая»²⁹.

В последние годы отмечается многократный рост прямых китайских инвестиций в экономику Колумбии, Китай продолжает участвовать в реализации крупных инфраструктурных проектов, включая сооружение железнодорожных и автомобильных магистралей, а также в подготовке к прокладке первых линий метро в столице Колумбии Боготе.

Однако следует отметить, что США остаются основным импортером колумбийских товаров. Так, по итогам 2023 г. США закупили колумбийской продукции на 14,1 млрд долл., заняв 1-е место среди зарубежных импортеров. В свою очередь, Китай и Индия занимают 3-е и 4-е места в списке импортеров.

В 2023 г. Китай закупил колумбийской продукции на 2,46 млрд долл., а Индия – на 2,39 млрд долл. Основу колумбийского экспорта составляют минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки, драгоценные металлы, драгоценные и полудрагоценные камни, натуральный и культивированный жемчуг, а также кофе, чай и специи³⁰.

При рассмотрении перспектив включения Колумбии в расширенный состав БРИКС можно констатировать, что политические соображения пока значительно превосходят объективные экономические показатели. Колумбия много лет была одним из стратегических форпостов США в Латинской Америке, в мае 2022 г. президент США Д. Байден подписал постановление о предоставле-

28 Официальное заявление президента Л. Лулы по итогам двусторонней встречи с президентом Колумбии Г. Петро. Declaração do presidente Lula à imprensa após reunião bilateral com o presidente da Colômbia, Gustavo Petro // Presidência da República Federativa do Brasil. – 2024. – 17 de abril. – Порт. яз. – URL: https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos-e-pronunciamentos/2024/declaracao-do-presidente-lula-a-imprensa-apos-reuniao-bilateral-com-o-presidente-da-colombia-gustavo-petro?set_language=pt-br (дата обращения: 14.07.2024).

29 Колумбия и Китай подписали 12 документов о двустороннем сотрудничестве. Colombia y China suscribieron 12 instrumentos de cooperación // Cancillería de la República de Colombia. – 2023. – 25 de octubre. – Исп. яз. – URL: <https://www.cancilleria.gov.co/newsroom/news/colombia-china-suscribieron-12-instrumentos-cooperacion> (дата обращения: 19.07.2024).

30 По данным Министерства сельского хозяйства США и базы данных *TrendEconomy*.

нии Колумбии статуса основного союзника США вне НАТО³¹.

Сбалансированный политический курс правительства Г. Петро представляет левым силам региона уникальную возможность «переманить» Колумбию в свой лагерь. Эти соображения подтвердятся в том случае, если Бразилия не снизит своей активности по вовлечению Колумбии в орбиту собственного влияния, совместные региональные и международные проекты и деятельно поддержит заявку Боготы на октябрьском саммите БРИКС. Однако нельзя не признать, что переориентирование колумбийской экономики, а также расширение торгово-экономических связей с Россией, странами Ближнего Востока и Африки потребует немалых временных и материальных инвестиций, а также долговременного пребывания у власти политических сил, ориентированных на включение Колумбии в процессы формирования полицентричного мира.

Венесуэла: «боливарианская неопределенность»

О своем интересе к вступлению в расширенный формат БРИКС и поддержке бразильского видения будущего этого объединения заявил президент Венесуэлы Н. Мадуро в ходе встречи с президентом Бразилии Л. Лулой в Бразилиа 29 мая 2023 г. Венесуэльский лидер отметил, что «БРИКС представляет собой будущее мировой геополитики»³².

В ходе большого телевизионного выступления 20 февраля 2024 г. Н. Мадуро отметил, что «сегодня на смену старому колониальному миру, которому были присущи войны, интервенции, геноцид и комплекс превосходства, приходит новый порядок, в авангарде которого находится БРИКС». По мнению Н. Мадуро, полицентричный мир уже существует и процесс его развития нельзя повернуть вспять. Также венесуэльский лидер выразил уверенность в том, что его страна вскоре станет частью БРИКС³³.

По данным Федерального агентства энергетической информации США, Венесуэла обладает крупнейшими разведанными запасами нефти: к IV кварталу 2023 г. этот показатель составил 303,8 млрд баррелей³⁴. При этом Венесуэла не входит в число десяти крупнейших производителей нефти, что указывает на недостаточную производственную базу и необходимость получения соответствующей технологической помощи от дружественных Венесуэле государств³⁵.

По итогам венесуэльский-китайских переговоров на высшем уровне, которые состоялись в Пекине в сентябре 2023 г., страны повысили уровень двусторонних отношений до так называемого всепогодного стратегического

31 Memorandum on the Designation of Colombia as a Major Non-NATO Ally // The White House. – 2022. – May 23. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/05/23/memorandum-on-the-designation-of-colombia-as-a-major-non-nato-ally/> (дата обращения: 19.07.2024).

32 Rigue A. Мадуро: Венесуэла стремится стать членом БРИКС, которое «превращается в магнит, притягивающий тех, кто ищет мира и сотрудничества». Rigue A. Maduro: Venezuela quer fazer parte dos BRICS, que está se «transformando em imã dos que buscam paz e cooperação» // CNN Brasil. – 2023. – 29 de maio. – Португ. яз. – URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/internacional/maduro-venezuela-quer-fazer-parte-dos-brics-que-esta-se-transformando-em-ima-dos-que-buscam-paz-e-cooperacao/> (дата обращения: 20.07.2024).

33 Venezuela to be part of BRICS soon: Maduro // Mehr News. – 2024. – February 20. – URL: <https://en.mehrnews.com/news/212192/Venezuela-to-be-part-of-BRICS-soon-Maduro> (дата обращения: 20.07.2023).

34 Top Producers and Consumers of Oil // U.S. Energy Information Administration <https://www.eia.gov/tools/faqs/faq.php?id=709&t=6> (дата обращения: 21.07.2024).

35 Рейтинг стран по запасам нефти: на каком месте Россия // Нефть и капитал. – 2023. – 24 ноября. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-11-24/rejting-stran-po-zapasam-nefti-na-kakom-meste-rossiya-3088899> (дата обращения: 21.07.2024).

партнерства. Венесуэла стала первой и на данный момент единственной латиноамериканской страной, обладающей таким высоким статусом. В ходе переговоров были подписаны соглашения в сфере экономики и торговли, образования, здравоохранения, туризма, науки и технологий. Венесуэла присоединилась к китайской инициативе «Один пояс – один путь». Китай также остается основным импортером венесуэльской продукции³⁶.

Отношения России и Венесуэлы уже многие годы сохраняют дружеский, доверительный характер. Однако нельзя не отметить, что их политический компонент превалирует над реальным экономическим содержанием. В ходе визита в Каракас заместителя министра иностранных дел России С.В. Вершинина в мае 2024 г. Российская Сторона получила от венесуэльского руководства подтверждение о готовности к расширению сотрудничества и заинтересованности во вхождении в БРИКС³⁷.

Иран, поддерживающий давние дружеские связи³⁸ с Венесуэлой [Глухов, 2023], также может высказаться в пользу инициативы Н. Мадуро, однако говорить о том, что потенциальное рассмотрение кандидатуры Венесуэлы странами «ядра» БРИКС пройдет быстро, было бы оптимистичным, поскольку объединение в первую очередь заинтересовано в экономической и общественно-политической стабильности его новых членов. Неразрешен-

ный территориальный спор с Гайаной из-за региона Эссекибо, оказывающий негативное влияние на военно-политическую стабильность всего латиноамериканского региона, выступает в качестве еще одного осложняющего фактора при рассмотрении венесуэльской заявки.

Куба: туманное будущее Острова Свободы

Министр иностранных дел Кубы Б. Родригес, принимавший участие в совещании глав внешнеполитических ведомств стран БРИКС в Нижнем Новгороде 10–11 июня 2024 г. по приглашению российской стороны, подчеркнул, что взаимодействие в рамках БРИКС открывает перед участниками объединения «новые возможности мирового масштаба»³⁹.

Следует отметить, что участие Кубы в объединении может быть выгодным по ряду причин: речь идет прежде всего о геостратегическом положении Кубы, позволяющем получить контроль над Карибским бассейном и регионом Центральной Америки, а также о доступе к одним из крупнейших в мире запасам никеля и кобальта. Однако социально-экономическое положение Острова Свободы в настоящий момент остается бедственным: Куба переживает сильнейший за последние 30 лет экономический кризис. По данным за 2023 г., 88% населения острова проживает в бедности, ин-

36 Си Цзиньпин и Николас Мадуро объявили о повышении уровня взаимоотношений Китая и Венесуэлы // Российская газета. – 2023. – 13 сентября. – URL: <https://rg.ru/2023/09/13/si-czinpini-nikolas-maduro-obiavili-o-povyshenii-urovnia-vzaimootnoshenij-kitaia-i-venesuely.html> (дата обращения: 21.07.2024).

37 Макеев М. Вершинин: Венесуэла расширяет отношения с Россией и готова к вступлению в БРИКС // Агентство ТАСС. – 2024. – 15 мая. – URL: <https://tass.ru/politika/20807897> (дата обращения: 22.07.2024).

38 «Нерушимая дружба»: Иран и Венесуэла подписали соглашение о сотрудничестве на 20 лет. «Amizade indestrutível»: Irã e Venezuela assinam acordo de cooperação de 20 anos // Globo – G1. – 2022. – 11 de junho. – По португ. яз. – URL: <https://g1.globo.com/mundo/noticia/2022/06/11/amizade-indestrutivel-ira-e-venezuela-assinam-acordo-de-cooperacao-de-20-anos.ghtml> (дата обращения: 22.07.2024).

39 Лавров обсудит с главой МИД Кубы стратегическое партнерство // Агентство ТАСС. – 2024. – 12 июня. – URL: <https://tass.ru/politika/21074967> (дата обращения: 25.07.2024).

фляция достигла рекордных показателей, наблюдается продовольственный кризис, происходят отключения электроэнергетики⁴⁰.

Можно констатировать, что санкционное давление США «дает свои плоды», а помощь от Китая, России и других партнеров Гаваны недостаточна для купирования негативных последствий кризиса. Серьезным ударом, по сути, приведшим к энергетическому кризису последних лет, стала политическая нестабильность в Венесуэле, которая ранее осуществляла поставки нефти на остров по льготным ценам.

Таким образом, рассмотрение перспектив присоединения Кубы к БРИКС возможно только после того, как будет выработана ясная и эффективная схема оказания гуманитарной и экономической помощи Гаване, что позволит преодолеть глубокий социально-экономический кризис и организовать работу собственной кубинской добывающей и обрабатывающей промышленности.

Никарагуа и Гондурас: другие форматы партнерства

Никарагуа поддерживает тесные связи с Россией, Китаем и Ираном. По заявлению президента национальной ассамблеи Никарагуа П. Лопес, страна рассчитывает получить под-

держку государств БРИКС в борьбе с бедностью⁴¹. В свою очередь, советник президента Никарагуа по вопросам инвестиций Л. Ортега «на полях» ПМЭФ-2024 заявил о четкой позиции страны, заключающейся в том, чтобы стать страной-партнером БРИКС. Летом 2024 г. состоялись предварительные консультации на эту тему с представителями российского внешнеполитического ведомства⁴².

Официальные сведения о заявке Гондураса на вступление в БРИКС или присоединение к объединению в качестве страны-партнера отсутствуют. Однако 10 июня 2023 г. в штаб-квартире Нового банка развития БРИКС в Шанхае президент Гондураса С. Кастро представила главе Банка, экс-президенту Бразилии Д. Роуссефф, официальное обращение с просьбой о присоединении к Банку БРИКС⁴³. В поисках финансирования правительство Гондураса приняло решение переориентироваться на государства, поддерживающие развитие политических и экономических структур, альтернативных западным. В марте 2023 г. Гондурас восстановил дипломатические отношения с Китаем, официально признав Тайвань неотъемлемой частью КНР. Посольство Гондураса в Тайбее было немедленно закрыто, а уже в июне 2023 г. открылось дипломатическое представительство Гондураса в Пекине⁴⁴.

40 Топкасова Г. Россия и Куба: перспективы сотрудничества // Российский совет по международным делам. – 2024. – 15 мая. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/sandbox/rossiya-i-kuba-perspektivy-sotrudnichestva/> (дата обращения: 25.07.2024).

41 Хамова Е. Люди БРИКС: Никарагуа и ЦАР выразили желание присоединиться к организации // Известия. – 2024. – 17 февраля. – URL: <https://iz.ru/1651606/ekaterina-khamova/liudi-briks-nikaragua-i-tcar-vyrazili-zhelanie-prisoedinitsia-k-organizatsii> (дата обращения: 24.07.2024).

42 Никарагуа ведет переговоры о вступлении в БРИКС // РИА Новости. – 2024. – 7 июня. – URL: <https://ria.ru/20240607/nikaragua-1951373387.html> (дата обращения: 24.07.2024).

43 Гондурас подал заявку на вступление в банк БРИКС. Honduras apresenta pedido de entrada no Banco dos BRICS // Agência Poder 360. – 2023. – 11 de junho. – Португ. яз. – URL: <https://www.poder360.com.br/poder-internacional/internacional/honduras-apresenta-pedido-de-entrada-no-banco-dos-brics/> (дата обращения: 24.07.2024).

44 После разрыва отношений с Тайванем Гондурас открывает свое посольство в Китае. Depois de romper com Taiwan, Honduras abre embaixada na China // Agência Poder 360. – 2023. – 11 de junho. – Португ. яз. – URL: <https://www.poder360.com.br/poder-flash/depois-de-romper-com-taiwan-honduras-abre-embaixada-na-china/> (дата обращения 24.07.2024).

Заключение

Расширение БРИКС, произошедшее в январе 2024 г., придало объединению импульс к дальнейшему развитию. Если еще несколько лет назад рассуждения о формировании в рамках БРИКС будущей структуры полицентричного мира могли прозвучать как оптимистичное прожектерство, то сегодня активность всё большего числа государств на этом направлении и их живой интерес к БРИКС проявляется всё ярче.

Вопрос о расширении представительства Латинской Америки уже стоит перед объединением. Исходя из проведенного анализа политических и экономических предпосылок вступления в БРИКС+ Боливии, Колумбии, Венесуэлы, Кубы, Никарагуа и Гондураса, можно сделать вывод, что вероятность включения в состав объединения Боливии и Колумбии в качестве полноправных членов весьма велика. Многое будет зависеть от политической воли и дипломатического искусства бразильского руководства, которое получает возможность выступить в роли регионального лидера и сформировать мощную коалицию единомышленников, разделяющих левоцентристские идеалы и общее видение будущего.

Потенциальное включение Боливии в состав объединения представляется наиболее выгодным как для Китая, так и для России в связи с большим количеством совместных проектов по развитию экономики и энергетики. Что касается кандидатуры Колумбии, то инициатива Бразилии по поддержке Боготы может встретить положительный отклик Китая, который стремится к последовательному расширению своего влияния в регионе. Следует отметить, что Китай пойдет на значительное увеличение инвестиций в колумбийскую экономику и попытку «перехвата»

контроля над колумбийским рынком только в том случае, если в Колумбии на длительный период установится доминирование левоцентристских сил.

При этом, несмотря на большой экономический потенциал Венесуэлы (связанный с геологоразведкой, разработкой и рациональным использованием ее природных богатств) и геостратегическую значимость Кубы, включение этих стран в расширенный состав БРИКС займет несколько больше времени. На настоящем этапе подобная перспектива вызовет возражения со стороны той части членов объединения, которая стремится уберечь БРИКС от «размытия» за счет включения экономически и политически нестабильных государств.

Руководство Никарагуа и правительство Гондураса объективно оценивают свою потенциальную роль в объединении в качестве государств-реципиентов (различной помощи, прежде всего экономической), поэтому изначально более скромно и ясно сформулировали свой запрос: Никарагуа претендует на статус страны – партнера БРИКС, а Гондурас стремится стать частью Нового банка развития.

Большим потенциалом для политической и научной дискуссии обладают критерии, которые будут выработаны странами БРИКС+ для включения в объединение новых членов и стран-партнеров. С политической точки зрения данные критерии получили весьма целостное оформление, однако открытым остается вопрос о том, как следует оценивать экономическую состоятельность потенциальных кандидатов.

Вступление в объединение Колумбии и Боливии и их последующая интеграция в совместные экономические проекты государств – участников БРИКС представляется весьма выгодным развитием событий для России.

Расширение БРИКС за счет стран Латинской Америки способно повысить динамику российских торгово-экономических контактов в регионе и нивелировать общее отставание отечественной деловой активности от западных и местных инвесторов посредством «повторного открытия» Латинской Америки [Кузнецов, 2022].

С внешнеполитической точки зрения переход возможно большего числа стран Латинской Америки в лагерь сторонников полицентричного миропорядка усиливает позиции мирового большинства и открывает дополнительные возможности для расширения и интенсификации международно-политического сотрудничества со странами региона.

Список литературы

Аватков В.А. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. – 2022. – № 4 (1694). – С. 21–26.

Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

Евстафьев Д.Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. – 2023. – Том 21. – № 2 (120). – С. 9–21. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21.

Ивановский З.В. Колумбия: смена парадигмы? Вызовы и перспективы «левого дрейфа» // Свободная мысль. – 2022. – № 4 (1694). – С. 69–84.

Ивановский З.В. Политические сдвиги в Латинской Америке. Новые реалии, вызовы и возможности // Свободная мысль. – 2023. – № 1 (1697). – С. 129–144. – DOI: 10.24412/0869-4435-2023-11697-129-144.

Крылов Д.С., Глухов И.Д. Восточный вектор расширения БРИКС: синергия Ближнего Востока и Латинской Америки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Том 16. – № 6. – DOI: 10.31249/kgt/2023.06.03.

Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 3 (115). – С. 254–269. – DOI: 10.312.249/ape/2022.03.11.

Кучинов П.А., Мацур В.А. Межокеанические транспортные коридоры Южной Америки. Инструмент внутрорегиональной интеграции и китайского экономического влияния // Латинская Америка. – 2021. – № 11. – С. 6–19. – DOI: 10.31857/S0044748X0017108-7.

Яковлев П.П. БРИКС после расширения: западная стратегия сдерживания // Перспективы. – 2024. – 31 июля. – URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/briks_posle_rasshirenija_zapadnaja_strategija_sderzhivaniya_2024-07-31.htm (дата обращения: 01.08.2024).

Bonette L. Governança global e zonas periféricas continentais de influência dos BRICS // Caderno Organização Sistêmica. – 2021. – Vol. 1, N 1. – P. 54–71. – Португ. яз. – URL: <https://www.cadernosuninter.com/index.php/organizacao-sistemica/article/view/361> (дата обращения: 26.08.2024).

Bueno E. A expansão dos BRICS: critérios de adesão e novas formas de institucionalização // Grupo de Estudos sobre os BRICS. Universidade de São Paulo. – 2023. – 21 de julho. – Португ. яз. – URL: <https://sites.usp.br/gebrics/a-expansao-dos-brics-criterios-de-adesao-e-novas-formas-de-institucionalizacao/> (дата обращения: 25.08.2024).

Cabello A., Ortiz E., Sosa M. Creciente importancia de los BRICS en la gobernanza financiera y economía globales // Re-

vista Oikos Polis. – 2021. – Vol. 6, N 1. – P. 135–184. – Исп. яз.

Da Silva R. Considerações sobre os novos atores globais no século XXI // Revista Acadêmica de Relações Internacionais. Universidade Federal de Santa Catarina. – 2013. – Vol. 1, N 3. – P. 22–36. – Португ. яз.

Daldegan W., Perachi A., Souza C. O BRICS na governança global: uma análise a partir da contestação e contra-institucionalização em Michael Zürn // Revista Sul-Americana de Ciência Política. – 2022. – Vol. 8, N 2. – P. 1–17. – Португ. яз. – DOI: 10.15210/rsulacp.v8i2.23372.

Delcourt L. BRICS+: une alternative pour le Sud global? // Alternatives Sud. – 2024. – Vol. 21, N 1. – Франц. яз. – URL: <https://www.cetri.be/BRICS-une-alternative-pour-le-Sud?lang=fr> (дата обращения: 26.08.2024).

Fernandes A. Novo Banco de Desenvolvimento e as redes de inovação: os BRICS ainda podem ser os tijolos de uma nova ordem econômica? // Revista Outras Fronteiras. – 2022. – Vol. 9, N 2. – P. 50–66. – Португ. яз.

Gabuev A., Stuenkel O. The Battle for the BRICS // Foreign Affairs. –

2024. – September 24. – URL: https://www.foreignaffairs.com/russia/battle-brics?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_email&utm_content=20241025 (дата обращения: 09.09.2024).

Lopez Airiñes F. Bolivia and the BRICS objective // Transatlantic Policy Quarterly. – 2024. – March 20. – URL: <http://turkishpolicy.com/article/1237/bolivia-and-the-brics-objective> (дата обращения: 16.07.2024).

Rosas González M. Los BRICS ante las sanciones: retrovisión y perspectivas // Revista de relaciones internacionales de la UNAM. – 2024. – N 149. – P. 15–52. – Исп. яз.

Schulz J. BRICS+ y el nuevo diseño de la multipolaridad // Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. – 2023. – N 8. – P. 11–17. – Исп. яз.

Vadell J. La iniciativa BRICS y China: entre la emergencia y la irrelevancia // Nova Economia. – 2019. – Vol. 29, N 2. – P. 401–428. – Исп. яз. – DOI: 10.1590/0103-6351/5410.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05

Latin America's Integration into BRICS: Challenges and Prospects

Ivan D. GLUKHOV

Research Fellow, Department of Interdisciplinary Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ivguerreiodapaz@gmail.com
ORCID: 0009-0001-2252-533X

CITATION: Glukhov I.D. (2024). Latin America's Integration into BRICS: Challenges and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 82–102 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.05

Received: 02.09.2024.

Revised: 25.10.2024.

ABSTRACT. *The article examines the prospects of Latin American states joining BRICS in its possible next enlargement. It explores the reasons why Russia, China, and Brazil (acting as a regional leader in Latin America) may be interested in Bolivia, Venezuela, Honduras, Colombia, Cuba, and Nicaragua joining the grouping. The main political and economic prerequisites for the admission of the aforementioned states to BRICS are identified. The political criteria set by the BRICS “core” member states for accession candidates are outlined. The discussion among the member countries regarding the legal formalization and conceptualization of the new status of interaction with the grouping, referred to as a “BRICS partner country,” is examined. It is concluded that Bolivia’s potential inclusion in the grouping seems to be the most favorable for both China and Russia due to the large number of joint projects related to economic and energy development. In turn, Brazil’s initiative to support Colombia’s candidacy may be met with a positive response from China, which seeks to consistently expand its influence in Latin America. At the same*

time, despite the great economic potential of Venezuela and the geostrategic importance of Cuba, the inclusion of these countries in the enlarged BRICS is still difficult due to the fact that some members of the grouping seek to avoid weakening it through the inclusion of economically and politically unstable states. Some candidates do not aspire to join BRICS as full members: the authorities of Nicaragua have declared their desire to obtain the status of a BRICS partner country, while the leadership of Honduras has announced plans to join the New Development Bank.

KEYWORDS: *multipolarity, world order, BRICS, Russia, Latin America, Bolivia, Colombia, Global South.*

References

- Avatkov V.A. (2022). The Outlines of the New World Order and the Aggressiveness of the West. *Svobodnaya mysl*. No. 4, pp. 21–26 (in Russian).
- Bonette L. (2021). Global Governance and Continental Peripheral Regions of

BRICS Influence. *Caderno Organização Sistêmica*. Vol. 1, no. 1, pp. 54–71 (in Portuguese). Available at: <https://www.cadernosuninter.com/index.php/organizacao-sistemica/article/view/361>, accessed 26.08.2024.

Bueno E. (2023). The Expansion of BRICS: Membership Criteria and New Forms of Institutionalization. *Grupo de Estudos sobre os BRICS. Universidade de São Paulo*. July 21 (in Portuguese). Available at: <https://sites.usp.br/gebrics/a-expansao-dos-brics-criterios-de-adesao-e-novas-formas-de-institucionalizacao/>, accessed 25.08.2024.

Cabello A., Ortiz E., Sosa M. (2021). Growing Importance of the BRICS on the Global Financial Governance and the Economy. *Revista Oikos Polis*. Vol. 6, no. 1, pp. 135–184 (in Spanish).

Daldegan W., Perachi A., Souza C. (2022). BRICS in Global Governance: an Analysis based on the Contestation and Counter-Institutionalization in Michael Zürn. *Revista Sul-Americana de Ciência Política*. Vol. 8, no 2, pp. 1–17 (in Portuguese). DOI: 10.15210/rsulacp.v8i2.23372.

Da Silva R. (2013). BRICS: Considerations on the New Global Actors in XXI Century. *Revista Acadêmica de Relações Internacionais. Universidade Federal de Santa Catarina*. Vol. 1, no. 3, pp. 22–36 (in Portuguese).

Delcourt L. (2024). *BRICS+: An Alternative for the Global South?* Paris: Éditions Syllepse, 180 pp. (in French).

Evstafiev D.G. (2023). Step Beyond the Boundaries of the Global World. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21, no. 2, pp. 9–21 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-8-21.

Fernandes A. (2022). New Development Bank and Innovation Networks: Can the BRICS States Still Be the Bricks of a New Economic Order? *Revista Outras Fronteiras*. Vol. 9, no. 2, pp. 50–66 (in Portuguese).

Gabuev A., Stuenkel O. (2024). The Battle for the BRICS. *Foreign Affairs*. September 24. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/russia/battle-brics>, accessed 09.09.2024.

Glukhov I.D. (2023). Evolution of Iran's Foreign Policy in Latin America within Transformation of International Relations. *Middle & Post-Soviet East*. No. 3, pp. 77–96 (in Russian). DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

Ivanowski Z.V. (2022). Colombia: a Paradigm Change? Challenges and Prospects of the “Left Shift”. *Svobodnaya mysl*. No. 4, pp. 69–84 (in Russian).

Ivanowski Z.V. (2023). Political Shifts in Latin America. New realities, challenges and opportunities. *Svobodnaya mysl*. No. 1, pp. 129–144 (in Russian).

Krylov D.S., Glukhov I.D. (2023). BRICS Broadens to the East in Search of Interregional Synergy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 6 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.06.03.

Kuchinov P.A., Matsur V.A. (2021). South American Interoceanic Transport Corridors. An Instrument of Intraregional Integration and Chinese Economic Influence. *Latinskaya Amerika*. No. 11, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0017108-7.

Kuznetsov A.V. (2022). Russian Direct Investment in Countries of Latin America. *Current Problems of Europe*. No 3, pp. 254–269 (in Russian). DOI: 10.312.249/ape/2022.03.11.

Lopez Airñes F. (2024). Bolivia and the BRICS objective. *Transatlantic Policy Quarterly*. March 20. Available at: <http://turkishpolicy.com/article/1237/bolivia-and-the-brics-objective>, accessed 16.07.2024.

Rosas González M. (2024). The BRICS in the Face of Sanctions: Retrovision and Perspectives. *Revista de relaciones internacionales de la UNAM*. No. 149, pp. 15–52 (in Spanish).

Schulz J. (2023). BRICS+ and the New Design of Multipolarity. *Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales*. No. 8, pp. 11–17 (in Spanish).

Vadell J. (2019). The BRICS Initiative and China: Between Emergence and Irrelevance. *Nova Economia*. Vol. 29, no. 2, pp. 401–428 (in Spanish). DOI: 10.1590/0103-6351/5410.

Yakovlev P.P. (2024). BRICS after Expansion: The Western Strategy of Containment. *Perspektivy*. July 31, 2024 (in Russian). Available at: https://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/briks_posle_rasshirenija_zapadnaja_strategija_sderzhivaniya_2024-07-31.htm, accessed: 01.08.2024.

УДК 327.7

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06

Формирование повестки дня в БРИКС: глобальные проблемы и национальные интересы

Дарья Александровна ЗЕЛЕНОВА

кандидат политических наук, заведующая Центром изучения африканской стратегии БРИКС

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001;

старший научный сотрудник Международного центра антропологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: d.zelenova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5237-4413

Тамара Алексеевна АНДРЕЕВА

младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: t.andreeva@inafr.ru

ORCID: 0009-0003-9195-3578

Максим Сергеевич ГРИШЕНЬКИН

младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС

Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: grishenkinm@inafr.ru

ORCID: 0009-0003-2470-6948

Андрей Алексеевич УФИМЦЕВ

младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001;

стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: aufimtsev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4870-4360

ЦИТИРОВАНИЕ: Зеленова Д.А., Андреева Т.А., Гришенькин М.С., Уфимцев А.А. Формирование повестки дня в БРИКС: глобальные проблемы и национальные интересы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 103–122. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06

Статья поступила в редакцию 08.10.2024.

Исправленный текст представлен 17.12.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья основана на исследовании «тематического портфеля» пяти деклараций саммитов БРИКС с 2019 по 2023 г., принятых в Бразилиа, Москве, Дели, Пекине и Йоханнесбурге. Анализ деклараций показывает, что по всем повесткам дня преобладает нейтрально-позитивный тон. При этом позиции стран – членов БРИКС по ключевым вопросам, касающимся глобального экономического управления, безопасности, науки и образования, заметно совпадают. Качественный контент-анализ деклараций позволяет увидеть, что каждая председательствующая страна инкорпорирует собственные приоритетные задачи в итоговый документ с целью придать им вес и большую огласку на глобальном уровне. Как следствие, происходит постепенное расширение общей повестки БРИКС. Отдельное внимание уделено африканской повестке в декларациях саммитов БРИКС. В конце статьи кратко рассматривается специфика Казанской декларации 2024 г., которая ознаменовала начало нового этапа в развитии БРИКС, связанного с расширением объединения и включением новых членов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *саммитовая дипломатия, БРИКС, глобальное управление, теория повестки дня, Россия, ЮАР, Индия, Бразилия, Китай.*

24 октября 2024 г. в Казани завершился XVI саммит БРИКС, в котором приняли участие 35 делегаций и 22 мировых лидера¹. Принятая по итогам саммита новая Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» – главный документ БРИКС, по которому можно судить

о степени взаимопонимания стран-участниц и дальнейшем векторе интеграции. Документ состоит из 134 пунктов, положенных на 43 страницы, и являет собой самый масштабный по содержанию документ за всю историю саммитовой дипломатии БРИКС.

1 января 2025 г. завершится год председательства России в БРИКС, который проходит в условиях расширенного состава объединения. Членство клуба стран с развивающимися экономиками удвоилось, и теперь совокупное население стран БРИКС составляет 3,6 млрд чел. – это 45% мирового населения. Страны объединения обеспечивают около четверти мирового экспорта товаров и свыше 40% всего объема добычи нефти [Рябков, 2024]. При этом, как показывают документы БРИКС, например, Стратегия экономического партнерства до 2025 г., а также итоговые декларации саммитов, объединение ставит перед собой более сложные задачи – постепенное изменение механизмов глобального управления и сопряжение развития экономик стран-участниц.

По мнению ряда исследователей, характерной особенностью БРИКС, кроме инклюзивного формата или «гибкой геометрии» [Бордачев, Суслов, 2024], является его *позитивная повестка* [Панова, 2024]. Объединение не ограничивается критикой доминирования доллара в международных расчетах и западно-центричного характера институтов, в частности Бреттон-Вудских, но также предлагает альтернативы в виде Нового банка развития (НБР), расчетов в национальных валютах или, например, создания общей зерновой биржи, инициированного Россией.

Таким образом, с момента своего образования в 2009 г. БРИКС постоян-

1 XVI саммит БРИКС. – URL: <https://www.brics-russia2024.ru/summit/> (дата обращения: 07.10.2024).

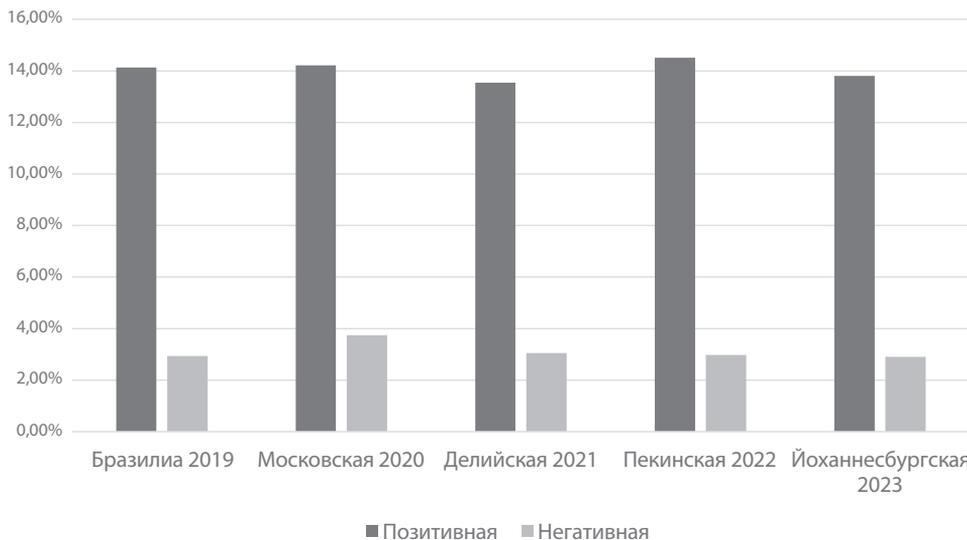

Рисунок 1. Тональность деклараций БРИКС

Figure 1. Tone of the BRICS declarations

но расширяет круг независимых проектов и инициатив и предлагает не только свое видение глобальных проблем, но и выходы из кризисных ситуаций. Например, деятельность НБР была направлена на смягчение экономических последствий пандемии COVID-19 для стран-участниц, их взаимодействие по вопросам глобальной безопасности и здравоохранения тоже возросло [Khamble, 2022]. После украинского кризиса 2014 г. и начала специальной военной операции в 2022 г., а также в условиях введения против России беспрецедентных санкций страны Глобального Юга стали видеть в БРИКС реальную, а не декларативную альтернативу западному доминированию. Страны Глобального Юга, в том числе государства Африки, стали чаще заявлять о своей роли в формировании международной повестки дня [Абрамова, 2024; Дегтерев, 2024], а БРИКС стал не просто удобной площадкой для консолидации позиций по самому широко-

му кругу вопросов, но за пятнадцать лет превратился в эффективный «транс-континентальный институт управления со всеобъемлющей повесткой дня» [Киртон, Ларионова, 2022]. Одновременно с этим объективные тенденции усиления роли развивающихся стран не только в экономике, но и в международных отношениях, их попытки выйти на новые роли в структурах глобального управления (ГУ) превратили БРИКС в ключевую платформу для обсуждения глобальных проблем, волнующих страны незападного мира [Кузнецов, 2019].

Пул вопросов, обсуждаемых на встречах объединения, остается широким и типичным для международных форумов. При этом многие продвигающиеся инициативы были предложены еще до начала современного политического кризиса. Это свидетельствует о том, что, хотя БРИКС адаптируется к изменяющимся условиям, его структура, приоритеты и цен-

ности, основанные на приверженности к более справедливому миропорядку, остаются в значительной степени неизменными, хотя и постепенно эволюционируют под влиянием новых вызовов и изменений на международной арене [Menegazzi, 2020].

Существующая литература по изучению международных клубов формата БРИКС в недостаточной степени отвечает на вопрос, как формируется повестка дня итоговых документов подобных объединений [Xu Yi-chong, Weller, 2017]. В данной статье авторы предлагают оригинальную методику исследования для анализа тематического портфеля последних пяти деклараций саммитов БРИКС с 2019 по 2023 г., которая проливает свет на то, как формируется политическая повестка итоговых документов объединения. На основании сочетания количественного и качественного сентимент-анализа авторы выявили общие ценностные понятия, которые соответствуют так называемому духу БРИКС, а также страновые интересы. Проведенное исследование восполняет существующий пробел в контент-анализе документов БРИКС и подсвечивает ключевые вопросы, волнующие объединение в целом и его участниц. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на позитивный тон и схожесть повесток по ключевым глобальным проблемам, во всех декларациях прослеживается страновая повестка, продвигаемая председательствующей страной. Кейс ЮАР это демонстрирует.

Методология

В данной работе анализируются пять последних деклараций БРИКС на момент проведения исследования: Декларация Бразилиа 2019 г., Московская декларация 2020 г., Делийская декларация 2021 г., Пекинская декларация 2022 г. и Йоханнесбургская декларация

2023 г. Исследование основано на смешанной методологии, которая сочетает количественный тематический анализ и качественную интерпретацию результатов. Такой подход обеспечивает целостное понимание динамики развития тематики деклараций, снижая риск односторонних интерпретаций [Ivanikova, Creswell, 2009].

Первый этап включает в себя формулирование тем и формирование списка слов, которые в эти темы входят. Для этого мы проанализировали все слова и биграммы (сочетания двух слов), которые встречаются в тексте более пяти раз. Пороговое значение определялось эмпирически, исходя из анализа текстов, чтобы включить значимые для исследования термины и исключить редкие или неинформативные элементы. В результате анализа было выделено 85 ключевых слов и биграмм, которые вручную распределены по восьми тематическим категориям: ГУ, безопасность, права человека, экономика, изменение климата, цифровые технологии, наука и образование, а также специальная категория «Африка». Последняя подчеркивает возрастающее значение африканской повестки в рамках БРИКС.

Для корректной обработки текста применялись лемматизация и токенизация при помощи библиотеки для обработки естественного языка *NLTK* на *Python*. Лемматизация была использована для приведения всех слов к их начальной форме [Plisson, Lavrac, Mladenic, 2004]. Это позволило избежать дублирования значений, когда одно и то же слово встречается в разных грамматических формах. Например, слова *develop*, *develops*, *developed*, и *developing* были приведены к базовой форме *develop*. Токенизация разделила текст на отдельные слова и фразы, что упростило их анализ. Таким образом, данные процедуры позволили получить точные количественные показатели встречаемости каждого

слова и биграммы. После токенизации из списка слов были удалены служебные слова и некоторые глаголы, препятствующие корректной интерпретации полученного списка биграмм (например, служебный глагол *to be* и его форма будущего времени *will*)².

Для повышения точности анализа были предприняты меры по исключению контекстных искажений. Например, слово *Africa* включалось в категорию «Африка» только при отсутствии перед ним слова *South*, чтобы избежать учета упоминаний Южно-Африканской Республики. Аналогичный подход применялся к другим неоднозначным словам.

Анализ частотности был дополнен качественным анализом, поскольку смешанная методология обеспечивает баланс между объективностью и глубиной анализа. Количественный подход выявляет основные тренды на основе частотности, минимизируя предвзятость, которая может возникнуть при ручном отборе данных. В то же время качественный анализ позволяет учитывать нюансы, такие как формулировки и контекст использования ключевых слов. Комбинация этих методов снижает риск упрощенных интерпретаций и обеспечивает более надежные выводы [Ivanikova, Creswell, 2009].

Саммитовая дипломатия и теория формирования повестки дня

По своей сути БРИКС представляет относительно новый и уникальный формат неформального межгосударственного объединения, функционирующего в первую очередь за счет рабочих групп и министерских встреч, которые подготавливают повестку к финальному аккорду – саммиту БРИКС. Уни-

кальность формата БРИКС заключается в сочетании формальности встреч на высшем уровне с высокой степенью гибкости, что позволяет эффективно адаптироваться к изменениям международной обстановки и национальных интересов стран-участниц.

В классификации Э.Я. Баталова БРИКС относится к категории института-клуба [Баталов, 2016], являющегося полноправным субъектом международных отношений, так как может оказывать влияние на международную повестку на равных с институционализированными международными организациями. Главная слабость клубов – отсутствие права диктовать условия и конкретные решения странам-участницам. Ключевая и фактически единственная их роль сводится к многосторонним консультациям с целью координации позиций, которые в дальнейшем будут предопределять мировое развитие [Баталов, 2016]. К БРИКС в 2024 г. присоединились пять государств: Эфиопия, Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран. При дальнейшем расширении объединение неизбежно столкнется с проблемой качественной интеграции, что может поставить под вопрос дальнейшую жизнеспособность гибкого формата.

Одним из главных преимуществ БРИКС является способность интегрировать глобальные и региональные повестки. Это проявлялось через использование различных форматов, включая аутрич-практики, которые позволяют БРИКС взаимодействовать с широким кругом стран и международных организаций, не входящих в блок, но располагающихся в субрегионе председательствующей страны [Чжао, Лесаж, 2020].

Немаловажную роль в объяснении механизмов продвижения инте-

2 Полный список слов включает следующие слова: *the, look, within, use, among, into, through, of, we, and, to, on, a, by, our, in, will, for, all, well, be, with, that, it, this, at, an, also, from, or, regard.*

ресов и формирования повестки дня в международных организациях играет теория установки повестки дня (*agenda-setting theory*). Она объясняет, как формируются представления общественности о политических проблемах и целях, их приоритетности и значимости. В международных отношениях этот процесс рассматривается как соревнование, определяемое властными отношениями, между участниками, которые пытаются выдвинуть свою повестку за счет повестки страны-конкурента [Xu Yi-chong, Weller, 2017].

Формирования повестки дня БРИКС определяется тем, что это *консенсусное* объединение. Все решения принимаются по результатам обсуждений, а в итоговые декларации попадают только те положения, с которыми согласны все члены объединения³. Шерпы БРИКС – назначенные государствами послы, представляющие свои страны в объединении. В данном исследовании не было цели исследовать их в процессе формировании повестки дня. Статья ограничивается изучением деклараций и использует данную теорию, чтобы показать, что позитивная повестка БРИКС основана не на реактивной модели ее формирования (идеи спускаются заранее вниз наиболее влиятельными акто-

рами), а на проактивной, когда инициатива исходит от всех стран-участниц. Имеющиеся сравнительные исследования формирования повесток позволяют говорить о том, что БРИКС качественно отличается от западных многосторонних организаций как по формам принятия решений, так и по способам формулирования целей объединения [Xu Yi-chong, Weller, 2017].

Повестки председательствующих стран (2019–2023)

Гипотеза данного исследования опиралась на вышеописанную теорию. Предполагалось, что каждая из стран – участниц БРИКС использует свое председательство для продвижения национальных приоритетов через формирование и обсуждение нужной ей повестки. Итоговые декларации – единственный письменный источник, по которому можно судить о ценностях и приоритетах объединения, а также о степени согласованности по решению глобальных проблем.

В повестке России категория вопросов ГУ занимала одно из центральных мест. Акцент на ней тесно увязан с внешнеполитическими приоритетами страны (таблица 1). Примечательно,

Таблица 1. Проявление национальных интересов председательствующих стран в их итоговых декларациях БРИКС

Table 1. National interests of the BRICS chairing countries in their BRICS declarations

	Продвигаемая в декларации повестка	Проявление в национальной политике
1	2	3
Бразилия (2019)	Увеличение торговых потоков, справедливая мировая торговая система	Национальная стратегия экономического и социального развития ⁴

3 Экспертное интервью с участником российского НКИ БРИКС. – Йоханнесбург, 2024.

4 Estratégia Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social // Ministério do Planejamento, Desenvolvimento e Gestão. – 2018. – 18 de maio. – Португ. яз. – URL: <https://www.gov.br/mdr/pt-br/assuntos/desenvolvimento-regional/pcdr/analises-estrategicas-de-desenvolvimento-regional-e-territorial/DocumentotcnicoEstrategiaNacionaldeDesenvolvimentoEconomicoeSocial2018.pdf> (дата обращения: 27.09.2024).

Продолжение таблицы

1	2	3
Россия (2020)	Историческая память, безопасность, ГУ, космос	Вопросы безопасности и космоса находят отражение в Военной доктрине ⁵ и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ⁶ . В Концепции внешней политики ⁷ широко раскрыта позиция по исторической памяти и ГУ
Индия (2021)	Борьба с терроризмом, цифровые технологии	Ежегодные отчеты МИД России и Минобороны России приводят актуальную трактовку вопросов, связанных с терроризмом. Цифровизация раскрывается в рамках стратегии <i>Digital India</i> . Индия активно продвигает в ООН проект Всеобъемлющей Конвенции против международного терроризма
Китай (2022)	Расширение географии сотрудничества БРИКС	Глобальные амбиции наблюдаются во многих национальных документах, ключевые из которых – Белая книга «Мирное развитие Китая» (2011) ⁸ , План действий по инициативе «Пояс и путь» (2015) ⁹ , коммюнике «Сотрудничество «Пояс и путь»: формирование более яркого общего будущего» (2019) ¹⁰ , Белая книга «Китай и мир в новую эпоху» (2019) ¹¹
ЮАР (2023)	Африка и продвижение интересов всего континента; климат	В Белой книге «Построение лучшего мира: дипломатия убунту» ¹² (2011) возвышение роли ЮАР на международной арене напрямую связано с Африканским континентом. Три раздела Плана национального развития ЮАР до 2030 г. ¹³ посвящены проблеме изменения климата. Данная повестка также раскрывается в многочисленных отраслевых планах действий и коммюнике

Источник: составлено авторами.

что в Московской декларации 2020 г.¹⁴ чаще других упоминаются Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ) и Совет Безопасности ООН (СБ ООН).

Если позиции России по ВТО совпадают с другими декларациями БРИКС, то в вопросе реформы СБ ООН отмечается важное различие. Несмотря на приверженность расширению

5 Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 25 декабря 2014 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – 25 декабря. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 27.09.2024).

6 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации указом от 31 декабря 2015 г.) // Официальный сайт Президента России. – 2015. – 31 декабря. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 27.09.2024).

7 Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт. – 2016. – 30 ноября. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 27.09.2024).

8 China's Peaceful Development White Paper // The State Council the People's Republic of China: official website. – 2011. – September 6. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 27.09.2024).

9 Action plan on the Belt and Road Initiative // The State Council the People's Republic of China: official website. – 2015. – March 30. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 27.09.2024).

10 Belt and Road Cooperation: Shaping a Brighter Shared Future // China Daily. – 2019. – April 28. – URL: https://govt.chinadaily.com.cn/s/201904/28/W55d0b46f2498e12256565e3f1/belt-and-road-cooperation-shaping-a-brighter-shared-future_4.html (дата обращения: 27.09.2024).

11 China and the World in the New Era // The State Council the People's Republic of China: official website. – 2019. – September 27. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WSSd8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (дата обращения: 27.09.2024).

12 White Paper on South African Foreign Policy - Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu // South African Government. – 2011. – May 13. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/foreignpolicy0.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

13 National Development Plan 2030 // South African Government: official website. – 2009. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/ndp-2030-our-future-make-it-workr.pdf (дата обращения: 27.09.2024).

14 XII BRICS Summit Moscow Declaration // Official website of the Kremlin. – 2020. – November 17. – URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 30.09.2024).

представительства развивающихся стран, в Московской декларации ничего не сказано о поддержке стремлений Бразилии, Индии и ЮАР «играть более заметную роль в ООН» – тезис, который последовательно присутствует во всех других декларациях. Такая позиция России могла быть связана с «осторожным, охранительным подходом» на фоне отсутствия с ее стороны конкретных программ и инициатив по реформе СБ ООН [Юрченко, 2020]. В Казанской декларации 2024 г. это снова не было отражено, несмотря на то, что в последнее время в публичных заявлениях всё чаще подчеркивается поддержка стран Африки, Азии и Латинской Америки в этом вопросе¹⁵.

Необходимо выделить преобладание тематики космоса в Московской декларации. Российская позиция акцентируется на долгосрочной устойчивости космической деятельности с упоминанием руководящих принципов ООН. Впервые Россия предложила другим государствам взять на себя обязательства не размещать первыми оружие в космосе в 2004 г., а спустя 10 лет это нашло отражение в Резолюции 69/32¹⁶ ГА ООН. Это намерение неоднократно подтверждалось и в последующие годы [Steer, Hersch, 2021].

Историческая память – еще одна характерная черта российского председательства, которая не упоминается ни в одной из других деклараций. В преамбуле подчеркивается значимость сохранения памяти о победе во Второй мировой войне как общем наследии, необходимость уважения к борцам против фашизма и колониализма. На глобальном уровне эта повестка реализуется, например, через предложение в ГА ООН проектов резолюций о недопустимости героизации нацизма и борьбе с неонацизмом. За рассматриваемый период резолюции, предложенные Россией, были приняты в 2019¹⁷, 2021¹⁸, 2022¹⁹ и 2023 гг.²⁰, причем остальные страны БРИКС поддержали их.

Для Индии приоритетным можно назвать вопрос борьбы с терроризмом (таблица 1). В Делийской декларации²¹ наиболее часто используются слова *terrorism* и *terrorist*. Согласно отчету *Global Terrorism Index*, в 2021 г. она занимала первое место среди стран БРИКС и седьмое в мире по уровню террористической угрозы²², а в течение года в индийской союзной территории Джамму и Кашмир произошло 153 теракта²³.

На частоту упоминаний повлияла и региональная обстановка, в частно-

15 Лавров: РФ при расширении СБ ООН будет поддерживать исключительно развивающиеся страны // ТАСС. – 2024. – 22 февраля. – URL: <https://tass.ru/politika/20061285> (дата обращения: 14.09.2024).

16 Резолюция, принятая ГА ООН 2 декабря 2014 г. // Официальный сайт ООН. – 2014. – 11 декабря. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/662/92/pdf/n1466292.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

17 В Генеральной Ассамблее ООН принята резолюция о борьбе с героизацией нацизма // Официальный сайт ООН. – 2019. – 18 декабря. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/12/1369371> (дата обращения: 15.09.2024).

18 Резолюция, принятая ГА ООН 16 декабря 2021 // Официальный сайт ООН. – 2021. – 6 января. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/402/50/pdf/n2140250.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

19 General Assembly Adopts 51 Third Committee Drafts on Combating Glorification of Nazism, Refugees, Displaced Persons, Protecting Children from Sexual Exploitation // UN Press Release. – 2022. – December 15. – URL: <https://press.un.org/en/2022/ga12483.doc.htm> (дата обращения: 15.09.2024).

20 ГА ООН. Семьдесят восьмая сессия. 50-е пленарное заседание // Официальный сайт ООН. – 2023. – 19 декабря. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/412/20/pdf/n2341220.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).

21 XIII BRICS Summit: New Delhi Declaration // BRICS Information Centre. – 2021. – September 9. – URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/210909-New-Delhi-Declaration.html> (дата обращения: 30.09.2024).

22 Global Terrorism Index // Institute for Economics & Peace. – 2021. – URL: <https://www.economicsandpeace.org/global-terrorism-index/> (дата обращения: 14.09.2024).

23 Country Reports on Terrorism 2021: India // US Department of State. – 2021. – URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2021/india/> (дата обращения: 14.09.2024).

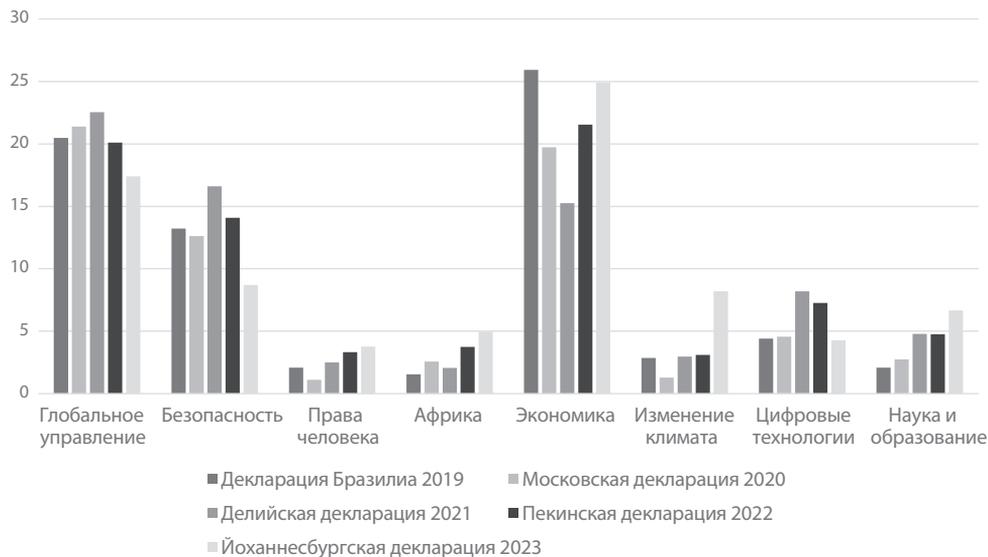

Рисунок 2. Динамика тематик деклараций БРИКС (частотность на 1000 слов)

Figure 2. Dynamics of BRICS declaration topics (frequency per 1,000 words)

сти приход к власти в Афганистане движения «Талибан» (запрещенного в России как террористическая организация). Хотя Делийская декларация прямо не упоминает его, страны БРИКС призывают «воздерживаться от применения насилия», подчеркивая «приоритетную задачу борьбы с терроризмом» и осуждая террористические акты, произошедшие у международного аэропорта им. Хамида Карзая в Кабуле. Интересна и обратная корреляция: в декларации ЮАР, которая имеет наименьший уровень террористической угрозы среди стран БРИКС, *terrorism* и *terrorist* встречаются реже, чем в других декларациях.

Кроме того, индийское председательство отличалось акцентом на цифровых технологиях. На приоритет развития сотрудничества в этой области указывают проведенные в ходе председательства Индии саммит по цифровизации здравоохранения, семинары по проблеме использования Интернета в террористических целях и роли

цифровой экспертизы в расследованиях террористической деятельности, а также, что более важно, определение темы «Использование цифровых и технологических решений для достижения ЦУР» в качестве приоритета на год своего председательства.

Цифровизация – один из внутриполитических приоритетов Индии (см. таблицу 1). В 2015 г. премьер-министром Нарендра Моди была запущена инициатива «Цифровая Индия» (*Digital India*), направленная на обеспечение реализации в онлайн-пространстве отдельных проектов в области образования, здравоохранения и различных услуг, которые могут предоставляться гражданам с использованием информационно-коммуникационных технологий. Акцент председательства Индии на цифровых технологиях, с учетом заявленной правительством цели образовать общество с цифровыми возможностями и экономику знаний, указывает на продвижение национальной повестки в рамках БРИКС.

Что касается декларации 2019 г., принятой по итогам саммита в Бразилии²⁴, то экономическая повестка доминирует не только по сравнению с другими направлениями, но и в сравнении с другими декларациями БРИКС (рисунок 2). Частотность упоминания торговли, инвестиций и налогов, вероятно, обусловлена специфическими приоритетами президентского срока Жаира Болсонару. С его приходом к власти в том же году курс Бразилии в БРИКС стал более прагматичным. К примеру, министр иностранных дел Бразилии Эрнесту Араужу обозначил эту тенденцию так: «Мы хотим, чтобы БРИКС служил конкретным целям», добавив, что участники БРИКС обязательно должны сходитьсь во мнении по политическим вопросам²⁵.

Примечательно, что в этой декларации отсутствует осуждение применения односторонних санкций, что можно объяснить нежеланием Бразилии вызывать негативные ассоциации в адрес США, с которыми администрация Болсонару поддерживала тесное сотрудничество. Косвенным доказательством ограниченного взаимодействия Бразилии с БРИКС и другими развивающимися странами является и тот факт, что в программе саммита в Бразилиа не было встреч в форматах «аутрич» и «БРИКС+» [Чжао, Лесаж, 2020].

Декларация, опубликованная под китайским председательством в 2022 г.²⁶, отличается наиболее нейтральным характером из всех вышерассмотренных. При этом можно выделить заинтересованность Пекина в расширении форма-

тов сотрудничества с партнерами за пределами БРИКС. Одним из инструментов китайской внешней политики стало активное продвижение модели «БРИКС+», которая позволяет приглашать на мероприятия страны из разных регионов, в отличие от политики «аутрич», которая привлекает соседей по субрегиону [Чжао, Лесаж, 2020]. Эта характерная черта подтверждает амбиции Китая как глобального лидера среди развивающихся стран.

Африканская повестка в декларациях: внешнеполитические интересы ЮАР и глобальные ценности БРИКС

Тенденция к росту упоминаний об Африке и Африканском союзе (АС) в декларациях БРИКС наиболее заметна в период председательства ЮАР. С момента вступления в БРИКС она продолжает видеть себя важным игроком в меняющемся миропорядке. Внешнеполитическая репрезентация Претории как «глобального гражданина мира» и накопленный практический опыт работы в разных международных объединениях позволяют ей активно выступать по самым разным международным вопросам. Кроме того, южноафриканцы полагают, что новый полицентричный миропорядок еще не установился и то, каким он будет, зависит и от ЮАР, и от Африки в целом.

Основные направления внешней политики ЮАР и ее концептуальные основы обозначены в ряде стратегических документов страны²⁷. Главным

24 Brasília declaration, 11th BRICS Summit // BRICS Information Centre. – 2019. – November 14. – URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/191114-Braslia_Declaration.pdf (дата обращения: 30.09.2024).

25 Глава МИД Бразилии: БРИКС должен сосредоточиться на конкретных проектах // ТАСС. – 2019. – 28 марта. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6267318> (дата обращения: 15.09.2024).

26 XIV BRICS Summit Beijing Declaration // Official website of the Kremlin. – 2022. – June 23. – URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 30.09.2024).

27 См., например, Strategic Plan 2020–2025 // The Department of International Relations and Cooperation. – 2023. – URL: https://www.dirco.gov.za/wp-content/uploads/2023/01/arf2020-2025_app2022-2023_revised.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

концептуальным документом принято считать Белую книгу «Построение лучшего мира: дипломатия убунту» (2012)²⁸. В ней говорится, что внешняя политика страны скорее ценностно ориентирована, нежели продиктована прагматическими интересами [Емельяненко, 2023]. Кроме базовых ценностей, к которым в ЮАР относят человекоцентричный подход в дипломатии и широкое понимание прав человека, в этом документе сформулированы и конкретные направления внешней политики: многостороннее сотрудничество, panaфриканизм, солидарность по линии Юг – Юг, продвижение экономической дипломатии, стратегическое партнерство с США и со странами Европы, Ближнего Востока, Азии и Карибского бассейна. Фокус на Африке во внешней политике ЮАР проявляется во внимании к работе АС и программе НЕПАД.

Такой подход резонирует и с тем, как ЮАР позиционирует себя в других многосторонних организациях. Например, председательство ЮАР в «Группе двадцати» в 2025 г. будет нацелено на продвижение целей устойчивого *инклюзивного* развития – задача, которая видится Преторией и другими членами БРИКС как глобальная²⁹. Еще с момента разработки вышеупомянутой Белой книги в ЮАР заявляли, что страна будет активно участвовать «в БРИКС, члены которой меняют гло-

бальный экономический и политический порядок. Мы будем использовать наше членство как стратегическую возможность для продвижения интересов Африки в таких глобальных вопросах, как реформа ГУ, работа «Группы двадцати», международная торговля, развитие, энергетика и изменение климата»³⁰.

Если взглянуть на главные идеологемы Второй Йоханнесбургской декларации 2023 г.³¹, то к продвигаемой повестке дня ЮАР можно отнести *инклюзивное многостороннее сотрудничество и права человека*³². Под инклюзивным многосторонним сотрудничеством Претория обычно понимает рост репрезентативности африканских государств в институтах ГУ. Вопросы реформирования ООН и включение стран континента в качестве постоянных членов СБ ООН тоже попали в декларацию 2023 г. При этом признание новых глобальных игроков и новых центров силы прописано в стратегическом документе «Основы национальной политики ЮАР»³³.

Анализ внешне- и внутриполитических документов ЮАР показывает, что Претория разделяет национальные и глобальные интересы. Их разграничение важно для понимания того, какие из национальных интересов ЮАР пересекаются с другими повестками в рамках БРИКС. Проблемы, которые Претория рассматривает как отвечающие ее национальным интересам – продвиже-

28 White Paper on South African Foreign Policy – Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu // South African Government. – 2011. – May 13. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/foreignpolicy0.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

29 Подробнее о председательстве ЮАР в «Большой двадцатке» см: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/government-prepares-g20-presidency-and-summit> (дата обращения: 06.10.2024).

30 White Paper on South African Foreign Policy – Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu // South African Government. – 2011. – May 13. – URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/foreignpolicy0.pdf (дата обращения: 06.10.2024).

31 XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration // BRICS Information Centre. – 2023. – August 23. – URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/230823-declaration.html> (дата обращения: 30.09.2024).

32 Самые высокие биграммы по частоте вхождений в сравнении с другими декларациями.

33 Framework Document on South Africa's National Interests // The Department of International Relations and Cooperation. – 2022. – URL: <https://dirco.gov.za/national-interest-framework-doc/> (дата обращения: 06.10.2024).

ние гендерного равенства, биоразнообразии, трансфер технологий и знаний, индустриализация, искусственный интеллект, «зеленая» и «синяя» экономика, развитие производственного сектора, – так или иначе нашли отражение в Йоханнесбургской декларации.

Наибольшая частотность по таким вопросам, как климатические изменения и права человека, свидетельствует о том, что ЮАР связывает с БРИКС большие надежды в продвижении стратегических интересов Африки и ее национальных интересов.

Количественный анализ пяти рассматриваемых деклараций БРИКС на предмет вхождения слов «Африка» и «африканский» продемонстрировал, что в 2023 г. частота их упоминания лидирует, что подтверждает вышеописанный тезис о продвижении общеконтинентальных интересов Преторией. Во второй Йоханнесбургской декларации подчеркивается необходимость интеграции стран БРИКС и Африки, в том числе и через Африканскую континентальную зону свободной торговли. В декларации заявляется: «Африканский континент остается на периферии глобальной торговой системы и может многое выиграть от сотрудничества с БРИКС»³⁴. В документе приветствуются усилия АС по введению «в действие Африканской континентальной зоны свободной торговли» (АФКЗСТ)³⁵, а также подчеркивается, «что она способна создать предсказуемую среду для инвестиций, особенно для инвестиций в развитие инфраструктуры, и предоставляет возможность установить синергетическое взаимодействие с партнерами по сотрудничеству, торговле и развитию на Африканском континенте»³⁶.

Еще одна глобальная задача, которую озвучивает ЮАР в своих внешнеполитических документах, – борьба с изменением климата. В Йоханнесбургской декларации это выражается в продвижении перехода к «зеленой» и низкоуглеродной энергетике [Воронина, Зеленова, 2023]. При этом в документе подчеркивается, что он должен учитывать национальные приоритеты стран объединения и быть доступным для всех стран, особенно для развивающихся. Вопрос энергетического перехода в декларации 2023 г. сформулирован довольно мягко.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная повестка ЮАР и цели, прописанные в Йоханнесбургской декларации 2023 г., во многом совпадают, при этом формулировки и тональность заявлений по таким стратегически важным для страны вопросам, как изменение климата или права человека, в итоговом документе БРИКС сформулированы с явным учетом интересов всех членов клуба.

Общие тенденции в декларациях

Категория ГУ, сконцентрированная на вопросах формирования более справедливой многополярной системы и повышения представленности развивающихся стран в международных институтах, упоминается главным образом в рамках СБ ООН (входит в топ-3 наиболее упоминаемых тем).

Вместе с тем на графике отображено смещение акцентов в сфере ГУ, что выражается в тенденции к сокращению упоминаний ООН, СБ ООН и повышению частоты упоминаний ГА ООН

34 XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration // BRICS Information Centre. – 2023. – August 23. – Paragraphs 34–35. – URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/230823-declaration.html> (дата обращения: 30.09.2024).

35 Ibid.

36 Ibid.

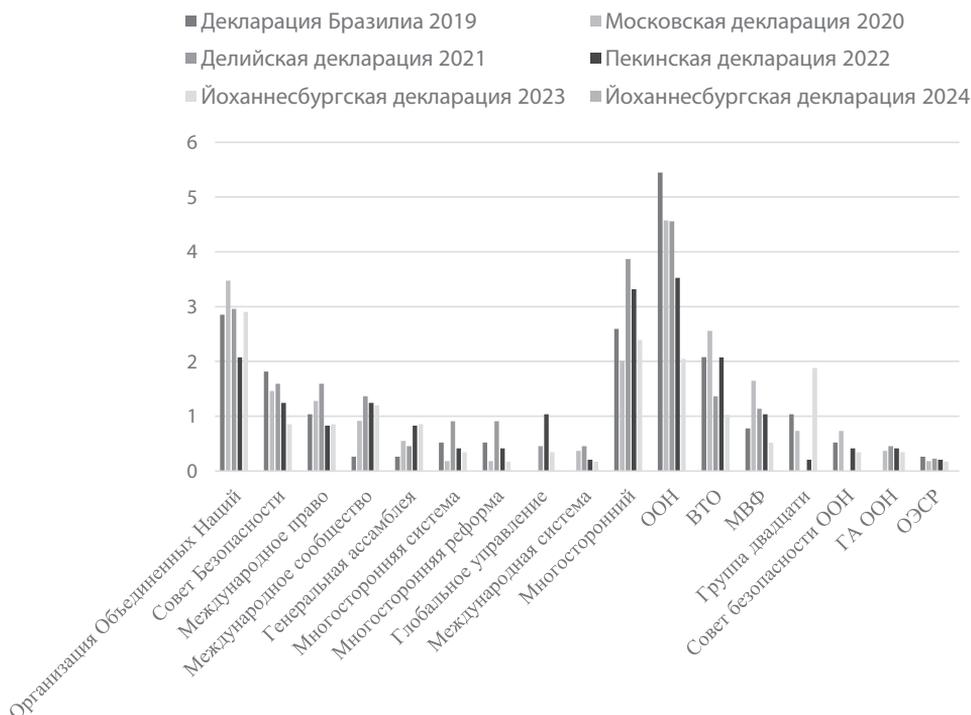

Рисунок 3. Частотность слов, относящихся к тематике «Глобальное управление» (упоминание на 1000 слов)

Figure 3. Frequency of words related to Global Governance (mentions per 1000 words)

и международного сообщества (рисунок 3). По сравнению с бразильской декларацией исчезли упоминания признания роли СБ ООН как органа, несущего «основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Взамен этого тезиса, предваряющего традиционную главу деклараций, посвященную позициям стран объединения по миру и безопасности, акцент сместился на «активный диалог по актуальным вопросам мира и безопасности» в рамках механизмов БРИКС в Московской и Делийской декларациях. Несмотря на выявленное сокращение роли СБ ООН в риторике БРИКС, центральная роль ООН в международной системе, как и ранее [Shelepov, 2015], не оспаривается ни в одной декларации, и организация остается наиболее упоминаемой.

Вопросы безопасности, как и ГУ, вошли в топ-3 наиболее часто упоминаемых тем в декларациях. В целом при детальном рассмотрении того, как каждая принимающая саммит страна раскрыла данную проблему, существенных различий выявлено не было. Это может объясняться тем, что сфера безопасности представляет собой «взаимовыгодную» повестку, где все участники выигрывают от мирного урегулирования конфликтов или совместных действий по борьбе с международными угрозами, такими как терроризм, пиратство или трансграничная преступность.

В основном дебаты по вопросам безопасности в рамках БРИКС фокусируются на треке координации позиций по конкретным вопросам безопасности, таким как вооруженные конфликты,

но достигают минимального прогресса в институционализации этой области [Абденур, 2017].

Как видно из графика (см. рисунок 2), экономическая повестка стабильно занимала одно из ведущих мест во всех декларациях, особенно в Бразилии, ЮАР и Китае. Этот факт примечателен тем, что, несмотря на значительное расширение тематики встреч БРИКС – от первоначального обсуждения преимущественно экономических вопросов до включения политических событий, реформирования ГУ, вопросов безопасности и других ключевых тем, – экономика остается одной из наиболее обсуждаемых сфер. В целом дискуссия в экономическом поле во всех пяти декларациях базировалась на важности торговли и инвестиций как инструмента для экономического роста и устойчивого развития, причем торговля неизменно была лидером по упоминаниям.

С 2019 по 2023 г. климатическая повестка стран БРИКС демонстрировала последовательное и согласованное позиционирование, отражая приверженность принципам Парижского соглашения и механизмам Рамочной конвенции ООН об изменении климата. При этом на саммите в Пекине было закреплено стремление выражать интересы широкого круга развивающихся стран в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности за состояние окружающей среды в глобальном масштабе. В частности, в китайской декларации сказано, что «развивающимся странам потребуется больше времени для достижения соответствующего уровня выбросов парниковых газов»³⁷, а также страны выступили против введения «зеленых» торговых барьеров.

Примечательно, что дискуссии об Африке с 2019 по 2023 г. эволюционировали от самых общих тезисов, например, по конфликтам в регионе, до продвижения конкретных целей сотрудничества между Африкой и БРИКС. На первый план вышла Повестка дня Африканского союза на период до 2063 г., также выдвинуты конкретные предложения по развитию торговли между странами – участниками БРИКС и АфКЗСТ.

Африканский трек Казанской декларации: интеграция новых членов и новые акценты сотрудничества

Казанская декларация 2024 г.³⁸ ознаменовала начало нового этапа в развитии БРИКС, связанного с расширением объединения и включением новых членов. Этот документ, ставший самым масштабным по содержанию за всю историю саммитов БРИКС, с одной стороны, отражает национальные приоритеты председательствующей страны и акцентирует внимание на региональных проблемах новых участников, а с другой – демонстрирует преемственность и продолжение ключевых трендов, зафиксированных в предыдущих декларациях. Особенно заметным это стало на африканском треке.

Одно из новых направлений сотрудничества в рамках БРИКС – сотрудничество в алмазодобывающей отрасли между странами объединения и государствами Африки. Эта инициатива, вероятно, принадлежит России, являющейся мировым лидером в производстве алмазов. Президент России В.В. Путин в ходе саммита предложил создать отдельную

37 XIV BRICS Summit Beijing Declaration // Official website of the Kremlin. – 2022. – June 23. – URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 30.09.2024).

38 Казанская декларация XVI саммита БРИКС: пункт 91 // Официальный сайт Кремля. – 2024. – 23 октября. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

платформу БРИКС для работы с драгоценными металлами и алмазами³⁹.

Расширение взаимодействия с Африканским континентом также отражено в ст. 7 Казанской декларации, где подчеркивается необходимость активного участия развивающихся стран в глобальных процессах и структурах принятия решений. Впервые отмечена важность развития отношений с Африкой через платформы и форумы, существующие между континентом и Россией, Китаем и Индией. Такой подход отражает в том числе национальные интересы России, которая уже демонстрировала интерес к подобной модели взаимодействия через саммит и гуманитарный форум Россия – Африка.

Включение новых африканских членов – Египта и Эфиопии – не осталось незамеченным в новом документе. В нем отмечены усилия Египта, направленные на скорейшее прекращение огня в Секторе Газа, подчеркнута важность обеспечения прав и свободы судоходства в Красном море. В отношении Эфиопии впервые упомянут регион Африканского Рога, где «высоко оценены» усилия африканских стран в укреплении мира, развитии региона и противодействии терроризму.

Сохранена и преемственность ряда формулировок, связанных с африканским континентом, которые основываются на вопросах, поднятых на предыдущих саммитах, особенно в ЮАР. В частности, неизменным остался тезис о принципе «африканским проблемам – африканские решения» как основе урегулирования конфликтов и поддержке стремления африканских стран играть более активную роль в международных делах, включая работу ООН, и приветствие вступления АС в «Группу двадцати» в 2023 г.

Однако ряд аспектов, обозначенных в Йоханнесбургской декларации 2023 г., отсутствует в российской версии. В Казанской декларации не упоминается поддержка АФКЗСТ, которой в прошлогоднем документе придавалось особое значение [Воронина, Зеленова, 2023]. Не упомянуты Повестка дня Африканского союза на период до 2063 г. и усилия по интеграции Африки. Вероятно, приоритет продвижения интеграционных инициатив на континенте остается за африканскими членами БРИКС, которые смогут активнее развивать их в рамках своих будущих председательства.

Заключение

Сентимент-анализ деклараций саммитов БРИКС за период с 2019 по 2023 г. демонстрирует преобладание нейтрально-позитивной тональности во всех повестках (см. рисунок 1). Можно также отметить высокую степень совпадения позиций стран-участниц по ключевым вопросам ГУ, экономики, безопасности, науки и образования (см. рисунок 2). Качественный анализ тематического портфеля каждой декларации позволяет увидеть, что председательствующие страны инкорпорируют собственные приоритетные задачи в итоговую декларацию, чтобы придать им вес и большую огласку на глобальном уровне. Вместе с тем происходит расширение общей повестки БРИКС, что в перспективе ставит вопрос о возможной институционализации объединения.

Таким образом, проведенный анализ проиллюстрировал, что до настоящего момента объединению удавалось максимально эффективно интегрировать глобальные, национальные и ре-

39 Путин: платформа БРИКС по драгметаллам позволит бороться с зарегулированием // ТАСС. – 2024. – 23 октября. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22198809> (дата обращения: 15.12.2024).

гиональные повестки в итоговые декларации, при этом сохраняя допустимый баланс универсальной повестки. Кейс с ЮАР это демонстрирует. В Йоханнесбургской декларации 2023 г. видно, что ЮАР умело продвигает свои интересы, в том числе по вопросам гендерного равенства, климатической повестке и «зеленому» переходу. При этом для страны главным остается стратегия инклюзивного экономического развития, что относится к сфере стратегической безопасности ЮАР. В декларации, принятой под председательством ЮАР в 2023 г., отчетливо видна и общеконтинентальная повестка, прежде всего поддержка роли АфКЗСТ для сопряжения экономик БРИКС и Африки.

Это хрупкое равновесие (сочетание национальной, региональной и глобальной повесток) сохранено до некоторой степени и в Казанской декларации, которая освещает самые важные проблемы, касающиеся развития всех 10 стран-участниц, при этом очевидна роль председательствующей страны в определении некоторых тем. Казанская декларация не была предметом исследования данной статьи, однако предложенный авторами метод открывает возможности дальнейших исследований документов БРИКС. Насколько дальнейшее расширение состава позволит сохранить динамику баланса интересов, предстоит увидеть. Как нам представляется, чтобы продолжать сохранять «гибкую геометрию», БРИКС вынужден будет пойти по пути мягкой институционализации, что уже отчасти происходит, поскольку для эффективной работы объединения создаются разные уровни интеграции: новые страны-партнеры, очевидно, не будут иметь решающего голоса в принятии решений БРИКС, но, вероятно, будут косвенно влиять на повестку итогового документа.

Список литературы

Абденур А. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 73–93. – DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-73.

Абрамова И.О. Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию. Доклад на XVI Международной конференции африканистов. (Москва, 23–25 мая 2024 г.). – Москва : Институт Африки РАН. – 2024. – 12 с.

Баталов Э. Новая институционализация международной политики // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 6–25. – DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.1.

Бордачев Т.В., Сулов Д.В. Авангард Мирового большинства – новая идентичность БРИКС при неизменном базисе // Международная жизнь. Специальный выпуск «Российское председательство в БРИКС – 2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». – 2024. – С. 78–92.

Воронина Н.А., Зеленова Д.А. Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 11. – С. 23–31. – DOI: 10.31857/S032150750028609-1.

Дегтерев Д.А. «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте // Международная аналитика. – 2024. – Т. 2, № 15. – С. 57–73. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73.

Емельяненко Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР // Международный аспект. – 2023. – Т. 1, № 4. С. 12–35.

Киртон Д., Ларионова М. БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вест-

ник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 7–30. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-01.

Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

Панова В.В. Глобальное управление без глобального объединения // Международная жизнь. Специальный выпуск «Российское председательство в БРИКС – 2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». – 2024. – С. 34–46.

Рябков С.А. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Международная жизнь. – Специальный выпуск «Российское председательство в БРИКС – 2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». – 2024. – С. 8–16.

Чжао Х., Лесаж Д. Анализ мотивов и институционализации аутрич-практик группы БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 93–124. – DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-05.

Юрченко М.М. Реформирование ООН: основные направления и подходы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 3 (25). – С. 6–26.

Ivankova N.V., Creswell J.W. Mixed methods // Qualitative Research in Applied

Linguistics: A Practical Introduction. – 2009. – Vol. 23. – P. 135–161. – DOI: 10.1057/9780230239517.

Khambule I.B. COVID-19 and the Counter-Cyclical Responses of the BRICS Countries // The Political Economy of Intra-BRICS Cooperation. International Political Economy Series / ed. by S. Zondi. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – P. 205–230. – DOI: 10.1007/978-3-030-97397-1_11.

Menegazzi S. Rising Powers and the Reform of Global Economic Governance: The BRICS and the Normative Challenge Ahead // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13. – P. 135–150. – DOI: 10.1007/s40647-019-00258-2.

Plisson J., Lavrac N., Mladenec D. A Rule based Approach to Word Lemmatization // Proceedings of IS. – 2004. – Vol. 3. – P. 83–86.

Shelepov A. BRICS and international institutions: Models of engagement in global governance // International Organisations Research Journal. – 2015. – Vol. 10, N 4. – P. 7–28. – DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.

Steer C., Hersch M. War and Peace in Outer Space: Law, Policy, and Ethics. – New York : Oxford University Press, 2021. – 336 p.

Xu Yi-chong, Weller P. The Working World of International Organizations: Authority, Capacity, Legitimacy. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 272 p. – DOI: 10.1093/oso/9780198719496.001.0001.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06

Shaping the BRICS Agenda: Navigating Global Issues and National Interests

Daria A. ZELENOVA

PhD (Political Science), Head, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001;
Senior Researcher, International Centre for Anthropology
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: d.zelenova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5237-4413

Tamara A. ANDREEVA

Junior Researcher, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: t.andreeva@inafr.ru
ORCID: 0009-0003-9195-3578

Maxim S. GRISHENKIN

Junior Researcher, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: grishenkinm@inafr.ru
ORCID: 0009-0003-2470-6948

Andrey A. UFIMTSEV

Junior Researcher, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001;
Intern Researcher, Center for Stability and Risks Analysis
HSE University
Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: aufimtsev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4870-4360

CITATION: Zelenova D.A., Andreeva T.A., Grishenkin M.S., Ufimtsev A.A. (2024).
Shaping the BRICS Agenda: Navigating Global Issues and National Interests. *Outlines
of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 103–122
(in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06

Received: 08.10.2024.

Revised: 17.12.2024.

ABSTRACT. *The article is based on a study of the ‘thematic portfolios’ of five BRICS summit declarations from 2019 to 2023 – adopted in Brasília, Moscow, New Delhi, Beijing, and Johannesburg. A combination of quantitative and qualitative sentiment analysis enables the authors to identify common values that correspond to the so-called “BRICS spirit,” as well as country-specific interests. An analysis of the summit declarations reveals that the tone is predominantly neutral-to-positive across all agendas. Concurrently, the stances of the BRICS member countries on pivotal matters pertaining to global economic governance, security, science, and education are notably aligned. A qualitative content analysis of each declaration substantiates the assertion that each host country incorporates its own priority objectives into the final declaration, thereby conferring greater weight and visibility on the global stage. Consequently, there is a gradual expansion of the common agenda of BRICS. Special attention is paid to the African agenda in the declarations of the BRICS summits. Towards the end of the article, the specifics of the Kazan Declaration of 2024, which marked the beginning of a new stage in the development of BRICS, particularly with regard to the expansion of the association and the inclusion of new members, are briefly considered.*

KEYWORDS: *summit diplomacy, BRICS, global governance, agenda-setting theory, Russia, India, Brazil, China, South Africa.*

References

- Abdenur A. (2017). Can the BRICS Cooperate on International Security Issues? *International Organisations Research Journal*. No. 12 (3), pp. 73–93 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750028609-1.
- Abramova I. O. (2024). *New World Order: From the Legacy of Colonialism to Sovereignty and Development. Report at the XVI African Studies Conference*. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 pp. (in Russian).
- Batalov E. (2016). The New Institutionalisation of International Politics. *International Processes*. Vol. 14, no. 1, pp. 6–25 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.1.
- Bordachev T.V., Suslov D.V. (2024). Avantgarde of the world majority: new BRICS identity with the constant basis. *International Affairs*. Russian BRICS Chairmanship: special issue, pp. 68–78 (in Russian).
- Degterev D.A. (2024). «African Agency» in Constructing «African Agency»: International Studies in Africa. *Journal of International Analytics*. Vol. 2, no. 15, pp. 57–73 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73.
- Emelianenko E. (2023). The Ubuntu Principle in the Internal and Foreign Policy of South Africa. *International Aspect*. Vol. 1, no. 4, pp. 12–35 (in Russian).
- Ivankova N.V., Creswell J.W. (2009). Mixed methods. *Qualitative Research in Applied Linguistics: A Practical Introduction*. Vol. 23, pp. 135–161. DOI: 10.1057/9780230239517.
- Khambule I.B. (2022). COVID-19 and the Counter-Cyclical Responses of the BRICS Countries. In: Zondi S. (ed). *The Political Economy of Intra-BRICS Cooperation*. *International Political Economy Series*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 205–230. DOI: 10.1007/978-3-030-97397-1_11.
- Kirton D., Larionova M. (2022). The First Fifteen Years of the BRICS. *International Organisations Research Journal*. Vol. 17, no. 2, pp. 7–30. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-01.
- Kuznetsov A.V. (2019). Concepts of South-South Economic Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 3, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

- Menegazzi S. (2020). Rising Powers and the Reform of Global Economic Governance: The BRICS and the Normative Challenge Ahead. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 13, pp. 135–150. DOI: 10.1007/s40647-019-00258-2.
- Panova V.V. (2024). Global governance without Global Unity. *International Affairs*. Russian BRICS Chairmanship: special issue, pp. 34–46 (in Russian).
- Plisson J., Lavrac N., Mladenec D. (2004). A Rule based Approach to Word Lemmatization. *Proceedings of IS*. Vol. 3, pp. 83–86.
- Ryabkov S.A. (2024). BRICS: yesterday, today and tomorrow. *International Affairs*. Russian BRICS Chairmanship: special issue, pp. 8–16 (in Russian).
- Shelepov A. (2015). BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal*. Vol. 10, no. 4, pp. 7–28. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.
- Steer C., Hersch M. (2021). *War and Peace in Outer Space: Law, Policy, and Ethics*. New York: Oxford University Press. 336 pp.
- Voronina N.A., Zelenova D.A. (2023). SA BRICS Chairship: From Emerging Partnership to a New World Order. *Asia and Africa Today*. No. 11, pp. 23–31 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750028609-1.
- Xu Yi-chong, Weller P. (2017). *The Working World of International Organizations: Authority, Capacity, Legitimacy*. Oxford: Oxford University Press. 272 pp. DOI: 10.1093/oso/9780198719496.001.0001.
- Yurchenko M.M. (2020). UN Reform: Main Directions and Approaches. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. No. 3 (25), pp. 6–26 (in Russian).
- Zhao H., Lesage D. (2020). Explaining BRICS Outreach: Motivations and Institutionalization. *International Organisations Research Journal*. Vol. 15, no. 2, pp. 68–91. DOI: 10.17323/1996-78452020-02-05.

Право и политика

УДК 327+341.67

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.07

О контроле над стратегическими наступательными вооружениями: настоящее и будущее

Наталья Игоревна БУБНОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1434-4133

ЦИТИРОВАНИЕ: Бубнова Н.И. О контроле над стратегическими наступательными вооружениями: настоящее и будущее // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 123–149.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.07

Статья поступила в редакцию 15.07.2024.

Исправленный текст представлен 18.11.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается состояние дел в сфере контроля над стратегическими наступательными вооружениями с момента прихода в Белый дом администрации Дж. Байдена по настоящее время, причины и последствия приостановки Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-3) с точки зрения российско-американских отношений и международной безопасности. Несмотря на участие в последнее время публикации и заявления о якобы устаревшем характере преваляровавших прежде установок на ограничение вооружений, на основе проведенного анализа делается вывод о непреходящем значении контроля над вооружениями, в пер-

вую очередь в такой важнейшей сфере, как стратегические наступательные вооружения. Представлен сравнительный анализ российской и американской позиций по конкретным аспектам проблемы ограничения стратегических вооружений. В официальных российских заявлениях было сказано, что продвижение в данной области возможно только при общей дестализации – при условии отказа американской стороны от позиции враждебности в отношении России. В статье предложена оценка перспектив развития диалога в данной области, в том числе с учетом результатов американской избирательной кампании. Хотя шансы на второй срок Д. Трампа часто связывали с возможностью подвижек в отношениях с Россией, но вероятность улучшения ситуации с контролем над вооружениями остается под вопросом. Однако без продви-

жения по пути ограничения стратегических вооружений будет окончательно разрушен договорно-правовой режим контроля над вооружениями, многократно возрастет опасность военных столкновений, в том числе с применением ядерного оружия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стратегические наступательные вооружения, ядерные вооружения, российско-американские отношения, безопасность, переговоры по контролю над вооружениями, стратегическая стабильность, Договор СНВ-3, «компартиментализация», «увязывание», политика администрации Дж. Байдена, Д. Трамп, К. Харрис, российская специальная военная операция на Украине, НАТО.*

На протяжении последнего десятилетия происходило разрушение ключевых договоренностей по контролю над вооружениями. Вслед за случившимся еще в 2002 г. выходом США из эпохального Договора по противоракетной обороне (Договор по ПРО), в постнулевые имело место каскадное прекращение действия многих соглашений по контролю над вооружениями, в том числе таких основополагающих, как Договор по ракетам средней и меньшей дальности (Договор РСМД), Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), Договор по открытому небу (ДОН). Осенью 2023 г. российская сторона отозвала ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в качестве зеркальной меры в ответ на действия или, вернее, бездействие США, которые подписали Договор еще в 1996 г., но, несмотря на неоднократно делавшиеся на уровне президента заявления о соответствующих намерениях, так и не ратифицировали его.

В спектре вооружений стратегическое оружие находится в переднем

ряду и по своей разрушительной мощи и дальности действия, и по тому влиянию, которое соглашения о его ограничении имеют для обеспечения международной системы безопасности, а также по воздействию договоренностей в данной области на поведение остальных государств и на достижение согласованных решений по контролю над другими видами вооружений. В последнее время иные эксперты в России и за океаном выступили с тезисом, что контроль над вооружением будто бы уже изжил себя. Некоторые из них утверждают, что на настоящем этапе более актуальным становится обеспечение безопасности за счет «перехода к эффективному многостороннему ядерному сдерживанию» [Караганов, Сулов, 2019, с. 53–54; Хазбиев, 2020] или «активного устрашения» путем демонстрации неотвратимости возмездия в ответ на агрессию [Тренин, 2024, с. 74]. Однако в действительности в ту прежнюю эпоху биполярного противостояния между СССР и США, да и в последующий период не только наличие современных военных arsenалов, а в значительной степени именно договоренности по контролю над вооружениями, как и предшествовавшие им двусторонние и многосторонние контакты и переговоры, снижали риск ядерной войны, предотвратили гонку ударных вооружений в космосе, сохранили немилитаризованной Арктику, делали для участников международного процесса действия других стран более понятными и предсказуемыми, создавали механизмы мониторинга, облегчали задачу предотвращения и урегулирования конфликтов, позволяли совместными усилиями купировать возникающие угрозы [Бубнова, 2017, с. 162]. Проведенные исследования свидетельствовали, что усилия по сокращению ядерных вооружений коррелировали и с продвижением

в деле нераспространения оружия массового уничтожения: чем более продуктивно развивался процесс контроля над вооружениями, тем бóльшую устойчивость демонстрировал режим нераспространения.

На опасность разрушения договорно-правовой базы контроля над вооружениями указывали многие известные российские эксперты: руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН академик А.Г. Арбатов, ведущие сотрудники того же института В.З. Дворкин, С.К. Ознобищев, ведущий научный сотрудник МГИМО МИД В.И. Мизин, генерал-полковник в отставке В.И. Есин, доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова П.И. Севостьянов и др. В мае 2023 г. в преддверии встречи «Большой семёрки» шесть бывших глав государств, 26 бывших министров иностранных дел и министров обороны различных стран, бывший генеральный секретарь НАТО, бывший верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, несколько бывших заместителей генерального секретаря НАТО, более 30 бывших послов, около полусотни других бывших руководящих сотрудников государственных ведомств и оборонных структур, а также десятки известных экспертов и ученых подписали заявление о необходимости сохранения контроля над ядерными вооружениями в качестве главного глобального приоритета¹. Но характерно, что если со стороны других стран воззвание подписали действующие высокопоставленные деятели, то в случае западных государств это были в основном отставные чиновники и военачальники, что демонстрировало возросшую милитаризацию политики современно-

го руководства соответствующих стран в условиях обострившейся конфронтации и утраты непосредственного опыта и исторической памяти, какими обладали прежние политические руководители – очевидцы больших разрушительных войн.

Срывы и обрушения в процессе контроля над вооружениями происходили и в прошлом [Бубнова, 2021, с. 231–270]. Подписанный в 1979 г. в результате многолетних переговоров Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-2) не был представлен на ратификацию в американский Конгресс после ввода советских войск в Афганистан, хотя стороны потом еще на протяжении длительного времени продолжали соблюдать установленные им ограничения. Следует также учитывать, что договоренности по контролю над вооружениями обычно имели место на этапах улучшения международных отношений: в хрущевскую оттепель, во времена разрядки напряженности в 1970-х, в годы горбачевской перестройки с ее «новым мышлением» и признанием «общечеловеческих ценностей», и даже после предпринятой Б. Обамой перезагрузки, но испытывали «перегрузки» и ломались в периоды взаимного отчуждения. Возможны ли подвижки в данной области в настоящее время обострившегося противостояния или думать об этом нереалистично – большой вопрос. Однако контроль над вооружениями особенно важен сейчас, в связи с новыми вспышками конфликтов, грозящих перерасти в общерегиональные и глобальные, а также в связи с современными технологическими вызовами, выходом противоборства в киберпространство,

¹ Joint statement: Protecting nuclear arms control is a global imperative // Website of the European Leadership Network. – 2023. – May 17. – URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/group-statement/protecting-nuclear-arms-control-is-a-global-imperative/> (дата обращения: 19.05.2023).

появлением искусственного интеллекта, распространением гонки вооружений в космос и в глубины океана, международным соперничеством в Арктике, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, с возрастанием угрозы терроризма и рисками захвата ядерного оружия экстремистскими группировками.

Переговоры по стратегической стабильности и рецидивы подвижек

Придя в Белый дом в 2021 г., Дж. Байден, серьезно относившийся к контролю над вооружениями и имевший опыт работы в этой сфере, как и обещал еще в ходе избирательной кампании, немедленно принял решение о продлении Договора СНВ-3. Подписанный в 2010 г., тот Договор ограничил количество носителей стратегического оружия потолком в 800 единиц, из них развернутых – 700, а общее число боезарядов на развернутых носителях – лимитом в 1550 единиц. Введенная данным Договором согласованная система верификации не только давала возможность проверять выполнение положений, касающихся сокращения вооружений, но и обеспечивала беспрецедентную прозрачность стратегических сил и предсказуемость развития ядерных потенциалов на много лет вперед [Арбатов, 2024, с. 6]. В июне 2021 г. в Женеве прошел значимый двусторонний российский-американский саммит. Главным достижением той встречи на высшем уровне было возобновление консультаций по стратегической стабильности и контролю над вооружениями. На пресс-конференции после саммита президент Российской Федера-

ции В.В. Путин говорил об «особой ответственности России и США», поскольку они являются «двумя крупнейшими ядерными державами: и по количеству боезапасов, и по уровню вооружений»². По итогам саммита были созданы две рабочие группы: по принципам и целям будущего контроля над вооружениями и по стратегическому потенциалу и действиям со стратегическими результатами. Состоялось несколько их заседаний, на которых, хоть и не в официальном порядке, но велось обсуждение параметров будущего соглашения об ограничении стратегических вооружений, которое должно было бы по истечении его срока заменить Договор СНВ-3. На первых двух встречах, как отмечал А.Г. Арбатов, проявился новый подход к очередному этапу диалога по СНВ: двигаться дальше не «вглубь», понижая потолки стратегических вооружений, а «вширь», охватывая смежные сферы стратегической стабильности [Арбатов, 2024, с. 17].

Но в конце декабря 2021 г. в условиях возрастающей напряженности российская сторона пошла на выдвижение предложений по заключению договора с Соединёнными Штатами и соглашений с НАТО, которые не были основаны на двусторонних обсуждениях и содержали ряд жестких требований, включая отказ от расширения НАТО и его возвращение к ситуации 1997 г., вывод военной инфраструктуры, вооруженных сил и вооружений Альянса с территории вновь присоединившихся к нему с тех пор стран. Подчеркивалось, что никакого отхода от изложенных требований не будет и они будут рассматриваться только пакетом.

Западные партнеры признали российские предложения неприемлемы-

2 Пресс-конференция по итогам российско-американских переговоров // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2021. – 16 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 17.06.2021).

ми. Однако, как отмечал А.Г. Арбатов³, своим ошеломившим США демаршем и наращиванием вооружений на Украине российской стороне удалось тогда добиться того, что в Вашингтоне пошли на обсуждение вопросов, поднимавшихся в Москве на протяжении полутора десятков лет, но игнорировавшихся американским руководством, в частности:

- согласились обсуждать вопрос о ракетах средней и меньшей дальности;
- обозначили готовность рассматривать вопрос об ограничениях касательно регионов размещения ударных вооружений и региональных боевых формирований;
- согласились вести диалог относительно космического оружия, сначала в виде противоспутниковых вооружений;
- впервые озвучили возможность инспекций американских баз ПРО в Польше и Румынии.

Очень важным было и то, что в самом начале 2022 г. было выпущено Совместное заявление лидеров пяти ядерных держав, где говорилось: «Мы заявляем, что в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана»⁴. Это заявление воспроизводило, но в более широком формате, декларацию, сформулированную в 1990 г. в Совместном заявлении СССР и США президентами М.С. Горбачёвым и Р. Рейганом, и стало особенно значимым в контексте происходившего обострения международной обстановки и в свете последующих событий.

После начала СВО Соединённые Штаты приостановили свое участие в консультациях по стратегической стабильности. На фоне активной поддержки Западом Украины, отправки Киеву всё новых партий и категорий вооружений, введения «ковровых» западных санкций отдельные политики с обеих сторон стали озвучивать предложения о выходе из Договора СНВ-3. Однако при этом в Государственном департаменте США признавали, что Россия по-прежнему соблюдает положения Договора.

Приостановка Договора СНВ-3

1 августа 2022 г. США призвали Россию и Китай начать переговоры по выработке документа на смену Договору СНВ-3 после завершения срока его действия. А ровно через неделю, 8 августа, Россия проинформировала США, что временно выводит из-под инспекционной деятельности в рамках Договора СНВ-3 свои объекты, подлежащие инспекциям по этому Договору. В заявлении МИД России, выпущенном по данному поводу, подчеркивалось, что мера носит временный характер и что «подобные действия предусмотрены пунктом 5 Раздела I Главы пятой Протокола к Договору о СНВ» и «могут предприниматься в исключительных случаях и для целей, не противоречащих Договору»⁵. Тем не менее в западных аналитических изданиях и СМИ отмечалось, что это не могло не быть воспринято как угрожающая акция, хотя, возможно, и носящая демонстративный характер с целью оказать давление.

3 Арбатов А.Г. в передаче «Большая игра» // Первый канал. – 2022. – 3 февраля. – URL: <https://www.1tv.ru/shows/big-game/vypuski/bolshaya-igra-vypusk-ot-03-02-2022> (дата обращения: 10.07.2024).

4 Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2022. – 3 января. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 05.01.2022).

5 Заявление МИД России о ситуации с Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2022. – 8 августа. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1825525/ (дата обращения: 12.08.2022).

С российской стороны отменили назначенную на 28 ноября 2022 г. сессию Двусторонней консультативной комиссии, в ходе проведения которой представители Вашингтона надеялись договориться о возобновлении инспекций. Заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков сделал заявление, что в США не хотят учитывать российские озабоченности и действуют в противоположном направлении. Что же касается приводившихся поводов отмены встречи, то упоминали, что в Москве желают получить доказательства того, что числившиеся раньше стратегическими американские бомбардировщики и подводные лодки, с которых, как утверждали в Вашингтоне, было демонтировано оборудование, предназначенное для использования ядерного оружия, и которые, соответственно, были выведены из зачета по Договору СНВ-3, действительно были переоборудованы и неспособны больше нести ядерное оружие. Когда министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в декабре 2022 г. спросили про Договор СНВ-3, он обвинил американскую сторону в прерывании контактов. А через две недели его заместитель С.А. Рябков сказал, что условием заключения нового соглашения является выполнение требований России к США, сформулированных в декабре 2021 г., которые, как упоминалось выше, уже тогда, сразу же после их выдвижения, были признаны Вашингтоном и в целом Западом неприемлемыми.

После того, как США и европейские страны в январе 2023 г., переходя еще одну «красную черту» в эскалации поставок вооружений, пообеща-

ли Украине танки, С.А. Рябков сказал, что общая ситуация остается неблагоприятной для назначения новой даты следующей сессии Двусторонней консультативной комиссии⁶. В ответ Государственный департамент США впервые со времени начала президентского срока Байдена обвинил Россию в несоблюдении Договора СНВ-3, хотя и воздержался от того, чтобы говорить о превышении его установленных этим документом количественных потолков. В феврале 2023 г. в Совете национальной безопасности США прозвучало, что там готовы вернуться к переговорам с Россией по теме договора СНВ. Однако С.А. Рябков сказал, что Соединённые Штаты опоздали с этим и договариваться надо было раньше.

В Послании Федеральному Собранию в преддверии первой годовщины начала СВО президент Российской Федерации В.В. Путин сообщил о приостановке участия России в Договоре СНВ-3⁷. Он сказал, что Договор был заключен в иных условиях, когда стороны не рассматривали друг друга как соперников, и подчеркнул антироссийский характер политики США и НАТО, которые, по его словам, открыто провозгласили задачу «нанести стратегическое поражение России». Путин особо выделил то обстоятельство, что западные специалисты в период проведения СВО участвовали в оснащении и модернизации беспилотников, которые осуществляли удары по российским базам стратегической авиации. Он также отметил, что другие страны НАТО, такие как Франция и Великобритания, тоже имеют стратегическое ядерное оружие и в случае возоб-

6 Рябков: обстановка не располагает к назначению новой даты комиссии РФ и США по ДСНВ // ТАСС. – 2023. – 23 января. – URL: <https://tass.ru/politika/16858893> (дата обращения: 26.01.2023).

7 Послание Президента Федеральному Собранию // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2023. – 21 февраля. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59863> (дата обращения: 23.02.2023).

новления действия Договора должны быть привлечены к участию в договоренностях. В заявлении МИД России в связи с выходом из Договора СНВ-3 также указывалось, что американская сторона, требуя доступа на российские стратегические объекты, пытается «прощупать» защищенность ряда заявленных по Договору российских объектов СНВ, в то время как украинскими силами при явном военно-техническом и информационно-разведывательном содействии Вашингтона на ряд из них были осуществлены нападения⁸.

Но в разъяснениях российского МИД по поводу приостановки Договора СНВ-3 говорилось, что Россия не будет превышать установленные им количественные потолки и будет соблюдать и другие его положения, пока Соединённые Штаты продолжают выполнять их – встречные комментарии о намерении не нарушать лимиты Договора прозвучали и в Вашингтоне⁹.

В американских государственных ведомствах и экспертно-аналитическом сообществе приостановку Договора назвали «крайне разочаровывающим и безответственным» шагом, лишенным юридических оснований, неадекватным и ничем не спровоцированным. Соответствующее заявление было озвучено со стороны Государственного департамента США¹⁰, а затем

все страны – члены Североатлантического альянса выпустили совместное заявление по данному поводу, полностью солидаризовавшись с позицией США и подчеркнув, что Договор «продолжает оставаться в интересах всех стран»¹¹.

Р. Геттемюллер, когда-то возглавлявшая американскую делегацию на переговорах по подготовке Договора, в 2016–2019 гг. являвшаяся заместителем генерального секретаря НАТО, а теперь работающая в Стэнфордском университете, указывала, что с военно-технической точки зрения России самой в первую очередь невыгодна отмена ограничений Договора, поскольку США начинают 20-летнюю программу модернизации своих стратегических сил, в ходе которой будут приниматься решения об их численности, не говоря уже о Китае¹². В качестве контраргумента можно было бы привести тот факт, что в России, по данным Министерства обороны Российской Федерации, компоненты Ракетных войск стратегического назначения обновлены на 95%, а В.В. Путин, выступая на встрече с выпускниками военных вузов, говорил, что вся российская ядерная триада и в дальнейшем будет развиваться¹³. Однако, помимо всего прочего, при большом «возвратном потенциале» американских стратегических сил

8 Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2023. – 21 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855184/ (дата обращения: 24.02.2023).

9 Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan for the Arms Control Association (ACA) Annual Forum // Website of the Arms Control Association. – 2023. – June 2. – URL: <https://www.armscontrol.org/2023AnnualMeeting/sullivan-remarks> (дата обращения: 04.06.2023).

10 Russian Noncompliance with and Invalid Suspension of the New START Treaty // Website of the U.S. Department of State. – 2023. – March 15. – URL: <https://www.state.gov/russian-noncompliance-with-and-invalid-suspension-of-the-new-start-treaty> (дата обращения: 08.04.2024).

11 NATO, «Statement by the North Atlantic Council on the New START Treaty» // Website of NATO. – 2023. – February 3. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_211444.htm (дата обращения: 14.09.2024).

12 Göttemoeller R. Keeping New Start alive is vital for the world's nuclear future // Financial Times. – 2023. – January 31. – URL: <https://www.ft.com/content/98b638b9-bb13-4e24-9035-0e03624be95a> (дата обращения: 01.02.2023).

13 Встреча с выпускниками военных вузов // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2022. – 21 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/68685> (дата обращения: 30.06.2022).

в Соединённых Штатах могут пойти по пути «дозагрузки» своих межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), а также оснащения бомбардировщиков B-52 ядерными ракетами, что закладывало бы тенденцию к кратному наращиванию развернутых боеголовок со всеми вытекающими из этого рисками для стратегической стабильности. Можно в связи с этим напомнить, что при разработке Договора СНВ-3 усилиями российской делегации удалось добиться включения в вводившиеся им ограничения требования о снижении возможностей по наращиванию так называемого возвратного потенциала за счет добавления в документ положения об общем суммарном лимите в 800 единиц на развернутые и неразвернутые МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики. Однако в представленном в Капитолии на двухпартийной основе в 2023 г. Заключительном отчете Комиссии Конгресса по стратегическому позиционированию США содержалась рекомендация, чтобы американские Военно-воздушные и Военно-морские силы разработали планы и процедуры «обратной конвертации» пусковых установок БРПЛ *Trident-2* и бомбардировщиков B-52 [America's Strategic Posture, 2023, p. 50]. Это могло служить подтверждением опасений, высказывавшихся ранее в адрес Вашингтона, относительно недобросовестного выполнения американской стороной положений Договора СНВ-3, поскольку согласно его условиям предполагалось, что произведенное тогда переоборудование бомбардировщиков и пусковых установок БРПЛ должно быть необратимым.

В развитие аргументов, которые, как указывалось выше, были сформулированы при анонсировании отмены ноябрьской встречи Консультативной комиссии, С.А. Рябков в конце мая 2023 г.

заявил, что опубликованная незадолго до этого Государственным департаментом США информация по американским СНВ вводит в заблуждение, поскольку не соответствует правилам засчета по Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений. В результате, как подчеркнул Рябков, «за скобками» остаются более 100 единиц СНВ, которые должны подпадать под действие Договора. Кроме того, он обратил внимание на то, что сведения по размерам ядерных арсеналов Великобритании и Франции носят чисто декларативный характер, поскольку их невозможно проверить. Однако в случае прекращения действия Договора СНВ-3 привлечение к процессу контроля над ядерными вооружениями этих стран и тем более других государств, не входящих в «ядерную пятерку» (Индии, Пакистана, Израиля, КНДР), становилось еще менее реальным.

При этом в Государственном департаменте США утверждали, что при выполнении положений Договора СНВ-3 они не смогут обеспечить надлежащую верификацию соблюдения российской стороной его лимитов. Регулярный обмен информацией в рамках реализации требований Договора прекратился. Когда в марте 2023 г. подходил срок очередного обмена данными, помощник министра обороны США Дж. Пламб сообщил, что в Вашингтоне их запросили, но получили отказ, и поэтому они сами не будут предоставлять сведения относительно собственных стратегических систем. А 2 июня 2023 г. с американской стороны уведомили Россию, что не будут более сообщать данные о новых пусках баллистических ракет, что предписывалось Договором СНВ-3 (в действительности потом такое оповещение всё же производилось).

Сразу же после приостановки Договора в Вашингтоне начали раздаваться требования нарастить количественный

арсенал стратегических вооружений США. Бывший советник по национальной безопасности Трампа Дж.Р. Болтон, сам выдвигавший свою кандидатуру в качестве претендента на пост президента, в своей программной статье в *Washington Post* призвал увеличить число американских ядерных боеголовок на случай возможного противостояния с Россией и Китаем¹⁴. В поступившем от сенатского Комитета по вооруженным силам проекте бюджета на 2025 финансовый год содержалось предложение приступить к выработке планов по увеличению развернутых МБР с 400 имеющихся *Minuteman-3* до 450 призванных заменить их комплексов *Sentinel*. Комитет по вооруженным силам Палаты представителей не включил данное положение в представленный им вариант бюджета, но тоже выдвинул собственный альтернативный план наращивания арсенала МБР, что хоть и не нашло отражения в финальном варианте бюджета, но тем не менее было показательным.

Старший сотрудник Венского центра по разоружению и нераспространению Х. Нотте писала: «Учитывая ставки, Вашингтон должен всё еще использовать все возможные средства, чтобы изменить решение России приостановить действие Нового договора СНВ [Договора СНВ-3 – Н. Б.]. Если стороны отменят Новый договор СНВ до истечения срока его действия в 2026 г. или не сумеют на замену ему выработать еще какое-либо соглашение, то они утратят ограничительные

лимиты на свои развернутые ядерные боеголовки, а также способность предсказывать приобретение новых ядерных вооружений и действия [противоположной стороны – Н. Б.]»¹⁵.

Со стороны американских участников Примаковских чтений 2024 г. прозвучало предложение, что было бы хорошо, если бы стороны обменялись взаимными декларациями в начале 2026 г. – в год истечения срока действия Договора – о том, что будут продолжать исполнять его положения и что ничего не сделают, чтобы подорвать его. Было высказано мнение, что это способствовало бы и успеху Конференции по безопасности, которая будет проходить в том же году. При этом подчеркивалось, что было бы целесообразным, чтобы и все пять стран, официально считающихся обладающими ядерным оружием, также согласились соблюдать Договор СНВ-3.

«Увязывание» против «компартаментализации»?

Уже вскоре после того, как российская сторона начала специальную военную операцию, 2 июня 2022 г., Дж. Байден направил письмо в американскую Ассоциацию по контролю над вооружениями¹⁶, в котором говорилось: «Даже в то время, когда мы объединяем мир с той целью, чтобы Россия понесла ответственность за свое жестокое и неспровоцированное нападение на Украину, мы должны продолжать вовлекать Россию во взаимодействие по стратегической стабильности»¹⁷.

14 Bolton J.R. Opinion. Putin did the world a favor by suspending Russia's participation in New START // *Washington Post*. – 2023. – March 6. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/06/russia-china-united-states-tripolar-nuclear-powers/> (дата обращения: 08.03.2023).

15 Notte H. U.S.-Russian Relations Can Still Get Worse // *War on the Rocks*. – 2023. – February 22. – URL: <https://warontherocks.com/2023/02/u-s-russian-relations-can-still-get-worse/> (дата обращения: 24.02.2023).

16 Ассоциация по контролю над вооружениями была создана в 1971 г. со штаб-квартирой в Вашингтоне. Является ведущей неправительственной независимой экспертно-аналитической организацией США, занимающейся проблемами контроля над вооружениями и разоружения.

17 U. S.-Russian Dialogue Remains Paused as Putin Wields Nuclear Threats // Website of the Arms Control Association. – 2022. – June 25. – URL: <https://www.armscontrol.org/blog/2022-07/nuclear-disarmament-monitor> (дата обращения: 08.07.2022).

Однако официальный представитель МИД России М.В. Захарова, отвечая на вопросы в ходе брифинга 30 ноября 2022 г., предупредила, что, пока Вашингтон продолжает вооружать Украину, развязал «против России тотальную гибридную войну» и «практически каждый шаг США применительно к нашей стране подчинен патологическому стремлению навредить России везде, где только возможно», «сферу контроля над вооружениями <...> невозможно рассматривать как нечто автономное и существующее в отрыве от геополитических реалий»¹⁸. Показательно, что сообщение ТАСС об этом брифинге было озаглавлено «Прекратите вооружать Киев, иначе переговоров не будет: Дипломат предупреждает США относительно диалога по контролю над вооружениями»¹⁹. И хотя сама М.В. Захарова так не говорила, именно в такой передаче воспроизвели ее слова западные СМИ и аналитики, приходя к выводу, что сокращение стратегических вооружений было обозначено в качестве объекта «увязывания», «козыря для торга» с целью добиться от противоположной стороны уступок по другому важному вопросу²⁰. А С.А. Рябков в интервью «Коммерсанту» в начале 2023 г. сказал, что США знают, каких шагов от них ждут для деэскалации: «До тех пор о каких-либо шагах по примирению с Вашингтоном в отношении нового Договора СНВ абсолютно не может быть и речи»²¹. И в этом западные

аналитики тоже увидели тогда подтверждение их тезиса об «увязывании» российской стороной контроля над вооружениями с другими проблемами, в первую очередь имеющими отношение к Украине²².

Что касается непосредственно самого пресловутого принципа «увязывания» (*linkage*), то выдавшие виды специалисты по ограничению вооружений по обе стороны океана хорошо помнят, как, начиная с самых ранних дней советско-американского ограничения вооружений, позиция, основанная на применении принципа «увязывания», была нехарактерна для Москвы, а, напротив, была присуща Вашингтону, за что он подвергался критике со стороны отечественных политиков и участников переговоров. Приверженцы же контроля над вооружениями и в тот период настаивали и в настоящее время считают, что риск ядерной войны является приоритетной угрозой и совместная работа на данном направлении не должна ставиться в зависимость от других, даже самых жгучих, проблем и перипетий российско-американских отношений. Подход, основанный на вынесении за рамки всей прочей повестки и отдельном рассмотрении задачи контроля над вооружениями, базирующийся на осознании независимой от политической конъюнктуры непреходящей важности этого вопроса, в американском политическом лексиконе получил название «компартаментализация» (раньше это называлось *decoupling*).

18 Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2022. – 30 ноября. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlenkiye/1841096/ (дата обращения: 08.12.2022).

19 Stop arming Kiev otherwise no talks: Diplomat warns U. S. on arms control dialogue // TASS. – 2023. – November 30. – URL: <https://tass.com/politics/1543649> (дата обращения: 02.10.2023).

20 Notte H. U.S.-Russian Relations Can Still Get Worse // War on the Rocks. – 2023. – February 22. – URL: <https://warontherocks.com/2023/02/u-s-russian-relations-can-still-get-worse/> (дата обращения: 24.02.2023).

21 Черненко Е.В. «В США прекрасно понимают, каких шагов по деэскалации мы от них ждем» // Коммерсантъ. – 2023. – 27 января. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785723> (дата обращения: 29.01.2023).

22 Notte H.U. S.-Russian Relations Can Still Get Worse // War on the Rocks. – 2023. – February 22. – URL: <https://warontherocks.com/2023/02/u-s-russian-relations-can-still-get-worse/> (дата обращения: 24.02.2023).

Первый заместитель руководителя Национального управления ядерной безопасности при Министерстве энергетики США Ф. Роуз, ранее отвечавший в Государственном департаменте за контроль над вооружениями, выразил озабоченность тем, что Российская Федерация ведет себя иначе, чем когда-то в годы холодной войны действовал СССР, соглашавшийся на подписание договоров по контролю над вооружениями, невзирая на острые противоречия в других областях. «Стратегические ядерные вооружения находятся в своей собственной, особой, категории»²³, – отмечала Х. Нотте. И призывала каждую из сторон отказаться от использования в качестве «козыря для торга» заинтересованности другой в контроле над вооружениями.

Советник президента США по национальной безопасности Дж. Салливан на заседании Ассоциации по контролю над вооружениями 2 июня 2023 г. выступил с предложением не взаимовязывать практические аспекты контроля над вооружениями с общим контекстом американо-российских отношений, начать «без предварительных условий» переговоры об «управлении ядерными рисками» и о «параметрах» (или «рамках» – *framework*), немедленно приступить к разработке нового соглашения на замену Договора СНВ-3²⁴, когда срок его действия истечет (хоть Российская сторона уже раньше заявила о приостановке действия Договора). Впрочем, в Москве эту идею не поддержали. Представитель МИД

России М.В. Захарова выступила тогда с резкой отповедью, настаивая на неуместности иллюзий в данном отношении в условиях ведущейся против России «полномасштабной гибридной войны» и поставленной Соединёнными Штатами цели «стратегического поражения» России²⁵. А С.А. Рябков, выступая через месяц, отметил, что в Вашингтоне игнорируют ряд ключевых моментов, а в Москве не готовы обсуждать вопросы контроля над вооружениями независимо от других спорных проблем. Он заявил, что возвращение к переговорам по договору о стратегических наступательных вооружениях сейчас не имеет смысла, а станет возможным, если США изменят свое враждебное отношение к России. С.А. Рябков призвал отказаться от «компартаментализации», которая, как он сказал, вычлняет из всей совокупности вопросов, составляющих повестку дня, только некоторые элементы, интересующие США, к которым он причислил и ограничение стратегических вооружений. Стратегическая стабильность и факторы, на нее влияющие, по его словам, «должны рассматриваться комплексно»²⁶. А через несколько месяцев уже сам министр иностранных дел С.В. Лавров сказал, что любое обсуждение вопросов контроля над вооружением должно быть взаимосвязано с более широким спектром проблем безопасности. На пресс-конференции 18 января 2024 г., посвященной итогам деятельности российской дипломатии за предыдущий год, глава российского внешнеполитического ведомства, упо-

23 Ibid.

24 Bureau of Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan for the Arms Control Association (ACA) Annual Forum // Website of the Arms Control Association. – 2023. – June 2. – URL: <https://www.armscontrol.org/2023AnnualMeeting/sullivan-remarks> (дата обращения: 08.01.2023).

25 Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с высказываниями советника Президента США по национальной безопасности Дж. Салливана // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2023. – 3 июня. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1873993/ (дата обращения: 04.06.2024).

26 Рябков: РФ не готова вести диалог по контролю над вооружениями в предлагаемом США ключе // ТАСС. – 2023. – 21 июля. – URL: <https://tass.ru/politika/18334869> (дата обращения: 26.06.2023).

мянув о предложенном США диалоге по контролю над вооружениями, снова подчеркнул, что «говорить об этих перспективах серьезно, как взрослые люди, невозможно в отрыве от общего состояния дел в области международной безопасности, от области той самой стратегической стабильности. На сегодня в этой сфере крайне негативная динамика, эта тенденция усугубляется»²⁷.

Таким образом, тезис о неприемлемости «компартаментализации» озвучивался на всё более высоком уровне: представителем российского МИД, заместителем министра иностранных дел, министром иностранных дел и выше. На встрече с министром обороны С.К. Шойгу в феврале 2024 г. президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что у Соединённых Штатов не получится одновременно и призывать к стратегическому поражению России, и вести диалог по стратегической стабильности. «Соединённые Штаты и Запад, с одной стороны, призывают к стратегическому поражению России, а с другой стороны, намерены якобы и хотят вести с нами разговоры по стратстабильности, полагая, что один вопрос никак не связан с другим, – этого не удастся сделать, – сказал Путин. – Если они стремятся нанести нам стратегическое поражение, то мы должны подумать о том, что такое стратегическая стабильность для нашей страны»²⁸. Глава государства отметил, что необходимо «разобраться в том, чего они хотят»: «Они, как правило, хотят добиваться односторон-

них преимуществ. Этого не будет»²⁹. И в последующих своих выступлениях еще более заострил эту формулировку, подчеркнув, что стратегическое поражение означает конец российской государственности. А как известно, именно угроза самому существованию государства упоминалась в подписанном в 2020 г. Указе о ядерном сдерживании в качестве одной из возможных причин для применения ядерного оружия³⁰, что было зафиксировано и в анонсированной в октябре 2024 г. новой российской ядерной доктрине.

О параметрах договора на смену СНВ-3

Даже если бы выполнение Договора СНВ-3 не было приостановлено, то, как известно, предусмотренный срок его действия истекает в 2026 г. (согласно его правилам, он может быть продлен только один раз, и это уже было сделано). Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш на заседании Совета Безопасности выступил с заявлением о необходимости нового договора по стратегическим наступательным вооружениям на смену Договора СНВ-3, когда закончится время его действия. Он напомнил, что ядерные державы взяли на себя обязательства по разоружению в рамках шестой статьи Договора о нераспространении ядерного оружия. «Нам необходимо сокращение количества ядерного оружия. Возглавить этот процесс должны обладатели крупнейших ядерных арсеналов – Соединённые

27 Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2023 году, Москва, 18 января 2024 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2024. – 18 января. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1926392/ (дата обращения: 24.02.2024).

28 Стенограмма встречи Владимира Путина с министром обороны // Prezident.org. – 2024. – 20 февраля. – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-ministrom-oborony-20-02-2024.html> (дата обращения: 25.02.2024).

29 Там же.

30 Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения: 20.07.2024).

Штаты и Российская Федерация, которые должны найти способ вернуться за стол переговоров, чтобы полностью исполнить Договор о стратегических наступательных вооружениях и договориться о соглашении, которое придет ему на смену», – заявил А. Гутерриш³¹. В поддержку заключения нового договора высказался Дж. Байден, выступая 28 июля 2022 г. на 10-й Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении. О необходимости его заключения упоминалось в принятой в октябре 2022 г. американской Стратегии национальной безопасности.

Летом 2023 г., как уже говорилось выше, в Соединённых Штатах сформулировали инициативу, предполагавшую запуск диалога по снижению ядерных рисков и выработке договоренностей на период после 2026 г. (то есть после истечения номинального срока действия Договора о стратегических наступательных вооружениях), реализация которой должна была начаться без предварительных условий и вне зависимости от разногласий в других сферах. Представитель США в ООН Л. Томас-Гринфилд на Конференции по нераспространению 23 августа 2023 г. заявила о том, что Соединённые Штаты готовы подписать новый договор по стратегическим вооружениям. А в сентябре того же года из Вашингтона прислали официальное письмо с соответствующим предложением. На пресс-конференции 18 января 2024 г., посвященной итогам деятельности российской дипломатии за предыдущий год, С.В. Лавров сообщил, что неформальное письмо с ответом было отправлено в Вашингтон в канун

Нового года. Директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России В.И. Ермаков в интервью ТАСС сказал, что рассуждать о новом Договоре по стратегическим наступательным вооружениям бессмысленно. Прозвучали даже обвинения в адрес Белого дома, что он якобы использует подобные «пробросы» в конъюнктурных целях, стремясь повлиять на решения российского руководства по другим вопросам или же представить политику Москвы в негативном свете. В Белом доме, исходя из реакции Москвы на американскую инициативу, сделали вывод, что контроль над вооружениями более не является приоритетом для России, и обозначили готовность взаимодействовать по этим вопросам на других – не двусторонних, а многосторонних – площадках³².

Тем не менее с чисто технической стороны непреодолимых противоречий по параметрам ограничения стратегических вооружений между сторонами меньше, чем это бывало в прошлом. Хотя рассуждать о конкретных аспектах и условиях ограничения стратегических вооружений можно, разве что сделав шаг назад – к ситуации, когда с российской стороны еще не отказывались обсуждать параметры этого процесса.

Но во всех строившихся тогда, в предыдущем и самом начале этого десятилетия, предположениях речь шла о понижении количества носителей и боезарядов. А сейчас, учитывая значительно возросший уровень конфронтации и запущенные программы строительства новых стратегических вооружений, некоторые американские

31 Глава ООН призвал Россию и США немедленно возобновить выполнение Договора о СНВ // Сайт ООН. – 2023. – 21 января. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/02/1437872> (дата обращения: 23.12.2023).

32 Черненко Е.В. Письмо с пометкой «Отказано» // Коммерсантъ. – 2024. – 18 января. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6456037> (дата обращения: 19.01.2024).

эксперты и политики высказывают предположение о возможности фиксации в новом соглашении более высоких количественных потолков по сравнению с Договором СНВ-3 [Podvig, 2024]. Дж. Салливан говорил, что любые уровни вооружений, которые могут быть установлены будущими соглашениями, должны будут определяться, принимая во внимание «размер и размах» наращивания ядерных вооружений Китая³³.

Однако повышение фиксируемых соглашениями потолков не будет предпочтительным с точки зрения обеспечения безопасности, не соответствует обязательствам, взятым на себя сторонами по Договору о нераспространении, и не вызовет понимания со стороны других участников международного процесса, для которых это к тому же станет сугубо плохим примером и негативным прецедентом, хотя очевидно, что изменение того, что включается в потолки, модификация правил и системы зачета вполне вероятны и даже, скорее всего, неизбежны.

В этом плане подходы двух ведущих ядерных держав, когда еще велись соответствующие консультации, различались. В Соединённых Штатах хотели бы, чтобы новый договор охватывал не только стратегические, но и тактические ядерные вооружения, по которым у России имеется преимущество. Некоторые американские эксперты указывали, что целесообразным было бы обозначить общий потолок для тех и других, то есть и по носителям, и по боеголовкам. Однако другие справедливо возражали им, что в по-

добном случае возникла бы своего рода лагуна, поскольку, если следовать правилам Договора СНВ-3, все нестратегические боезаряды считались бы, таким образом, неразвернутыми, а это оставляло бы право на дополнительное развертывание стратегических комплексов и боеголовок.

С российской стороны еще ранее, когда вели диалог о конкретных параметрах предпочтительных ограничений, говорили, что нужно включить в будущее соглашение и другие вооружения, способные нести прямую угрозу для национальной территории другой страны. Иное было названо «односторонним подходом», противоречащим пониманием, достигнутому на российско-американском саммите 16 июня 2021 г. в Женеве относительно комплексного характера стратегического диалога, «призванного заложить основу будущего контроля над вооружениями и мер по снижению рисков»³⁴. С российской стороны считали необходимым включить в будущее ограничения не только ядерные, но и другие системы, способные совершить стратегическое нападение, уничтожить предназначенные для ответного удара силы противоположной стороны, вывести из строя систему ее командования, и, в частности, полагали целесообразным ограничить неядерные высокоточные системы большой дальности, способные осуществлять атаки на большие расстояния по всей планете. Ведущие американские и отечественные эксперты также выступали за то, чтобы перейти к зачету боезарядов по реальному их числу на стратегических бомбардировщиках, а не считать их, условно исходя из одной

33 Landay J. US proposal for talks with Russia on keeping nuclear arms curbs in limbo // Reuters. – 2023. – July 26. – URL: <https://www.reuters.com/world/us-proposal-talks-with-russia-keeping-nuclear-arms-curbs-limbo-2023-07-26/> (дата обращения: 27.07.2023).

34 О передаче письменной реакции на ответ американской стороны по гарантиям безопасности // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2022. – 17 февраля. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1799157/ (дата обращения: 22.02.2022).

единицы на каждом тяжелом бомбардировщике.

Со стороны США сперва высказывали пожелание засчитывать в рамках Договора СНВ-3 системы «Авангард» и «Сармат» [Бубнова, 2021, с. 242–243], а потом заместитель государственного секретаря Соединённых Штатов по контролю над вооружениями и международно-правовой безопасности А. Томпсон упомянула, что «остальные три системы» тоже, с их точки зрения, подпадают под ограничения Договора СНВ-3³⁵. Какие вооружения имелись в виду, она тогда не уточнила, но российскими экспертами высказывались предположения, что речь могла идти о гиперзвуковом комплексе «Кинжал», автономном подводном аппарате «Посейдон» (о нем в этой связи упоминал, в частности, посол Российской Федерации в Вашингтоне А.И. Антонов) и о крылатой ракете с ядерным двигателем «Буревестник». Специальный посланник американского президента по контролю над вооружениями М. Биллингсли в свою очередь призывал Россию прекратить разработку и внедрение новейших видов ракет с ядерным двигателем, назвав их «летающим Чернобылем». В.В. Путин в 2019 г. в Послании Федеральному Собранию отмечал, что новейшие российские системы «Авангард» с гиперзвуковым маневрирующим блоком подпадают под ограничения Договора СНВ-3³⁶. (Ранее А.И. Антонов говорил, что не подпадают³⁷.) При этом характерно, что В.В. Путин одновременно обозначил тогда готовность обсуждать параллельно еще и другие системы. Возможны ли здесь размены в рамках

сокращения стратегических носителей? Прецедент этому, но релевантный только при наличии доброй воли и желания достичь договоренностей, был заложен в рамках Договора СНВ-3, ограничившего любые баллистические ракеты, включая не только ядерные, но и конвенциональные, с дальностью свыше 5 500 км.

Полезным было бы также поставить вопрос о необходимости согласовать на двусторонней основе предписание относительно отдельного хранения ракет и боеголовок к ним, что в случае острых конфликтов удлинит время для кризисного реагирования и само по себе служит своего рода маркером и индикатором намерений сторон.

С российской стороны также ранее всегда последовательно выдвигали требование передислоцировать ядерные вооружения на национальную территорию. До начала украинского кризиса такая возможность обсуждалась, но затем в Вашингтоне приняли решение о замене хранящихся на складах в Европе американских авиационных бомб на более современные самонаводящиеся снаряды. Можно ли считать, что это условие о передислокации ядерных боезарядов на национальную территорию рискует получить пометку «устар.» после начала СВО и также в связи с последующим размещением российских ядерных боезарядов на белорусской территории? Или же по данному вопросу по-прежнему возможны размены в рамках переговоров, если они начнутся?

Известный американский политолог Т. Грэм, бывший советник президента

35 The United States declared ICBM «Sarmat» and complex «Avangard» under the START-3 // [Weaponews.com](https://weaponews.com/news/65350721-the-united-states-declared-icbm-sarmat-and-complex-avangard-under-the-.html). – 2019. – May 16. – URL: <https://weaponews.com/news/65350721-the-united-states-declared-icbm-sarmat-and-complex-avangard-under-the-.html> (дата обращения: 20.05.2019).

36 Послание Президента Федеральному Собранию // [Kremlin.ru](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59863). Официальный сайт Президента России. – 2019. – 20 февраля. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59863> (дата обращения: 22.02.2019).

37 Антонов: новое стратегическое оружие России не подпадает под СНВ-3 // [YouTube](https://www.youtube.com/watch?v=A8Zkl84y6mg). – 2019. – 15 апреля. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A8Zkl84y6mg> (дата обращения: 17.05.2019).

США Дж. Буша по России и Евразии и директор Российского отдела в Совете национальной безопасности США, предупреждал (что, впрочем, было очевидно и многим другим), что следующий договор по стратегическим вооружениям будет трудно провести через ратификацию в Сенате, поэтому необходимы новые подходы. Генеральный директор Российского совета по международным делам А.В. КОРТУНОВ также отмечал, что «трудно вообразить, что такое бы то ни было соглашение с Кремлем, за исключением разве что полного одностороннего разоружения России, может быть ратифицировано на Капитолийском холме или встретить единодушную поддержку в Североатлантическом совете» [Российско-британский диалог..., 2021]. Вот почему он, хотя и считал неправильным отвергать в принципе идею заключения полноценных юридически обязывающих соглашений, соглашался с тем, «что к этой цели следует двигаться с помощью разнообразного набора небольших, постепенных, параллельных мер укрепления доверия» [Российско-британский диалог..., 2021]. Такие меры, по его мнению, проложат путь к достижению значимых договоренностей на более позднем этапе. «Международному сообществу придется искать новую формулу контроля над вооружениями, которая соответствовала бы реалиям XXI в.», – писал руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН В.И. Батюк [Батюк, 2018, с. 34]. Тогда как ряд ведущих российских экспертов, включая И.М. Никитина, В.А. Орлова, Д.В. Тренина, считали необходимым в будущем сконцентрировать внимание не на количественных показателях, а на мерах по обеспечению предсказуемости и транспарентности.

Однако представляется, что в деле контроля над вооружениями и особенно в ограничении стратегических

вооружений нужна надстройка, а не перестройка, что новые подходы и инновационные методы подсчета и ограничений оборонных потенциалов с точки зрения их качественных параметров нужно практиковать не вместо, а вместе со всеми наработками и принципами, всем инструментарием незабытого прошлого: количественными ограничениями, отработанными правилами подсчета, налаженными инспекциями, доказавшими эффективность процессами верификации, действующими центрами наблюдения.

В США, как уже упоминалось выше, давно начали настаивать на необходимости подключить к переговорам по стратегическим вооружениям Китай. А с российской стороны в связи с этим неоднократно упоминали Францию и Великобританию с их ядерным потенциалом. А.Г. Арбатов указывал, что в случае урегулирования украинского конфликта возможны параллельные переговоры в двустороннем формате США – Россия и США – Китай. По сравнению с прежним периодом, когда многие эксперты также высказывались относительно вероятности такого варианта, статус Китая существенно изменился за счет ведущегося там строительства ракетных баз, шахт базирования и установок МБР. Китай уже не тот, что раньше, а гораздо сильнее в плане стратегических вооружений (наряду с баллистическими и крылатыми ракетами с неядерными боеголовками), и там будут хотеть паритета. И в случае, если всё же начнутся переговоры, Пекин обеспечил себе исключительно благоприятные условия на них. Китай и США уже вряд ли пойдут на сокращения. А может быть, всё же пойдут? Может быть, еще удастся встретиться на полпути с Китаем, когда он почти достигнет количественных потолков, сопоставимых с российскими и американскими, но еще не со-

всем сравнивается с ними? На заседании дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи в ответ на прямой вопрос относительно того, каким образом возможно поддерживать стабильность ядерных потенциалов после истечения срока действия Договора СНВ-3, В.В. Путин, выделив треугольник Россия – Китай – США, подчеркнул необходимость также учитывать и ядерные арсеналы Великобритании и Франции³⁸.

Тем временем в Пекине в середине июля 2024 г. заявили, что приостанавливают переговоры с США о контроле над вооружениями и нераспространении, потому что Вашингтон накачивает вооружениями Тайвань и лишь на словах признает политику «Одного Китая». Некоторые эксперты полагали, что после перестройки американской военной доктрины и принятия администрацией Байдена на завершающем этапе правления некоей «секретной ядерной стратегии» (изложенной в засекреченной «Плановой инструкции по применению ядерного оружия»), предусматривающей возможность одновременного поражения и российских, и китайских шахт МБР, поставлена под сомнение релевантность количественных потолков СНВ-3 и возможность использования его принципов в будущем. Хотя в действительности эта стратегия, если верить сообщениям американских экспертно-аналитических изданий³⁹, строилась из расчета перевооружения стратегических ракет боеголовками с новым «суперзарядом» (*super-fuse*), более эффективным за счет осущестляемой прямо в полете кор-

ректировки высоты взрыва и сочетания мощности и точности боезарядов, но не предполагающего увеличения количества самих ракет или их боеголовок. Однако в США и в самом деле всё чаще высказываются мнения о необходимости иметь ядерный арсенал, превышающий совокупный потенциал России и Китая (концепция «двойного сдерживания»), что вывело бы американские стратегические силы за пределы Договора СНВ-3 и не позволило бы ориентироваться на его подходы при выработке последующих соглашений. Сторонников наращивания стратегического арсенала немало и среди ближнего круга Д. Трампа, победившего на выборах в ноябре 2024 г.

Так же большой и отдельной темой является вопрос о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных систем. Эта корреляция зафиксирована в преамбуле Договора СНВ-3. А.Г. Арбатов указывал, что многолетние претензии России по вопросу о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных систем оправданны, и от этого вопроса никак не уйти в будущем. Но он также отмечал, что данная проблема не была поднята Россией, когда стороны в феврале 2021 г. договорились о продлении на пять лет Договора СНВ-3 и когда, более того, администрация Дж. Байдена официально подтвердила, что признает эту принципиальную взаимосвязь⁴⁰. Развитие противоракетной обороны тем временем получило мощный импульс вследствие противостояния в ходе украинского кризиса,

38 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2024. – 7 ноября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения: 10.11.2024).

39 Postol T. Biden's «new» nuclear strategy and the super-fuse that sets it off // Responsible Statecraft. – 2024. – August 29. – URL: <https://responsiblestatecraft.org/biden-nuclear-strategy/> (дата обращения: 17.09.2024).

40 В опубликованном Пентагоном «Обзоре по ПРО 2022», впервые выпущенном в 2022 г. совместно со «Стратегией национальной обороны» и «Ядерным обзором», было сказано: «В рамках интегрированного подхода к сдерживанию Соединённые Штаты признают наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями» [2022 Missile Defense Review, 2022, p. 6].

а также в результате наращивания китайского стратегического потенциала, развертывания американских систем ПРО в Европе и Азии и развития новых вооружений и технологий. В России, в свою очередь, на выход США из Договора по ПРО ответили, в частности, разработкой гиперзвуковых планирующих аппаратов, созданием новых, более совершенных, баллистических ракет наземного и морского базирования, развитием и усилением собственных противоракетных систем и др.

В экспертном сообществе в основном сходятся во мнении, что никакая ПРО не сможет закрыть от широкомасштабного ядерного удара, но некоторые эксперты считают целесообразным вернуться к выдвигавшейся в денонсированных соглашениях 1997 г. идее о разграничении стратегической ПРО от ПРО театра военных действий и даже позволить неограниченное развертывание ПРО оперативно-тактического назначения, хотя другие возражают им, что из-за развития новых технологий скоро уже вообще невозможно будет различить стратегическую и оперативно-тактическую ПРО [Cimbala, Korb, 2022].

Возможные меры по ограничению вооружений осложняются не только применительно к противоракетным системам, но и для других видов стратегических вооружений в связи с появлением новых технологий, таких как роевые ракеты и роевые дроны, лазерное и лучевое оружие наземного и космического базирования, сверхдальние автономные носители, беспилотники с ударными установками класса «воздух – земля», системы искусственного интеллекта, кибероборудование и космические средства обнаружения и наведения, позволяющие вывести из строя или сбить с курса ракеты противника и помешать работе систем пуска и боевого управления до того, как ракеты успеют взлететь

(*left-of-launch*) [Cimbala, Korb, 2022]. А.Г. Арбатов обращал внимание на то, что в значительной степени тренд дестабилизации обусловлен эффектом «переплетения» (*intertwining*) ядерных и обычных вооружений, когда невозможно определить до момента поражения цели, идет ли речь о ядерных или конвенциональных системах оружия [Ежегодник СИПРИ 2021, 2022, с. 859]. Распространение гиперзвуковых технологий приводит к сокращению до минимума подлетного времени. Отдельные вопросы возникают в связи с развитием воздушных и морских носителей неограниченной дальности и с неопределенным подлетным временем. «Их стратегическая обоснованность пока неясна, как и влияние на переговоры по контролю над вооружениями» [Ежегодник СИПРИ 2021, 2022], – констатировал А.Г. Арбатов. Но если договора по стратегическим наступательным вооружениям не будет, эти гиперзвуковые системы, автономные системы доставки ядерного оружия неограниченной дальности и другие новейшие высокотехнологичные вооружения, влияющие на стратегическую стабильность, вряд ли удастся обсуждать в контексте будущих ограничений.

Однако даже если не соглашаться с тезисом о превращении контроля над вооружениями в анахронизм и если не воспринимать исключительно в ностальгическом ключе существовавшие прежде запреты на РСМД и происходившие на двусторонней основе сокращения СНВ, то какие-то аспекты взаимодействия в области разоружения действительно уходят в прошлое. Если на рубеже нулевых и десятых говорили о возможном сопряжении систем ПРО России, с одной стороны, и США и НАТО – с другой, то уже в середине второго десятилетия века В.З. Дворкин отмечал, что, «естественно, вопрос об уча-

стии России в системе США/НАТО уже не стоит» [Безопасность и контроль..., 2016, с. 53]. Так же трудно в условиях повысившейся напряженности и взаимной враждебности представить – будь то на двусторонней основе или в порядке односторонних инициатив – вероятность отмены планирования ядерных операций по сценарию «запуска по предупреждению» (или «ответно-встречного удара») – если только не в сторону еще более инициативных, превентивных ударов. По-видимому, утратила перспективу и выработка совместного решения о снятии с минутной готовности ядерных вооружений. Возможность согласованного отказа от использования ядерного оружия первыми – что долгое время было официальной позицией китайской стороны – тоже, скорее всего, в прошлом, и это отразилось в изменениях в российской ядерной доктрине.

Что Трамп грядущий нам готовит

Выстраивая ранее прогнозы относительно внешней политики на случай победы демократов на выборах, в американском экспертно-аналитическом сообществе предполагали, что следующая администрация постаралась бы в какой-то форме сохранить контроль над вооружениями после истечения номинального срока действия СНВ-3 в 2026 г., но задавались вопросом, насколько это оказалось бы реалистичным, особенно в форме фиксируемых договором количественных ограничений или сокращений [Talmadge, 2024]. Вступившая в президентскую гонку после снятия Дж. Байденом своей канди-

датуры К. Харрис, в целом разделявшая внешнеполитическую повестку действовавшего президента, весьма мало говорила о контроле над вооружениями. Эта сфера, в отличие от ситуации с иммигрантами на южной границе или же состояния экономики, не входила в сферу ее обязанностей в администрации, но и, по-видимому, в сферу ее интересов. Помимо всего прочего, контроль над вооружениями не являлся приоритетной темой избирательной кампании, поскольку страх перед ядерной угрозой больше не довлеет над сознанием американцев. Но известно, что в 2019 г., когда ее спросили, поддерживает ли она политику неприменения ядерного оружия первыми, К. Харрис говорила об опасности ядерного оружия, сославшись на свой опыт работы, когда она была членом Сената, в его Комитете по разведке⁴¹.

На Съезде Демократической партии, где ее выдвинули кандидатом в президенты, К. Харрис пообещала, что «в качестве верховного главнокомандующего обеспечит, чтобы США всегда имели самые мощные, самые летальные вооруженные силы»⁴². Но исторически в противостоянии между Демократической и Республиканской партиями именно в повестке первой тема контроля над вооружениями звучала сильнее, и среди сотрудников вашингтонских внешнеполитических ведомств – тех, кого Трамп склонен считать мешающим ему «глубинным государством», но на кого в большей степени полагаются демократы, – было немало сторонников ограничения стратегических вооружений.

Хотя Д. Трамп, бывало, и говорил, что «любит контроль над вооружения-

41 Kamala Harris on nuclear weapons // Website of the Union of Concerned Scientists. – 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WTtlnQ05zvK> (дата обращения: 30.12.2019).

42 Full Transcript of Kamala Harris's Democratic Convention Speech // New York Times. – 2024. – August 23. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/08/23/us/politics/kamala-harris-speech-transcript.html> (дата обращения: 30.08.2024).

ми», но, в отличие от Дж. Байдена, был неофитом в этом деле и стремился, чтобы это принесло какую-то сутобо практическую выгоду [Бубнова, 2021, с. 239]. Однако в интервью 16 января 2017 г. британскому изданию *Times* и немецкой газете *Bild* Трамп неожиданно заявил, что готов пойти на отмену некоторых санкций в отношении России, если ему удастся договориться с ней о значительном сокращении ядерных вооружений: «Россия очень сильно хочет контроля над вооружениями. Мы тоже этого хотим»⁴³. Даже если это было импровизацией, очевидно было, что он не хотел отдавать эту тему в качестве козыря демократам. В избирательную кампанию 2020 г., во время пандемии ковида, Трамп попытался собрать в свою «копилку достижений» побольше результатов в сфере внешней политики, включая контроль над вооружениями. Он говорил о целесообразности разработки трехстороннего соглашения по контролю над вооружениями с участием Китая, выступил с инициативой проведения той осенью встречи по ограничению ядерных вооружений в пятистороннем формате с участием постоянных членов Совета Безопасности и пригласил представителей 40 стран – дипломатов из различных государств – для обсуждения ядерного разоружения. Но те инициативы не имели практического развития. А на практике Д. Трамп вывел США из Соглашения по иранской ядерной программе, за что подвергся широкой критике, в том числе и со стороны К. Харрис. При нем США вышли из Договора РСМД. Д. Трамп не продлил действие Договора СНВ-3, называя его «плохой сделкой» и ошибочно утверждая, что в соответствии с положениями этого

документа российской стороне было позволено производить новые ядерные боеголовки, а Соединённым Штатам – нет (в ходе еще тех президентских дебатов предыдущей избирательной кампании Трамп неправильно назвал Договор «стартапом»). (Договор, как упоминалось выше, был потом буквально в последний момент продлен уже только при Байдене.) При Д. Трампе произошел фактически полный развал международной системы контроля над вооружениями, за исключением этого выбравшегося (как оказалось, временно) из-под аваланша Договора: Трамп был, по сути, дирижером этого развала. А в избирательную кампанию 2023–2024 гг. проблема контроля над вооружениями не входила в его приоритетную повестку.

Перспективу возвращения Трампа на пост президента обычно связывали с вероятностью уменьшения поставок вооружений Украине и/или перевода их на коммерческую основу, а также меньшей вовлеченностью США в международные дела, что может означать и понижение градуса конфронтации с Россией. Однако Трамп в своё время значительно увеличил ассигнования на военное строительство, возродив курс на политику с позиции силы. Он добился отмены решения о секвестре бюджета, делал противоречивые заявления относительно необходимости значительного наращивания американского ядерного потенциала и увеличил расходы на ядерные вооружения по сравнению с 30-летней программой, принятой ранее при администрации Обамы (с 1 трлн до 1,2 трлн долл., а по некоторым оценкам, с учетом инфляции – до 1,7 трлн долл.⁴⁴).

43 Reuters Staff. Russia wants deals on arms control and nuclear, says U.S. Trump // Reuters. – 2019. – December 3. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-summit-trump-russia-idUSKBN1Y7142> (дата обращения: 26.12.2019).

44 При администрации Дж. Байдена прогнозы относительно затрат на реализацию 30-летней программы модернизации ядерного оружия еще более выросли и составили уже до 2 трлн долларов. См.: U. S. nuclear modernization programs // Website of the Arms Control Association. – Updated 2024. – URL: <https://www.armscontrol.org/factsheets/USNuclearModernization> (дата обращения: 10.06.2024).

Трамп говорил, что «пусть даже и будет гонка вооружений, но США в ней возьмут верх на каждом витке и их хватит надолго, чем всех»⁴⁵. При нем было начато развертывание нового вида стратегических вооружений – маломощных баллистических ракет подводных лодок – и инициирована разработка крылатых ракет морского базирования.

Д. Трамп неоднократно делал легковесные заявления о возможности использования ядерного оружия, угрожал ядерным ударом Северной Корее и не исключал перспективы приобретения ядерного оружия Японией и Южной Кореей. Еще когда Трамп в середине 2010-х впервые стал президентом, некоторые представители его администрации обсуждали возможность возобновления ядерных испытаний. А уже в период последней избирательной кампании сначала в известной американской экспертно-аналитической организации правого толка «Фонд наследия», где работают многие его бывшие сотрудники, а затем со стороны сразу нескольких стран – союзников США прозвучали призывы к Д. Трампу в случае победы на выборах возобновить подземные ядерные испытания – как они говорили, в связи с тем, что Китай и Россия наращивают ядерные арсеналы, а Северная Корея и Иран осуществляют свои ядерные программы.

С перспективой возвращения Д. Трампа в Белый дом связывали также вопросы об отношении к НАТО и американских ядерных гарантиях союзникам – так называемом ядерном зонтике. Известно, что Д. Трамп высказывал сомнения в релевантности Альянса, а бывшие высокопоставленные сотруд-

ники его администрации в период избирательной кампании один за другим утверждали, что в случае победы на выборах он выведет страну из НАТО. Чтобы упредить такое развитие событий, Конгресс в конце 2023 г. принял законопроект, не позволяющий президенту единолично решать этот вопрос. Но тем не менее в европейских странах, имея в виду перспективу возвращения Д. Трампа в Белый дом, еще более озабочились укреплением собственной безопасности, в том числе в рамках ЕС, стали принимать меры по обеспечению непрерывности своей деятельности (включая помощь Украине) в случае победы Д. Трампа на выборах. А в НАТО всё чаще называли свою организацию «ядерным альянсом», усиливали упор на ядерный потенциал в своих стратегических установках. Опасения по поводу собственной безопасности в связи с перспективой президентства Д. Трампа высказывались и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, например в Южной Корее и Японии, где не исключали постановки вопроса о приобретении собственного ядерного оружия, как о том когда-то говорил и Трамп.

В ходе избирательной кампании 2023–2024 гг. тема контроля над вооружениями, как уже упоминалось выше, не входила в приоритетную повестку Д. Трампа. Но после покушения на него, произошедшего 13 июля 2024 г. на ралли в Пенсильвании – за два дня до начала съезда Республиканской партии (а затем было предотвращено еще одно покушение), – Трамп в эксклюзивном интервью *Washington Examiner* говорил о необходимости «единства» и переделал ранее подготовленный текст своей написанной к Съезду главной

45 Pilkington E., Pengelly M. Donald Trump appears to double down on nuclear expansion // Guardian. – 2016. – December 24. – URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/23/donald-trump-nuclear-weapons-arms-race> (дата обращения: 26.12.2016).

предвыборной речи, чтобы «воспользоваться историческим моментом» и «сфокусироваться не на Байдене», а на том, что объединяет страну и служит стабильности и гармонии в мире⁴⁶. А менее чем за месяц до выборов Трамп в интервью с комиком Эндрю Шульцем призвал к уничтожению всех ядерных вооружений⁴⁷, упомянув, что он якобы почти добился такой договоренности с Россией и Китаем в прошлую свою каденцию на посту президента. Но, учитывая реальные события и тот факт, что публичные выступления кандидатов на пост президента США строятся в первую очередь исходя из императивов избирательной борьбы, можно только с большой условностью прогнозировать, какие практические последствия могла бы иметь эта заявленная установка. Ведущие американские ученые и аналитики, чьи мнения были опубликованы в вышедшей через день после выборов подборке журнала *Bulletin of the Atomic Scientists*, утверждали, что с возвращением Д. Трампа в Белый дом ситуация становится более опасной⁴⁸, а разрешение сложного спектра проблем, связанных с глобальными ядерными угрозами, самым существенным образом затрудняется. Но многие из них были одновременно убеждены, что значимость усилий сторонников контроля над вооружениями в этих условиях возрастает и что они должны делать всё возможное, работать и

с республиканцами, и с демократами, добиваться, чтобы Д. Трамп и В. Путин согласились не увеличивать развернутые ядерные силы своей страны, пока противоположная сторона будет воздерживаться от этого⁴⁹. В. Путин в те же дни на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай», поздравив Д. Трампа с победой на выборах, сказал, что Россия готова к диалогу с США по стратегической стабильности, если Вашингтон будет подходить к нему честно, назвав при этом заявления Д. Трампа в поддержку завершения украинского кризиса заслуживающими внимания⁵⁰. Р. Геттемюллер в колонке, опубликованной в *Financial Times*, высказала мнение, что урегулирование на Украине и подписание нового соглашения по ядерным вооружениям реальны и могли бы стать значимыми достижениями для Д. Трампа, которых не удалось добиться его предшественнику⁵¹.

В период обострившейся конфронтации после февраля 2022 г. будущее контроля над вооружениями, и так уже существенно подорванного, оказалось под большим вопросом. Хотя ядерное сдерживание в целом и сохраняется, но размывается призывами принять решение о возможности ядерного удара, выдвиганием концепций «активного устрашения», «лестницы эскалации» и т. п.

46 Zito S. Trump rewrites Republican convention speech to focus on unity not Biden // Washington Examiner. – 2024. – July 14. – URL: <https://www.washingtonexaminer.com/news/campaigns/presidential/3082180/trump-rewrites-republican-convention-speech-focus-unity-not-biden/> (дата обращения: 15.07.2024).

47 Trump Donald J. // @realDonaldTrump, X. – 2024. – October 9. – URL: <https://x.com/andrewschulz/status/1844010008734044357> (дата обращения: 10.10.2024).

48 Diaz-Maurin F. What to expect from Trump's second term: more erratic, darker, and more dangerous // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2024. – November 7. – URL: <https://thebulletin.org/2024/11/what-to-expect-from-trumps-second-term-more-erratic-darker-and-more-dangerous/> (дата обращения: 08.11.2024).

49 Nuclear Dangers Just Became More Dangerous. Correction. Arms Control Association. – 2024. – November.

50 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Kremlin.ru. Официальный сайт Президента России. – 2024. – 7 ноября. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения: 10.11.2024).

51 Gottemoeller R. Trump needs concessions from Putin – they may be forthcoming // Financial Times. – 2024. – November 14. – URL: <https://www.ft.com/content/cc8fb374-17ae-4fd9-b7cb-83f3f54e83d0> (дата обращения: 15.12.2024).

При всём конфронтационном отношении американского руководства к России, при продолжающемся со стороны США и Запада курсе на введение против нее тотальных санкций и осуществление всё новых поставок вооружений Украине в США всерьез обеспокоены по поводу состояния дел с ядерным оружием, ослабляющего систему международной безопасности и чреватого рисками реального применения ядерного оружия. Несмотря на жесткие декларации и действия в отношении российской политики и происходящего на Украине, со стороны администрации Дж. Байдена неоднократно выдвигались заявления в пользу возобновления переговоров по стратегической стабильности, восстановления Договора СНВ-3 и выработки нового соглашения по ограничению стратегических наступательных вооружений ему на смену. В Вашингтоне хотели отделить эту проблему и действия на данном направлении от всей остальной широкой и долгое время остававшейся весьма негативной повестки российско-американских отношений. Хотя заявления на эту тему в какой-то мере могли быть продиктованы и стремлением создать более позитивный образ Дж. Байдена, а затем К. Харрис, участвовавших в президентской гонке, дело идет не о своего рода уловках или политически мотивированных ухищрениях, а о реальных опасениях по поводу возможных последствий происходящих конфликтов и новой гонки вооружений в условиях размывания договорно-правовой базы в этой области и при отсутствии заслона в виде контроля над вооружения-

ми и устанавливаемых им механизмов наложения численных ограничений, учета количества вооружений и способов их размещения, обеспечения верификации, инспекций, предотвращения ядерного распространения.

С российской стороны относительно американской инициативы по поводу возобновления переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений заявили, что «для этого в Вашингтоне должны проявить политическую волю, предпринять добросовестные усилия в целях общей деэскалации и создания условий для возобновления полноформатного функционирования Договора»⁵². С завершением действия последнего из российско-американских соглашений по ограничению вооружений может закончиться эра контроля над вооружениями, который на протяжении шестидесяти лет оставался, вероятно, ключевым сдерживающим механизмом, позволявшим предотвратить ядерную войну. Исполнительный директор Ассоциации по контролю над вооружениями Д. Кимбалл сказал, что нет извинения тому, что администрация Дж. Байдена долго откладывала официальное представление своего предложения по возобновлению переговоров по СНВ Кремлю. По его словам, такие сложные переговоры были бы «трудными и в хорошие времена, и чрезвычайно трудны, пока продолжается война России против Украины»⁵³, но необходимо скорее начать их и вести работу над новым договором по СНВ.

После победы Д. Трампа на выборах представленные им на руково-

52 Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова информационному агентству ТАСС, Москва, 28 декабря 2023 года // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – 2023. – 28 декабря. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1923539/ (дата обращения: 30.12.2023).

53 Landay J. US proposal for talks with Russia on keeping nuclear arms curbs in limbo // Reuters. – 2023. – July 26. – URL: <https://www.reuters.com/world/us-proposal-talks-with-russia-keeping-nuclear-arms-curbs-limbo-2023-07-26/> (дата обращения: 27.07.2023).

дящие посты во внешней политике, Пентагоне и разведке деятели, чьи кандидатуры, подобранные по принципу лояльности и поддержки его политики, вызвали оторопь и резкое неприятие со стороны противников Республиканской партии и внутри государственного аппарата, фактически ни один из них – в отличие от номинированных в своё время бывалых назначенцев Дж. Байдена – не имел опыта в области контроля над вооружениями и не высказывался на данную тему. Несмотря на некоторые заявления Д. Трампа в пользу контроля над вооружениями, практические действия в его первую каденцию на посту президента не дают однозначных гарантий относительно судьбы нынешних и перспективы будущих договорённостей по ограничению вооружений. Но и не оставляют иной альтернативы, кроме как надеяться на лучшее и предпринимать инициативные усилия в данном направлении.

Если какие-то из ранее существовавших путей взаимодействия и окажутся в создавшихся условиях нереалистичными, безусловно возможной и необходимой представляется проработка соответствующих проблем и формулирование путей их преодоления. Необходимо думать над будущим системы безопасности и настойчиво добиваться реализации того, что всё ещё возможно. И если это получается, использовать контроль над вооружениями не как козырь для торга, а как непреходящую императиву безопасности и одновременно как движитель, рычаг для улучшения общей ситуации в международных и двусторонних российско-американских отношениях ради будущего на Земле – как говорилось в песне времен разрядки, когда подписывались первые соглашения по ограничению стратегических вооружений, *for the good times*.

Список литературы

Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. ИМЭМО РАН. – 2024. – Т. 68, № 7. – С. 5–24. – DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24.

Батюк В.И. Смерть контроля над вооружениями // *Актуальные проблемы Европы*. – 2018. – № 1. – С. 17–37.

Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016: Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. – Москва : ИМЭМО РАН, РОССПЭН. – 2016. – 303 с.

Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. – Москва : ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия. – 2021. – 647 с.

Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2017. – № 3. – С. 161–178. – DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-161-178.

Ежегодник СИПРИ 2021 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН / пер. с англ. / ред. коллегия: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. – Москва : ИМЭМО РАН. – 2022. – 964 с.

Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. – Москва : Высшая школа экономики. 2019. – 55 с.

Российско-британский диалог о контроле над вооружениями, стратегической стабильности и Украине. // РСМД. – 2021. – 22 декабря. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-britanskiy-dialog-o-kontrole-nad-vooruzheniyami-strategicheskoy-stabilnosti-i-ukraine/> (дата обращения: 25.12.2022).

Тренин Д.В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 74–86. – DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-74-86.

Хазбиев А. Система контроля над СНВ – это труп, который невозможно оживить // Эксперт. – 2020. – № 4 (1448). – URL: <https://expert.ru/2020/01/14/sistema-kontrolya-nad-snv--eto-trup-kotoryj-ij-nevozmozhno-ozhivit/> (дата обращения: 12.04.2024).

America's Strategic Posture. The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States // U.S. Congress. – 2023. – October. – 145 p.

Cimbala S.J., Korb L.J. Nuclear arms control: Still necessary, but more difficult than ever // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2022. – April 5. – URL: [https://thebulletin.org/2022/04/nuclear-](https://thebulletin.org/2022/04/nuclear-arms-control-still-necessary-but-more-difficult-than-ever/)

[arms-control-still-necessary-but-more-difficult-than-ever/](https://thebulletin.org/2022/04/nuclear-arms-control-still-necessary-but-more-difficult-than-ever/) (дата обращения: 06.04.2022).

Podvig P. Restoring Russian-U.S. Arms Control // Arms Control Today. Arms Control Association. – 2024. – May. – URL: <https://www.armscontrol.org/act/2024-05/features/restoring-russian-us-arms-control> (дата обращения: 06.06.2024).

Talmadge C. How would Trump and Biden handle U.S. nuclear policy upon re-election? // Brookings Institution. – 2024. – July 8. – URL: https://www.brookings.edu/articles/how-would-trump-and-biden-handle-us-nuclear-policy-upon-re-election/?utm_campaign=Brookings%20Brief&utm_medium=email&utm_content=315556194&utm_source=hs_email (дата обращения: 12.07.2024).

2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. – 2022. – 12 p.

Law and Politics

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.07

The Status of Strategic Offensive Arms Limitations: Bridging the Present and Future

Natalia I. BUBNOVA

PhD (History), Leading Research Fellow

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1434-4133

CITATION: Bubnova N.I. (2024). The Status of Strategic Offensive Arms Limitations: Bridging the Present and Future. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 3, pp. 123–149 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.07

Received: 15.07.2024.

Revised: 18.11.2024.

ABSTRACT. *This article examines the current state of strategic offensive arms control since the onset of the Biden administration, analyzing the causes and implications of the suspension of the Treaty between the Russian Federation and the United States of America on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (the New START Treaty). This analysis is undertaken within the broader context of Russian-American relations and global security. Despite the growing number of recent publications and statements asserting the purported obsolescence of traditional arms control frameworks, the findings of this study highlight the enduring significance of arms control, particularly in the critical domain of strategic offensive weapons. The article provides a comparative analysis of Russian and American positions on key aspects of strategic arms limitation. Official Russian statements emphasize that progress in this sphere is con-*

tingent on mutual de-escalation, specifically requiring the United States to abandon its antagonistic stance toward Russia. The article also assesses prospects for future dialogue in this area are also assessed, with particular consideration given to the implications of the United States' electoral cycle. While discussions of a perspectives of second term for Donald Trump have been linked to possible shifts in U.S.-Russia relations, the likelihood of substantive progress in arms control remains uncertain. Nevertheless, without meaningful advancements in limiting strategic arms, the collapse of the legal and treaty-based framework governing arms control appears imminent, significantly heightening the risks of military confrontations, including those involving nuclear weapons.

KEYWORDS: *strategic offensive weapons, nuclear weapons, U.S.-Russian relations, security, strategic stability, arms*

control negotiations, strategic arms limitations, New START Treaty, compartmentalization, linkage, Joe Biden's policy, Donald Trump, Kamala Harris, Russia's special military operation in Ukraine, NATO.

References

- America's Strategic Posture* (2023). The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. U.S. Congress. October. 145 pp.
- Arbatov A.G. (2024). The Supporting Structure of Global Security. *World Economy and International Relations*. Vol. 68, no. 7, pp. 5–24 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-7-5-24.
- Batyuk V.I. (2018). The death of arms control. *Current Problems of Europe*. No. 1, pp. 17–37 (in Russian).
- Bezopasnost' i kontrol... (2016). Arbatov A.G., Bubnova N.I. (eds.). *Security and Arms Control 2015–2016. International Cooperation in Fighting Against Global Threats*. Moscow: IMEMO; ROSSPEN, 303 pp. (in Russian).
- Bubnova N.I. (2017). U.S.-Russia relations and arms control: Breaking the clinch. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3, pp. 161–178 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-161-178.
- Bubnova N.I. (2021). *U.S. Military and Political Course in the Second Decade of the 21st Century*. Moscow: IMEMO; Political Encyclopedia, 647 pp. (in Russian).
- Cimbala S.J., Korb L.J. (2022). Nuclear arms control: Still necessary, but more difficult than ever. *Bulletin of the Atomic Scientists*. April 5. Available at: <https://thebulletin.org/2022/04/nuclear-arms-control-still-necessary-but-more-difficult-than-ever/>, accessed: 06.04.2022.
- Ezhegodnik SIPRI 2021 (2022). Dynkin A.A. et al. (eds.). *SIPRI Yearbook 2021. Armaments, Disarmament and International Security*. Moscow: IMEMO, 964 pp. (in Russian).
- Karaganov S.A., Suslov D.V. (2019). *The New Understanding and Ways to Strengthen Multilateral Strategic Stability*. Higher School of Economics, 55 pp. (in Russian).
- Khazbiev A. (2020). The System of Control over START Is a Corpse Which Cannot Be Revived. *Expert*. No. 4 (1148) (in Russian). Available at: <https://expert.ru/2020/01/14/sistema-kontrolya-nad-snv--eto-trup-kotoryij-nevozmozhno-ozhivit/>, accessed 12.04.2024.
- Podvig P. (2024). Restoring Russian-U.S. Arms Control. *Arms Control Today*. Arms Control Association. May. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2024-05/features/restoring-russian-us-arms-control>, accessed 06.06.2024.
- Rossiysko-britanskiy dialog... (2021). A UK-Russian Conversation on Arms Control, Strategic Stability and Ukraine. *Russian International Affairs Council*. December (in Russian). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-britanskiy-dialog-o-kontrole-nad-vooruzheniyami-strategicheskoy-stabilnosti-i-ukraine/>, accessed 25.12.2022.
- Talmadge C. (2024). How would Trump and Biden handle U.S. nuclear policy upon reelection? *Brookings Institution*. July 8. Available at: https://www.brookings.edu/articles/how-would-trump-and-biden-handle-us-nuclear-policy-upon-reelection/?utm_campaign=Brookings%20Brief&utm_medium=email&utm_content=315556194&utm_source=hs_email, accessed 12.07.2024.
- Trenin D.V. (2024). Strategic Deterrence: New Contours. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22, no. 4, pp. 74–86 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-74-86.
- 2022 *Missile Defense Review* (2022). U.S. Department of Defense, 12 pp.

УДК 323+327(470+571)
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Рецентрализация власти: анализ политических идей российских лидеров

Фэй Хайтин

кандидат исторических наук, научный сотрудник, ассистент-профессор
Китайского центра политических исследований
Пекинский университет
ул. Ихэюань, д. 5, район Хайдянь, г. Пекин, Китайская Народная Республика,
100871;
ведущий научный сотрудник (совместитель) Центра исследования России
Восточно-китайский педагогический университет
ул. Чжуншаньбэйлу, д. 3663, г. Шанхай, Китайская Народная Республика, 200050
E-mail: feihaiting@outlook.com
ORCID: 0000-0001-5499-8863

ЦИТИРОВАНИЕ: Фэй Хайтин. Рецентрализация власти: анализ политических идей российских лидеров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 150–171. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Статья поступила в редакцию 14.03.2024.
Исправленный текст представлен 15.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В последние годы российские ученые-политологи, продолжая исследования концепции взаимоотношений трех основных политических идей (страны, личности и общества), начали проводить исследования по вопросу о будущем политическом пути развития страны под влиянием трех основных факторов: чувства разрыва, чувства отчуждения и беспокойства по поводу безопасности. Эту корректировку направления можно назвать стратегией «рецентрализации власти». Рецентрализация власти включает в себя по крайней мере две части: рецентрализацию политической власти и рецентрализацию политических действий; обе они охватывают международную и внутреннюю политику. Рецентрализация политической власти означает, что акцент теперь делается

не на децентрализации и расширении прав и возможностей, а на централизованной власти и исключительных правилах. Рецентрализация политических действий означает, что упор делается уже не на конкуренцию и переговоры, а на единые цели и единые действия. С точки зрения международной политики перераспределение действий в основном отражается в эволюции «игры» великих держав к конфронтации крупных держав и в эволюции регионального сотрудничества к лидерству крупных держав. С точки зрения внутренней политики рецентрализация действий в основном отражается в концентрации на выборе пути, единстве темпов развития и радикализации политики. Стратегия «рецентрализации власти» означает, что Россия внесла глубокие коррективы в разработку системы

и реализацию политики. Эти корректировки не следует рассматривать просто как краткосрочные или временные меры – следует рассматривать их на более высоком уровне, с более широкой предьсторией, с более глубокой логикой и длительной историей, как опыт развития российских лидеров за последние 30 лет. В статье дается краткое изложение, а также видение будущего пути политической трансформации. Реализация этой стратегии означает не только то, что Россия начала размышлять о своей политической истории за прошедшее столетие, но и то, что российская политика вступила в новый цикл.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое развитие России, российская дипломатия, российская политическая трансформация, российские лидеры, рецентрализация власти.

В некотором смысле Россия снова вступила в новую эру, этап частых корректировок, который потребовал глубокого осмысления российской политики с 1991 г. Некоторые ученые намерены описать это как «постимперскую» (*post-imperial*) ситуацию [Ash, 2023, p. 64–75], а некоторые ученые призывают к «деколонизации» (*decolonization*) западных исследований по политике России [Shaipov, Shaipova, 2023, p. 12–14]. Представляется целесообразным прийти к консенсусу: необходимо пересмотреть направленность развития российской политики. Но есть проблема: как?

Один китайский ученый однажды подытожил изменения, произошедшие в международной политике после распада Советского Союза. Он отметил, что ряд крупных международных политических изменений, произошедших в связи с распадом Советского Союза, сместился или даже обратился вспять, среди которых пять наиболее важных

аспектов: возобновление холодной войны, возрождение биполярной структуры, реконструкция новой системы «Восток – Запад», упадок либерализма и крушение идеала Большой Европы [Чжао Хуаишэн, 2021]. Отношения между крупными державами изменились после окончания периода противостояния СССР и США, однако вновь привели к возобновлению холодной войны. Двухуровневая структура означает, что в рамках базовой концепции многополярности международная политика вновь быстро становится биполярной, замещая собой однополярность: мир снова грубо разделится на два лагеря. Восточная система, исчезнувшая после распада Советского Союза, появилась вновь и постепенно сформировала группу стран, которые противостоят Западу в форме политической идентичности. Фундаментальная причина вышеуказанных изменений заключается в том, что либеральная теория столкнулась со многими проблемами в области национального развития и управления, с неудачами как в теории, так и на практике, поэтому была поставлена под сомнение. Эти явления проявляются, например, в непрерывном ухудшении российско-американских отношений. Российско-европейские отношения, после того как они с энтузиазмом и усилиями откликнулись на идеал Большой Европы, подверглись серьезному удару и резко ухудшились, что привело к более глубокому расколу, чем во времена позднего Советского Союза.

Более того, в последние годы мировой порядок также подвергся серьезному испытанию. А.В. Кортунов однажды высказал это мнение, обсуждая проблему Глобального Юга [Кортунов, 2020, с. 4–5]. Он указал, что «2020 год стал временем тяжелых испытаний для всего мира, одним из тех исторических рубежей, которые отделяют старую эпоху от новой». Кроме того, он пола-

гает, что «нынешний кризис можно обозначить как системный с большим на то основанием, чем любой из прошедших кризисов нынешнего столетия, поскольку он затронул максимально широкий набор параметров современной международной системы, вобрав в себя эпидемиологическое, экономическое, политическое, военно-стратегическое и даже цивилизационное измерения мировой политики». Он далеко не единственный ученый, который предупреждает о том, что мировой порядок претерпевает глубокие изменения. Академик А.А. Дынкин на форуме «Примаковские чтения» указал, что глобализация и глобальное управление по-американски не смогли справиться с военными угрозами. Одновременно «глобализация не справилась и с невоенными вызовами безопасности: неравенством, климатическим и миграционным кризисами, пандемией COVID-19» [Дынкин, 2023]. Поэтому он далее указал, что «в течение 300 лет, начиная с Петра Великого, Европа была образцом для подражания, ролевой моделью для России. Сегодня, убежден, этот период завершается», так как «Россия первая бросила вызов осточертившему всем однополярному мировому порядку». Все эти признаки указывают на то, что изменения в мировой политике за последние годы – это не просто взлеты и падения в нескольких сферах двусторонних отношений, но и глубокие структурные противоречия.

Таким образом, на этом критическом этапе истории исследователям российской политики, возможно, потребуется отказаться от традиционного мышления позитивизма и поведенческой политологии, всесторонне изучить выбор и изменения в российской дипломатии и внутренних делах и на этой основе изучить будущее политического развития России. Как отметили китайские эксперты по российской полити-

ке, в традициях российской политики существует необычайно тесная связь между дипломатией и внутренними делами [Цзян И, Вэнь Луцзе, 2020]. С одной стороны, внешние факторы легко могут стать ключевой силой, влияющей на баланс между реформаторскими и консервативными силами в России; с другой стороны, легитимность государственного управления в России и ее политический путь развития также будут затронуты и подвергаться испытаниям по мере того, как эти факторы будут распространяться по всему миру. И изменение взглядов российских лидеров является одним из наиболее важных показателей. Их знания и суждения во многом будут определять выбор поведения России и стратегии реагирования в сложной международной и внутренней ситуации. Мы считаем, что, возможно, стратегическая корректировка России началась не в 2020 г., а уже в 2018 г. Мы определяем эту корректировку как рецентрализация власти.

Вступление. Переориентация после 2018 г.

После 2018 г. в российской политике произошло несколько крупных событий, из которых по крайней мере три являются особенно репрезентативными: конституционная реформа 2020 г., принятие мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в 2020 г. и российско-украинский конфликт, начавшийся в 2022 г. Конституционная реформа и российско-украинский конфликт сопровождалась тем, что российская высокопоставленная элита инициировала не только ряд корректировок в политике, но и внесла коррективы в политическую структуру и тенденции политического развития России.

Возникновение этих событий неслучайно и имеет последовательную

и непрерывную внутреннюю логику. Поэтому, с одной стороны, вышеупомянутые события не должны ограничиваться непосредственным анализом, а должны осмысливаться углубленно в двух временных масштабах: за предшествующие 10 лет (2012–2022) и 30 лет (1992–2022); с другой стороны, вышеупомянутые события следует рассматривать не изолированно, а как внешнее проявление изменений политического развития России в целом.

Если рассматривать эти изменения в масштабе 10 лет, то можно увидеть, что в последние годы Россия юридически подтверждала, внедряла и далее продвигала многие стратегии, начатые после 2012 г. В этом смысле в период после 2018 г. российская политика ускорила в установившемся направлении по сравнению с периодом 2012–2018 годов. Если посмотреть на эти изменения в масштабе 30 лет, можно обнаружить, что многие направления политики России за последнее десятилетие изменили принципы и направления предыдущих 20 лет переходного периода.

Этот факт лучше рассматривать как склонность России к возврату к своему повторному выбору и планированию пути своего развития, свойственного ей до определенных ключевых моментов трансформации, нежели расценивать политическое развитие России в последние годы как неоднократные изменения или прокладывание нового пути. В этом смысле тенденция политического развития России после 2018 г. претерпела глубокие изменения по сравнению с двадцатью годами, предшествовавшими 2012 г. (1992–2012).

В данной статье утверждается, что эти изменения можно охарактеризовать как путь развития с рецентрализацией власти. Если полагать, что до 1990-х годов российская политика характеризовалась «централизацией»,

в 1990-х годах основными особенностями были федеральная децентрализация власти на местный уровень и предоставление государством полномочий обществу; после 2000 г. акцент был сделан на реорганизацию государства при одновременном поиске пути управления совместно с обществом; главной чертой российской политики после 2012 г. (особенно после 2018 г.) является возвращение государством своей власти на социальном и местном уровнях и реализация рецентрализации политической власти и политических действий.

Под рецентрализацией понимается не смещение центра тяжести в политике в период между президентскими сроками в узком смысле этого слова, а обобщение долгосрочного опыта, проведенное российской высшей политической элитой в широком смысле этого слова, это ретроспективный взгляд России на этапы политической истории с момента советско-российского переходного периода. В процессе преобразований за последние 30 лет некоторый опыт и меры по централизации были признаны эффективными, соответствующими целям политического развития и были продолжены. Некоторые исследования и попытки децентрализации были отвергнуты или постепенно маргинализированы, как не приведшие к достижению желаемых результатов.

Логическое продолжение политических идей

Хотя изменения в российской политике в основном произошли после 2020 г., на самом деле эта тенденция начала проявлять первые признаки уже в 2018 г. Если понаблюдать за российской политикой после 2018 г., несложно обнаружить, что основная логика политического развития России в послед-

ние годы осталась прежней, но темпы изменений значительно ускорились. В.В. Путин отметил: «И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. <...> Кто бы ни был избран президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас, и какие вызовы стоят перед нами»¹.

Прежде всего, государство по-прежнему считается доминирующим «игроком» в развитии России. Легитимность государства в основном отражается в трех аспектах: в обеспечении безопасности и единства России; направлении социально-экономического развития; сохранении традиций, культуры и ценностей. По мнению российских лидеров, российское государство добилось заметного прогресса в обеспечении безопасности и сохранении нравственных норм, а самым большим недостатком является вялое внутреннее социально-экономическое развитие.

Медленное социально-экономическое развитие государства объясняется главным образом двумя основными препятствиями: неэффективностью и коррупцией. Под «государством» в данном контексте понимаются органы власти в широком смысле, включая как федеральное правительство, правительства субъектов Российской Федерации, так и местные органы самоуправления, а также судебные органы и органы прокурорского надзора. Коррупция – это не только ненадлежащее поведение отдельных должностных лиц, но и системное и структурное явление, главным образом отражающееся в давлении и захвате предприятий органами власти. Проблема неэффективности в основном отражается в отсутствии инициативы и чувства ответ-

ственности исполнительных органов на всех уровнях, которые не могут ни быстро реализовать волю государства, ни скоординированно реагировать на социальные потребности.

После 2018 г. политические изменения больше не ограничиваются кадровыми перестановками, такими как реформирование элит, и внедрением новых инструментов управления, таких как электронное правительство и цифровое правительство, при этом начали инициироваться более прямые и фундаментальные институциональные реформы и конституционные поправки. В то же время надзор за разработкой и осуществлением политики больше не ограничивается специализированными регулирующими органами, введено большое количество официальных и полуофициальных учреждений и организаций.

Во-вторых, граждане по-прежнему считаются «строителями» российского государства. По мнению российских лидеров, свобода лежит в основе личных ценностей и включает в себя три аспекта: свободу предпринимательства, свободу творчества и свободу гражданской инициативы. Ни одна из этих трех свобод не имеет индивидуального содержания и не касается ни конфликтов интересов между отдельными лицами или группами, ни разграничения границ между личностью и государством, – вместо этого все эти свободы сосредоточены на коллективном содержании и указывают на социально-экономическое развитие.

Идея российских лидеров касательно гражданских свобод после 2018 г. также является продолжением идеи 2012 г. В ней подчеркивается, что «предел свободы» (<...> работа каждого на себя имеет и свои пределы, имеет и свои гра-

1 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.03.2024).

ницы)² относится скорее к свободе развития, чем к свободе выбора, что близко к содержанию гражданской ответственности. Таким образом, государственная защита гражданских свобод будет в основном сосредоточена на трех аспектах: во-первых, на повышении гражданских качеств, обеспечении базовых условий для самореализации граждан, саморазвития и самосозидания, с тем чтобы они были готовы к труду и созиданию; во-вторых, на улучшении сервисных возможностей государственных учреждений, особенно в области экономического развития, а также разработки и реализации государственной политики, с тем чтобы граждане могли получить больше возможностей для трудоустройства и более широкие возможности для творчества; в-третьих, на предотвращении ущемления прав граждан органами власти и избегании ухудшения и разрушения возможностей граждан работать и созидать. «Сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, в знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают: в городах, районах, селах, по всей стране»³. Конкретные меры включают сокращение бедности, повышение доходов, увеличение продолжительности жизни и обеспечение доступа граждан к ресурсам в области образования, медицинского обслуживания, работы, информации, кредитования и т. д.

После 2018 г. российские лидеры заметно активизировали свои усилия, призывая правительство улучшить

удобство обслуживания и не допускать вмешательства силовых ведомств в развитие. Кроме того, общество по-прежнему считается вспомогательной составляющей развития российского государства. На самом деле в идеях российских лидеров общество не является субъектом с независимыми интересами и волей, а скорее является полем, в котором сходятся отдельные люди и семьи. Это скорее продукт частичного расширения и смешения национальных и личностных идей, нежели место, где формируются общественная жизнь, общественные интересы и общественное сознание.

Общество несет в себе скорее «нисходящую» функцию, то есть функцию действия государства в отношении индивидуальных лиц и семей, нежели «восходящую», то есть экспрессивную функцию отдельных лиц и семей в отношении государства. Действия государства могут проникать в общество и затрагивать отдельных лиц, однако действия отдельных лиц в основном сосредоточены на социальном уровне. Будучи промежуточным уровнем, общество должно нести часть функций государства, то есть добиваться поддержки и содействия отдельным лицам и семьям. В то же время, будучи парадигмой, общество также является носителем коллективной памяти, традиционных ценностей и моральных норм. Следовательно, хотя обществу по-прежнему необходимо уделять особое внимание социальному участию, чтобы реализовать свои функции, такое социальное участие будет состоять из трех частей: государственное реагирование, институциональное участие и добровольная деятельность.

2 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 12.03.2024).

3 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

Как предлагают некоторые ученые, необходимо отказаться от дихотомии между демократией и авторитаризмом и охарактеризовать Россию как «гибридный режим» (*hybrid regime*) [Hale, 2011]. Или, как предлагают другие, описывать Россию как «управляемый плюрализм» (*managed pluralism*) [Balzer, 2003]. Это означает, что элиты высокого уровня не пытаются устранить разнообразие, но в то же время поощряют и ограничивают разнообразие. Из-за отсутствия твердой власти они часто используют метод пробного шара, чтобы понять общее отношение общества, придерживаются позиции максимизации, насколько это возможно, и отступают и идут на компромисс, сталкиваясь с сильной оппозицией.

В различных выступлениях после 2018 г. В.В. Путин неоднократно делал акцент на важности диалога между государством и обществом, подчеркивая, что руководству на всех уровнях – от федерального до местного – необходимо напрямую реагировать на требования граждан и общества, а не уклоняться от них. Институциональное участие, с другой стороны, в основном относится к различным общественным организациям, участвующим в разработке политики и выдвигающим предложения по национальному развитию, особенно социально-экономическому, через различные официальные или полуофициальные организации или учреждения, такие как Общественная палата, бизнес-ассоциации, Совет по стратегическому планированию и Общероссийский народный фронт.

Что касается общественных организаций и их деятельности, то правительство, как правило, контролирует их в определенном масштабе и объеме, в то время как добровольные органи-

зации и волонтерская деятельность, особенно культурная, являются основными формами, которые только после 2018 г. стали активно поощряться и поддерживаться со стороны государства и рассматриваются Россией как важный способ объединения общества.

Особенности изменений политических идей

Просматривая различные публичные материалы за период с 2018 г., можно обнаружить, что отношение российской высокопоставленной элиты к вопросам политического развития претерпело некоторые очевидные изменения, которые в целом можно свести к трем особенностям: ощущение разрыва, чувство отчужденности и тревога за безопасность. Эти три характеристики появились не внезапно, а накапливались постепенно на протяжении десятилетий. Ощущение разрыва является основой и предпосылкой для изменения отношений, чувство отчужденности является основным содержанием изменения отношения, а тревога за безопасность в некоторой степени ускорила изменение отношений.

Ощущение разрыва. Российские лидеры оценивают Россию как державу мирового класса: «это критически важно для нашей огромной многонациональной страны со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях, которые выпали на долю России». В.В. Путин обозначил это одним выражением – «прорывное развитие России»⁴. Но скорость ее развития никогда не позволяла полностью достичь

4 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.03.2024).

поставленных целей, что приводило к ощущению разрыва между идеалами и реальностью. Ощущение разрыва в основном указывает не только на медленные темпы социально-экономического развития, но и, что более важно, на критику эффективности управления. По мнению российских лидеров, народ России и общество обладают огромным потенциалом и динамизмом, и именно разбухшие и закостенелые административные структуры и бюрократия задерживают развитие. Это также стало одной из главных причин чувства отчужденности.

Чувство отчужденности. Российские лидеры возлагают чрезвычайно большие надежды на развитие России, но когда воля государства не может быть реализована и появляются препятствия государственной власти на среднем уровне, это создает чувство отчуждения между лидерами и низшими слоями общества. Это не только означает, что высшая элита чувствует, что национальная воля и государственная власть не могут достичь низов через средний уровень, но также говорит о том, что информация, требования и пожелания низов не могут быть точно и эффективно переданы обратно государству через средний уровень. Такие препятствия среднего уровня имеют место не только в федеральном правительстве, но и в субъектах Федерации и даже в органах местного самоуправления.

Чувство отчуждения между российскими лидерами и низшим обществом всегда присутствовало в процессе развития на протяжении последних 30 лет, но оно значительно усилилось после 2018 г. В качестве примера можно при-

вести тот факт, что в своем послании к Федеральному Собранию в последние годы В.В. Путин часто подчеркивал, что как президенту Российской Федерации ему приходилось «лично вмешиваться в некоторые вопросы»⁵ и даже использовать мощные институты и особые полномочия, такие как Министерство внутренних дел и Генеральная прокуратура. Но что еще более удручающим фактом является то, что если даже лидер вмешивается лично, работа всё равно может идти медленно.

Возникновение препятствий можно свести к двум причинам, одна из которых заключается в преднамеренном препятствовании группам интересов, а другая – в лени сотрудников системы управления. В.В. Путин отметил, что «при принятии подобных решений мы должны руководствоваться не корпоративными интересами, не интересами отдельных уважаемых людей и компаний, а интересами народа России»⁶. Президент также отметил: «Если кто-то предпочитает работать по накатанной, не напрягаясь, избегать инициативы и ответственности, то лучше сразу уйти. Я уже слышу, что «там нельзя», «здесь слишком сложно», «там слишком высокая планка», «не получится». С такими настроениями лучше к снаряду не подходить»⁷. Независимо от того, обвиняются ли в этом группы по интересам или бюрократия, чувство отчуждения влечет за собой широко распространенное и систематическое недоверие к политической элите среди среднего и низового звена, а также к правительственным учреждениям на всех уровнях. Углубление недоверия повышает технические проблемы административной эффективности

5 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2019. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 12.03.2024).

6 Там же.

7 Там же.

до уровня структурной проблемы политической системы, что влияет на понимание лидерами текущей ситуации в развитии России и на их планы касательно будущего пути развития, побуждая их принимать специальные контрмеры.

Беспокойство по поводу безопасности. Как и в случае с ощущением разрыва и отчужденности, российские лидеры всегда уделяли большое внимание вопросам безопасности, особенно национальной безопасности в области международной политики. Но в последние годы наблюдается более выраженный сдвиг фокуса внимания на вопросы безопасности.

Другими словами, вопросы безопасности продемонстрировали траекторию эволюции от национальной безопасности к безопасности политической власти. Первоначально вопросы безопасности были в основном вопросами, отражающимися в межгосударственных «играх». Однако в последние годы высокопоставленная российская элита всё чаще подчеркивает, что «игра» между странами начала распространяться из сферы международной политики на внутреннюю политику, бросая прямой вызов внутренним режимам в некоторых странах и регионах.

«Оранжевая революция» 2004 г. и украинский кризис 2013 г. заставили высшую элиту России обратить внимание на эволюцию национальной безопасности в сторону безопасности политической власти, а конфликты, произошедшие в Белоруссии, Киргизии и Казахстане в период с 2020 по 2022 г., усилили ее озабоченность решением данного вопроса. Высокопоставленная элита в России постепенно достигает

консенсуса по вопросам безопасности: международные отношения России находятся под всё возрастающим давлением, и даже существует вероятность потери влияния на постсоветском пространстве. Это привело к тому, что опасения России по поводу безопасности переросли в тревогу. Н.П. Патрушев отметил: «В этих странах ставка делалась на людей, вступивших в сознательный возраст после распада СССР и потому не имевших личных представлений и реальных знаний о Советском Союзе. Расчет показывает, что естественная смена начальников младшего звена управления (27–30 лет) уже практически завершена, замена руководства среднего звена (30–40 лет) произойдет до 2026 г., старшего звена (40–50 лет) – до 2036 г. Однако пример Грузии и Украины свидетельствует, что процесс формирования вокруг России враждебного ей государственного стиля поведения элит может быть ускорен искусственным путем»⁸. Д.А. Медведев отметил: «За последние годы отношения России и США фактически перешли от соперничества к конфронтации, по сути, вернулись в эпоху холодной войны. Санкционное давление, угрозы, конфликтное противоборство, защита своих эгоистических интересов – всё это ввергает мир в состояние перманентной нестабильности»⁹.

Рецентрализация власти: переориентация пути политического развития

Президент Российской Федерации внес всесторонние коррективы и наметил дальнейший путь развития на основе обобщения опыта государства

8 Патрушев Н.П. Об отработанных Западом инструментах цветных революций // Совет Безопасности Российской Федерации. – 2020. – URL: <http://www.scrs.gov.ru/news/allnews/2799/> (дата обращения: 12.03.2024).

9 Медведев Д.А. Невыученные уроки истории // Совет Безопасности Российской Федерации. – 2021. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/2973/> (дата обращения: 12.03.2024).

за последние 30 лет. Рецентрализация власти имеет, по крайней мере, два значения: рецентрализация политической власти и рецентрализация политических действий.

Рецентрализация политической власти

Рецентрализация политической власти означает, что она теперь делает упор не на децентрализацию и предоставление полномочий, а на централизованную власть и исключительные правила. С точки зрения международной политики рецентрализация власти отражается главным образом в трансформации процесса глобализации в процесс контрглобализации. Это означает, что не только статус национальных государств, особенно крупных и сверхкрупных, в международной политике снова повысился, но и то, что определение повестки дня и распределение ресурсов международного сообщества были перераспределены с глобального управления и регионального сотрудничества на национальные государства. В то же время это также означает, что внутренние правила национальных государств начали исключать правила межгосударственных консультаций.

Начиная с 1990-х годов, с окончанием биполярного противостояния между двумя лагерями, страны начали возобновлять крупномасштабные контакты и связи между ними укрепились как никогда прежде. Многие проблемы, возникшие в этом процессе глобализации, вышли за рамки национальных государств и с трудом поддаются решению в рамках одной страны, что требует от всех стран и регионов, являющихся соответствующими заинтересованными сторонами, согласованного реагирования.

Хотя между государствами по-прежнему существуют конкуренция и «игры»,

глубокая взаимозависимость требует проведения большего количества консультаций и сотрудничества. На этой основе международное сообщество разработало такие теории, как «глобальное управление» и «справедливое глобальное управление», а на практике было создано большое количество международных и региональных организаций для содействия совместному управлению между различными государствами.

Если проводить анализ с точки зрения политологии, то национальное государство, по сути, является доминирующей организацией, которая своими правилами заменяет и исключает другие социальные организации. Идея глобализации и регионализации, с другой стороны, фактически подчеркивает необходимость поиска консенсуса между странами и стремление совместно формулировать нормы, поскольку решение транснациональных проблем отвечает общественным интересам международного и региональных сообществ. В этом процессе необходимо максимально соблюдать баланс между национальными и региональными, национальными и глобальными интересами и в то же время максимально избегать замены и исключения региональных и глобальных интересов национальными интересами. Замена общих интересов собственными интересами какого-либо государства приведет к развалу сотрудничества, а провал сотрудничества приведет к тому, что транснациональные проблемы будут продолжать висеть в воздухе и в конечном счете нанесут долгосрочный ущерб интересам этого государства.

После распада Советского Союза Россия, хотя и не была глубоко интегрирована в процесс глобализации, постоянно перенастраивала свою собственную дипломатическую стратегию и изучала, как в полной мере использовать возможности развития и потен-

циал, которые глобализация приносит стране. Россия не только активно стремилась улучшить отношения с западными странами, но и активно корректировала свою роль на постсоветском пространстве; являясь участником мирового рынка и промышленных цепочек, она также формулирует различные планы экономической интеграции. Это стратегическое направление оставалось неизменным даже тогда, когда экономика потерпела серьезные неудачи в 1990-х годах, и продолжалось до начала XXI в. Однако после Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г. геополитическое мышление возникло вновь, идеи глобализации и глобального управления также начали обращать глобализацию вспять и мир стал возвращаться к главенству политики крупных держав.

В 2020 г. В.В. Путин упомянул в своем послании о положении в стране: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Мы многое сделали для этого: восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами, Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Мы создали мощные резервы, чтократно повышает устойчивость нашего государства, его способность защитить социальные права граждан, а национальную экономику – от любых попыток внешнего давления. Действительно, считаю, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения,

которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве. Что это означает? Это означает буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»¹⁰.

Следует отметить, что международное законодательство и договоры, как правило, нуждаются в пересмотре и ратификации в соответствии с внутрисударственными процедурами, что не является исключительной политикой. В России отношение к международному праву как к части внутреннего законодательства было частью идеи «правового государства» в период президентства Б.Н. Ельцина¹¹. В свою очередь В.В. Путин в послании о положении в стране предложил принцип, согласно которому международные правила должны подчиняться внутренним, что является прямым отказом от определения Бориса Ельцина и ответом на внешнее давление. Это означает, что Россия в какой-то степени стала рассматривать международные правила главным образом как источник угроз и вызовов, а не как результат консультаций и сотрудничества.

С точки зрения внутренней политики рецентрализация власти в основном отражается в концентрации отдельных секционных органов в пользу альтернативных систем и концентрации местного самоуправления в федеральной юрисдикции. С момента распада Советского Союза советско-российские

10 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

11 Ельцин Б.Н. Текст Выступления Б.Н. Ельцина перед депутатами по работе Конституционной Комиссии. – 1991. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10565/> (дата обращения: 12.03.2024).

политические реформы в основном проводились в двух основных направлениях: 1) децентрализация власти в обществе и 2) расширение прав и возможностей на местах. В направлении «государство – общество» Россия осуществила институциональные реформы, направленные на разделение полномочий представительных органов власти и исполнительных с целью создания базовой децентрализованной структуры «ограничение – доминирование»; в то же время она также реформировала избирательную систему, позволив различным политическим организациям и группам конкурировать за получение поддержки избирателей и лидерства.

Россия надеется контролировать государственную власть с помощью двух принципов децентрализации: 1) сдержек и противовесов и 2) политической конкуренции. Относительно направления «федеральное – местное» отметим: хотя это и не соответствовало первоначальному замыслу реформы, российское государство всё же подписало федеральные договоры с субъектами Федерации, разделив соответствующие полномочия между центральным и местными уровнями. Если удастся гарантировать национальное единство и центральную власть, то местные диверсифицированные изыскания приведут к появлению различных моделей и путей развития, которые станут полезным ориентиром для общего стратегического планирования государства.

За последние 30 лет Россия при ограниченном возвращении государственной власти в целом сохранила два основных направления: 1) децентрализация общества и 2) наделение полномочиями местных органов власти. На самом деле намерение концентрации существует всегда. Как описывали это китайские ученые, это можно понять как «восстановление государственной власти

и вертикальной системы власти» [Пан Данэн, 2016], «укрепление вертикальной системы руководства» [Liu Lingqi, Guan Haiting, 2014] или «укрепление национального потенциала путем создания вертикальных систем власти» [Ян Чэн, 2008]. Однако после 2018 г. направление развития российского государства было скорректировано. Как упоминалось ранее, считается, что неэффективность и коррупция являются самыми большими препятствиями для внутреннего развития России и причины этих двух явлений кроются в препятствовании осуществлению государственной власти на среднем уровне.

По мнению российской высокопоставленной элиты, это препятствие существует не только на уровне федерального правительства, но и на уровне правительств субъектов Российской Федерации. Следовательно, необходимо ускорить восстановление государственной власти и усилить интенсивность ограничений органов исполнительной власти среднего уровня и низшего звена. Существуют два основных способа восстановления власти: 1) централизация государственной власти от иерархических институтов к альтернативным системам и в то же время 2) централизация полномочий местного самоуправления в рамках единой федеральной юрисдикции.

Первое – направление «государство – общество». После 2018 г. всё больше и больше альтернативных систем и организаций начали участвовать в политическом процессе и российские лидеры неоднократно публично заявляли, что эти организации должны контактировать с гражданами, участвовать в процессе принятия решений и контролировать реализацию политики. Существует множество типов этих организаций, включая союзы политических партий, полуофициальные некоммерческие организации, со-

вместные рабочие группы, совместные заседания, Общественную палату и т. д. Эти организации участвуют в политической жизни не по одному каналу (например, представляя органы власти), а во всех сегментах на всех административных уровнях – от разработки политики до ее реализации. В то же время политические партии и парламент также получают больше власти.

В ходе пересмотра Конституции Российской Федерации 2020 г. полномочия Совета Федерации и Государственной Думы по назначению и отстранению от должности были значительно расширены. По согласованию с президентом Совет Федерации может назначать и смещать должностных лиц органов власти и системы прокуратуры, а также в соответствии с предложением президента назначать и смещать председателей судов и судей различных уровней. В свою очередь, Государственная Дума может не только согласовывать с президентом кандидатуру на пост премьер-министра, но и кандидатуры на посты глав различных правительственных ведомств. При нынешней стабильной структуре политических партий в России вышеупомянутые реформы означают, что ограничения и надзор со стороны иерархических органов правительства Российской Федерации и ее субъектов были значительно усилены.

Однако следует отметить, что вышеупомянутые альтернативные системы и организации не могут рассматриваться как простые общественные организации или представители общественных организаций. Эти организации имеют более или менее официальное и полуофициальное происхождение, по сути, они не осуществляют социальный надзор за государственными институтами, а внедряют другие альтернативные, временные, неофициальные, официальные или полуофициальные

институты для ограничения иерархической системы управления.

Однако концентрация власти от иерархических институтов к альтернативным системам на самом деле довольно рискованна. Будь то децентрализация, системы сдержек и противовесов или политическая конкуренция – всё должно быть объединено в рамках государственной власти с помощью официальных органов и процедур. Как доминирующая организация, государство должно поддерживать свой авторитет. Другие общественные организации могут играть внесистемную надзорную роль, но они не должны наделяться существенными полномочиями для ограничения государственных органов. В противном случае это не только ослабит авторитет государственных институтов, но и фактически смягчит ограничения, накладываемые на государственные институты. Как только власть, выходящая за рамки общепринятых норм, изменяет условия ограничений, административные органы проявляют инициативу, чтобы обратиться за защитой и поддержкой, тем самым сводя на нет первоначальные условия ограничений.

Второе – направление «федеральное – местное». После 2018 г. Россия вновь осуществила действия по восстановлению государственной власти, аналогичные тем, что были проведены в период около 2000 г. Российские лидеры неоднократно выражали недовольство касательно реализации национальной политики правительствами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. В.В. Путин указал: «Предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному. Это несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу на-

шему обществу и целостности страны. Считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»¹². Типичным случаем является отзыв полномочий по назначению и отстранению от должностей официальных лиц региональных органов прокуратуры.

Другой политикой, реализуемой в то же время, было усиление роли глав субъектов Российской Федерации в принятии государственных решений, что нашло прямое отражение в определении конституционного статуса Государственного Совета, в составе которого преобладают руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации. Этот совет был восстановлен в 2000 г., что стало балансирующей мерой, когда Россия в первый раз укрепляла государственную власть. Это дополнение к конституционным положениям, касающимся Государственного Совета, которое можно рассматривать как повторное применение мер по обеспечению баланса, а также как еще одно подтверждение направления укрепления власти, начавшееся с 2000 г.

Реконцентрация политических действий

Реконцентрация политических действий означает, что акцент ставится не на конкуренцию и консультации, а на единство целей и действий. С точки зрения международной политики

рецентрализация действий в основном отражается в эволюции «игры» крупных держав в их конфронтацию, в то время как региональное сотрудничество эволюционирует к доминированию крупных держав.

С распадом Советского Союза холодной войне был объявлен конец, Россия вошла в международное сообщество в качестве суверенной страны. Из-за особенностей государственного строя Советского Союза и потрясений на ранних стадиях реформ Россия, унаследовавшая большую часть территории Советского Союза, не смогла в полной мере сохранить международный статус, присущий Советскому Союзу, как и роль в регионе. Поэтому Россия в 1990-е годы постоянно изучала и корректировала свое позиционирование, было необходимо не только наладить свои отношения со сверхдержавами, но и с другими крупными державами и соседними государствами.

В этот период Россия в целом придерживалась более открытой внешней политики: активно улучшая отношения с западными странами, она также поддерживала связи с соседними государствами. Однако постепенно обнаружила, что социально-экономические потрясения 1990-х годов не оказали чрезмерного влияния на ее деятельность в дипломатической сфере. Напротив, она добилась определенного прогресса и в основном сохранила свое влияние как региональная держава, создав пространство для реализации своей политики на международном и региональном уровнях.

Россия осознает, что, хотя ее внутреннее развитие испытывало сильные колебания и никогда не оправдывало ожиданий, ее экономические возможности и национальная обороно-

12 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

способность значительно отличаются от возможностей соседних государств, промышленная цепочка советского периода по-прежнему влиятельна, и у нее есть важные стратегические инструменты, такие как энергетические и дипломатические ресурсы, а ее внешние стратегические цели могут в определенной степени превзойти ограничения внутреннего развития фактического плана.

Это в значительной степени укрепило уверенность российской высокопоставленной элиты в высоком международном статусе и влиянии России. Нестабильность дипломатической ситуации и углубление чувства тревоги по поводу безопасности всё больше склоняют российских лидеров к занятию активной позиции в «игре» крупных держав. Это означает, что Россия больше не будет по своей инициативе искать консенсус и компромисс, а будет уделять больше внимания угрозам государству, активно реагировать и противодействовать им.

Другой важной тенденцией является эволюция регионального сотрудничества в сторону доминирования крупных держав. В 1990-х годах внезапный распад Советского Союза принес с собой множество унаследованных проблем. Из-за того, что из одного государства он распался на десяток развивающихся суверенных стран, трансформация политической системы не может сразу же изменить экономическую структуру и первоначальную модель экономического развития.

В советский период республики, входившие в СССР, были участниками относительно полного внутреннего экономического цикла, и каждая из них занимала четкое положение в производственной цепочке. Но даже если бы они хотели радикальных изменений, им потребовалось бы больше времени. В 1990-х же из-за перепле-

тения различных внутренних и внешних проблем у России не было ни возможности, ни желания продолжать региональную политику советского периода. Поэтому интеграционные инициативы России остались в основном на уровне теории и планирования, а на практике чаще всего принимали форму разрозненных международных организаций или экономических сообществ для поддержания связей с соседними государствами.

После 2000 г. экономика России восстановилась, и в своем внутреннем развитии она постепенно избавилась от социально-экономических потрясений, вызванных реформами 1990-х годов, а ее региональная политика стала более активной и прагматичной. С тех пор Россия стала более склонна рассматривать постсоветские страны как геополитические буферные зоны, поэтому стала более чувствительной к расширению других региональных организаций (таких как НАТО) и смене режимов в постсоветских странах.

Если тогда политика России в отношении соседних стран всё еще была основана на косвенном вмешательстве и влиянии, то российско-грузинская война 2008 г. и крымские события 2014 г. стали очевидными поворотными моментами в ее региональной политике. С тех пор участие России в делах соседних государств значительно усилилось. Примерно в 2020 г., когда в Белоруссии и Казахстане один за другим произошли беспорядки, Россия решила вмешаться напрямую. Эти события рассматриваются как предвестники подрыва российского режима западными странами, поэтому Россия больше не ограничивает свои действия дипломатической или экономической сферами, а предпочитает вмешиваться комплексно. В.В. Путин отметил: «Организаторы любых провокаций, угрожающих коренным интересам нашей

безопасности, пожалеют о содеянном так, как давно уже ни о чем не жалели. <...> Но надеюсь, что никому не придет в голову перейти в отношении России так называемую красную черту. А где она будет проходить, это мы будем определять в каждом конкретном случае сами»¹³.

С точки зрения внутренней политики рецентрализация действий в основном проявляется в концентрации выбора пути, унификации темпов развития и радикализации политики. Эти три фактора показывают, что Россия не только полна решимости усилить свою инициативность и лидерство в «игре» крупных держав и в региональной политике, но также и восстанавливает свою былую автономию в государственном управлении и развитии на всех уровнях, ставит ее под контроль единого централизованного планирования.

В начале распада Советского Союза страна и общество в целом были резко разделены. Общество было разделено на множество слоев и групп, и в стране происходило крупномасштабное оседание власти, при этом многие полномочия, которые ранее принадлежали государству, были перехвачены руководящими структурами разных уровней. Поэтому в 1990-е годы субъекты Российской Федерации и местные союзы изучали модели развития, отвечающие их собственным интересам.

Даже с укреплением вертикальной системы власти после 2000 г. такой политический ландшафт принципиально не изменился.

Региональное развитие по-прежнему неравномерно, и между субъектами Российской Федерации существует множество различий в ключевых областях развития, приоритетах реформ и

их интенсивности. Из соображений политической стабильности Правительство Российской Федерации никогда особо не затрагивало автономии субъектов с точки зрения социально-экономического развития, а лишь требовало от них подчинения федеральной политической власти. Однако в связи с неоднократной реорганизацией отношений между центром и местными органами власти и усилением влияния государства на политическую элиту субъектов Российской Федерации в последние годы ускорился процесс государственной централизации.

Концентрация выбора пути в основном отражается в определении приоритетов местного управления в форме национальных проектов, направлении целей и путей местного развития в сторону общего национального плана. Государственная программа Российской Федерации является результатом реформы государственных финансов России с 2000 по 2010 г. Это ряд стратегий и мер, сформулированных в соответствии со стратегическими целями, предложенными президентом страны.

Программа включает в себя семь модулей: здравоохранение и социальное обеспечение, культура и образование, туризм и жизненная среда, работа и занятость, промышленность и технологии, цифровая трансформация и местное развитие, – фактически определяя конкретные задачи и цели для всех подразделений федерального правительства и правительств субъектов Федерации. Хотя проект реализуется уже давно, в последние годы в России значительно усилился акцент на национальных проектах. Руководство страны неоднократно отмечало необходимость того, чтобы все субъекты Российской

13 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 12.03.2024).

Федерации включили национальные проекты в список первоочередных задач своего управления, а все местные органы власти повысили свое понимание проектов до уровня национальной стратегии.

Особое значение Россия придает темпам централизованного развития. После 2018 г. руководство страны неоднократно публично и недвусмысленно выражало свое недовольство неравномерным развитием субъектов Федерации и даже прямо называло некоторые области со слабой степенью реализации проектов и отстающим развитием.

С одной стороны, этот дисбаланс обусловлен плохой работой управленческой команды глав субъектов Российской Федерации, а с другой – плохой коммуникацией между правительствами субъектов Федерации и федеральным правительством. Типичным случаем является вопрос о реструктуризации местных долговых обязательств. Россия планирует предоставить федеральные инфраструктурные бюджетные кредиты для содействия местному развитию. В.В. Путин строго критиковал: «Здесь сразу хочу обратиться и к руководителям регионов, и к правительству: послушайте, давайте только работать ритмично и четко. Не хочу здесь, с этой трибуны, произносить жестких или грубых слов, но своевременно надо всё делать, готовить надо эти проекты, не прибегать просто с картинками в правительство. А правительство должно их быстро перерабатывать, помочь регионам там, где они с этим не справляются. Помочь надо коллегам, понимаете? А не отбрасывать в корзину и говорить: они плохо сделали»¹⁴. Нетрудно заметить, что после 2018 г. Россия уделяет значительно

больше внимания сбалансированному региональному развитию. Районы, цели и пути развития которых не соответствуют национальной стратегии, а также регионы, скорость развития которых не соответствует национальным требованиям, подвергаются большому давлению.

На практике давление оказывается не только на конкретные регионы, но и на конкретные сферы. По мнению российского руководства, работа федеральных органов власти и правительств субъектов Федерации неэффективна в некоторых областях, а разрыв с установленными целями слишком велик, что в основном вызвано не объективными препятствиями и сложностью задач, а неэффективной работой правительственных ведомств и местных управленческих команд, поэтому нуждается в более энергичном стимулировании. Именно в этом заключается смысл радикализации политики.

В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что «темпы изменений должны нарастать с каждым годом», «что еще мы должны сделать, и причем так же быстро», «от планов нужно, конечно, быстрее переходить к действиям»¹⁵. Конкретные меры включают в себя не только установление четких данных и показателей социально-экономического развития, но и определение четких временных рамок. Во многих областях требуются значительные изменения, достигнутые в ограниченные сроки, поэтому некоторые меры бывают более радикальными.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что российское руководство считает, что давление на Россию внутри страны и за рубежом усиливается,

14 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

15 Там же.

и наблюдается серьезное несоответствие между международным давлением и текущим состоянием развития государства, поэтому российское руководство будет склонно принимать более радикальные меры для достижения прорывов в конкретных областях.

Заключение. Ретроспектива политической истории и новый цикл

Из приведенного выше описания рецентрализации власти нетрудно понять, что рецентрализация – это не серия временных мер и не конкретная ориентация в рамках конкретного политического цикла – ее следует наблюдать и понимать в более широком временном масштабе. Рецентрализация – это, по сути, ретроспектива советско-российской столетней политической истории, проводимая российской элитой, это корректировка различных политических экспериментов и изысканий, произошедших в России за последние 30 лет, это осмысление и обобщение опыта политических реформ в России за прошедшие 30 лет, а также очередной выбор будущего пути развития России. Это фактически еще раз подтверждает суждение В. Циммермана о российской политике. Как он напоминает, слово «нормальность» в России означает «стабильность», «безопасность», «отсутствие перемен» и «российскую уникальность», а не «преобразование в политический режим, похожий на западный» [Zimmerman, 2016].

Стратегия «рецентрализации» подразумевает, что в понимании российского руководства многие из политик, проводимых в последние 30 лет, были компромиссами, сделанными в ограниченных исторических условиях, и требуются фундаментальные изменения, когда будет возможность внесения

корректив. В то же время некоторые прошлые практики могут быть продолжены, а другие, считающиеся неэффективными, должны быть отменены или заменены.

В целом путь рецентрализации власти показывает, что Россия будет реформировать различные методы децентрализованного развития, такие как глобализация, децентрализация, локализация и диверсификация, и продолжит традиционную, знакомую и считающуюся надежной централизованную модель развития, прежде чем вернуться к ключевым точкам выбора в определенных областях. Еще предстоит выяснить, как далеко продвинется это «возвращение» к традиционному политическому опыту, но эта тенденция заслуживает внимания исследователей.

Стратегия «рецентрализации власти» также означает, что после 2000 г. Россия вновь вступила в длительный и стабильный политический цикл. Хотя устоявшаяся политическая логика последних 20 лет сохранится и в новом цикле, некоторые политические цели и структурные преобразования, которые не были достигнуты в прошлом, будут ускорены.

Что касается сферы международной политики, то можно заметить, что Россия больше акцентирует свое внимание на национальных интересах, а не на активном участии в глобальном управлении. Можно заметить, что более масштабные конфронтации заменяют первоначальную конкуренцию крупных держав, а также то, что Россия более активно и более глубоко вовлечена в региональную политику.

Что касается сферы внутренней политической системы, можно заметить большее количество ограничений в отношении федерального правительства и правительств субъектов Российской Федерации, также можно по-прежнему

му наблюдать партийную структуру, при которой «партия власти контролирует общее направление, а новые партии охватывают новые области». Также можно заметить большее количество официальных и полуофициальных альтернативных институциональных структур в области экономического и социального развития, в то время как деятельность сугубо социальных организаций сосредоточена на областях волонтерства и культурной коммуникации.

Что касается политических элит, можно наблюдать более частую смену кадров, особенно повышенную мобильность и неопределенность элиты среднего уровня, а также дальнейшее расслоение и противостояние между группами элит и фракциями. В сфере реализации политики можно наблюдать большую степень институционального проектирования и планирования, внедряемых государством в качестве альтернативы поиску путей на местном уровне. Можно заметить и более быстрое обновление политики, более внезапные и крупномасштабные радикальные реформы.

Выбор Россией пути рецентрализации власти также принес большое вдохновение исследователям социальных наук. В исследованиях в области социальных наук для описания процесса развития часто используется термин «эффект храповика», что означает, что как только развитие достигает определенной отметки или пересекает определенный порог, оно будет использовать этот порог в качестве ориентира, и все технические обсуждения моделей и правил будут разворачиваться уже выше этого ориентира. В политологических исследованиях такое явление также описывается как «эффект колеи», когда система воспроизводит и укрепляет саму себя.

Как только новые правила заменяют старые, они ограничивают поведение отдельных лиц и организаций. Цена нарушения этих правил будет всё время расти, поэтому развитие будет продолжаться по установленному пути. Но независимо от того, является ли это «эффектом храповика» или «эффектом колеи», на самом деле возможна определенная степень погрешности.

С одной стороны, теория может переоценивать сравнительное преимущество новых правил, созданных в результате экспериментального исследования, перед существующими правилами. В экспериментальных исследованиях может произойти много неудач, которые ослабят признание новых правил государством и обществом. С другой стороны, теория может недооценивать способность некоторых стран управлять процессом установления правил, формирования системы и выбора пути. Когда все социальные группы играют в рамках общего контроля государства, государство вполне может регулировать темпы и путь развития, и «эффект колеи» также может быть обращен вспять государственной властью.

Кроме того, теория может недооценивать роль истории и времени. Когда политическая элита делает выбор в ключевых моментах, она будет не только ограничена историческими условиями того времени, но и подвержена влиянию исторической памяти и институциональных ресурсов. И варианты выбора отнюдь не ограничиваются узкими горизонтальными возможностями, а могут также сопоставлять реальную политику и исторический опыт по вертикали, возвращаясь, таким образом, к ключевым моментам и путям в более крупном временном масштабе.

2018 год был обычным годом, и никто не предполагал, сколько крупных событий, которые повлияют на политический процесс в России, произойдут

в последующие годы. Предполагалось, что каждое происходящее событие окажет огромное влияние на политический процесс в России, но последующие события вновь бросали вызов и переворачивали с ног на голову присущее людям восприятие. Так или иначе, в этом году Россия начала подводить итоги своего прошлого опыта развития и выбирать свой будущий путь развития. Сможет ли российская политика в будущем завершить цели своего институционального проектирования и дорожной карты, еще предстоит проверить временем.

Список литературы

- Дынкин А.А. Глобализация осталась в прошлом // Российская газета. – 2023. – 27 ноября. – URL: <https://rg.ru/2023/11/27/globalizaciia-ostalas-v-proshlom.html> (дата обращения: 12.03.2024).
- Кортунов А.В. Кризис миропорядка и глобальный Юг : Доклад Российского совета по международным делам № 59. – Москва : НП РСМД, 2020. – 48 с.
- Ash T. Postimperial Empire: How the war in Ukraine is transforming Europe // Foreign Affairs. – 2023. – May/June. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/europe-war-russia-postimperial-empire> (дата обращения: 12.03.2024).
- Balzer H. Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime // Post-Soviet Affairs. – 2003. – Vol. 19, N 3. – P. 189–227. – DOI: 10.2747/1060-586X.19.3.189.
- Hale H. Hybrid Regimes: When Democracy and Autocracy Mix // Dynamics of Democratization / Ed. by N. Brown. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2011. – P. 23–45.
- Liu Lingqi, Guan Haiting. On “Putinism” in Russia's State Transformation: From the Perspective of State Governance // Northeast Asia Forum. – 2014. – N 5. – P. 99–108. – DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2014.05.009.
- Shaipov A., Shaipova Y. Change the way we study Russia // Foreign Policy. – 2023. – February 11. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (дата обращения: 12.03.2024).
- Zimmerman W. Ruling Russia: Authoritarianism from the Revolution to Putin. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 344 p.
- Пан Дапэн = 庞大鹏. Анализ «путинизма» = «普京主义»析论 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2016. – № 1. – С. 17–35. – Кит. яз.
- Цзян И, Вэнь Лунцзе = 姜毅, 文龙杰. Российская дипломатия: историческое наследие и идеологическое наследие = 俄罗斯外交:历史遗产与思想传承 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2020. – № 6. – С. 1–16. – Кит. яз.
- Чжао Хуашэн = 赵华胜. Маятник истории: изменения в международной политике спустя 30 лет после распада Советского Союза = 历史的钟摆 – 苏联解体30年以来的国际政治变迁 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2021. – № 6. – С. 1–15. – Кит. яз.
- Ян Чэн = 杨成. Теоретические изменения «второй трансформации» и многообразия трансформаций в бывших социалистических странах: на примере институциональной трансформации России в эпоху Путина = ‘第二次转型’的理论向度与原社会主义国家转型的多样性 – 以普京时代的俄罗斯制度转型为例 // Российские исследования = 俄罗斯研究. – 2008. – N 4. – С. 12–26. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

The Recentralization of Power: Examining the Political Ideologies of Russian Leaders

Fei HAITING

DSc in History, Assistant Professor of Research Center of Chinese Politics, School of Government

Peking University

Yi Heyuan Street 5, Haidian district, Beijing, China, 100871;

Leading Researcher at the Russian Research Center

East China Normal University

Zhongshan Road (N), 3663, Shanghai, China, 200050

E-mail: feihaiting@outlook.com

ORCID: 0000-0001-5499-8863

CITATION: Fei Haiting (2024). The Recentralization of Power: Examining the Political Ideologies of Russian Leaders. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 150–171 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Received: 14.03.2024.

Revised: 15.07.2024.

ABSTRACT. *In recent years, following the consistent logic of the three main political ideas of the country – the individual, society, and the state – Russia has begun to conduct research on the future political path of the country’s development under the influence of three main factors: feelings of separation, feelings of alienation, and concerns about security. This adjustment of direction can be summarized as a strategy of the «recentralization of power.» This strategy includes at least two parts: the recentralization of political power and the recentralization of political action, both of which cover international and domestic politics. The recentralization of political power means that the emphasis is no longer on decentralization and empowerment, but instead on centralized power and strict rules. The recentralization of political action means that the emphasis is no longer on competition and negotiation,*

but on common goals and unified actions. From the point of view of international politics, the recentralization of actions is mainly reflected in the evolution of the dynamics among great powers towards major power confrontations and the evolution of regional cooperation towards major power leadership. From the perspective of domestic policy, the recentralization of actions is predominantly reflected in the consolidation of decision-making processes and the synchronization of developmental progress, coupled with an intensification of political measures. The strategy of the «recentralization of power» signifies Russia’s profound adjustments to its systemic framework and policy implementation. These adjustments should not be perceived merely as short-term or temporary initiatives; rather, they must be interpreted at a higher level, within a broader historical and contextual framework, grounded in a deeper strate-

gic logic and shaped by the developmental experience of Russian leadership over the past three decades. The article provides a brief summary, as well as a vision of the future path of political development. The implementation of this strategy signifies not only that Russia has begun to reflect on its political history over the past century, but also that Russian politics has entered a new cycle.

KEYWORDS: political development of Russia, Russian diplomacy, Russian political transformation, Russian leaders, recentralization of power.

References

- Ash T. (2023). Postimperial Empire: How the war in Ukraine is transforming Europe. *Foreign Affairs*. May/June. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/europe-war-russia-postimperial-empire>, accessed 12.03.2024.
- Balzer H. (2003). Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19, no. 3, pp. 189–227. DOI: 10.2747/1060-586X.19.3.189.
- Dynkin A.A. (2023). Globalization is a thing of the past. *Rossiyskaya Gazeta*. November 27 (in Russian). Available at: <https://rg.ru/2023/11/27/globalizaciya-ostalas-v-proshlom.html>, accessed 12.03.2024.
- Hale H. (2011). Hybrid Regimes: When Democracy and Autocracy Mix. In: Brown N. (ed.). *Dynamics of Democratization*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 23–45.
- Jiang Yi, Wen Longjie (2020). Russian Diplomacy: Historical Heritage and Ideological Inheritance. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 6, pp. 1–16 (in Chinese).
- Kortunov A.V. (2020). *The Crisis of the World Order and the Global South: A Report by the Russian International Affairs Council No. 59*. Moscow: RIAC, 48 pp. (in Russian).
- Liu Lingqi, Guan Haiting (2014). On “Putinism” in Russia's State Transformation: From the Perspective of State Governance. *Northeast Asia Forum*. No. 5, pp. 99–108. DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2014.05.009.
- Pang Dapeng (2016). Review of Putinism. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 1, pp. 17–35 (in Chinese).
- Shaipov A., Shaipova Y. (2023). Change the way we study Russia. *Foreign Policy*. February 11. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/>, accessed 12.03.2024.
- Yang Cheng (2008). The Theoretical Dimension of “Second Transformation” and the Diversity of Transformation in Original Socialist Countries: Taking the Institutional Transformation of Russia during Putin's Era as an Example. *Russian Studies*. No. 4, pp. 12–26 (in Chinese).
- Zhao Huasheng (2021). The Pendulum of History: International Political Changes in the 30 Years since the Disintegration of the Soviet Union. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 6, pp. 1-15 (in Chinese).
- Zimmerman W. (2016) *Ruling Russia: Authoritarianism from the Revolution to Putin*. Princeton: Princeton University Press, 344 pp.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 323(567)

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.09

Ирак после американского вторжения: судьба суннитов

Ольга Павловна БИБИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, и. о. главного редактора журнала «Россия и мусульманский мир»

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: olbibikova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9140-8372

ЦИТИРОВАНИЕ: Бибикова О.П. Ирак после американского вторжения: судьба суннитов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 172–186.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.09

Статья поступила в редакцию 28.08.2024.
Исправленный текст представлен 07.10.2024.

АННОТАЦИЯ. Вторжение США в Ирак в 2003 г. подорвало государственность страны. Планируя свою операцию «Иракская свобода», американцы сделали ставку на шиитов и курдов, которые, по их мнению, во времена правления партии Баас были наиболее дискриминированы. Одновременно новая администрация запретила партию Баас, следствием чего стала маргинализация суннитов и отстранение их от политической жизни. Таким образом, американцы актуализировали этнические и конфессиональные противоречия, существовавшие в иракском обществе. Непонимание особенностей и проблем иракского социума со стороны временной американской администрации привело к тому, что в стране вспыхну-

ла гражданская война, экономика была разрушена, а после вмешательства в ситуацию радикалов террористической организации ИГИЛ¹ значительная часть населения – сунниты и христиане – были вынуждены искать убежища за пределами Ирака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вторжение США, сунниты, шииты, курды, христиане, шиито-суннитские разногласия, Баас, армия, федерализация, иракские беженцы.

20 марта 2003 г. США и их союзники под вымышленным предлогом начали военную операцию «Иракская свобода». В результате уже в апреле 2007 г. более 4 млн иракцев покинули страну: 1,9 млн человек искали убежища в са-

1 Деятельность организации запрещена в России.

мом Ираке, 2 млн – в соседних странах Ближнего Востока (в основном в Сирии и Иордании), около 200 тыс. – за пределами Ближнего Востока².

Исторические предпосылки суннитско-шиитских противоречий в Ираке

Большая часть населения Ирака состоит из тех, кого называют иракскими арабами, хотя значительная часть из них – это потомки жителей древней Месопотамии: аккадцев, шумеров, вавилонян и ассирийцев, – которые в VII–VIII вв. н. э. были арабизированы своими соседями, то есть восприняли арабский язык и религию. В частности, жители Ирака говорят на месопотамском арабском диалекте, в котором сохранились вкрапления древних языков. Другая часть населения представлена потомками арабских племен. Еще во времена Ассирийской империи и Вавилонских царств часть Аравии находилась под их властью, поэтому арабские племена довольно рано проникли в Месопотамию. С укреплением власти арабского халифата арабские племена стали интенсивно осваивать эту территорию.

В период правления династии Аббасидов (656–1258) и особенно после переноса столицы халифата из Дамаска в Багдад (осн. в 762) большинство населения Ирака по-прежнему было неарабским, хотя сами Аббасиды были потомками арабских кланов Мекки. Название новой столицы *Мадинат ас-Салаам* («город мира» – араб. яз.), данное городу его основателем халифом Абу Джафаром аль-Мансуром (714–775), соответствовало стремлению халифа собрать в своем государстве разные народы. Новая столица была включена в маршрут Шелкового пути, что позволило хали-

фату Аббасидов уже в начале IX в. стать одним из самых богатых и развитых государств Востока. Тем не менее сохранилось старое название города – Багдад («дарованный сад» – средне-перс. яз.), свидетельствующее о привлекательности данной территории, обладавшей в тот период прекрасными природно-климатическими условиями.

Через территорию Месопотамии прошло много завоевателей, оставивших свой след, прежде всего в характере ее обитателей. Ментальность современных иракцев значительно отличается от ментальности жителей соседней Сирии. Число переворотов и военных столкновений с соседними государствами в истории Ирака демонстрирует высокую степень воинственности его населения. Между 1936 и 1968 гг. в стране произошло восемь государственных переворотов. Даже бедуинские племена, обладающие оружием, нередко вступают в стычки с соседями за пастбища или за контроль над путями контрабанды. Отметим также, что до недавних событий иракцам не была присуща «охота к перемене мест», то есть эмиграция за пределы арабского мира была незначительной и только в период войн. Отсутствие крупных зарубежных диаспор и, следовательно, неразвитость кросс-культурных контактов объясняет слабость светских влияний внутри иракского социума и его приверженность традиционным родоплеменным ценностям.

В период правления халифа Усмана (644–656) религиозное самосознание в арабском государстве стало укрепляться, и с этого времени конфессиональный аспект стал фундаментальной составляющей социокультурной характеристики как иракского общества, так и соседних с ним стран. Кроме арабов

2 Iraq Refugee Crisis: Aid, Statistics and News // USA for UNHCR. – 2023. – URL: <https://www.unrefugees.org/emergencies/iraq/> (дата обращения: 30.04.2024).

(в основном исповедующих суннизм), здесь проживают курды (сунниты и шииты), туркмены (сунниты и шииты), ассирийцы (христиане), иранцы (шииты), армяне (христиане) и более мелкие этнические подгруппы, которые в не меньшей степени, чем арабы, стремятся сохранить свою этническую и религиозную идентичность.

После турецко-персидской войны (1623–1639) территория современного Ирака, бывшая до этого в составе персидской империи Сефевидов, перешла под власть Османской империи³. Христианское и суннитское население Месопотамии представляло пришедших турок-османов избавителями от иноземного порабощения, так как под властью шаха Исмаила (1487–1524), насаждавшего шиизм и подавлявшего инакомыслие, люди страдали от массовых репрессий.

С началом экспансии Османской империи на ближневосточные земли исламизация стала объединяющим фактором разноплеменного общества. Современная территория Ирака попала под власть султана Сулеймана I (1520–1566) в 1555 г. Во второй половине его правления в процессе распространения государственных институтов на завоеванных землях суннизм стал доминирующей идеологией на всей территории империи, тем более что еще раньше под власть Стамбула перешли суннитские Сирия, Палестина и Египет (1516–1517). Большое идеологическое значение имело также подчинение османам территории Аравийского полуострова (1517), что было равносильно признанию роли турецких султанов как религиозных лидеров всего исламского мира.

Однако обширность территории Османской империи не позволяла ос-

манам держать арабские провинции под жестким контролем. В период между 1704–1831 гг. Ираком, при номинальном подчинении Стамбулу, управляли мамлюки. Затем здесь стала доминировать племенная власть, началась вражда между суннитами и шиитами, ориентировавшимися на Иран, тем более что численность суннитов возросла за счет бедуинов, пришедших на плодородные месопотамские земли из Неджда на Аравийском полуострове. Перемещения бедуинских племен продолжились и в XIX в. Как отмечает российский востоковед А.А. Кузнецов, «миграции бедуинов и их переход к оседлости меняли демографический баланс. При этом [шиитским] проповедникам из Неджефа и Кербелы удалось обратить в шиизм многие арабские племена» [Кузнецов, 2021, с. 133–134].

На подвластной территории Месопотамии Стамбул сделал ставку на иракцев, исповедующих суннизм, назначив их на управленческие должности. Османы постоянно поддерживали суннитское направление ислама, одновременно маргинализируя шиитский ислам, религию соседнего Ирана. Кроме того, на протяжении всей истории Ирака происходило культурное противоборство между этническими группами: арабами и курдами, в меньшей степени – между арабами и туркменами, по языку и культуре отличавшимися от арабов, хотя все они исповедовали суннизм. Но наиболее опасным, с точки зрения власти, был латентный конфликт между суннитами и шиитами, подпитываемый соседним Ираном. Негативизм в отношениях между этими двумя исламскими течениями не исчерпан и сегодня.

На основные должности огромного чиновничьего аппарата империи

3 Персидский шах Исмаил I в начале XVI в. захватил Курдистан, Армению и Ирак, которые ранее входили в состав тюркского государства Ак-Коюнлу.

почти повсеместно назначались сунниты. В результате именно они были наиболее образованными людьми, обладающими профессиями и влиянием, а также имеющими шансы получить высокие должности и дать образование детям. Аналогичная ситуация была в армии, где на командные посты также предпочитали назначать суннитов.

В быту приметы религиозного раскола, заложённые в османское время, ощущаются до сих пор. Представители этноконфессиональных сообществ в основном предпочитают селиться в одном квартале (иногда это еще и выходцы из какого-либо конкретного племени), строить свои мечети, создавать профессиональные, спортивные или культурные сообщества.

Подобная ситуация свидетельствует о незаконченности процессов классового образования. Конфессиональные общины, которые являются основными субъектами общественных процессов, являются доклассовыми формами социальности. Как отмечал российский религиовед П.И. Пучков, «конфессиональная общность более устойчива к ассимиляции по сравнению с этносом, поскольку религиозная форма общественного сознания отличается чрезвычайной консервативностью» [Пучков, 1987, с. 68].

После падения Османской империи территория Ирака в соответствии с договором Сайкс – Пико (1916)⁴ отошла в сферу влияния Великобритании. Как отмечает А.А. Кузнецов, «британское правительство в выработке своей иракской политики решило сделать ставку на суннитов. Этому способствовали три фактора. Во-первых, шииты в июле – декабре 1920 г. подняли вос-

стание против британских колониальных войск. Во-вторых, в Лондоне знали о преимущественном влиянии духовенства на настроения шиитской общины. <...> В-третьих, суннитские симпатии британской администрации во многом определялись личными пристрастиями Гертруды Белл⁵, британской аристократки, направлявшей деятельность английских спецслужб в Ираке с начала XX в.» [Кузнецов, 2021, с. 134].

Антибританское восстание 1920 г. стало переломным событием в современной истории Ирака. Побудительными причинами стали увольнение британцами большинства османских чиновников и их замена на британцев, а также введение новых законов о собственности на землю и налогов на захоронения в священных для шиитов городах. Иракцы выступили против насаждения британского правления и требовали создания независимого арабского государства. В конце концов иракское восстание вынудило Англию пересмотреть принципы своего правления в Ираке.

Объясняя сложившуюся ситуацию и причины, мешавшие создать независимое иракское государство, Хаттар Абу Дияб называет Ирак «микроскопом этнического и религиозного многообразия. <...> Ирак с точки зрения геополитики является зоной «границ» нескольких цивилизационных и религиозных объединений. Иракское пространство – это линия разлома между суннитским исламом и шиитским исламом, а также граница между арабским миром, с одной стороны, и двумя мирами – персидским и турецким – с другой» [Khattar, 2005, p. 135].

4 Договор Сайкс – Пико – тайное соглашение между правительствами Великобритании и Франции (1916) о взаимно согласованных сферах влияния на территориях бывшей Османской империи с учетом ее предстоящего раздела.

5 Гертруда Белл (Gertrude Bell; 1868–1926) – сотрудница британской администрации в Ираке, поддерживала контакты с сыновьями шерифа Мекки, основательница археологического музея в Багдаде.

Таким образом, построение национального государства в Ираке зависело от преодоления этих «разломов» интеграции шиитов и суннитов в новую политическую систему, разрешения вековых конфликтов между племенами и городами, а также между самими племенами из-за плодородных равнин Месопотамии.

Надеясь укрепить свое присутствие в Ираке, где еще в начале века была обнаружена нефть, англичане привели к власти в Ираке Фейсала, сына шерифа Мекки, выходца из рода пророка Мухаммада. Лояльный англичанам и получивший широкую известность во время арабского восстания, он был подходящей фигурой для Лондона. Уже в 1922 г. был подписан кабальный для Ирака союзный договор между Багдадом и Лондоном. Практически во все ведомства на важные посты были назначены британские чиновники. Британцы также брали на себя обязательства по созданию иракской армии. Со временем военное ведомство стало наиболее организованным институтом на фоне слабой политической системы страны. Тем не менее король Ирака стремился привлечь в армию, особенно в офицерский корпус, как можно больше шиитов, с тем чтобы их было не меньше, чем суннитов.

Забегая вперед, отмечу, что в конце 1949 г. был создан Верховный комитет свободных офицеров (по аналогии с Египтом), состоявший в основном из суннитов. Именно они осуществили военный переворот в Ираке в 1958 г., закончившийся упразднением монархии.

Суннитско-шиитский вопрос в современном Ираке

С 1968 г. в Ираке находилась у власти партия Баас⁶. Несмотря на то, что идеология партии Баас, которой придерживались С. Хусейн и его сторонники, считается светской, одной из опор идеологии являлся ислам. В период правления Саддама Хусейна сунниты сосредоточили в своих руках практически все рычаги власти, хотя на местах и в руководстве страны были задействованы представители и других профессиональных сообществ⁷. Именно по этой причине сложилось мнение, что сунниты численно доминируют в стране. На самом деле власти фальсифицировали данные о численности и составе населения страны.

Сегодня мусульмане-шииты в Ираке составляют около 60%, а сунниты – менее 37% [Гордиенко, Гордиенко, 2023, с. 162]. Из более чем 6 млн курдов, проживающих на северо-востоке Ирака, 98% – сунниты, 2% – шииты-фейли [Lavaud, 2021].

В современном Ираке сформировались три района, в каждом из которых доминирует какое-либо этнорелигиозное сообщество. Сунниты проживают в центре страны и на севере (провинция аль-Анбар), на северо-востоке – курды (в основном исповедующие суннизм). Третья группа населения – иракские шииты, обитают в южных областях страны. Уже на первый взгляд очевидно, что эти сообщества являются антагонистами и плохо вписываются в рамки национального государства. Естественно, что в городах население

6 Полное название партии – Партия арабского социалистического возрождения (Баас – «возрождение» на арабском языке). Один из основателей партии М. Афляк считал, что речь идет о возрождении национального самосознания и государственности. Оно также трактуется как «перерождение», поскольку первое арабское возрождение, по Афляку, произошло вместе с возникновением ислама в VII в.

7 Среди них выделялся Тарик Азиз (1936–2015; наст. имя – Михаил Юханна), ассириец/халдей, выходец из семьи католиков. Будучи единственным христианином в правительстве С. Хусейна, он в разные годы занимал посты министра информации, вице-премьера, министра иностранных дел.

представлено разными этносами и конфессиями. Кроме того, в результате кросс-культурных контактов часть населения сегодня являет собой смешанные пары. Что касается племен, то «в большинстве крупных арабских племен Ирака есть часть шиитов и часть суннитов»⁸.

Иракское общество расколото не только по национальному, племенному, религиозному, социальному признакам, но и по позициям, которые его различные слои и племена занимали в период баасистского правления в стране, и по ориентации на внешние силы. Наиболее организованной силой были шиитские религиозно-политические организации, которые в условиях доминирования суннитской власти создали разветвленную организационную сеть с подпольными отделениями, часть которых ориентирована на Тегеран. Однако внутри шиитского руководства Ирака есть те, кто ратует за независимость от Тегерана.

В 2003 г. 160 тыс. военнослужащих США были переброшены в Ирак. Предлогом для вторжения США и их союзников в Ирак были поиск и уничтожение якобы производимого в стране оружия массового поражения⁹. Однако позднее стало известно, что нападение на Ирак было частью обширного плана по «переформатированию» стран Ближнего Востока¹⁰. Мировой общественности цель операции преподносилась как «свержение диктаторского режима». Сама операция получила наз-

вание «Свобода Ирака» (первоначальное название – «Шок и трепет»). Одной из целей операции было взятие под контроль нефтяных месторождений, так как по запасам углеводородов Ирак занимает четвертое место в мире.

Уже 16 мая 2003 г. американская администрация обнародовала Приказ № 1 «Дебаасификация иракского общества», который стал знаковым событием для страны. То, что он был принят всего через два месяца после вторжения, свидетельствует о том, что он был разработан еще при подготовке операции. Этот закон в первую очередь касался суннитов, которые при С. Хусейне занимали привилегированное положение.

Речь шла о введении комплекса мероприятий, направленных на отстранение от власти членов партии Баас, которая была объявлена вне закона. По словам Пола Бремера (*Paul Bremer*)¹¹, главы американской администрации, «все сунниты – баасисты, все баасисты – саддамиты, все саддамиты – нацисты». Опираясь на это примитивное утверждение, Бремер начал кампанию по «дебаасификации». Во-первых, всем баасистам (то есть большинству государственных служащих) с 16 мая 2003 г. было запрещено занимать государственные должности. Во-вторых, иракская армия, многие офицеры в которой были членами Баас, была распущена¹².

Действия американской администрации основывались на поверхностном анализе ситуации в стране, в кото-

8 Claude P. Quel est le visage de la guerre civile en Irak? // Le Monde. – 2006. – 30 Novembre. – Франц. яз. – URL: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2006/11/30/quel-est-le-visage-de-la-guerre-civile-en-irak_840295_3218.html (дата обращения: 12.06.2024).

9 Подозрения американских специалистов вызвали закупки Ираком алюминиевых трубок, якобы необходимых для разработки центрифуг для обогащения урана.

10 Генерал Уэсли Кларк: мы уничтожим семь стран за пять лет // ИноСМИ. – 2023. – 30 марта. – URL: <https://inosmi.ru/20230330/blizhniy-vostok-261811642.html> (дата обращения: 20.06.2024).

11 Пол Бремер, американский дипломат, до 2003 г. не работавший на Ближнем Востоке.

12 Carlard S. Irak: des erreurs à repetition. L'exemple de la province d'al-Anbar // Les clés du Moyen-Orient. – 2015. – 13 Mai. – Франц. яз. – URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Irak-des-erreurs-a-repetition-L-exemple-de-la-province-d-al-Anbar> (дата обращения: 20.06.2024).

ром шииты и курды были представлены как «строители новой демократической эры», а сунниты демонизированы. Как отмечала французский политолог Мириам Бенраад (*Myriam Benraad*), «дебаасификация», объявленная в мае 2003 г. <...>, привела не просто к роспуску органов режима, как планировалось изначально, а к тому, что многие сунниты восприняли ее как настоящую «де-суннитизацию» страны. Действительно, сунниты первыми ощутили на себе последствия этой меры и были уволены со своих постов в армии и администрации. У них возникло одинаковое чувство слепого наказания за преступления тирана, которого они зачастую ненавидели так же сильно, как шиитов и курдов, и за которого они не чувствовали прямой ответственности» [Benraad, 2012].

Таким образом, все члены партии Баас, в том числе рядовые, были лишены возможности занимать прежние должности. «Миллионы людей в оккупированном Ираке оказались без средств к существованию. Это были не только сотрудники силовых структур. В одночасье из-за номинальной принадлежности к Баас безработными стали множество врачей, учителей, инженеров, университетская профессура»¹³.

Оценивая ретроспективно решение американской администрации, надо отметить, что те, кто ее планировал, были плохо осведомлены о состоянии иракского общества. Американцы не видели разницы между теми, кто был причастен к политическим преступлениям во времена Саддама, и теми, кто просто приспособился к сложившимся условиям. Более того, американцы

с самого начала отвергли тех, кто имел большое влияние в иракском обществе.

Американцы не сумели привлечь и использовать иракскую интеллигенцию, часть которой могла бы сыграть конструктивную роль в постсаддамовском Ираке. По мнению французского исследователя Д. Корантена (*Corentin Denis*), именно благодаря закону о «дебаасизации» «суннитов коллективно демонизировали, что породило чувство неизбирательного наказания»¹⁴. И теперь представьте себе огромную массу людей, которые оказались не способны обеспечить свои семьи...

Сеймур Херш (*Seymour Hersh*), репортер-исследователь, и Скотт Риттер (*Scott Ritter*), бывший инспектор ООН по вооружениям, обсуждая на сайте Интернета сложившуюся в Ираке ситуацию, констатировали: «Мы взяли людей, представлявших светский оплот против экспансии радикального антиамериканского исламского фундаментализма, и мы их радикализировали. И если мы просто уйдем и оставим ситуацию так, как она сложилась, мы превратим суннитский центр Ирака в гноящуюся выгребную яму антиамериканских настроений. Это новый Афганистан, новая питательная среда для Аль-Каиды»¹⁵.

Среди тех, кто лишился работы, было много армейских чинов. Вооруженные силы Ирака изначально создавались для поддержки власти баасистов. В процессе формирования политической структуры государства военно-политическая элита заняла место этнообразующего фактора. Более того, она была гарантом политической стабильности госу-

13 К каким последствиям привело американское вторжение в Ирак // RT на русском. – 2023. – 20 марта. – URL: <https://zen.ru/a/ZBhAtZcCO0IQp0AG> (дата обращения: 18.05.2024).

14 Corentin D. Les sunnites d'Irak au Coeur des crises depuis 2003 // Les clés du Moyen-Orient. – 2014. – 29 Decembre. – Франц. яз. – URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-sunnites-d-Irak-au-coeur-des-cris-es-depuis-2003-l-analyse-par-les-cartes.html> (дата обращения: 12.05.2024).

15 Scott Ritter and Seymour Hersh: Iraq Confidential // The Nation. – 2005. – 14 November. – URL: <https://www.thenation.com/article/archive/scott-ritter-and-seymour-hersh-iraq-confidential/> (дата обращения: 12.07.2024).

дарства. Армия в Ираке была одним из важнейших национальных институтов страны: накануне американского вторжения армия насчитывала 380 тыс. солдат и 650 тыс. резервистов¹⁶. Позднее стало известно, что тотального разоружения проведено не было, часть оружия исчезла из арсеналов.

Большинство из высших и средних чинов иракской армии являлись выходцами из суннитских регионов, в частности, из провинции аль-Анбар в центре страны, где широко представлена племенная конфедерация племен *дулейм* численностью около 3 млн человек. Поскольку именно в этом районе проживали иракцы, чья жизнь была связана с армией и госслужбой, им не потребовалось много времени, чтобы присоединиться к немногочисленным первоначально баасистским силам сопротивления и исламистам, подкрепления которых стали прибывать в Ирак из-за границы.

Исключив партию Баас и армию из общественной жизни Ирака, США не учли последствия, которые восстанавливали и укрепляли традиционные для Ирака структуры: конфессию, родоплеменные сообщества, – реанимировали межнациональные и межконфессиональные противоречия, а также нарушили систему государственных институтов, которые контролировали все сферы жизни иракцев.

Сложившуюся в Ираке ситуацию подтверждает фрагмент диалога из фильма «Война с ИГИЛ». Интервьюер задает вопросы американскому дипломату Райену Крокеру (*Ryan Crocker*)¹⁷, бывшему в 2007–2009 гг. послом США в Ираке, который достаточно откровенно говорит о том, что присутствие

американских войск в Ираке на самом деле погрузило эту страну в хаос.

Вопрос: Никто не отрицает, что Саддам Хусейн был жестоким диктатором и самыми невообразимыми способами убил сотни тысяч людей. Стала ли жизнь иракцев хуже, чем была при нем?

Ответ: Современный Ирак превзошел мои самые жуткие кошмары. По-моему, достаточно подсчитать потери. Сейчас в Ираке ежедневно погибает больше людей, чем раньше умирало в тюрьмах Саддама или от рук его подручных. Хотя при Саддаме было плохо, сейчас стало неизмеримо хуже. После нашего вторжения Ирак должен был стать демократическим государством. Образцом для соседей и страной, не угрожающей Америке. Результат оказался противоположным¹⁸.

В самом Ираке теракты стали обычным явлением. Речь идет о практически ежедневных нападениях суннитов на шиитов и шиитов на суннитов. Сложившаяся ситуация заставила профессиональные сообщества сконцентрироваться на защите своего социума и своих интересов.

Комментируя сложившуюся ситуацию, Райен Крокер признал, что «кампания по «дебаасизации» дала толчок для создания антикоалиционного движения. Любой поймет, что офицер, уволенный без какой-либо причины, кроме подозрений в определенных убеждениях, скажет: “Я знаю, куда податься”, и перейдет в лагерь оппозиции¹⁹.

Отметим также, что в поисках премьер-министра, способного обуздать насилие, США остановились на кандидатуре Нури аль-Малики (1950 г.р.), малоизвестном члене некоей оппозиционной

16 Как разгромили армию иракского диктатора Саддама Хусейна // История войн и оружия. – 2020. – 4 марта. – URL: <https://dzen.ru/a/XlvTY1ukDiPu0-G3> (дата обращения: 30.04.2024).

17 Райен Крокер – американский дипломат (1949 г.р.), в 2007–2009 гг. – посол США в Ираке.

18 «Война с ИГИЛ». Документальный фильм тележурнала *VICE*. – 2016. – URL: <https://cigr.net/glavnoe/26273-irak-dokumentalnyy-film-voyna-s-igil.html> (дата обращения: 18.05.2024).

19 Там же.

шиитской группировки, который до своего назначения более 23 лет проживал в изгнании. Администрация США предполагала, что с помощью аль-Малики в Ираке будет создано «правительство для всех иракцев» – независимо от их этнической или религиозной принадлежности. Аль-Малики прослужил в должности премьера два срока (20 мая 2006 г. – 11 августа 2014 г.). Этот период запомнился иракцам депрессией, которая охватила суннитский социум в результате усиления шиитского влияния, заставив многих суннитов бежать из страны или примкнуть к ИГИЛ. Причиной этого стало то, что правительство аль-Малики использовало новообретенную власть не на объединение страны, а на месть суннитам. Стычки между суннитами и шиитами вышли из-под контроля, началась гражданская война. В результате миллионы иракцев бросили свои дома. Сегодня американцы, понимающие, что проект «Свобода Ираку» (*Freedom of Iraq*) провалился, возлагают вину за свою неудачу именно на аль-Малики.

Рассматривая ситуацию ретроспективно, можно сделать вывод, что США собирались строить «демократию» в Ираке, опираясь на курдов и шиитов, считая, что именно курды и шииты были наиболее дискриминированы при баасистском правлении. Однако подобная политика выглядит недальновидным заигрыванием с шиитским и курдским социумом и непониманием значимости суннитской интеллигенции в стране, не принимает во внимание факты уже состоявшихся кросс-культурных контактов, а также фактора Ирана в суннитско-шиитской дилемме.

Есть другая версия американского сценария: именно через активизацию межконфессиональных противоречий американцы затевали гражданскую войну в Ираке. Эта точка зрения вполне согласуется с идеей Вашингтона о необходимости сократить население нашей планеты. К тому же Ирак, где находятся огромные запасы углеводородов (8,52% мировых запасов сырой нефти²⁰), для этой задачи, с точки зрения американских ястребов, – место весьма подходящее.

Есть также мнение, что деятельность ИГИЛ в Ираке и Сирии перекликалась с планами США реформировать ближневосточный регион. Так, в 2006 г. Ральф Петерс (*Ralph Peters*), сотрудник Пентагона, опубликовал карты «Нового Ближнего Востока», на которых была изображена территория «Суннистана», государства, которое, по его мнению, должно было возникнуть на территории части Ирака и Сирии. Эта территория совпадала с пространством, которое контролировало ИГИЛ в 2006–2015 гг.²¹

Кроме того, 22 сентября 2007 г. Сенат США большинством голосов (75 против 23 при двух воздержавшихся) принял резолюцию с рекомендацией Белому дому создать на территории Ирака три государства: суннитское, шиитское и курдское. Однако, учитывая многолетние чаяния курдов создать свое собственное независимое государство, этот план гарантированно может закончиться распадом Ирака. Напомню, что основные месторождения нефти Ирака находятся на территориях, где доминируют курды. Этот план отражен в новой Конституции Ирака, принятой в результате усилий США в октябре 2005 г.²²

20 Энергетика Ирака. – 2024. – URL: <https://aenert.com/ru/strany/azija/ehnergetika-iraka/#c33767> (дата обращения: 07.06.2024).

21 Сергеев Д. Откуда появился ИГИЛ: как террористы смогли добиться могущества на Ближнем Востоке // ТВ Звезда. – 2017. – 19 декабря. – URL: <https://tvzvezda.ru/news/201712191049-w5o1.htm> (дата обращения: 07.06.2024).

22 Ирак получил конституцию // Газета.Ru. – 2005. – 25 октября. – URL: https://www.gazeta.ru/2005/10/25/oa_175471.shtml (дата обращения: 18.05.2024).

Сунниты отказались принимать участие в первых выборах в законодательные органы власти в январе 2005 г., в результате чего к власти пришли основные шиитские и курдские коалиции. Лишь в ограниченной степени сунниты участвовали во вторых выборах, состоявшихся в декабре того же года, и в работе над проектом Конституции, в которой они отвергли принятие федерализма, поддерживаемого курдами, что, по их мнению, равносильного разделу страны.

Подобное поведение суннитов является результатом длительного подавления инакомыслия в период правления баасистов. Арабы-сунниты не имеют единого политического руководства, поскольку оппозиция баасистскому режиму была среди них очень ограниченной, не выявившей авторитетных лидеров.

С осени 2012 г. отношения между багдадским режимом, суннитскими партиями и, прежде всего, суннитским населением становились всё более критическими: некоторые суннитские политические лидеры были арестованы или вынуждены покинуть Ирак. Хуже того, в суннитской провинции Аль-Анбар, на границе с Сирией (а также Саудовской Аравией и Иорданией), вспыхнуло народное восстание против злоупотреблений власти, которое переросло в мятеж, особенно в городах Фаллуджа и Рамади, что привело к очень жестокому военному ответу со стороны багдадского режима, который тем не менее не смог его победить. Все эти факторы способствовали ухудшению ситуации с безопасностью в суннитских провинциях и создали объективные предпосылки для восстановления джихадистских сетей, прежде всего

бывшего «Исламского государства в Ираке», которое после распространения своих действий на территорию Сирии стало «Исламским государством в Ираке и Леванте» (ИГИЛ).

В ряды ИГИЛ влились племенные ополчения и прежде всего те военнослужащие, которые служили до 2003 г. в иракской армии, а также сотрудники структур безопасности, стремящиеся отомстить шиитской власти. Именно унижение суннитов стало питательной средой для начала джихада. В ИГИЛ с удовольствием принимали бывших иракских военных, имеющих боевой опыт и испытывающих ненависть к шиитскому Багдаду. Таким образом, именно суннитский ИГИЛ предложил иракским единоверцам надежду на восстановление страны путем «воссоздания халифата», хотя его идеологию и методы разделяли не все представители иракского суннитского сообщества.

Первоначально операции ИГИЛ в Ираке были достаточно успешны, так как его идеологические установки эксплуатировали лояльность населения центральных (суннитских) областей Ирака, традиционно симпатизировавшего баасистскому режиму С. Хусейна, и культивировали ненависть к шиитам и курдам.

В 2007 г. кроме американских войск против ИГИЛ выступило движение «ас-Сахва» («пробуждение» – на араб. яз.), созданное американцами из числа некоторых суннитских племен, а также бывших иракских военных, решивших сотрудничать с новой администрацией взамен на участие в политическом процессе. По состоянию на начало 2008 г. их было более 80 тыс. человек²³. Среди них были и бывшие суннитские повстанцы, недовольные политическим

23 Blanchard M. «Liberté en Irak», retour sur le fiasco de l'invasion américaine. – américaine // Le Monde. – 2014. – 14 Juin. – URL: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2014/06/14/liberte-en-irak-retour-sur-le-fiasco-de-l-invasion-americaine_4438289_3218.html (дата обращения: 07.06.2024).

и религиозным авторитаризмом ИГИЛ. И хотя они присягнули на верность правительству Нури аль-Малики, однако по-прежнему оставались для нового руководства страны «чужими» и даже подвергались репрессиям со стороны шиитского истеблишмента.

Пока американские войска находились в Ираке, проамериканские сунниты из «ас-Сахва» получали жалование от США, но когда в 2010 г. начался процесс вывода американских войск из Ирака, оказалось, что финансирование прекращается²⁴. В конце концов бывшие члены «ас-Сахва» стали постепенно присоединяться к ИГИЛ.

Свой вклад в провал проекта «ас-Сахва» внесли и шейхи племен, лояльные американской администрации, которых судьба страны мало беспокоила. На самом деле они всего лишь пытались реализовать свои корыстные интересы, например, сохранить контроль над контрабандными путями, идущими через суннитские районы, или отобрать у соседнего племени спорные пастбища²⁵.

Не последнюю роль сыграло и разочарование лидеров племен в американских партнерах. Известны случаи, когда войска США применяли «коллективные наказания» за то, что племя не предоставляло информацию о подпольных отрядах, атакующих войска США. Изошренное наказание осуществлялось путем выкорчевывания бульдозерами плодоносящих пальм под звуки американской музыки или поджога посевов зерновых. Не последнюю роль в радикализации суннитов сыграли события

в Фаллудже²⁶ (американцы применили там белый фосфор) и других суннитских городах, где население оказало сопротивление американцам.

США начали выводить свои войска 18 декабря 2011 г. Накануне (14 декабря 2011 г.) Б. Обама заявил, что Соединённые Штаты оставляют «суверенный, стабильный и самодостаточный Ирак»²⁷. Но уже через несколько дней правительство Нури аль-Малики начало проводить массовые аресты суннитов, обвиняя их в том, что они якобы остались верны баасизму. Это стало предпосылкой начала суннитского восстания против американского присутствия в стране, которое проходило при молчаливом одобрении части шиитов и курдов.

В начале 2014 г. под власть ИГИЛ попала большая часть провинции Анбар. В июне джихадисты захватили город Мосул, крупнейший экономический центр Ирака, вынудив бежать иракскую армию, администрацию и четверть населения города. Однако к концу лета объединенными усилиями курдских отрядов Пешмерга, бойцов арабских племен-суннитов и ополченцев из числа христиан и езидов удалось выпроводить джихадистов из Мосула.

Несмотря на утрату части подконтрольных территорий в Ираке, ИГИЛ продолжала свои операции в меньшем масштабе. 9 декабря 2017 г. Ирак объявил об окончании войны с «Исламским государством», тем не менее только в 2020 г. ИГИЛ организовала более 1 400 атак в Ираке.

24 Le Sahwa. Geopolitique de l'Irak // Diplomatie. Affaires strategiques et relations internationales. – 2014. – Le Grande dossiers N 19 (Fevrier-mars). – P. 91. – Франц. яз.

25 К вопросу о причинах краха проамериканского проекта ас-Сахва в Ираке // Islamic Policy = О политике в исламском мире. – 2018. – 10 июля. – URL: <https://islamicpolicyonline.wordpress.com/2018/07/10/к-вопросу-о-причинах-краха> (дата обращения: 07.06.2024).

26 Битва за Фаллуджу (ноябрь 2004 г.) – самое кровопролитное сражение, которое американские войска вели в Ираке. Противником коалиционных войск были не иракская армия бывшего баасистского правительства, а повстанцы.

27 Ас-Саади М.Х. Вывод войск США из Ирака: реальность или принятие желаемого за действительное // ИноСМИ. – 2024. – 27 сентября. – URL: <http://inosmi.ru/20240927/irak-270225333.html> (дата обращения: 07.10.2024).

Основные результаты провала политики США в Ираке

Итоги американского вторжения в Ирак приводят к выводу о том, что Вашингтон практически не учел особенности этноконфессиональной ситуации в стране. В частности, не была изучена степень влияния Ирана на шиитскую умму в Ираке. Большинство политических аналитиков пришли к выводу, что после ухода американцев влияние Ирана в регионе возросло, что логично вызвало беспокойство Саудовской Аравии и других стран, где имеются шиитские общины. Известно, что на первых порах из США в Ирак были вызваны этнологи и религиоведы, которые должны были досконально изучить общественную ситуацию в стране. Тем не менее тот же Райен Крокер, бывший посол США, констатировал, что США наделали массу ошибок, готовя операцию «Иракская свобода».

Показывая абсурдность сложившейся ситуации, Райен Крокер признал, что «иракское правительство находится под влиянием финансируемых Ираном группировок. Они получают оружие США (против ИГИЛ – О. Б.). Мы их поддерживаем с воздуха, оказываем дипломатическую поддержку. В данном случае мы поддерживаем шиитов во главе с Ираном с целью разгромить ИГИЛ. <...> Правительство в Багдаде представляет угрозу для США и их союзников. <...> Мы создали монстра. Эти монстры потом придут к нам»²⁸.

Это запоздалое признание было сделано Р. Крокером уже по окончании его службы в Ираке. Результатом американской политики в Ираке стали сломанные судьбы миллионов иракцев. Государство было разрушено. В 2003 г.

население составляло 27 млн человек. По грубым оценкам, страну покинуло более 4 млн жителей. А сколько было убито, искалечено – неизвестно.

Анализируя сложившуюся ситуацию, приходишь к выводу, что Ирак ожидает трудный и долгий период восстановления. Борьба с ИГИЛ значительно укрепила шиитское ополчение и иранское влияние в Багдаде. Как пишет Мариус Лазар, «всегда отстраненный от политической власти и особенно подавляемый в период правления Саддама Хусейна иракский шиизм переживает возрождение идентичности и общинной жизни, что радикально меняет статус Ирака, превращая его из бывшей суннитской державы в бастион, один из региональных векторов шиитского религиозного и геополитического влияния» [Lazar, 2015].

В результате Ирак стал полем соперничества между США и Ираном. В свою очередь, окрепли связи между шиитами Ирака и Ирана, хотя в отношениях между духовными лидерами обеих стран наблюдаются разногласия, в том числе по вопросам религиозного плана.

Параллельно с мечтами иракских курдов о создании своего государства аналогичный проект возник у суннитов. Проект возник из-за отказа шиитов делиться властью. Речь шла об образовании автономного региона из преимущественно суннитских провинций: огромной провинции аль-Анбар, провинции Найнава, Салах-эд-Дин, Дияла и Багдад. Надеясь на финансирование из стран Персидского залива, сторонники этого проекта предлагали восстановить эти территории, в значительной степени разрушенные во время войны с ИГИЛ, и создать «образцовое государство» вокруг Мосула, некогда второго

28 «Война с ИГИЛ». Документальный фильм тележурнала *VICE*. – 2016. – URL: <https://cigr.net/glavnoe/26273-irak-dokumentalnuy-film-voyna-s-igil.html> (дата обращения: 18.05.2024).

по значимости города Ирака. Предполагалось, что, создав свое государство, иракские сунниты восстановят контроль над своей судьбой. Но эта территория в значительной степени лишена нефти, за исключением спорных территорий вокруг Киркука. Проект неоднократно обсуждался как в самом Ираке, так и с участием стран Персидского залива, однако единого решения так и не было принято.

Новым явлением в геополитическом ландшафте Ирака стало возникшее среди молодых шиитов движение «Тишрин» (по названию площади в Багдаде). Несмотря на то, что эти молодые люди – в основном шииты, они не отождествляют себя с проиранскими ополченцами или с иракскими сторонниками аятоллы Али ас-Систани (1930 г.р.), духовного лидера иракских шиитов. Они требуют полной перестройки Ирака: разоружения ополченцев и замены нынешней правящей элиты. Движение не монолитно, но в нем доминируют националистические и антииранские взгляды. Они отвергают религиозную принадлежность в пользу иракской идентичности. Это позволяет им сблизиться со своими сверстниками – суннитами. Важно отметить, что возраст более половины населения Ирака не превышает 25 лет²⁹. С лета 2015 г. они регулярно проводят демонстрации против ущемления основных свобод, прав женщин и социально-экономических достижений, под которыми подразумеваются субсидированные тарифы на электроэнергию, основные продукты питания, бесплатное государственное образование, медицинские услуги и т.д. Ратуя за разделение религии и политики, они требуют «гражданского» государства (*даула мадания*), которое, по их мнению, не должно быть религиозным или свет-

ским в том смысле, в каком это принято на Западе, а было бы государством, свободным от логики разделения на этноконфессиональные сектора.

Наиболее проблематична судьба старшего поколения суннитского населения Ирака. Часть этого поколения стигматизирована, прежде всего тем, что в период баасистского режима она находилась в приоритете, а затем, оказав сопротивление американцам, примкнула к ИГИЛ. И хотя часть суннитов эмигрировала в соседние Иорданию и Ирак (и даже в Белоруссию, где они пытаются перейти белорусско-польскую границу), многие эмигранты не видят возможности возвращения на родину, опасаясь за свою жизнь.

Очевидно, что сложившаяся в этой стране ситуация чревата новыми конфликтами в общественно-политической жизни, ибо восстановление стабильности предполагает урегулирование межконфессиональных разногласий, возвращение доверия населения, и решение главного вопроса – быть или не быть Ираку полиэтничным и многоконфессиональным государством.

Список литературы

Гордиенко Д.В., Гордиенко В.Н. Ближневосточный регион: анализ политической обстановки, оценка экономических возможностей государств и характеристика вооруженных сил. – Москва : Аргатак-Медиа, 2023. – 182 с.

Кузнецов А.А. Суннито-шиитские противоречия в контексте геополитики региона Ближнего Востока (1979–2016). – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2021. – 352 с.

Пучков П.И. Этнос и религия // Этнические процессы в современном

29 Iraq Population 2024. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/iraq-population> (дата обращения: 13.06.2024).

мире / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1987. – С. 68–80.

Benraad M. Fin de l'occupation et crise en Irak: la clé de voûte sunnite // *Politique étrangère*. – 2012. – N 1. – P. 161–172. – Франц. яз. – DOI: 10.3917/pe.121.0161.

Khattar A.D. La dimension religieuse du conflit irakien // *Revue internationale et stratégique*. – 2005. – N 1 (57). – P. 135–143. – Франц. яз. – DOI: 10.3917/ris.057.0135.

Lavaud L. La diversité religieuse en Irak // *Observatoire géopolitique du religieux (IRIS)*. – 2021. – Juin. – 6 p. – Франц. яз. –

URL: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2021/06/Obs-Géopo-du-religieux-La-diversité-religieuse-en-Irak.pdf> (дата обращения 07.10.2024).

Lazar M. Le chiisme irakien post-Saddam: entre résurgence religieuse, fractures politiques et influences externes // *Orients Stratégiques*. – 2015. – N 2. – Франц. яз. – URL: https://www.academia.edu/14437271/Le_chiisme_irakien_post_Saddam_entre_résurgence_religieuse_fractures_politiques_et_influences_externes?email_work_card=reading-history (дата обращения: 23.07.2024).

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.09

Iraq After the American Invasion: The Sunni Fate

Olga P. BIBIKOVA

PhD (History), Senior Researcher, Department of Interdisciplinary Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: olbibikova@mail.ru

ORCID: 0000 0002-9140-8372

CITATION: Bibikova O.P. (2024). Iraq After the American Invasion: The Sunni Fate.

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 17, no. 5, pp. 172–186 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.09

Received: 28.08.2024.

Revised: 07.10.2024.

ABSTRACT. *The U.S. invasion of Iraq in 2003 profoundly undermined the country's statehood. During the planning of the "Operation Iraqi Freedom," the United States relied on Shiites and Kurds, who were perceived as having been the most marginalized under the Baath Party's rule. Simultaneously, the new administration*

implemented a ban on the Baath Party, resulting in the political marginalization of Sunnis and their exclusion from public life. This approach exacerbated the existing ethnic and sectarian divisions within Iraqi society. A lack of understanding of Iraq's social complexities and challenges by the interim American administration

ultimately contributed to the outbreak of civil war. The country's economy was left in ruins, and following the involvement of ISIS terrorists in the conflict, a significant portion of the population – particularly Sunnis and Christians – was forced to seek refuge abroad.

KEYWORDS: US invasion, Sunnis, Shiites, Kurds, Christians, Shiite-Sunni differences, Baath, army, federalization, Iraqi refugees.

References

- Benraad M. (2012). End of the occupation and the crisis in Iraq: the Sunni keystone. *Politique étrangère*. No. 1, pp. 161–172 (in French). DOI: 10.3917/pe.121.0161.
- Gordienko D.V., Gordienko V.N. (2023). *The Middle East Region: Analysis of the Political Situation, Assessment of the Economic Capabilities of States and Characteristics of the Armed Forces*. Moscow: Argamak-Media, 182 pp. (in Russian).
- Khattar A.D. (2005). The religious dimension of the Iraqi conflict. *Revue internationale et stratégique*. No. 1 (57), pp. 135–143 (in French). DOI: 10.3917/ris.057.0135.
- Kuznetsov A.A. (2021). *Sunni-Shiite Contradictions in the Context of the Geopolitics of the Middle East Region (1979–2016)*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 352 pp. (in Russian).
- Lavaud L. (2021). Religious diversity in Iraq. *Observatoire géopolitique du religieux (IRIS)*. June, 6 pp. (in French). Available at: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2021/06/Obs-Géopo-du-religieux-La-diversité-religieuse-en-Irak.pdf>, accessed 07.10.2024.
- Lazar M. (2015). Post-Saddam Iraqi Shiism: between religious resurgence, political fractures and external influences. *Orients Stratégiques*. No. 2 (in French). Available at: https://www.academia.edu/14437271/Le_chiisme_irakien_post_Saddam_entre_résurgence_religieuse_fractures_politiques_et_influences_externes?email_work_card=reading-history, accessed 23.07.2024.
- Puchkov P.I. (1987). Ethnos and religion. In: Bromley Yu.V. (ed.). *Ethnic Processes in the Contemporary World*. Moscow: Nauka Publ., pp. 68–80 (in Russian).

УДК 323+327(569.1)
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.10

Сирийский конфликт в контексте обострения военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024)

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН

ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация, 107031;

ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-5862

ЦИТИРОВАНИЕ: Долгов Б.В. Сирийский конфликт в контексте обострения военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 187–198.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.10

Статья поступила в редакцию 29.09.2024.

Исправленный текст представлен 17.12.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются факторы возникновения и длительного характера сирийского конфликта, основным из которых явилась активная поддержка ведущих стран НАТО, включая Турцию, сирийской радикальной исламистской оппозиции. Проанализированы цели данных стран, стремившихся устранить руководство Сирии, являющаяся союзником России и Ирана. Рассмотрена роль России в подавлении ИГИЛ¹ и сохранении на тот период сирийской государственности. В результате исследования подтверждается, что с самого начала сирийский конфликт приобрел глобаль-

ный характер: в нем в разной степени участвовали как региональные, так и глобальные акторы. В качестве методологии использованы принципы историзма, научной объективности и достоверности. Рассмотрено влияние восстановления отношений между Саудовской Аравией и Ираном в 2023 г. при посредничестве Китая на обстановку в регионе. Проанализировано развитие военно-политической ситуации после начала конфликта Израиля с ХАМАС и «Хезболла». Рассмотрены действия вооруженной сирийской оппозиции в ноябре-декабре 2024 г., которая при поддержке внешних акторов

1 Деятельность организации запрещена в России.

отстранила от власти руководство Б. Асада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сирийский конфликт, иностранное вмешательство, обострение ситуации, Ближний Восток.

Сирийский конфликт, продолжающийся с 2011 г., приобрел глобальный характер: в нем в разной степени участвуют великие державы и региональные центры силы [Ближний Восток..., 2018, с. 127]. В 2023–2024 гг. существенное влияние на развитие сирийского конфликта оказывало обострение ситуации на Ближнем Востоке в связи с конфликтом в Секторе Газа, противостоянием Израиля и «Хезболлы», а также действиями сирийской вооруженной оппозиции против правительственных сил САР.

В 2017–2019 гг. сирийская армия при поддержке российских ВКС провела ряд успешных операций, освободив большую часть территории, контролируемой вооруженной сирийской оппозицией и ИГИЛ [Долгов, 2020, с. 130]. В итоге вооруженные группировки ИГИЛ были разгромлены в Сирии, а также в Ираке в результате действий иракской армии и курдских сил, поддержанных авиацией «международной коалиции», возглавлявшейся США. Тем не менее отдельные малочисленные отряды и «спящие ячейки» ИГИЛ [Stern, Berger, 2015, p. 77] продолжали действовать. Поражению радикальных исламистов способствовало также отстранение от власти в 2013–2014 гг. исламистских партий Ан-Нахда в Тунисе [Huntzinger, 2014, p. 73] и ставленников «Братев-мусульман» в Египте [Бакри, 2013, с. 21], которые активно поддерживали исламистов в Сирии.

Новый этап сирийского конфликта

К 2019 г. большая часть территории Сирии была освобождена от боевиков ИГИЛ и аффилированных с ним группировок, здесь постепенно налаживалась мирная жизнь, начался процесс восстановления социально-экономической инфраструктуры и возвращения беженцев.

Между тем продолжала оставаться достаточно сложной ситуация в районе г. Идлиба. Здесь наряду с сирийцами-арабами и курдами жили туркоманы – тюркоязычное сирийское этническое меньшинство. После начала гражданского конфликта турецкая армия частично взяла под контроль эту территорию и активно формировала из рядов туркоманов вооруженные группировки, оппозиционные Дамаску. Впоследствии район Идлиба превратился в зону, где были сосредоточены практически все действовавшие исламистские группировки. Наиболее боеспособными из них являлись «Джейш сурий ватаний» (Национальная (ранее – Свободная) сирийская армия) [Guidere, 2012, p. 189] и «Хайат тахрир аш-Шам» (Организация освобождения Сирии). Ранее она называлась «Джабхат ан-Нусра» (Фронт победы) и считалась сирийским крылом «Аль-Каиды»² [Крылов, 2017, с. 656]. В районе Идлиба дислоцировалась также входившая в «Хайат Тахрир аш-Шам» группировка «Аджнад аль-Кавказ» (Кавказская армия), боевики которой готовились к проникновению в Россию для совершения террористических актов. В феврале 2021 г. российские ВКС нанесли удар по лагерям подготовки данных боевиков, в результате которого большая их часть была уничтожена³.

2 Обе организации признаны ООН террористическими и запрещены, в том числе в России.

3 ВКС России уничтожают врага в Сирии // Русская весна. – 2021. – 22 февраля. – URL: https://rusvesna.su/news/1614182267?utm_source=smi2 (дата обращения: 20.05.2022).

В соответствии с действующей Конституцией, принятой на общенациональном референдуме в 2012 г. [Сапронова, 2017, с. 261], в мае 2021 г. в Сирии состоялись президентские выборы на альтернативной основе. В них участвовали три кандидата: Башар Асад, действующий президент САР, генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ); Абдалла Салум Абдалла, представитель Партии социалистов-юнионистов, провозглашающей своей идеологией насеризм (египетскую модель социализма Гамалея Абделя Насера), входящей наряду с партией ПАСВ в правящий парламентский блок «Национальный прогрессивный фронт»; Махмуд Ахмад Марей, глава Арабской организации по правам человека, представитель партии «Демократический арабский социалистический союз», представляющей патриотическую оппозицию, имеющую свою программу дальнейшего развития социально-экономических реформ в Сирии.

На территории Сирии было открыто 12 тыс. избирательных участков. В то же время в районе Идлиба, находящемся под контролем турецкой армии и вооруженных оппозиционных группировок, а также в так называемой зоне безопасности вдоль сирийско-турецкой границы, также контролируемой Турцией, в сирийских регионах, контролируемых военными США и курдскими силами, поддерживаемыми США, голосование не состоялось из-за противодействия вышеуказанных акторов. При этом США и их союзники, включая Турцию, еще до проведения президентских выборов в САР объявили их «несвободными» и заранее не признали их результаты. Данные страны воспринимали сирийское руководство как противника в силу его союзнических отношений с Россией

и Ираном [Ходынская-Голенищева, 2019, с. 118]. Такие заявления со стороны данных внешних акторов являются продолжением пропагандистской кампании, ведущейся с начала сирийского конфликта с целью устранения руководства САР, противостоящего Израилю, союзника России и Ирана [Аль-Усман, 2013, с. 101]. В то же время США и их союзники по НАТО действовали в Сирии нелегитимно [Kepel, 2018, р. 392]. Между тем на президентских выборах в САР в мае 2021 г., которые автор мог наблюдать, будучи в составе российской делегации, был открыт свободный доступ на избирательные участки как иностранным наблюдателям, так и представителям СМИ. Причем активность избирателей была такова, что время голосования было продлено: вместо запланированного закрытия в 19:00 ч участки закрылись в 24:00 ч. Такая активность наблюдалась как в Дамаске, так и в провинциях (мухафазах) Сирии [Долгов, 2021, с. 185]. Так, в г. Дума, столице провинции Восточная Гута, к избирательным участкам многие жители приходили целыми семьями с большим количеством детей, что придавало процедуре голосования радостно-оживленную обстановку.

Результатом президентских выборов стало переизбрание действовавшего президента Башара Асада. За него проголосовали 95,1% избирателей, Махмуд Ахмад Марей получил 3,3% голосов и Абдалла Салум Абдалла – 1,5%. Явка избирателей составила 78%⁴.

Итоги выборов свидетельствовали о поддержке большинством сирийских граждан правительственного курса и президента Башара Асада. В то же время необходимо отметить, что Сирия сталкивается с серьезными проблемами и трудностями. Они обусловлены навязанным Сирии вооруженным проти-

4 Президентские выборы в Сирии // РИА Новости. – 2021. – 27 мая. – URL: <https://ria.ru/20210527/vybory-1734511193.html> 27.05.2021 (дата обращения: 20.05.2022).

востоянием, экономической блокадой и санкциями со стороны стран Запада, от которых страдают в первую очередь наименее обеспеченные слои населения при общем снижении уровня жизни. Так, средняя заработная плата в САР в 2021 г. составляла 50 тыс. сирийских лир, что равняется примерно 17 долл. США (при курсе 1 долл. США – 3000 сирийских лир). Тем не менее правительство пытается минимизировать негативное влияние экономических санкций. Так, сирийские власти сдерживают инфляцию и субсидируют часть продовольственных продуктов. С целью обеспечить снабжение всего населения наиболее необходимыми товарами и предотвратить спекулятивные махинации временно были введены карточная система и квоты на часть продовольствия и бензин.

Поддержку политического курса руководства Сирии значительной частью сирийского общества также продемонстрировали парламентские выборы, прошедшие в июле 2024 г., в которых участвовали представители 9 политических партий и независимые кандидаты. Это четвертые по счету выборы начиная с 2012 г., когда на основе всенародного референдума была принята новая Кон-

ституция Сирии, введившая многопартийность, отменившая ст. 9 предыдущей Конституции, определявшую партию ПАСВ как правящую и предоставлявшую большую свободу для СМИ. В результате голосования 167 депутатских мест из 250, то есть большинство, завоевали партии, входящие в коалицию «Национально-прогрессивный фронт», в который входят 11 партий и 3 ассоциированные организации. Наиболее значительными из них являются ПАСВ, Сирийская коммунистическая партия, Социалисты-юнионисты (насеристы), Национальная социальная партия. Независимые кандидаты получили 67 депутатских мест. Явка избирателей на выборах составила 38,16% (для сравнения: на парламентских выборах в 2020 г. она составляла 38%)⁵.

Обострение палестино-израильского противостояния и военно-политической ситуации в регионе

В октябре 2023 г. вооруженные формирования движения ХАМАС⁶, контролирующие Сектор Газа, начали военную операцию против Израиля. На первом

5 Elections legislatives syriennes de 2024. – URL: https://fr.wiki/Ellections_legislatives_syriennes_de_2024 15.07. 24 (дата обращения: 20.07.2024).

6 ХАМАС (Исламское движение сопротивления) контролирует Сектор Газа и является легитимно избранной властью. ХАМАС основано в Секторе Газа в декабре 1987 г. известным мусульманским деятелем шейхом Ясином. При его содействии в Газе был открыт Исламский университет и созданы десятки новых мечетей. Движение ХАМАС было основано также как отделение известной исламистской ассоциации «Братья-мусульмане» (созданной в Египте в 1928 г. видным исламистским идеологом шейхом Хасаном аль-Банной). Согласно данным американских и французских СМИ, созданию ХАМАС способствовала также израильская разведслужба Моссад с целью противопоставить исламистское ХАМАС светской в своей основе Организации освобождения Палестины (ООП), в которую входили ряд организаций, разделявших марксистскую идеологию, выступавших на стороне советского блока и пользовавшихся его поддержкой. Часть этих организаций дислоцировалась на территории Сирии. Однако с 1990-х годов происходит быстрая радикализация ХАМАС, обусловленная как общим подъемом исламистского движения в мусульманском мире, так и началом первой палестинской интифады (восстания), сопровождавшейся многочисленными жертвами среди палестинского гражданского населения в результате действий израильской армии. С 1993 г. ХАМАС начинает совершать террористические акты против Израиля, что привело к признанию его террористической организацией в США, странах Евросоюза, Канаде, Австралии и Израиле. Иордания, в свою очередь, запретила деятельность ХАМАС на своей территории. В то же время в 1994 г. в результате переговоров между ООП, Израилем и международным «квartetом» (ООН, США, Российская Федерация, Евросоюз) была создана Палестинская национальная администрация (ПНА), президентом которой был избран Махмуд Аббас, лидер ООП. Юрисдикция ПНА распространялась на Сектор Газа и часть Западного берега р. Иордан. Тем не менее ХАМАС на парламентских выборах в январе 2006 г., завоевав 74 места из 132 в Законодательном совете (парламенте) ПНА, также претендовала на руководство в ПНА. В результате начавшегося противостояния между ПНА и ХАМАС, спровоцировавшего вооруженные инциденты, ПНА контролирует Западный берег р. Иордан, а ХАМАС – Сектор Газа. При этом он фактически блокирован Израилем (выезд из него возможен только с разреше-

этапе ХАМАС подвергло массированному ракетному обстрелу израильские военные объекты и населенные пункты, включая те, которые находились в центральной части Израиля. Подразделениям ХАМАС, насчитывавшим около 1 200 бойцов, удалось продвинуться на несколько десятков километров внутрь израильской территории, атаковать израильские военные объекты, даже захватить одну израильскую военную базу и ряд пограничных населенных пунктов, при этом были жертвы среди израильских военных и местного израильского населения. Бойцами ХАМАС также было захвачено в качестве заложников более 200 военных и гражданских лиц – как граждан Израиля, так и иностранцев. Израильская армия (ЦАХАЛ) начала ответные боевые действия. При этом руководство Израиля заявило, что целью израильской военной операции является полное уничтожение военной и гражданской структуры ХАМАС, его боевых отрядов и руководства. Начались массированные воздушные удары и ракетно-артиллерийские обстрелы военных объектов ХАМАС, а также жилых кварталов Сектора Газа, в который была прекращена подача электроэнергии,

газ, воды, топлива, бензина, продуктов и медикаментов в связи с его полной блокадой израильской армией с суши и моря. Жертвами этих действий стала часть боевиков и командования ХАМАС, а также большое число мирного населения Газы (на 2024 г. погибло свыше 40 тыс. мирных жителей и десятки членов гуманитарных организаций ООН, оказывавших помощь жителям Газы). При этом военная структура ХАМАС, хотя и понесла потери, продолжала действовать и наносить удары по Израилю, так как основной военный потенциал ХАМАС сосредоточен в разветвленных подземных тоннелях и убежищах, создававшихся в течение нескольких лет.

После начала конфликта, в особенности после массированных бомбардировок Сектора Газа, в поддержку ХАМАС выступили Иран, Сирия, а также ливанское шиитское движение «Хезболла»⁷ и йеменское хуситское движение «Ансар алла». При этом «Хезболла» осуществляло ракетные обстрелы позиций израильской армии и приграничной территории Израиля. В свою очередь «Ансар алла» также наносило удары баллистическими ракетами по Израилю и атаковало торговые суда, связанные с интересами Израиля. С осуждением атаки ХАМАС и при-

ния израильских властей; необходимые продовольствие, медикаменты, бензин завозятся через пропускные пункты, в основном из Египта). Тем не менее и ХАМАС, и ПНА выступают за создание палестинского национального государства, определенное решением ГА ООН в 1947 г. При этом ХАМАС стоит на более радикальных позициях, не признавая государство Израиль, в то время как ПНА его признает и готово на переговоры. Значительную поддержку ХАМАС, как и ПНА, оказывали Иран, Турция и Катар.

⁷ Ливанское шиитское движение «Хезболла» (от араб. «Хизб Аллах» – Партия Аллаха) сформировалось при поддержке Ирана в 1982–1983 гг., в период оккупации Израилем территории Южного Ливана. Создав свои вооруженные отряды, движение «Хезболла» боролось против израильских оккупационных сил, что во многом способствовало их выводу с территории Ливана. С 1992 г. «Хезболла» принимает активное участие в ливанской общественно-политической жизни, в том числе в парламентских выборах, и становится одной из наиболее влиятельных политических сил в Ливане. Оно имеет своих представителей в парламенте и правительстве Ливана. Руководителем и видным идеологом «Хезболлы» являлся с 1992 по 2024 г. шейх Хасан Насралла. «Хезболла» располагает структурами своих сторонников за пределами Ливана, которые осуществляют его пропагандистскую, финансовую и материально-техническую поддержку. «Хезболла» выступает за освобождение части ливанской территории (район Ферм Шаббаа), оккупированной Израилем в период арабо-израильской войны 1967 г., поддерживает палестинские организации, борющиеся за создание национального палестинского государства, что приводило к периодическим вооруженным столкновениям «Хезболлы» с израильской армией. В результате движение «Хезболла» признано террористической организацией в Израиле, США, Англии, Канаде, Австралии, Евросоюзе, запрещена в Египте. В сирийском конфликте «Хезболла» поддерживает правительство САР во главе с Башаром Асадом, направило на поддержку сирийской государственной армии до 10 тыс. своих бойцов (общая численность вооруженных формирований «Хезболлы», по разным данным, составляет до 50 тыс. бойцов).

знания права Израиля на самооборону выступили страны Евросоюза и США, послав в район конфликта две авианосные группы своих ВМС.

В то же время на экстренно созванном совместном саммите Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Эр-Рияде в ноябре 2023 г. руководители арабо-мусульманских стран выступили за немедленное прекращение израильской агрессии в Газе и скорейшее проведение мирной конференции. Лидеры арабо-мусульманских стран заявили о необходимости создания независимого палестинского государства на основе границ от 4 июня 1967 г. со столицей в Восточном Иерусалиме. В свою очередь президент Турции Реджеп Эрдоган предложил созвать международную конференцию по вопросу создания палестинского государства, в которой мог бы участвовать Израиль. Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман подчеркнул, что происходящая гуманитарная катастрофа свидетельствует о неспособности Совбеза ООН и международного сообщества положить конец преступлениям Израиля, что является проявлением политики двойных стандартов. В то же время не нашли общей поддержки предложения о вооружении палестинских сил для отпора израильской агрессии, с которой выступил президент Ирана Ибрахим Раиси (погиб в авиакатастрофе в 2024 г.), о разрыве отношений с Израилем, выдвинутые Сирией, и инициатива Алжира о введении санкций против Израиля арабскими государствами. Эти предложения включали в себя запрет использования американских и других военных баз в арабских странах для снабжения Израиля, замораживание экономических,

военных и дипломатических отношений арабских стран с Израилем, а также угрозу использовать нефть и экономические возможности арабских стран для оказания давления на Запад с целью прекращения агрессии. Этот план был поддержан 11 странами ЛАГ, в том числе Сирией, Ливаном, Тунисом и ПНА. Тем не менее он не был принят, так как против алжирского плана выступили Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ и Марокко⁸.

В связи с этим необходимо отметить, что определенная двойственность отношения ряда арабских стран к ХАМАС обусловлена, во-первых, тем, что движение «Братья-мусульмане», идеологию которого исповедует ХАМАС, запрещено в Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, Бахрейне, а в Сирии и Египте ведется борьба с их радикальными течениями. При этом в Сирии в рядах исламистских группировок, действовавших против сирийской правительственной армии, находились и боевики – члены ХАМАС. Они были представлены незначительным числом, так как официально руководство ХАМАС занимало в сирийском конфликте нейтральную позицию. Тем не менее представители «Братьев-мусульман» представлены в парламентах и участвуют в политической жизни в таких странах, как Иордания, Марокко, Тунис, Алжир. Во-вторых, в ряде арабских стран на основе соглашений о совместной обороне с США расположены американские военные базы. Вместе с тем эти страны имеют достаточно развитые финансово-экономические связи со странами Запада и, в частности, с США и международными финансовыми структурами, где главную роль играют США. Наряду с этим необходимо отметить, что после

8 Саммит ЛАГ и ОИС в Эр-Рияде // Ведомости. – 2023. – 13 ноября. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/11/13/1005413-arabo-islamskii-samit> (дата обращения: 20.01.2024).

восстановления в 2023 г. отношений между Саудовской Аравией и Ираном при активном посредничестве Китая Саудовская Аравия в значительной мере изменила свою политику следования в русле антииранского курса США. При этом были нормализованы и улучшились отношения между Сирией и Саудовской Аравией, ОАЭ, Кувейтом, Иорданией, произошло восстановление членства Сирии в ЛАГ.

В то же время США предпринимали попытки вновь склонить Саудовскую Аравию к поддержке американской политики. С этой целью США предлагали Саудовской Аравии обновить и активизировать военное сотрудничество в рамках совместного с США оборонительного пакта, а также американскую помощь в развитии мирной ядерной программы и расширение доступа к современным технологиям (полупроводникам, искусственному интеллекту). В обмен на это Саудовская Аравия должна ограничить сотрудничество с Китаем и закупки китайских технологий, а также приступить к налаживанию израильско-саудовских отношений. Тем не менее окончательного решения по данным планам на настоящий момент не принято.

Также Израиль после начала военного конфликта с ХАМАС стал наносить точечные удары по иранским структурам в Сирии. Так, в начале апреля 2024 г. израильскими ВВС был нанесен удар по консульству Ирана в Дамаске, в результате которого погибли несколько иранских офицеров из руководства КСИР (среди них генерал Мохаммад Реза Захеда, командующий подразделением «Аль-Кудс» в КСИР), а также сирийские граждане. В результате израильской террористической атаки

в Иране погиб находившийся здесь с визитом руководитель Политбюро ХАМАС Исмаил Хания. При этом Израиль наносил ракетно-авиационные удары также по сирийским военным структурам, в том числе по подразделениям сирийской 4-й танковой дивизии, считающейся элитной войсковой частью, которой командует Махер Асад, брат президента Сирии. Израиль атаковал также иранские военные объекты на сирийской территории, в результате чего имелись жертвы и среди мирных граждан Сирии. При этом премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху, пытаясь внести раскол в арабо-мусульманском мире, в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН (ГА ООН) в сентябре 2024 г. разделил мусульманские страны на «благословенные», к которым он отнес Саудовскую Аравию, Египет, Иорданию, и «проклятые», причислив к ним Сирию, Иран, Ирак, Ливан, Йемен.

В свою очередь, сирийские исламистские группировки, действующие в районе Идлиба, предпринимали попытки наносить удары, используя беспилотные летательные аппараты (БПЛА) по подразделениям сирийской правительственной армии. По сообщениям Министерства обороны САР, подразделения Вооруженных сил Сирии сбили десять БПЛА, запущенных террористическими исламистскими группировками в окрестностях Алеппо и Идлиба⁹. В связи с этим необходимо отметить, что представители украинского режима проводили переговоры с руководством исламистских группировок, а именно с «Хайат тахрир аш-шам», действующей в районе Идлиба, на которых обсуждалась возможность обучения украинскими военными ис-

9 Уничтожение десяти БПЛА террористических группировок в окрестностях Алеппо и Идлиба // САНА // حلب وإدلب // تدمير عشر طائرات مسيرة للتنظيمات الإرهابية بريفي S A N A. – 2024. – 30 октября. – Араб. яз. – URL: <https://sana.sy/?p=2159201> (дата обращения: 01.11.2024).

ламистских боевиков использованию современных БПЛА, а также привлечение сирийских боевиков к боевым действиям украинского режима против России¹⁰.

В ответ на израильские атаки Иран нанес удар с применением ракетных систем и БПЛА по военным объектам в Израиле, на что Израиль в свою очередь атаковал военную базу в Иране, с которой наносились удары по израильской территории. При этом США, видимо, не желая вступать в прямой конфликт с Ираном, провели в Омане негласные переговоры с представителями Ирана по вопросу недопущения эскалации напряженности на Ближнем Востоке.

Тем не менее Израиль в сентябре 2024 г. осуществил террористические атаки¹¹, авиа- и ракетные удары по военным структурам, подразделениям и членам руководства движения «Хезболла», находившимся в Ливане. В результате погибла большая часть руководящего состава «Хезболлы», а также ее лидер Хасан Насралла и командующий силами иранского КСИР в Ливане Аббас Нилфорушан. При этом погибли более 20 мирных ливанских граждан, находившихся в соседнем жилом доме. Резкое осуждение террористического акта против Х. Насраллы выразило МИД России, охарактеризовав его как «политическое убийство»¹². С аналогичным осуждением убийства Х. Насраллы выступила Сирия. В заявлении сирийского МИД говорилось, что «Сирийская Арабская

Республика самым решительным образом осуждает этот преступный акт Израиля, выражает соболезнования братскому Ливану и свободолюбивым людям во всём мире в связи с мученической смертью лидера ливанского национального сопротивления. Посредством этой преступной агрессии сионистское образование еще раз подтверждает преступный терроризм, на котором оно выросло, отсутствие каких-либо моральных ценностей, варварство и пренебрежение всеми международными законами»¹³.

В свою очередь иранское руководство охарактеризовало действия Израиля как террористическую атаку и политическое убийство, которое не останется безнаказанным. При этом президент Ирана Масуд Пезешкиан обвинил также США в том, что они нарушили соглашения, которые были достигнуты во время контактов между представителями США и Ирана по недопущению дальнейшего обострения ситуации в регионе. Затем Иран нанес по территории Израиля ракетный удар с применением своего новейшего оружия – баллистических ракет «Фатх», которые способны преодолевать израильскую систему ПВО «Железный купол». По данным арабских СМИ, было запущено от 180 до 400 ракет, 80% из которых достигли целей. При этом среди них были военно-воздушные базы, где находились современные военные самолеты F-35, поставленные США, часть которых, что подтверждают снимки косми-

10 Киев вербовал террористов в Сирии // Украина.ру. – 2024. – 10 сентября. – URL: <https://ukraina.ru/20240910/1057343995.html> (дата обращения: 15.10.2024).

11 Израильскими спецслужбами были осуществлены в Ливане подрывы электронных устройств, которыми пользовались члены «Хезболлы», а также граждане Ливана. В результате погибли десятки человек и несколько тысяч получили ранения, в числе которых были и мирные граждане. Ряд таких подрывов был осуществлен на территории Сирии, где также имелись погибшие и раненые. Причем, как показало последующее расследование, фирма, через которую закупились данные электронные устройства (пейджеры, мобильные телефоны, ноутбуки и др.), была подставной и сотрудничала с израильскими спецслужбами.

12 Заявление МИД России/Внешняя политика/Новости/29.09.2024. – URL: https://www.mid.ru/ruforeign_policy/news/1972590/ (дата обращения: 01.11.2024).

13 Заявление МИД САП // САНА. – 2024. – 3 октября. – URL: <https://sana.sy/ru/?p=373850> (дата обращения: 01.11.2024).

ческого наблюдения, были уничтожены или повреждены. Вместе с тем Израиль отрицает эти данные.

В то же время Израиль в своей антииранской риторике угрожал нанести удары по ядерным и энергетическим объектам Ирана. Однако, по сообщениям зарубежных СМИ, президент США Д. Байден предупредил Б. Нетаньяху, что США не поддержат такие действия Израиля. Тем не менее Б. Нетаньяху в октябре 2024 г. потребовал от Генерального секретаря ООН А. Гутерриша вывести миротворческие силы ООН из Южного Ливана, где они находятся с 1987 г., со времени предыдущего конфликта Израиля с «Хезболлой». Это свидетельствует о том, что Израиль готовится к новым военным акциям против Ирана, «Хезболлы» и, возможно, их союзников в регионе.

26 ноября 2024 г. вооруженные группировки сирийской оппозиции, дислоцировавшиеся в основном в контролируемом Турцией районе Идлиба, предприняли наступательную военную операцию против сирийской правительственной армии. В операции участвовали вышеупомянутые Организация освобождения Сирии («Хайят тахрир аш-Шам» – ХТШ), Национальная сирийская армия («Джейш сурий ватаний»), вооруженные отряды Коалиции оппозиционных и революционных сил («Иттилаф кувват ас-саура ва-ль-му'арада») и другие отряды оппозиции. Общая численность боевиков, по сирийским данным, превышала 120 тыс. При этом в рядах вооруженной оппозиции действовало значительное число иностранных наемников-джихадистов. В результате данные группировки захватили ряд крупных городов, таких как Алеппо, Хама, Хомс, Пальмира, Дейр-эз-Зор.

8 декабря 2024 г. вооруженные отряды оппозиции вошли в Дамаск и объявили о свержении руководства Б. Асада¹⁴. Захватившими власть силами было сформировано переходное правительство, которое, по их заявлениям, будет работать до 1 марта 2025 г.

Выводы

Сирийская Арабская Республика, возглавлявшаяся с 2000 г. руководством Б. Асада, с 2011 г. с помощью дружественных стран боролась с ИГИЛ и радикальной вооруженной оппозицией, активно поддерживаемой внешними акторами, нелегитимно оккупировавшими часть сирийской территории. Причины, приведшие к падению правительства Б. Асада в декабре 2024 г., были обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. Прежде всего, это сложная внутренняя обстановка в стране, сложившаяся в связи с антисирийскими санкциями стран Запада (так называемый Закон Цезаря и др.), приведшими, несмотря на поддержку дружественных стран, к экономической блокаде САР. Такая ситуация провоцировала значительное снижение уровня жизни населения, вынужденного в течение долгого времени жить в условиях войны, испытывать все связанные с этим невзгоды, чем пользовалась радикальная оппозиция, обвинявшая в этом руководство САР. Вместе с тем основную роль в свержении правящего режима в САР играли внешние факторы. Так, согласно американским СМИ, американские спецслужбы участвовали в планировании и осуществлении операции по свержению руководства Б. Асада. США оккупировали часть сирийской территории, создав на ней

14 Б. Асад объявил о своей отставке и поручил премьер-министру правительства САР организовать мирный переход к силам оппозиции. Затем он с членами семьи прибыл в Россию, где ему было предоставлено политическое убежище.

15 военных баз, и, наряду с Израилем, поддерживали курдские силы, создавшие независимые анклавные территории, не подчиненные сирийскому правительству. Причем данные оккупированные США районы являлись наиболее важными в экономическом отношении. Здесь были сосредоточены нефтедобывающие предприятия, а также наиболее пригодные для ведения сельскохозяйственной деятельности земли.

Турция, несмотря на участие в Астанинском переговорном процессе, активизировала поддержку оппозиционных Дамаску группировок, о чем Б. Асад информировал посла Ирана накануне наступления боевиков. Турецкое руководство, реализуя политику неоосманства, заявляло о «времени изменения границ» и претендует на сирийскую провинцию Алеппо. После свержения руководства Б. Асада Израиль оккупировал часть территории вокруг Голанских высот, его войска находятся в 20 км от Дамаска. Израильская армия с целью уничтожения сирийского военного потенциала нанесла около 300 ракетно-бомбовых ударов по военным объектам на территории Сирии. Таким образом, можно констатировать, что ситуация, создавшаяся после свержения руководства Б. Асада, может привести к потере государственности и дезинтеграции Сирии, а также к существенному изменению баланса сил в регионе.

Список литературы

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. – Москва : ИВ РАН, 2018. – 556 с.

Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы

(2011–2021). – Москва : ИВ РАН, 2021. – 208 с.

Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. – Москва : ИВ РАН, 2020. – 200 с.

Крылов А.В. «Джабхат ан-Нусра» – террористическая организация и участник сирийского конфликта // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 655–668.

Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах. – Москва : МГИМО-Университет, 2017. – 312 с.

Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру. – Москва : Абрис, 2019. – 720 с.

Guidère M. Le choc des révolutions arabes. – Paris : Editions Autrement, 2012. – 265 p. – Франц. яз.

Huntzinger J. Les printemps arabes et le religieux. – Paris : Editions Parole et Silence, 2014. – 99 p. – Франц. яз.

Kepel G. Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient. – Paris : Editions Gallimard, 2018. – 514 p. – Франц. яз.

Maktouf L. Sauver la Tunisie. – Saint-Amand-Montrond (France) : Fayard, 2013. – 210 p. – Франц. яз.

Stern J., Berger J.M. ISIS, The State of terror. – New York : Harper Collins Publishers, 2015. – 398 p.

Аль-Усман У. Война против Сирии. – Дамаск : Публикации Союза арабских писателей, 2013. = 2013 الكتاب العرب دمشق عثمان العثمان الحرب على سورية منشورات اتحاد أراب. яз.

Бакри М. Армия и «Братья-мусульмане». – Каир : Египетско-ливанский издательский центр, 2013. = 2013 القاهرة مصطفى بكرى الجيش و الاخوان الدار العربية اللبنانية – 452 с. – Араб. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.10

The Syrian Conflict and the Deepening Middle Eastern Crisis (2023–2024)

Boris V. DOLGOV

DSc (History), Leading Researcher

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Rozhdestvenka Street, 12, Moscow, Russian Federation, 107031;

Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-5862

CITATION: Dolgov B.V. (2024). The Syrian Conflict and the Deepening Middle Eastern Crisis (2023–2024). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 187–198 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.10

Received: 29.09.2024.

Revised: 17.12.2024.

ABSTRACT. *This article examines the multifaceted factors that have contributed to the Syrian conflict and its prolonged duration. Foremost among these is the active support provided by external actors to the Syrian radical Islamist opposition. The study employs the principles of historicism, scientific objectivity, and authenticity as its methodological framework. It explores the regional dynamics that emerged following the 2023 restoration of relations between Saudi Arabia and Iran, facilitated by China's mediation. This reconciliation played a pivotal role in improving relations between Arab countries – particularly Saudi Arabia and Syria – and reinstating Syria as a competent member of the League of Arab States. The article also analyzes the evolution of the military and political situation in the region after the onset of the conflict involving Israel, HAMAS, and Hizballah. Furthermore, it examines the escalating tensions between*

Syria and pro-Iranian forces stationed in the country and Israel following the outbreak of hostilities in Gaza. Additionally, the study evaluates the actions of groups that, with external support, led to the overthrow of Bashar al-Assad's leadership during November–December 2024.

KEYWORDS: *Syrian conflict, foreigner intervention, turn to the worse, League of Arab States, Middle East.*

References

Al-Usman U. (2013). *War Against Syria*. Damascus: Publications of Union of Arab Writers, 272 pp. (in Arabic).

Bakri M. (2013). *Army and “Moslem Brothers”*. Cairo: Egyptian-Lebanese Publishing Centre, 452 pp. (in Arabic).

Blizhniy vostok... (2018). Baranovskiy V.G., Naumkin V.V. (eds.). *Middle*

East in Global Changing Context. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 556 pp. (in Russian).

Dolgov B.V. (2020). *Phenomenon of "Arab Spring" 2011-2016: Causes, Development, Perspectives. Tunisia. Egypt, Libya, Syria, Algeria*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 200 pp. (in Russian).

Dolgov B.V. (2021). *Syrian Withstanding: Internal and External Factors (2011–2021)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 208 pp. (in Russian).

Guidère M. (2012). *The Shock of the Arab Revolutions*. Paris: Editions Autrement, 265 pp. (in French).

Huntzinger J. (2014). *The Arab Spring and Religion*. Paris: Editions Parole et Silence, 99 pp. (in French).

Kepel G. (2018). *Emerging from Chaos: Crises in the Mediterranean and the Middle East*. Paris: Editions Gallimard, 514 pp. (in French).

Khodinskaya-Golenisheva M.S. (2019). *Syria: Difficult Way from War to Peace*. Moscow: Abris, 720 pp. (in Russian).

Krilov A.V. (2017). Djabhat an-Nusra. Terrorist organization and Participant in Syrian conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17, no. 4, pp. 655–668 (in Russian).

Maktouf L. (2013). *Save Tunisia*. Saint-Amand-Montrond (France): Fayard, 210 pp. (in French).

Sapronova M.A. (2017). *Political Process in Arab Countries*. Moscow: MGIMO-University, 312 pp. (in Russian).

Stern J., Berger J.M. (2015). *ISIS, The State of Terror*. New York: Harper Collins Publishers, 398 pp.

The Pages of the Past

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.11

Pandemics in Human History: Lessons Learned and Lasting Impacts

Greg SIMONS

PhD, Associate Professor

Daffodil International University

Daffodil Smart City, Birulia, Savar, Dhaka, Bangladesh, 1216

E-mail: gregmons@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6111-5325

CITATION: Simons G. (2024). Pandemics in Human History: Lessons Learned and Lasting Impacts. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 199–214.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.11

Received: 12.09.2024.

Revised: 08.10.2024.

ABSTRACT. *Health crises, particularly in the form of pandemics, have a long history of destroying and disrupting the political, social, and economic order of organized human societies. There is a continuous endeavor to derive lessons from these historical events to better comprehend, prepare for, and mitigate the impacts of future pandemics. This review article, adopting the perspectives of crisis management and crisis communication, seeks to operationalize historical human experiences in the realm of policy-making. By engaging with both academic and popular literature on past pandemic events, the article endeavors to apply these insights to the COVID-19 pandemic while the crisis was still unfolding. The findings indicate that the most pertinent lessons from past health crises are often not accurately learned or applied, potentially due to political pressures that emerge during such crises.*

KEYWORDS: *crisis management, pandemic, perceptions, orthodoxy of knowledge, COVID-19.*

Introduction

Epidemics and pandemics have significantly impacted human societies since the advent of organized urban civilization and have gradually become increasingly common. These phenomena are feared and dreaded, primarily due to the uncertainty they bring, yet they can have a dual effect on the societies they afflict. Huremovic observed that “in a long succession throughout history, pandemic outbreaks have decimated societies, determined outcomes of wars, wiped out entire populations, but also, paradoxically, cleared the way for innovations and advances in sciences, economy, and political systems” [Huremovic, 2019, p. 7]. Epidemics and pandemics differ in their geographical scope; epidemics are confined to one political entity (within a single country), whereas pandemics transcend international borders, affecting multiple countries [Saunders-Hastings, Krewski, 2016, p. 1]. The effects of globalization have facilitated the rapid and widespread dissemination of pathogens.

Historically, pandemics were relatively predictable in terms of the underlying conditions and effects that precipitate outbreaks. However, this is no longer consistently the case [Saunders-Hastings, Krewski, 2016, p. 14]. Epidemics and pandemics pose substantial disruptions to the functioning of human societies from various perspectives, constituting crises by their very nature and implications [Stern, 2003; The Politics of Crisis Management..., 2005]. Effective and accurate communication with various stakeholders is crucial [Ogrizek, Guillery, 1999], as failure to do so can exacerbate the direct and indirect effects of the health crisis. Within the framework and context of a crisis, what were the key valuable and practical lessons and attributes derived from historical pandemics that could inform the response to the COVID-19 pandemic?

This review article aims to establish a theoretical and conceptual understanding from a historical perspective regarding public institutions' ability to learn the correct or incorrect lessons from past health crises (pandemics) and apply them to contemporary situations. This work intends to set the context by exploring how knowledge of events and processes is created through the delineation and categorization of elements of the physical realm, represented and interpreted within the information realm using academic concepts and theories that assign meaning. This goal is achieved through a literature review of both popular and academic texts, identifying various methods of visualizing and conceptualizing the role, effects, and impacts of pandemics on human society from a historical viewpoint.

Significant insights have been gained since the COVID-19 pandemic was officially declared concluded; therefore, this work focuses on materials produced during the crisis, when historical health crises were selectively referenced to inform the then-current situation. This foundation

can be used to understand how these insights contribute to the body of knowledge and practices in managing pandemics in the present and future.

This review article begins with a section detailing the methodology used in the literature review. The second section is divided into two subsections. The first subsection addresses crisis management, its definition, and its importance as both an academic discipline and a practical approach. The second subsection defines the art of crisis communication and introduces its relevance to health crises. Finally, the section discusses the role, effects, and impact of pandemics throughout human history through a literature review.

Methodology

The literature review method employed in this article is adapted from [Simons, 2020b]. Literature reviews serve as a foundational element for all types of research, as they contribute to knowledge development and can form the basis for future research and theory [Snyder, 2019, p. 339]. A review enables a synthesis of state-of-the-art knowledge, allowing researchers to examine and evaluate the quality and relevance of existing research evidence [Gough, 2007].

There are various approaches to conducting a literature review, such as structured literature reviews, semi-structured literature reviews, and scoping studies. A structured literature review provides a summary of multiple studies and may draw conclusions [Armitage, Keeble-Ramsay, 2009]. In contrast, a systematic review is "a specific, carefully defined approach to literature review," which should be applied when it can provide a valid means of summarizing the literature [Systematic Review Methodology..., 2012, p. 638]. This paper favors a semi-structured literature review approach [Mullins, Spence, 2003; Pawar, Spence, 2003], which examines historical

experiences of pandemics through both academic and popular texts.

This work is conducted as a scoping study, aiming to rapidly map key concepts in a research area and identify the main types and sources of available evidence. Scoping studies are valuable for complex subjects or areas that have not been comprehensively reviewed. There are four primary reasons for undertaking a scoping study: to examine the extent, range, and nature of research activity; to determine the value of conducting a full systematic review; to summarize and disseminate research findings; and to identify gaps in existing research literature [Arksey, O'Malley, 2005, p. 21]. The motivation for this article aligns with the first reason noted.

A digital search was conducted using Google (for popular sources) and Google Scholar (for academic sources) databases with the following keywords: *pandemics in human history*; *pandemics in history*. This sample was further supplemented by books from the author's library, and the examples were manually checked against the stipulated textual criteria for relevance. A total of 63 individual items were collected and analyzed in this process.

Pandemics As a Crisis and in Crisis Communication: An Overview of Literature

Perspectives on Crisis Management

There are various contexts and understandings of what constitutes a 'crisis,' as it encompasses multiple interacting elements and perspectives. Ruff and Aziz summarize, "a crisis is any incident or situation, whether real, rumored, or alleged, that can focus negative attention on a company or organization internally, in the media or before key audiences" [Ruff, Aziz, 2003, p. 3]. This provides a broad overview of how and who are affected by extraordinary events.

Crises can be understood through four stages and elements: preparation, notification, communication, and recovery [Ruff, Aziz, 2003, p. 12]. Several simultaneous elements must be present for a situation to qualify as a crisis.

A crisis is an extraordinary situation in all senses – physically, informationally, and cognitively. Researchers have identified three simultaneously occurring elements necessary for an actual crisis to be recognized. These are: 1) A threat to values and norms in an affected society, such as the loss of life or property, threats to the well-being or viability of the financial, political, or social system; 2) Uncertainty, as it is not known how and when a crisis will develop, which can elevate the sense and perception of risk and hazard; and 3) A time constraint that creates a sense of urgency, based on the fact that the longer a crisis event endures, the more damage is done, increasing the time needed for recovery [Stern, 2003, p. 8; *The Politics of Crisis Management...*, 2005, pp. 2–4]. The damage and disruptions associated with crises have affected mankind throughout history and will continue to do so. The relationship between politics and crises is highly complex.

Crises have a way of becoming politicised rather quickly. Some actors perceive a threat to their ways of working, policies and legitimacy, yet others relish the prospect of change. Political, bureaucratic, economic and other special interests do not automatically pull together and give up their self-interest just because a crisis has occurred. They engage in a struggle to produce a dominant interpretation of the implications of the crisis [Governing After Crisis..., 2008, p. 9].

Political contestation can increase due to the role and importance of producing meaning from events to serve political agendas. Roberts observed that managing

a crisis often involves sacrificing individual freedoms and liberties for the collective good of society, which creates tensions and resentment towards authorities [Roberts, 2023]. Another period of politicized social tension arises when proposals are made to withdraw special societal measures implemented to combat the health crisis. Although humanity has endured and dealt with crises, the informational and cognitive relationships used to mitigate and manage their effects are evolving. “In many Western societies today, we are living in an environment of unprecedented risk aversion and perceived lack of trust. This is strange, because for much of human history we have relied on gut instinct in the face of uncertainty and fared pretty well” [Register, Larkin, 2005, p. 3]. The way various stakeholders perceive and interpret a crisis, its significance, management, and effects are evolving towards a more risk and hazard-sensitive regime. There are multiple simultaneous aspects to consider – political, ethical, and operational.

An extraordinary situation provokes political actors to issue rhetorical calls and attempts to mobilize stakeholders to manage and resolve the situation, but various dilemmas and choices must be navigated. When a crisis is declared, “people at different hierarchical levels in a public bureaucracy experience ethical rationales differently,” and “crises that occur primarily on the international (as opposed to a domestic) arena have dynamics that present unique ethical challenges for crisis decision makers” [Ethics and Crisis Management..., 2011, p. 237]. These challenges also apply to the political and operational aspects of crisis management. This has led to the identification and evaluation of critical tasks for crisis management leaders. Boin et al. identified five critical tasks for leadership in a crisis: sensemaking, decision making, meaning making, terminating, and learning to improve public management’s capability and capacity in

dealing with crises [The Politics of Crisis Management..., 2005].

The theoretical and conceptual musings of researchers and academics about ideal approaches sometimes ignore the less-than-ideal realities of politics and crisis management practice in the real world. Brändström noted that “actors, arenas, and forums and their interrelationships are key in managing accountability and pressure in the post-crisis phase” [Brändström, 2016, p. 130]. However, a crisis can also be exploited, defined as “the purposeful utilization by actors of the institutional ‘dislocation’ generated by crisis, to significantly affect political processes of sense making, judgment, and choice” [Governing After Crisis..., 2008, p. 287]. Perceptions and reactions to the physical realm occur due to judgments and evaluations in the cognitive realm, influenced by the information realm. The quality and quantity of information and knowledge flows shape meanings and understandings. Therefore, the communication of crises is critical in affecting stakeholder understandings, assessments, and reactions to crisis events.

Perspectives on Crisis Communication

An actual or potential crisis necessitates a decision, which must then be almost simultaneously implemented and communicated [Ogrizek, Guillery, 1999, p. xvi]. When a crisis strikes, whether suddenly or as a creeping crisis, it requires an immediate response. Otherwise, there is the potential perception of the (non)communicator being evasive or concealing information. Moreover, remaining silent creates an information vacuum that can be filled by others willing to communicate [Brataas, 2018, p. 77]. This has occurred on numerous occasions, such as during the sinking of the Kursk in August 2000 [Simons, 2012]. It should be acknowledged that this occurs during periods of great

uncertainty and initial lack of reliable information.

Ogrizek and Guillery note that crisis management and crisis communication are closely interwoven [Ogrizek, Guillery, 1999, p. xi]. Scanlon observed that every physical crisis event also involves an information crisis, and an actor's ability to manage and control the information crisis affects the control of the physical crisis, including its operational aspects [Communications in Canadian..., 1975]. Register and Larkin highlight the need for active dialogical public consultation in risk issue management, as unsuccessful consultation can lead to polarization or further division of public opinion [Register, Larkin, 2005, p. 37]. There is a need to form a consensus on roles and relationships in society. Ki and Brown point out that the presence of a crisis alone tends to negatively affect relationship quality and that publics tend not to be influenced by crisis response strategies [Ki, Brown, 2013].

An element of real and imagined risk and hazard accompanies a physical crisis, which needs to be addressed through skillful communication. There is a difficult balance between communicating science during a crisis and addressing emotions. Thus, there is a challenge to align 'science' attitudes with 'emotional' attitudes among key stakeholder audiences [Ruff, Aziz, 2003, p. 44], which demands clear, concise, believable, honest, and timely messages. Brändström notes that "successful strategies and narratives about all crisis events need to address three significant aspects – causality, agency, and responsibility – to hold up to scrutiny" [Brändström, 2016, p. 122]. These narratives need to be developed simultaneously and are not sequentially dependent. Narratives and communicational approaches are informed and influenced not only by the present but also by the past.

Coombs demonstrated that previous crisis experiences impact current thinking

and approaches to crisis communications [Coombs, 2004]. In particular, the results of Coombs' study revealed the significant effect of crisis history on organizational reputation in crises involving victims and accidents. Crises that fit into this category include those involving public health and contagion, influencing subsequent health and public safety events.

In the early 21st century, risk communication theory historically focused on crisis situations involving technological and/or environmental problems. Since the 1990s, emerging infectious diseases have posed renewed significance to the public health sector, creating calls for research on this threat [Holmes, 2008, p. 349]. The aim behind the call for research into crisis communication is to explore avenues to develop the capability and capacity to engage and communicate in risk communication. This call aligns with other observations, such as Abraham, who noted that the 2009 influenza pandemic highlighted the deficiencies in existing risk and outbreak communication guidelines [Abraham, 2011]. The situation can create cascading problems as consequences of an infectious disease outbreak.

Select Cases of Pandemics Throughout the History

Pandemics and epidemics, by their very nature and potential, constitute a crisis. They pose a threat to values, are unpredictable, and exhibit an element of time constraint. Certain value dilemmas become apparent and often occur in a binary fashion, such as the value of human life versus economic security and growth [SARS..., 2012; Simons, 2020a]. These value priorities are shaped by the politics of crisis management, where political decisions prioritize one value over another as an opportunity cost, rather than making a spectral call based on a ratio of choices. This prioritization is based on the prevail-

ling orthodoxy of knowledge and practice at the time, which is often more about subjective perception and politics than scientifically sound policy [Simons, 2020a]. Consequently, the orthodoxy of knowledge and policy addressing the effects of pandemics can exacerbate problems, including unresolved past crises, rather than mitigating and recovering from their effects [Simons, 2021]. This can result in unknown and unpredictable outcomes in international affairs as actors vie to exploit perceived opportunities or defend against perceived threats [Simons, 2020b]. A recent study [Doran, Colvin, McLaughlin, 2023]: 1) identified two significant points from a literature review on pandemics in human history: 1) pandemics are often studied in isolation from each other, and 2) the Spanish flu is the most frequently studied pandemic, indicating a need to diversify the cases studied. There are various ways of perceiving and representing epidemics and pandemics and their relationship and impact on human civilization.

One approach is to analyze the impact and relationship of epidemics and pandemics on human civilization from a broad historical perspective to make sense of current events. This involves categorizing past events and interpreting ‘meaningful’ knowledge and lessons to apply to the present. Some researchers have examined specific cases from the Bronze Age to the Early Modern Age to deduce lessons for the present COVID-19 pandemic [Epidemics and Pandemics..., 2020]. Their research concluded several observations, such as migrations and invasions spreading diseases, civilizations with well-developed trade routes being significantly affected, pandemics leading to a decline in social structures, periods of war contributing to pandemic outbreaks, the historical use of isolation and travel bans (similar to contemporary ‘lock-

downs’), and the nationalistic blame game regarding the origins and impacts of diseases. However, this approach ignores biological differences between diseases, levels of global interconnectedness, and technological advancements in society compared to historical examples.

Many academic and popular publications within the genre of visualizing and evaluating epidemic and pandemic effects on society from a historical perspective offer various angles to derive lessons from the past and meaning for the present. One approach is to review selected periods in human history influenced by pandemics to understand past lessons and assess progress in managing or mitigating current and future outbreaks [Morse, 2007; Palaeomicrobiology..., 2008; A Review: Epidemics..., 2020; Pandemics of the Past..., 2020; Piret, Boivin, 2021]. Historical reflections indicate that predicting the next outbreak is difficult. “Therefore, pandemic preparedness plans emphasize that non-pharmaceutical interventions should be implemented first to control human-to-human transmission of the pathogen. Ideally, these interventions should adequately control the spread of infection while minimizing societal and economic disruption” [Piret, Boivin, 2021, p. 11].

Other publications attempt to visualize comparisons in death tolls inflicted by epidemics and pandemics across human history, using big data and visuals to support the presentation of information. For example, the Black Death (Bubonic Plague) in the 14th century had the highest estimated death toll, with some 200 million deaths (representing 30–50% of Europe’s population) and taking approximately 200 years for the population to recover. This experience led to the practice of quarantine to prevent the spread of the disease [Glatter, Finkelman, 2021]¹.

1 See also: LePan N. (2020). Visualising the History of Pandemics. *Visual Capitalist*. March 14. Available at: <https://www.visualcapitalist.com/history-of-pandemics-deadliest/>, accessed 24.02.2021.

The issue of assigning blame (scapegoating) to other groups is another feature of historical and contemporary pandemics. “During the Black Death, minority groups (Jews) were persecuted for supposedly spreading the disease. Similarly, Asians and other minorities have been blamed for spreading COVID-19, as one group marginalizes another amid a sea of anxiety, fear, and irrational hatred” [*Glatter, Finkelman*, 2021, p. 180].

Another category of historical reflection focuses on selected epidemics and pandemics from recent history, comparing death tolls from the late 19th century to the present day². Additionally, some publications emphasize the magnitude of the effects of the worst-case pandemics, promoting a sense of dread and fear that connects the past to the present but offering no operationalizable lessons³. Saunders-Hastings and Krewski note that the impact of pandemics has been greatly reduced due to advances in pharmaceutical interventions and surveillance, yet much about pandemics remains poorly understood, including their predictability [*Saunders-Hastings, Krewski*, 2016, p. 14]. Consequently, efforts are continually made to address these uncertainties and risks.

There are also attempts to selectively rank the risk and hazard of historical epidemic and pandemic events alongside current ones. For example, various efforts are made to rank the current Coronavirus pandemic in comparison to historical cases, emphasizing that the current human death and disruption due to disease are not unique in human history. This exercise aims to create patterns and lessons from the past that could potentially apply to the present. Additionally, human social

and economic developments can facilitate the outbreak of epidemic and pandemic events [Pandemic COVID-19..., 2020]⁴. The creation of such ranked lists involves a great deal of subjectivity, imprecision, uncertainty, and guesswork, depending on the aspects the authors wish to emphasize and any potential agenda (political, economic, or social). There are also attempts to contextualize the impact of historical epidemic and pandemic events on human society.

Some researchers and writers focus on a single epidemic or pandemic event in human history, examining its significance and impact on historical society and gleaning possible lessons for the current situation. Dodds examined past pandemics to understand diseases in the present and prepare for future pandemics [*Dodds*, 2019, p. 31–44]. He emphasized the necessity of planning to create resilience, communicating quickly and effectively, acting decisively, and fostering international cooperation for mitigation and prevention. Modern pandemics have demonstrated that they can easily cross international borders and quickly threaten regional stability and the economy (direct and indirect impacts), in addition to the debilitating and sometimes fatal effects on the population, which can have cascading effects on all spheres of human social, political, and economic life [The Pandemic..., 2016–2017]. Pandemics can exacerbate existing inequalities in affected societies (further driven by inappropriate policies), prompting some observers to advocate for a capabilities approach that addresses and resolves inequalities for a more complete recovery process [*Venkatapuram*, 2020]. Other research focuses on specific types of

2 Staff (2020). Pandemics in Recent History. *Knowable Magazine*. July 16. Available at: <https://knowablemagazine.org/article/health-disease/2020/pandemics-recent-history>, accessed 24.02.2021.

3 Editors (2020). Pandemics that Changed History, *History*. December 21. Available at: <https://www.history.com/topics/middle-ages/pandemics-timeline>, accessed 24.02.2021.

4 See also Piper K. (2021). Here's How COVID-19 Ranks Among the Worst Plagues in History. *VOX*. January 11. Available at: <https://www.vox.com/future-perfect/21539483/covid-19-black-death-plagues-in-history>, accessed 24.02.2021.

pathogens that represent iconic pandemic outbreaks in human history.

For example, the study of plague epidemic and pandemic events in history can be approached from various aspects. Gomez and Verdu used network theory to explain and understand the vulnerability of medieval human settlements to the Black Death pandemic [Gomez, Verdu, 2017]. Their findings showed that more centrally located cities with significant transit activity were more vulnerable and severely affected by the plague. This knowledge is used to identify potential epidemic and pandemic hotspots in advance in the present and future. Specifically focused studies can also identify vulnerable groups within country-specific case studies [Kelly, 2020], mapping out vulnerable groups and communities for more effective and targeted contingency planning.

One of the more heavily researched and analyzed historical pandemics is the 1918 Spanish Influenza. Some publications used the 100th anniversary of the Spanish flu outbreak as a reminder of the experience that killed between 50–100 million people worldwide and the possible lessons for predicting, preventing, or controlling influenza epidemics and pandemics, highlighting the need to develop pharmaceutical intervention capabilities [Morens, Taubenberger, 2018]. Similar historical analyses of the Spanish flu experience, not specifically timed for an anniversary, serve as general reflections, remembrances, and ‘wake-up’ calls to mobilize against future influenza epidemics and pandemics [Morens, Fauci, 2007; The 1918 Influenza..., 2010; Flecknoe, Wakefield, Simmons, 2018]. Other research focuses on specific subjects within the area of historical lessons and implications, such as public health measures pioneered during the Spanish flu and their relevance today [Barry, 2004; Bootsma, Ferguson, 2007]. The literature on more recent influenza pandemics is also rapidly expanding.

In 2002, the Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) was the first major global pandemic of the 21st century, demonstrating the devastating effect of a rapidly contagious disease on an interconnected and interdependent world. It served as a warning for the need for global cooperation and collaboration in mitigating its effects, seemingly heralding how subsequent epidemics and pandemics should be approached, such as the bird flu and swine flu [SARS..., 2012]. There are other methods used in creating research knowledge to derive lessons from the past for present and future risks and hazards.

Other researchers focus on identifying, studying, and analyzing specific effects and impacts of epidemics and pandemics from specific academic disciplines. One approach is to use psychiatry to analyze pandemics from the perspective of mental health responses to outbreaks [Huremovic, 2019]. The academic discipline of geography has also been used as a means of analysis. Geography explores “the geographic dimensions of disease pandemics, examining their causes, movement over space, unequal impacts, and emergence of place-specific public health responses” [McLafferty, 2010, p. 143]. Various environmental conditions, such as geography, social and economic status (socio-cultural context), the affected community’s health infrastructure, and other factors, create inequalities in vulnerability and survivability during pandemic events, influencing co-morbidities and mortality rates [Doren, Kelmelis, 2023; Alfani, Bonetti, Fochesato, 2024]. These disciplines create operationalizable knowledge for policymakers and practitioners alike. McLafferty observes that “the landscapes that expose people to pathogens and construct vulnerabilities to disease are continually shaped and reshaped by global economic, social, and environmental processes” [McLafferty, 2010, p. 150] In the context of crisis management politics, opportunities and

threats are created for political actors in power and those seeking power, leading to additional conflict and contestation for political capital and legitimacy. This, in turn, can profoundly impact wider society socially, economically, and politically.

Conclusion

Morens et al. argue that history has shown contemporary mankind the need “to remain alert, flexible, and capable of changing strategy at any moment as the situation itself changes [Pandemic COVID-19..., 2020, p. 7]. To complicate matters, the changing situation requires not only the good management of uncertainty but good communication about uncertainty to a confused public.” Throughout recorded human history, epidemics and pandemics have periodically broken out and affected various societies and civilizations with varying levels of impact. Epidemic and pandemic events meet the criteria to be defined as a crisis – there is an evident threat to values (such as human life), an element of uncertainty (where and when they shall strike and with what intensity), and time constraint (the longer the event continues, the more damage is done and the longer the recovery time will be). All these factors need to be effectively and sensitively communicated (crisis communications), with potentially severe operational and political implications if mismanaged.

According to popular and academic literature, there are three broad sets of effects and impacts caused by historical epidemics and pandemics: the physical realm, the information realm, and the cognitive realm. The significance, perception, and meaning of interpreted or perceived reality are framed using theories and concepts within the purview of crisis management and/or crisis communication. Both academic tools are used to interpret events and processes occurring in the physical

realm, categorizing and ordering the information into meaningful insights about the risks and threats to human society.

The effects in the physical realm include threats to life, the economy, and even entire societies and civilizations. Historically, the disruptions and dislocations inflicted by pathogens have crippled empires and civilizations. For example, the Black Death in Europe crippled the Byzantine Empire, and various European diseases decimated the native peoples of the Americas. The economic impacts can be equally devastating and destructive. Sometimes the physical collapse of old social and political orders gives rise to new ones better adapted to new conditions.

There are also palpable effects in the information realm, where information and knowledge are sought to drive responses to prevent, mitigate, and recover from the epidemic or pandemic event. This pursuit can drive innovation and new thinking to meet the challenge of the risks and hazards. However, the potential losses and gains of actors resulting from the politics of crisis management can add layers of complexity and challenge, as different political, economic, or social actors seek to better position themselves to challenge or defend their positions. This can include signs of nationalism or xenophobic tendencies to deflect or direct blame.

Finally, there is the cognitive realm, where individuals derive their worldview and perceptions of events in the physical realm. One understandable consequence of an epidemic or pandemic is the potential creation of fear or hysteria. Historically, this has contributed to the downfall of societies and civilizations, as laws, norms, and conventions are ignored by crowds with a mob mentality seeking to preserve themselves from real and perceived risks and threats. The breakdown of civil order can exacerbate an already volatile situation caused by the health crisis. During the COVID-19 pandemic, it sometimes

seemed as though the lessons and scientific orthodoxy of knowledge from long-term experience and practice were forgotten for the sake of pushing a preferred politicized policy that offered the façade of mitigating the crisis amid mass fear and uncertainty created by a simultaneous infodemic.

References

- A Review: Epidemics... (2020). Kaur H., Garg S., Joshi H., Ayaz S., Sharma S., Bhandari M. A Review: Epidemics and Pandemics in Human History. *International Journal of Pharma Research and Health Sciences*. Vol. 8, no. 2, pp. 3139–3142. DOI: 10.21276/ijprhs.2020.02.01.
- Abraham T. (2011). Lessons From the Pandemic: The Need for New Tools for Risk and Outbreak Communication. *Emerging Health Threats Journal*. Vol. 4, no. 1. DOI: 10.3402/ehtj.v4i0.7160.
- Alfani G., Bonetti M., Fochesato M. (2024). Pandemics and socio-economic status. Evidence from the plague of 1630 in northern Italy. *Population Studies*. Vol. 78, no. 1, pp. 21–42. DOI: 10.1080/00324728.2023.2197412.
- Arksey H., O'Malley L. (2005). Scoping Studies: Towards a Methodological Framework. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 8, no. 1, pp. 19–32.
- Armitage A., Keeble-Ramsay D. (2009). The rapid structured literature review as a research strategy. *US-China Education Review*. Vol. 6, no. 4, pp. 27–38.
- Barry J.M. (2004). The Site of Origin of the 1918 Influenza Pandemic and its Public Health Implications. *Journal of Translational Medicine*. Vol. 2, no. 3. DOI: 10.1186/1479-5876-2-3.
- Bootsma M.C.J., Ferguson N.M. (2007). The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. Vol. 104, no. 18, pp. 7588–7593. DOI: 10.1073/pnas.0611071104.
- Brataas K. (2018). *Crisis Communication: Case Studies and Lessons Learned From International Disasters*. London: Routledge, 224 pp.
- Brändström A. (2016). *Crisis, Accountability and Blame Management: Strategies and Survival of Political Office Holders*. Stockholm: Swedish Defence University, 161 pp.
- Communications in Canadian... (1975). Singer B.D. (ed.). *Communications in Canadian Society*. 2nd ed. Toronto: Copp Clark, 342 pp.
- Coombs W.T. (2004). Impact of Past Crises on Current Crisis Communication: Insights From Situational Crisis Communication Theory. *Journal of Business Communication*. Vol. 41, no. 3, pp. 265–289.
- Dodds W. (2019). *The World's Worst Problems*. Cham (Switzerland): Springer, 157 pp.
- Doran Á., Colvin C.L., McLaughlin E. (2023). What can we learn from historical pandemics? A systematic review of the literature. *Social Science & Medicine*. Vol. 342, no. 4. DOI: 10.1016/j.socscimed.2023.116534.
- Doren T.P. van, Kelmelis S. (2023). Contextualizing pandemics: Respiratory survivorship before, during, and after the 1918 influenza pandemic in Newfoundland. *American Journal of Biological Anthropology*. Vol. 181, no. 1, pp. 70–84. DOI: 10.1002/ajpa.24678.
- Epidemics and Pandemics... (2020). Habicht M.E., Pate F.D., Varotto E., Galassi F.M. Epidemics and Pandemics in the History of Humankind and How Governments Deal With Them: A Review From the Bronze Age to the Early Modern Age. *Rivista Trimestrale di SCIENZA dell'AMMINISTRAZIONE: Studi di teoria e ricerca sociale*. No. 2. DOI: 10.32049/RTSA.2020.2.03.
- Ethics and Crisis Management... (2011). Svedin L. (ed.). *Ethics and Crisis Management*. Charlotte (NC): Information Age Publishing, 274 pp.

- Flecknoe D., Wakefield B.C., Simons A. (2018). Plagues and Wars: The ‘Spanish Flu’ Pandemic as a Lesson From History. *Medicine, Conflict and Survival*. Vol. 34, no. 2, pp. 61–68. DOI: 10.1080/13623699.2018.1472892.
- Glatter K.A., Finkelman P. (2021). History of the plague: An ancient pandemic for the age of COVID-19. *The American Journal of Medicine*. Vol. 134, no. 2, pp. 176–181. DOI: 10.1016/j.amjmed.2020.08.019.
- Gomez J.M., Verdu M. (2017). Network Theory May Explain the Vulnerability of Medieval Settlements to the Black Death Pandemic. *Scientific Reports*. Vol. 7. DOI: 10.1038/srep43467.
- Gough D. (2007). Weight of Evidence: A Framework for the Appraisal of the Quality and Relevance of Evidence. *Research Papers in Education*. Vol. 22, no. 2, pp. 213–228.
- Governing After Crisis... (2008). Boin A., McConnell A., ‘T Hart P. (eds.). *Governing After Crisis: The Politics of Investigation, Accountability and Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 338 pp.
- Holmes B.J. (2008). Communicating About Emerging Infectious Disease: The Importance of Research. *Health, Risk & Society*. Vol. 10, no. 4, pp. 349–360. DOI: 10.1080/13698570802166431.
- Huremovic D. (2019). Brief History of Pandemics (Pandemics Throughout History). In: Huremovic D. (ed.). *Psychiatry of Pandemics*. Cham (Switzerland): Springer, pp. 7–35.
- Kelly B.D. (2020). Plagues, Pandemics and Epidemics in Irish History Prior to COVID-19 (Coronavirus): What can we Learn? *Irish Journal of Psychological Medicine*. Vol. 37, no. 4, pp. 269–274. DOI: 10.1017/ipm.2020.25.
- Ki E.-J., Brown K.A. (2013). The Effects of Crisis Response Strategies on Relationship Quality Outcomes. *Journal of Business Communication*. Vol. 50, no. 4, pp. 403–420. DOI: 10.1177/0021943613497056.
- McLafferty S. (2010). Placing Pandemics: Geographical Dimensions of Vulnerability and Spread. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 51, no. 2, pp. 143–161.
- Morens D.M., Fauci A.S. (2007). The 1918 Influenza Pandemic: Insights for the 21st Century. *The Journal of Infectious Diseases*. Vol. 195, no. 7, pp. 1018–1028. DOI: 10.1086/511989.
- Morens D.M., Taubenberger J.K. (2018). The Mother of All Pandemics is 100 Years Old (and Going Strong)! *American Journal of Public Health*. Vol. 108, no. 11, pp. 1449–1454. DOI: 10.2105/AJPH.2018.304631.
- Morse S.S. (2007). Pandemic Influenza: Studying the Lessons of History. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. Vol. 104, no. 18, pp. 7313–7314. DOI: 10.1073/pnas.0702659104.
- Mullins S., Spence S.A. (2003). Re-Examining Thought Insertion: Semi-Structured Literature Review and Conceptual Analysis. *British Journal of Psychiatry*. No. 182, pp. 293–298.
- Ogrizek M., Guillery J-M. (1999). *Communicating in Crises: A Theoretical and Practical Guide to Crisis Management*. New York: Aldine De Gruyter, 94 pp.
- Palaeomicrobiology... (2008). Raoult D., Drancourt M. (eds.). *Palaeomicrobiology: Past Human Infections*. Berlin: Springer, 239 pp.
- Pandemic COVID-19... (2020). Morens D.M., Daszak P., Markel H., Taubenberger J.K. Pandemic COVID-19 Joins History’s Pandemic Legion. *mBio, Clinical Science and Epidemiology*. Vol. 11, no. 3, article e00812-20. DOI: 10.1128/mbio.00812-20.
- Pandemics of the Past... (2020). Khan U., Mehta R., Arif M.A., Lakhani O.J. Pandemics of the Past: A Narrative Review. *Journal of Pakistan Medical Association*. Vol. 70, no. 5, pp. 34–37. DOI: 10.5455/JPMA.11.
- Pawar A.V., Spence S.A. (2003). Defining Thought Broadcast: Semi-Structured

Literature Review. *British Journal of Psychiatry*. Vol. 183, October, pp. 287–291. DOI: 10.1192/bjp.183.4.287.

Piret J., Boivin G. (2021). Pandemics Throughout History. *Frontiers in Microbiology*. Vol. 11, January. DOI: 10.3389/fmicb.2020.631736.

Register M., Larkin J. (2005). *Risk Issues and Crisis Management: A Casebook of Best Practice*. 3rd Edition. London: Kogan Page, 236 pp.

Roberts A. (2003). Pandemics and politics. *Survival*. Vol. 62, October–November, pp. 7–40. DOI: 10.1080/00396338.2020.1819641.

Ruff P., Aziz K. (2003). *Managing Communications in a Crisis*. Aldershot: Gower, 192 pp.

SARS ... (2012). Olsson E.-K., Lan X. (eds). *SARS From East to West*. Lanham (MD): Lexington Books, 270 pp.

Saunders-Hastings P.R., Krewski D. (2016). Reviewing the History of Pandemic Influenza: Understanding Patterns of Emergence and Transmission. *Pathogens*. Vol. 5, article no. 66, pp. 1–19. DOI: doi:10.3390/pathogens5040066.

Simons G. (2012). Communicating Tragedy and Values Through the Mass Media During Crises: The Lessons of Submarine Accidents in Russia. In: Porfiriev B., Simons G. (eds.). *Crises in Russia: Contemporary Management Policy and Practice From A Historical Perspective*. Farnham: Ashgate, pp. 39–174.

Simons G. (2020a). Swedish Government and Country Image during the International Media Coverage of the Coronavirus Pandemic Strategy: From Bold to Pariah. *Journalism and Media*. Vol. 1, no. 1, pp. 41–58. DOI: 10.3390/journalmedia1010004.

Simons G. (2020b). The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13, no. 5, pp. 20–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2.

Simons G. (2021). A Critical Review of Popular Science Forecasts of the Economic Effects of COVID-19 Within the Frame of Crisis Management. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32, no. 4, pp. 351–356. DOI: 10.1134/S1075700721040146.

Snyder H. (2019). Literature Review as a Research Methodology: An Overview and Guidelines. *Journal of Business Research*. Vol. 104, November, pp. 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039.

Stern E.K. (2003). *Crisis Decisionmaking: A Cognitive-Institutional Approach*. Stockholm: Swedish National Defence College, 301 pp.

Systematic Review Methodology... (2012). Bearman M., Smith C.D., Carbone A., Slade S., Baik C., Hughes-Warrington M., Neumann D.L. Systematic Review Methodology in Higher Education. *Higher Education Research & Development*. Vol. 31, no. 5, pp. 625–640. DOI: 10.1080/07294360.2012.702735.

The 1918 Influenza... (2010). Morens D.M., Taubenberger J.K., Harvey H.A., Memoli M.J. The 1918 Influenza Pandemic: Lessons for 2009 and the Future. *Critical Care Medicine*. Vol. 38, suppl. no. 4, pp. 10–20. DOI: 10.1097/CCM.0b013e3181ceb25b.

The Pandemic... (2016–2017). Qiu W., Rutherford S., Mao A., Chu C. The Pandemic and its Impacts. *Health, Culture and Society*. Vol. 9–10, pp. 3–11. DOI: 10.5195/hcs.2017.221.

The Politics of Crisis Management... (2005). Boin A., 'T Hart P., Stern E., Sundelius B. *The Politics of Crisis Management: Public Leadership Under Pressure*. Cambridge: Cambridge University Press, 182 pp.

Venkatapuram S. (2020). Human Capabilities and Pandemics. *Journal of Human Development and Capabilities*. Vol. 21, no. 3, pp. 280–286. DOI: 10.1080/19452829.2020.1786028.

Страницы прошлого

УДК 930.85

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.11

Роль и воздействие пандемий в истории человечества: уроки и последствия

Грег САЙМОНС

кандидат наук (PhD), доцент

Международный университет Даффодил

Даффодил-смарт-сити, Бирулиа, Савар, г. Дакка, Народная Республика Бангладеш, 1216

E-mail: gregmons@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6111-5325

ЦИТИРОВАНИЕ: Саймонс Г. Роль и воздействие пандемий в истории человечества: уроки и последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 199–214. Англ. яз.
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.11

Статья поступила в редакцию 12.09.2024.

Исправленный текст представлен 08.10.2024.

АННОТАЦИЯ. В мировой истории неоднократно кризисы в области здравоохранения в результате пандемий разрушали политический, социальный и экономический порядок в организованных человеческих сообществах. Из этих исторических событий постоянно извлекаются уроки для лучшего понимания будущих пандемий, подготовки к ним и смягчения их последствий. Эта обзорная статья, в которой рассматриваются перспективы антикризисного управления и антикризисной коммуникации, направлена на практическое применение исторического опыта человечества в сфере разработки соответствующей политики. Используя как академическую, так и популярную литературу о прошлых пандемиях, автор статьи пытается применить эти идеи к пандемии COVID-19 в тот период, когда кризис еще только разворачивался. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее

важные уроки, извлеченные из прошлых кризисов в области здравоохранения, часто не усваиваются должным образом и не применяются на практике, возможно, из-за политического давления, возникающего во время таких кризисов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризисное управление, пандемия, восприятие, ортодоксальность знаний, COVID-19.

Список литературы

A Review: Epidemics and Pandemics in Human History / Kaur H., Garg S., Joshi H., Ayaz S., Sharma S., Bhandari M. // International Journal of Pharma Research and Health Sciences. – 2020. – Vol. 8, N 2. – P. 3139–3142. – DOI: 10.21276/ijprhs.2020.02.01.

Abraham T. Lessons From the Pandemic: The Need for New Tools for Risk and Outbreak Communication // Emer-

- ging Health Threats Journal. – 2011. – Vol. 4, N 1. – DOI: 10.3402/ehj.v4i0.7160.
- Alfani G., Bonetti M., Fochesato M. Pandemics and socio-economic status. Evidence from the plague of 1630 in northern Italy // *Population Studies*. – 2024. – Vol. 78, N 1. – P. 21–42. – DOI: 10.1080/00324728.2023.2197412.
- Arksey H., O'Malley L. Scoping Studies: Towards a Methodological Framework // *International Journal of Social Research Methodology*. – 2005. – Vol. 8, N 1. – P. 19–32.
- Armitage A., Keeble-Ramsay D. The rapid structured literature review as a research strategy // *US-China Education Review*. – 2009. – Vol. 6, N 4. – P. 27–38.
- Barry J.M. The Site of Origin of the 1918 Influenza Pandemic and its Public Health Implications // *Journal of Translational Medicine*. – 2004. – Vol. 2, N 3. – DOI: 10.1186/1479-5876-2-3.
- Bootsma M.C.J., Ferguson N.M. The Effect of Public Health Measures on the 1918 Influenza Pandemic in U.S. Cities // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. – 2007. – Vol. 104, N 18. – P. 7588–7593. – DOI: 10.1073/pnas.0611071104.
- Brataas K. Crisis Communication: Case Studies and Lessons Learned From International Disasters. – London : Routledge, 2018. – 224 p.
- Brändström A. Crisis, Accountability and Blame Management: Strategies and Survival of Political Office Holders. – Stockholm : Swedish Defence University, 2016. – 161 p.
- Communications in Canadian Society / Ed. by B.D. Singer. – 2nd ed. – Toronto : Copp Clark, 1975. – 342 p.
- Coombs W.T. Impact of Past Crises on Current Crisis Communication: Insights From Situational Crisis Communication Theory // *Journal of Business Communication*. – 2024. – Vol. 41, N 3. – P. 265–289.
- Dodds W. The World's Worst Problems. – Cham (Switzerland) : Springer, 2019. – 157 p.
- Doran Á., Colvin C.L., McLaughlin E. What can we learn from historical pandemics? A systematic review of the literature // *Social Science & Medicine*. – 2023. – Vol. 342, N 4. – DOI: 10.1016/j.socsci-med.2023.116534.
- Doren T.P. van, Kelmelis S. Contextualizing pandemics: Respiratory survivorship before, during, and after the 1918 influenza pandemic in Newfoundland // *American Journal of Biological Anthropology*. – 2023. – Vol. 181, N 1. – P. 70–84. – DOI: 10.1002/ajpa.24678.
- Epidemics and Pandemics in the History of Humankind and How Governments Deal With Them: A Review From the Bronze Age to the Early Modern Age / Habicht M.E., Pate F.D., Varotto E., Galassi F.M. // *Rivista Trimestrale di SCIENZA dell'AMMINISTRAZIONE: Studi di teoria e ricerca sociale*. – 2020. – N 2. – DOI: 10.32049/RTSA.2020.2.03.
- Ethics and Crisis Management / Ed. by L. Svedin. – Charlotte (NC) : Information Age Publishing, 2011. – 274 p.
- Flecknoe D., Wakefield B.C., Simmons A. Plagues and Wars: The 'Spanish Flu' Pandemic as a Lesson From History // *Medicine, Conflict and Survival*. – 2018. – Vol. 34, N 2. – P. 61–68. – DOI: 10.1080/13623699.2018.1472892.
- Glatter K.A., Finkelman P. History of the plague: An ancient pandemic for the age of COVID-19 // *The American Journal of Medicine*. – 2021. – Vol. 134, N 2. – P. 176–181. – DOI: 10.1016/j.amjmed.2020.08.019.
- Gomez J.M., Verdu M. Network Theory May Explain the Vulnerability of Medieval Settlements to the Black Death Pandemic // *Scientific Reports*. – 2017. – Vol. 7. – DOI: 10.1038/srep43467.
- Gough D. Weight of Evidence: A Framework for the Appraisal of the Quality and Relevance of Evidence // *Research Papers in Education*. – 2007. – Vol. 22, N 2. – P. 213–228.

Governing After Crisis: The Politics of Investigation, Accountability and Learning / Ed. by A. Boin, A. McConnell, P. 'T Hart. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 338 p.

Holmes B.J. Communicating About Emerging Infectious Disease: The Importance of Research // Health, Risk & Society. – 2008. – Vol. 10, N 4. – P. 349–360. – DOI: 10.1080/13698570802166431.

Huremovic D. Brief History of Pandemics (Pandemics Throughout History) // Psychiatry of Pandemics / Ed. by D. Huremovic. – Cham (Switzerland) : Springer, 2019. – P. 7–35.

Kelly B.D. Plagues, Pandemics and Epidemics in Irish History Prior to COVID-19 (Coronavirus): What can we Learn? // Irish Journal of Psychological Medicine. – 2020. – Vol. 37, N 4. – P. 269–274. – DOI: 10.1017/ipm.2020.25.

Ki E.-J., Brown K.A. The Effects of Crisis Response Strategies on Relationship Quality Outcomes // Journal of Business Communication. – 2013. – Vol. 50, N 4. – P. 403–420. – DOI: 10.1177/0021943613497056.

McLafferty S. Placing Pandemics: Geographical Dimensions of Vulnerability and Spread // Eurasian Geography and Economics. – 2010. – Vol. 51, N 2. – P. 143–161.

Morens D.M., Fauci A.S. The 1918 Influenza Pandemic: Insights for the 21st Century // *The Journal of Infectious Diseases*. – 2007. – Vol. 195, N 7. – P. 1018–1028. – DOI: 10.1086/511989.

Morens D.M., Taubenberger J.K. The Mother of All Pandemics is 100 Years Old (and Going Strong)! // American Journal of Public Health. – 2018. – Vol. 108, N 11. – P. 1449–1454. – DOI: 10.2105/AJPH.2018.304631.

Morse S.S. Pandemic Influenza: Studying the Lessons of History // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. – 2007. – Vol. 104, N 18. – P. 7313–7314. – DOI: 10.1073/pnas.0702659104.

Mullins S., Spence S.A. Re-Examining Thought Insertion: Semi-Structured Literature Review and Conceptual Analysis // British Journal of Psychiatry. – 2003. – N 182. – P. 293–298.

Ogrizek M., Guillery J.-M. Communicating in Crises: A Theoretical and Practical Guide to Crisis Management. – New York : Aldine De Gruyter, 1999. – 94 p.

Palaeomicrobiology: Past Human Infections / Ed. by D. Raoult, M. Drancourt. – Berlin : Springer, 2008. – 239 p.

Pandemic COVID-19 Joins History's Pandemic Legion / Morens D.M., Daszak P., Markel H., Taubenberger J.K. // mBio, Clinical Science and Epidemiology. – 2020. – Vol. 11, N 3. – Article e00812-20. – DOI: 10.1128/mbio.00812-20.

Pandemics of the Past: A Narrative Review / Khan U., Mehta R., Arif M.A., Lakhani O.J. // Journal of Pakistan Medical Association. – 2020. – Vol. 70, N 5. – P. 34–37. – DOI: 10.5455/JPMA.11.

Pawar A.V., Spence S.A. Defining Thought Broadcast: Semi-Structured Literature Review // British Journal of Psychiatry. – 2003. – Vol. 183, October. – P. 287–291. – DOI: 10.1192/bjp.183.4.287.

Piret J., Boivin G. Pandemics Throughout History // Frontiers in Microbiology. – 2021. – Vol. 11, January. – DOI: 10.3389/fmicb.2020.631736.

Register M., Larkin J. Risk Issues and Crisis Management: A Casebook of Best Practice. – 3rd Edition. – London : Kogan Page, 2005. – 236 p.

Roberts A. Pandemics and politics // Survival. – 2003. – Vol. 62, October–November. – P. 7–40. – DOI: 10.1080/00396338.2020.1819641.

Ruff P., Aziz K. Managing Communications in a Crisis. – Aldershot : Gower, 2003. – 192 p.

SARS From East to West / Ed. by E.-K. Olsson, X. Lan. – Lanham (MD) : Lexington Books, 270 p.

Saunders-Hastings P.R., Krewski D. Reviewing the History of Pandemic In-

fluenza: Understanding Patterns of Emergence and Transmission // *Pathogens*. – 2016. – Vol. 5. – Article 66. – P. 1–19. – DOI: doi:10.3390/pathogens5040066.

Simons G. A Critical Review of Popular Science Forecasts of the Economic Effects of COVID-19 Within the Frame of Crisis Management // *Studies on Russian Economic Development*. – 2021. – Vol. 32, N 4. – P. 351–356. – DOI: 10.1134/S1075700721040146.

Simons G. Communicating Tragedy and Values Through the Mass Media During Crises: The Lessons of Submarine Accidents in Russia // *Crises in Russia: Contemporary Management Policy and Practice From A Historical Perspective* / Ed. by B. Porfiriev, G. Simons. – Farnham : Ashgate, 2012. – P. 139–174.

Simons G. Swedish Government and Country Image during the International Media Coverage of the Coronavirus Pandemic Strategy: From Bold to Pariah // *Journalism and Media*. – 2020a. – Vol. 1, N 1. – P. 41–58. – DOI: 10.3390/journal-media1010004.

Simons G. The Corona Virus Pandemic and Global Transformations: Making or Breaking International Orders? // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. – 2020b. – Vol. 13, N 5. – P. 20–37. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-2.

Snyder H. Literature Review as a Research Methodology: An Overview and

Guidelines // *Journal of Business Research*. – 2019. – Vol. 104, November. – P. 333–339. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039.

Stern E.K. Crisis Decisionmaking: A Cognitive-Institutional Approach. – Stockholm : Swedish National Defence College, 2003. – 301 p.

Systematic Review Methodology in Higher Education / Bearman M., Smith C.D., Carbone A., Slade S., Baik C., Hughes-Warrington M., Neumann D.L. // *Higher Education Research & Development*. – 2012. – Vol. 31, N 5. – P. 625–640. – DOI: 10.1080/07294360.2012.702735.

The 1918 Influenza Pandemic: Lessons for 2009 and the Future / Morens D.M., Taubenberger J.K., Harvey H.A., Memoli M.J. // *Critical Care Medicine*. – 2010. – Vol. 38, suppl. N 4. – P. 10–20. – DOI: 10.1097/CCM.0b013e3181ceb25b.

The Pandemic and its Impacts / Qiu W., Rutherford S., Mao A., Chu C. // *Health, Culture and Society*. – 2016–2017. – Vol. 9–10. – P. 3–11. – DOI: 10.5195/hcs.2017.221.

The Politics of Crisis Management: Public Leadership Under Pressure / Boin A., ‘T Hart P., Stern E., Sundelius B. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 182 p.

Venkatapuram S. Human Capabilities and Pandemics // *Journal of Human Development and Capabilities*. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 280–286. – DOI: 10.1080/19452829.2020.1786028.

УДК 351.751

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Спецхран как атрибут советской системы

Ольга Владимировна БОЛЬШАКОВАдоктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра российеведения
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: jkmuf16@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9032-3115

ЦИТИРОВАНИЕ: Большакова О.В. Спецхран как атрибут советской системы // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 215–228.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Статья поступила в редакцию 05.09.2024.

Исправленный текст представлен 24.10.2024.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается история советского спецхрана как института, воплотившего в себе системные черты советской цивилизации: закрытость, секретность, идеологический контроль, бюрократизацию. Прослеживается эволюция этого института, представлявшего собой элемент разветвленной системы цензуры и инструмент ограниченного распределения информации. Становление советского института спецхрана началось сразу после революции 1917 г., к концу 1930-х годов он сформировался окончательно. Конец эпохи сталинизма ознаменовал начало нового периода, который характеризовался дальнейшим упорядочиванием спецхрана как учреждения, отказом от практики массовых чисток библиотек и постепенным расширением доступности фондов. В статье показаны конкретика отбора литературы в спецхраны и условия получения допуска к ним читателями. Исчезновение идеологического контроля

коммунистической партии и отмена цензуры привели к ликвидации этого института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская цивилизация, цензура, Главлит, библиотеки СССР, спецхран, секретность, гриф «Для служебного пользования» (ДСП).

Введение

В своей фундаментальной книге «Советский век. Археология утраченного мира», изданной в 2017 г. на немецком языке и переведенной на английский в 2023 г., Карл Шлёгелъ представил описание советской цивилизации как «текста прошедшей эпохи». В перечень выбранных для рассмотрения характерных ее примет наряду с такими знаковыми, как коммуналки и общежития, очереди и дефицит, Парк Горького и ГУЛАГ, московские кухни и многое другое, включен и спецхран, которому посвящена отдельная глава («Спецхран: ка-

талог запрещенных книг»¹. У немецкого историка, подчеркивающего свою позицию стороннего, но доброжелательного наблюдателя, само наличие спецхрана как элемента всеобъемлющей системы цензуры вызывает возмущение: «Где еще целые дисциплины – например, теология – были исключены из каталогов? Как можно было просто исключить из [общедоступных] фондов значимых представителей интеллектуальной традиции? Где еще существовал запрет на цитирование прочитанных книг? Где еще важные академические издания и антологии изымались из общего обращения просто потому, что они содержали сноску или упоминание о ком-то, кто впал в немилость в период репрессий?». «Фактически, – добавляет он, – это [была] организованная государством и исторически беспрецедентная чистка библиотечных фондов целой нации» [Schlögel, 2023, p. 458].

Не вдаваясь в обсуждение проблемы уникальности советского спецхрана, попытаемся разобраться, что собой представлял этот институт, который, в сущности, являлся инструментом ограничения доступа к информации в закрытом обществе. История становления и созревания спецхрана позволяет проследить историю так называемой советской цивилизации, существование которой по историческим меркам было весьма недолгим и формально закончилось с распадом СССР. К. Шлэгель датирует ее рождение 1917 г., Стивен Коткин в своей знаменитой «Магнитке» относит возникновение «социалистической цивилизации» (как социалистического варианта модерности) к 1930-м годам, когда люди массово приняли проект построения нового об-

щества, научились «говорить по-большевистски», жить и работать «по-новому», что делает временной отрезок еще короче [Kotkin, 1997]. С другой стороны, даже крупнейший исторический перелом, в результате которого исчезло государство под названием Советский Союз, не может уничтожить цивилизацию окончательно. К. Шлэгель отмечает, что последовавшие десятилетия «вывели на поверхность влияния более глубоких структур» [Schlögel, 2023, p. xviii], и это служит весомым аргументом в пользу применения цивилизационного подхода.

Конечно, получивший второе дыхание после окончания холодной войны цивилизационный подход, консервативный по своей сути, далеко ушел от концепций О. Шпенглера и А. Тойнби. Историкам ближе идеи Ф. Броделя с его *histoire totale*, а также современный акцент на культуре, которая также носит всеохватный характер. Вот и в книге К. Шлэгеля «советская цивилизация», сформировавшая несколько поколений граждан, подается как образ жизни, который надолго пережил систему, и даже как «форма жизни» «со своей историей, зрелостью, упадком и разрушением» [Schlögel, 2023, p. 2–3].

Как знаковый атрибут советской цивилизации спецхран изменялся вместе с ней, пережив фазы становления, зрелости и упадка, и был официально ликвидирован приказом № 100 Главлита от 9 июля 1990 г. Открытие библиотечных спецфондов и последовавшая затем «архивная революция» вызвали большой общественный резонанс и воспринимались тогда как символический разрыв с советским прошлым, олицетворением которого стал спецхран.

1 СПЕЦХРАН (отдел спец. хранения, спецфонд) – специальное отделение библиотеки, предназначенное для хранения изданий, запрещенных для широкого распространения, пользование которыми допускается на основании специально оформленного разрешения [Библиотечная энциклопедия, 2007, с. 982].

Советский спецхран как институт

Характеризуя советский спецхран как институт, необходимо выявить некоторые его системные черты. При первом же взгляде заметна такая его характеристика, как *закрытость*, которую можно назвать «цивилизационной особенностью» советского общества в целом. Второе, что бросается в глаза, – *секретность*, которая также была в высшей степени характерной чертой советской жизни и, как отмечают исследователи, лежала в основе управления советским государством. Ее истоки относят к совокупности обстоятельств: приход к власти партии большевиков, долгое время находившейся на нелегальном положении и действовавшей в условиях строжайшей конспирации, реалии Гражданской войны, после окончания которой, однако, сохранялась и внешняя, и внутренняя угроза [Куренков, 2015]. Секретность определялась необходимостью охраны военной и государственной тайны, а также приравненной к ним партийной тайны, которая охранялась едва ли не строже. Как отмечает Г.А. Куренков, к началу Второй мировой войны «усложнение задач, решаемых государством, и буквально борьба за существование объективно приводят СССР к разделению тайн на внешние и внутренние, которые защищают и от иностранных разведок, и от собственных граждан» [Куренков, 2018, с. 52]. Деятельность окруженного ореолом секретности спецхрана была направлена как раз на внутреннюю аудиторию, которую ограждали от получения «политически вредной» и потенциально опасной для партии и государства информации, при этом допуская к ней «надежных» граждан. Таким образом, функция спецхрана как фильтра состояла в осуществлении *идеологического контроля* публичной

сферы, что являлось важнейшей, системообразующей характеристикой советской цивилизации.

Будучи инструментом выборочного распределения информации, в институциональном отношении спецхран представлял собой часть разветвленной системы цензуры и подчинялся Главлиту. Как эмоционально писал известный специалист по истории дореволюционной и советской цензуры А. Блюм, «6 июня 1922 г. – одна из самых страшных, роковых дат в истории страны: именно в этот день вышел декрет Совнаркома о создании Главного управления по делам литературы и издательств («Главлит»). Забыв о своих обещаниях на заре революции, большевистское правительство восстановило в полном объеме институт тотальной предварительной цензуры, одной из самых жесточайших, которые когда-либо знал мир» [Блюм, 1994, с. 82]. Таким образом, подчеркивается не просто преемственность между дореволюционным и советским периодом, а указывается на возвращение к дореформенным временам, к николаевскому царствованию, когда цензура была предварительной и регулировалась «чугунным уставом» 1826 г.

В принципе любая цензура озабочена охраной тайн, соблюдением «приличий» и защитой государства от нанесения ущерба его репутации. Однако советское государство было особенно чувствительным к этим вопросам, и гражданская цензура в СССР по определению являлась политической, защищая интересы правящей партии и насаждая официальную коммунистическую идеологию. Масштабы деятельности цензурных органов были таковы, что историки до сих пор не охватили все ее аспекты.

Причина, в частности, заключается и в особенностях работы аппарата цензурирования (подразделения Главлита

официально находились при исполкомах республик, округов, городов и районов, однако фактически подчинялись партийным органам и были тесно связаны с органами госбезопасности), и в строгой засекреченности, включая практику регулярного уничтожения документации. *Бюрократизация* управленческой системы – еще один признак советской цивилизации – в полной мере воплотилась в деятельности главного цензурного ведомства и библиотек, которыми оно руководило².

На данном этапе изучения советского спецхрана приходится опираться главным образом на литературу, значительную часть которой составляет публицистика рубежа 1980–1990-х годов. Научных исследований спецхрана немного, написаны они в основном библиотекарями в контексте истории своих учреждений, в то время как обобщающей работы пока не появилось. Трудность воссоздания истории спецхрана по опубликованным источникам заключается в мозаичности современной историографии, рассматривающей лишь какие-то отдельные сюжеты, в приблизительности и часто неточности (либо несопоставимости) приводимых данных. Опору можно найти прежде всего в работах М.В. Зеленова, написанных по архивным материалам и посвященных разным аспектам истории советской цензуры и спецхрану в частности [Зеленов, 2000; Зеленов, 2012 и др.]. Кроме того, используются материалы проекта «Живая история», реализуемого на базе ИНИОН РАН.

Поскольку история спецхрана тесно связана с историей политической цензуры, соответственно, выстраивается и периодизация с опорой на работы

известного специалиста в этой области Т.М. Горяевой. Спецхран прошел через этапы во многом хаотического формирования в 1920-е годы и окончательного упорядочивания во второй половине 1930-х годов, вступил в фазу модернизации после смерти Сталина, которая завершилась периодом «стагнации и кризиса власти и идеологии в 1969–1991 гг.» [Горяева, 2002]. Совершенно особый период – конец советского спецхрана, сопровождавшийся многочисленными публикациями (в том числе в «большой прессе»), в которых были даны первоначальные оценки этого феномена. Для обзорного освещения исторической эволюции спецхрана имеет смысл разбить ее на два крупных этапа и взять в качестве разделительной вехи конец эпохи сталинизма.

Библиотечные спецхраны в 1917–1955 гг.

«Секретные» или «заповедные» отделения имелись в старейших библиотеках Российской империи, по всей видимости, с самого их основания. Так, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (ГПБ, ныне – РНБ) при открытии ее в 1814 г. для них было выделено две комнаты, куда, по примеру Ватиканской библиотеки, было решено поместить книги, которые «по силе законов для цензуры» <...> «должны скрыты быть от большей части публики, но которые могут находиться в имп. Публичной библиотеке, во-первых потому, что она есть вместилище книг всякого рода, а во-вторых, что и запрещенные книги иногда нужны бывают для справок самому прави-

2 Каждые 8–10 лет в СССР издавался «Перечень сведений, составляющих государственную тайну», на основании которых Главлит выпускал свои «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» (в 1957 г. он включал в себя 12 разделов, или 250 пунктов), а также на постоянной основе составлял списки произведений, запрещенных к печати и распространению [Зеленов, 2012, с. 154–155].

тельству» [Цит. по: Варламова, Лукашунас, 2019, с. 267–268].

После октября 1917 г. судьба этого собрания в корне изменилась: оно превратилось в ценнейшую коллекцию русской революционной литературы. Первые годы политика советской власти по отношению к библиотекам характеризуется парадоксальностью: с одной стороны, открывались национализированные частные библиотеки и царские архивы, с другой – новые книги и материалы отправлялись на спецхранение.

Секретные фонды библиотек стали довольно быстро разрастаться, поскольку советская власть с первых дней своего существования была глубоко озабочена борьбой с контрреволюционной агитацией (Декрет о печати был принят СНК 27 октября 1917 г.). По словам М.В. Зеленова, Гражданская война в огромной мере способствовала распространению режима секретности, и первые отделы специального хранения появлялись благодаря инициативе «снизу» в местных библиотеках, архивах и ведомствах. В этой ситуации и рождался спецхран как особая организация [Зеленов, 2000, с. 129]. Большую часть секретных изданий составляла литература на русском языке, выпущенная за пределами Советской России (белогвардейская, эмигрантская).

В ходе процесса централизации издательского дела, архивов и библиотек усиливается контроль за распространением печатной продукции, выходят все новые нормативные акты, определяющие порядок хранения и пользования секретными материалами, юридически оформляются фонды ограниченного доступа в библиотеке Румянцевского музея (будущей Ленинке), в Публичной библиотеке в Петрограде, при Книжной

палате, при библиотеке Комкадемии³ и Всенародной библиотеке Украины в Киеве [Зеленов, 2000, с. 132]. Спецхраны переходят под непосредственное руководство Главлита, хотя возникающие спецхраны массовых библиотек какое-то время находились в ведении Главполитпросвета и курировались лично Н. Крупской. В середине 1920-х годов по ее инициативе началась кампания по изъятию «вредных и контрреволюционных книг», и поскольку в спецхраны могло направляться не более двух экземпляров, остальные уничтожались.

До начала сталинских репрессий спецфонды библиотек были «мизерными», как это оценивает С.Ф. Варламова, исходя из общих масштабов Публичной библиотеки в Ленинграде (ГПБ), где он составлял несколько сотен единиц. В почти детективном сюжете об организации уже «советского» спецхрана в Библиотеке Академии наук (БАН) в 1929 г., описанном в книге К.В. Лютовой, фигурирует «шкафчик с секретными материалами», ключ от которого хранился в ящике одного из письменных столов в Рукописном отделении [Лютова, 1999]. Наряду с поступлениями русскоязычных изданий спецфонды пополнялись литературой на иностранных языках, всегда вызывавшей настороженное отношение. К ней применялись особые правила цензурирования и хранения, но и ее из-за международной изоляции СССР в 1920–1930-е годы было немного.

Быстро разрастаться спецфонды начали в период политических репрессий за счет изъятий из общих фондов книг и статей авторов, получающих клеймо «врага народа», что отражало серьезные изменения в цензурной политике. Теперь основанием для изъятия стало не содержание произведения, а лич-

3 Будущая Фундаментальная библиотека по общественным наукам (ФБОН) АН СССР, затем – ИНИОН РАН.

ность его автора. Первым документом подобного рода Л.Г. Осадчук считает список, выпущенный Главлитом в июле 1935 г. В него были включены все книги Л. Троцкого, а также отдельные произведения А. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина [Осадчук, 2012, с. 43]. По данным С.Ф. Варламовой и О.В. Лукашунас, в 1935–1938 гг. из общих фондов ГПБ было изъято и направлено на спецхранение почти 50 тыс. изданий [Цит. по: Варламова, Лукашунас, 2019, с. 267–268].

Годы репрессий явились этапными для окончательного становления института спецхрана. К этому времени отделы спецхранения имелись в большинстве крупных библиотек: научных, публичных и массовых (областных, краевых, республиканских). Л.Г. Осадчук упоминает о своего рода итоговом списке Главлита, определенном приказом от 25 октября 1938 г., в который были включены почти все спецхраны библиотек СССР [Осадчук, 2012, с. 45].

Самой драматической страницей в истории советских библиотек сталинского периода стало массовое уничтожение «политически дефектных» книг (получивших название «спецмакулатура»), не сопоставимое с чистками 1920-х. В 1930-е годы, как вспоминают библиотекари, уничтожались не только люди, но и книги, и многие занимались их спасением. Кто-то тайно выносил списанные («вредные» либо ветхие) книги с работы, однако страх уголовной ответственности и возможных обвинений в контрреволюционной деятельности чаще вел к перестраховкам. Изъятия с последующим уничтожением принимали сплошной характер, так что местные Главлиты были вынуждены периодически выпускать приказы о временной приостановке этой

деятельности [Филимонова, 2020, с. 2]. Поскольку 1–2 экземпляра изымаемых книг отправлялась в спецхран, роль этого института оказалась очень велика. Библиотечные спецхраны стали поистине «островками спасения», убежищем для «неудобной» литературы.

История «списочного» уничтожения библиотечных фондов заслуживает отдельного исследования. В материале М.В. Зеленова представлена история библиотечных чисток только за 1932–1937 гг., даны подсчеты по годам, что является крайне сложной задачей и далеко не всегда выполнимо. По приказу Главлита списки «приговоренных» книг уничтожались, и только благодаря местным архивам в некоторых случаях удается восстановить картину. Автор приводит точную цифру – 241 387 699 экземпляров изъятых из библиотек и книготорговых организаций и уничтоженных книг, – однако не совсем понятно, к какому времени конкретно она относится⁴.

В период Второй мировой войны спецфонды крупных библиотек пополнялись трофейной и белоэмигрантской литературой, а в послевоенные годы, с началом холодной войны и новой волны репрессий, масштаб изъятий из общепубличного фонда значительно превзошел 1930-е годы. По подсчетам К.В. Лютовой, в спецфонде БАН на основании 14 актов за 1949–1953 гг. было уничтожено 9 506 библиотечных единиц (5 798 названий) [Лютова, 1999]. Активизировалась работа по «идеологическому просмотру» общих фондов на предмет изъятий и определения режима хранения, в том числе с ограничениями разного уровня. Кроме того, в 1949 г. Главлит издал «Циркуляр № 8», который обязывал библиотеку «удалять из книг

4 Зеленов М.В. Библиотечные чистки в 1932–1937 годах в Советской России // Открытый текст. Электронное периодическое издание. – 2006. – URL: https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/index.html?id=1218#_ftnref65 (дата обращения: 20.10.2024).

общего пользования фрагменты, имеющие отношение к репрессированным лицам» [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 274–276]. Это было серьезное новшество, качественно иной подход.

Списки (и в острых случаях телефонограммы) на изъятие отечественной литературы поступали вплоть до 1984 г. В них, по словам М.Б. Конашева, «как в геологических пластах отложились все колебания генеральной линии партии» [Конашев, 2011, с. 315].

Библиотечные спецхраны в 1956–1991 гг.

Наступившая после XX съезда КПСС «оттепель» принесла серьезные изменения в деятельность библиотек и их спецхранов. Уходит в прошлое практика массового изъятия и уничтожения «вредных» книг, библиотеки получают в 1956 г. право отражать поступления в спецхран иностранной литературы не только в служебных, но и в читательских каталогах, а затем и в библиографических указателях. Началось обратное движение книг, которые (опять же по спискам Главлита) возвращались в открытые фонды.

Результатом общего «потепления» и возраставшей открытости страны стали многочисленные соглашения об обменах, затронувшие и книжную сферу. Начиная с 1957 г. резко увеличилось пополнение библиотечных фондов иностранной литературой, которое шло по нескольким каналам: покупка за валюту через «Международную книгу», дары зарубежных организаций и международный книгообмен. Все издания проходили предварительную цензуру Главлита, и часть из них направлялась в спецхран, поступала в отделы комплектования библиотек в опломбированных

мешках, разбирать которые имели право только определенные сотрудники. Новая иностранная литература, признаваемая «антисоветской», составляла основную часть поступлений в спецфонд, в то время как поступления отечественной литературы, в том числе за счет изъятий из общих фондов, неуклонно снижались. В ГПБ доля иностранных изданий, отправляемых в спецхран, не превышала 2% [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 280–281], однако это соотношение определялось категорией каждой конкретной библиотеки.

По свидетельству бывшего сотрудника Главлита В.А. Солодина, вся поступавшая в СССР иностранная литература разбивалась на две категории: для общего пользования, разрешенная для открытого распространения в библиотеках и в книготорговой сети, и закрытая, разделенная, в свою очередь, на четыре категории по степени ограничений: 1с, 2с, 3с и 4с. Она поступала в спецфонды библиотек. Литературу по категории 1с, то есть в самом полном объеме, получали четыре организации: ЦК КПСС, КГБ, Библиотека имени Ленина и ИНИОН. Список 2с уже был с большими изъятиями: исключалась литература, посвященная лидерам СССР и партийным разногласиям. Литература списка 4с составляла, по его данным, примерно четверть всех поступлений в страну и направлялась в спецфонды библиотек научно-исследовательских институтов и Академии наук [Цензура в царской России..., 1995, с. 15–17].

Среди иностранных поступлений были издания «генерально ограниченные», получавшие от Главлита сразу же, автоматически, ограничительный знак – один шестигранник с индивидуальным номером цензора (в просторечии «шайбу»)⁵. К ним относились ведущие поли-

5 В иерархии советской секретности один шестигранник соответствовал грифу «ДСП» – «для служебного пользования» [Махотина, 2011, с. 110].

тические западные газеты (более 400 по списку), а также все эмигрантские издания независимо от их содержания. Издания, которым присваивалось два шестигранника (что соответствовало грифу «секретно»), хранились обычно в особом шкафу у заведующих, их было не так много (а некоторые библиотеки, как, например, БАН и ГПБ, не имели права на хранение таких материалов).

В критериях засекречивания и иностранной, и отечественной литературы наблюдались определенные новации. Так, если в 1930-е годы в категорию запрещенных фактически навечно попали враги Коммунистической партии (и прежние ее соратники), в том числе Л. Троцкий, А. Зиновьев, А. Рыков, Н. Бухарин и многие другие, то в хрущевское время на спецхранение отправлялись произведения И. Сталина, Л. Берия, В. Молотова и др. В 1970-е годы под изъятие попали произведения диссидентских авторов, эмигрантов третьей волны. Творчество А. Солженицына и книга А. Некрича «1941. 22 июня» «удостоились отдельных приказов» [Конашев, 2011, с. 315]. В этот период главным критерием запрета стал отъезд автора за границу.

Советский спецхран ассоциируется обычно с «подрывной» литературой, как художественной, так и общественно-политической, а также научной (особенно по философии и психологии). Это книги и пресса, содержавшие опасную для правящей партии информацию, которые направлялись на спецхранение по идеологическим соображениям. В сталинскую эпоху та же участь была уготована и иностранной литературе по естественным наукам, однако в 1950-е годы отношение к ней серьезно изменилось. Цензурный контроль за научно-технической литературой был в общем и целом (но не полностью) отменен Главлитом, который в 1955 г. стал выпускать и списки иностранных периодических изданий, не подлежащих

просмотру. Это было связано с серьезными изменениями в подходе к охране государственной тайны, поскольку министерствам и центральным учреждениям СССР было вменено в обязанность готовить свои ведомственные перечни сведений, составляющих государственную тайну, с правом ограничивать распространение той или иной информации. Количество таких изданий росло с каждым годом, они наделялись грифом «ДСП» и в них включались «материалы, содержащие несекретные данные <...>, открытая публикация которых признана нецелесообразной» [Зеленов, 2012, с. 155]. С 1956 г. Всесоюзная книжная палата начинает издавать ежемесячный библиографический указатель «Список изданий ограниченного распространения» и становится основным источником поступлений изданий такого рода в библиотеки в виде обязательного экземпляра.

Таким образом, отечественная научно-техническая литература в немалой своей части выходила из-под прямого контроля Главлита, и режим ее хранения стали определять главным образом издающие организации. Гриф «ДСП» мог быть снят ими по запросу библиотек, чаще всего в связи с утратой актуальности той или иной информации.

Объем поступлений научно-технической литературы, содержащей ведомственную тайну, нарастал, и к 1990 г. в ряде профильных библиотек составлял до 90% всех спецхрановских поступлений [Махотина, 2011, с. 91]. В ГПБ в 1959 г. для нее был создан отдельный фонд ДСП, который, как и в ГПНТБ СО АН СССР в Новосибирске, превысил по количеству единиц собственно спецхран. В ГПБ, всесоюзной библиотеке широкого профиля (но ограниченной в получении иностранной литературы 4-й категорией), в 1986 г., незадолго до своего официального закрытия, спецфонд составлял 273 744 ед.,

а фонд ДСП – 305 404 [Варламова, Лукашunas, 2019, с. 343]. В библиотеке ИНИОН, с учетом ее специализации (общественные науки), таких изданий было несопоставимо меньше, и фонд ДСП там организовали только в 1980 г.

Общие цифры по закрытым для свободного доступа читателей фондам дать крайне сложно – в силу профильности и особенностей комплектации библиотек, а также из-за путаницы данных, возникшей в связи трудностями учета литературы ДСП. И хотя они составляли небольшой процент основных фондов (данные колеблются вокруг показателя 2%), речь шла о сотнях тысяч изданий. Относительно небольшой спецфонд ГПБ на 1 апреля 1990 г. составлял 325 976 тыс. ед. хранения, в Ленинке он был гораздо больше. Однако здесь следует учитывать, что значимую часть этих фондов составляла отборная литература – значимые произведения писателей и ученых, составлявших славу зарубежной и отечественной науки и остававшихся неизвестными массовому советскому читателю.

В 1987 г. был дан старт стремительному процессу открытия спецфондов, сначала за счет литературы Русского Зарубежья, которую сразу же начинают активно переиздавать. За ней последовала зарубежная литература, и один за другим стали выходить переводы прежде недоступных классиков философской, политической и социальной мысли. Можно сказать, что и издательский, и читательский бум в СССР рубежа 1980–1990-х годов во многом обязаны спецхранам, которые сберегли лучшие книги в своих фондах.

Спецхраны и их читатели

Отделы спецфондов были изолированы от других подразделений библиотеки, дирекция не вмешивалась в их работу, а о его специфике никто, кроме его

сотрудников, не знал. Их штаты во всех библиотеках были невелики, как правило, от 5 до 15 человек, при этом объем работы только по изъятию и возвращению книг обратно в общие фонды был велик. А ведь в их ведении находились также каталогизация, систематизация и многое другое, включая обслуживание читателей, без которых портрет спецхрана был бы не полон.

Количество читателей было относительно невелико (в БАН, по данным К.В. Лютовой, примерно 1% общего числа читателей библиотеки). Наибольшая посещаемость наблюдалась в Библиотеке имени Ленина: так, в середине 1970–1980-х годов в ее спецхран ежегодно записывалось 3–4 тыс. человек, которым выдавалось около 200 тыс. изданий, в основном по общественным наукам [Махотина, 2011, с. 125]. Надо сказать, что о существовании спецхрана люди узнавали, как правило, случайно, заказав какую-то книгу и получив отказ. Здесь начиналось знакомство с ограничениями, типичными, впрочем, для советского времени.

Для получения доступа требовалось, как и для работы в архивохранилищах, принести ходатайство (так называемое отношение) с места работы или учебы за подписью руководителя учреждения (до 1983 г. могла потребоваться подпись секретаря парткома), скрепленное круглой печатью. В этом документе указывались место работы, должность и тема исследования, и действителен он был в течение года. Если претендент был на плохом счету у начальства, он имел все шансы такой документ не получить, то есть изначально предполагалась определенная «благонадежность» человека, получившего доступ к литературе. Как пишет М.Б. Кошарев, «порядок доступа в спецхран был разрешительный», и право пользоваться литературой «даровалось» государственными инстанциями.

Затем читатель заполнял формуляр и подписывал «Правила пользования литературой спецфондов». Как можно увидеть из опубликованных М.Б. Конашевым документов, требования в разных библиотеках немного различались, но суть ограничений оставалась примерно той же. Литература выдавалась «строго в соответствии со служебной деятельностью» и строго по указанной теме исследования. Запрещалось выносить книги из зала или передавать ее другим читателям, а также разглашать «антисоветские и антисоциалистические материалы», содержащиеся в этой литературе (пункт 2). Кроме того, в БАН, например, запрещалось «приводить в открытой печати ссылки и рецензии на авторов, все произведения которых запрещены к распространению» (пункт 3) [Конашев, 2011, с. 333, 339]. По словам М.Б. Конашева, в случае нарушения пунктов 2 и 3 читатель «оказывался перед потенциальной возможностью применения к нему ряда статей Уголовного кодекса, в том числе статьи 190 (1) («прим»), (а ранее – ее знаменитой предшественницы – 58-й)» [Конашев, 2011, с. 314]. Однако следует заметить, что «драконовский» пункт 3 имел в виду очень немногих авторов (например, А. Солженицына после его отъезда).

Для пользования литературой ДСП были другие правила, определявшиеся охраной ведомственной тайны, куда более строгие: выписки делались в специальную тетрадь с грифом, использовать эту литературу в открытой печати и в публичных выступлениях также было нельзя. Правда, наказание для нарушителей было менее суровым: лишение права пользования библиотекой на определенный срок [Конашев, 2011, с. 339–340].

На практике, однако, всё было не так уж строго, и завсегда и спецхранов налаживали хорошие отношения с биб-

лиотекарями, а то и дружили с ними. В архиве ГПБ сохранилось стихотворное послание ленинградского писателя В.Е. Львова (1904–2002) сотрудницам в ответ на поздравление его с 80-летием. Сохранилась и трогательная переписка 1964 г. А.И. Солженицына и сотрудницы ОСХ Е.М. Сергеевой по поводу возобновления его занятий в библиотеке. В связи с ажиотажем вокруг уже знаменитого писателя ему было предоставлено постоянное место в читальном зале ОСХ, куда приносили нужную ему литературу и из открытых фондов [Варламова, Лукашунас, 2019, с. 344–347]. Неформальное человеческое общение, как обычно, смягчало жесткость официальных инструкций и делало ограничения менее заметными.

Следует заметить, что небольшие, рассчитанные примерно на 10–20 мест, читальные залы спецхранов располагались «на задворках», во всяком случае, и в ГПБ, и в Ленинской библиотеке. Не избежал этой тенденции и ИНИОН РАН. И хотя читальный зал для сотрудников института находился на третьем этаже неподалеку от общего читального зала, комната для «приходящих» читателей была расположена на втором, «административном», этаже, в самом конце коридора, и примыкала к книгохранилищу. Требования, таким образом, выполнялись достаточно быстро (да и литература хранилась на читательских полках подолгу). Иногородних читателей в спецхране ИНИОН РАН было довольно много, иногда возникали и очереди.

Кардинальное отличие ИНИОН РАН от других крупных библиотек заключалось в том, что его сотрудники активно занимались в спецхране. Как минимум раз в неделю они были обязаны просматривать там новые поступления и отбирать особенно важные и интересные книги и статьи, чтобы готовить информационные и аналитические

материалы. В середине 1970-х годов подавляющая часть изданий ИНИОН РАН (до 90%) основывалась на материалах спецхрана и выходила под грифом «ДСП».

Сигнальная экспресс-информация (СИ) предназначалась строго определенному кругу читателей: так, «белая» серия, названная так по цвету обложки, издавалась тиражом иногда 2–3 экземпляра и шла секретарям и заведующим отделами ЦК. Более «демократичные» грифованные обзоры и сборники рассылались по спискам, утверждаемым ученым советом. Между тем спрос на сборники был большой, и тем или иным путем они находили и более широкого читателя.

Пришедшие в начале 1970-х годов в ИНИОН РАН сотрудники получали доступ к закрытой литературе, к новым, не известным в СССР идеям и концепциям, которые они переводили на русский язык, превращая в научную информацию, – запрос на нее в стране был в эти годы велик. Работали тогда много и с большим энтузиазмом, кто-то даже с ощущением своей миссии. Происходило, как вспоминает одна из старейших сотрудниц отдела истории, «расширение интеллектуального пространства», и становилось понятно, «как много нужно людям знать». А гриф «ДСП», по ее словам, служил дополнительной рекламой⁶.

Заключение

Начавшееся в годы перестройки открытие спецхранов стало результатом ослабления идеологического контроля со стороны КПСС и одновременно символом исчезновения коммунистической диктатуры для исполненного

надежд советского общества. Процесс занял несколько лет, закончившись ликвидацией Главлита и полной отменой цензуры в октябре 1991 г. – за два месяца до распада СССР⁷. Таким образом, вместе с Советским Союзом и его Коммунистической партией исчез и спецхран, олицетворявший советскую цивилизацию с ее всепроникающей секретностью. Его существование и бесперебойное функционирование обеспечивались несколькими факторами: господством логически стройной и весьма убедительной коммунистической идеологии; жестким идеологическим контролем со стороны партии, охранявшей свою монополию на власть; наличием тщательно выстроенной, охватывающей все стороны жизни общества сверху донизу системы институтов политической цензуры, инструментом которой он являлся.

С одной стороны, спецхран представлял собой пункт фильтрации, обеспечивая ограничение на доступ граждан СССР к информации. С другой, как показано в статье, в периоды массовых чисток библиотек он стал спасением для множества изданий, которые в противном случае были бы бестрепетно уничтожены. В конце концов, именно благодаря наличию в библиотеках особых отделений со своим порядком хранения и выдачи удалось сохранить большой массив «политически вредных» изданий, начать закупку в годы «оттепели» новейшей иностранной литературы, дав таким образом возможность (пусть не массовому читателю, а лишь специалистам) быть в курсе происходящего за «железным занавесом».

Исходя из исторического контекста характеризуется роль спецхрана сотрудниками ИНИОН РАН: «Это

6 Запись беседы с Т.М. Фадеевой. 04.06.2024.

7 В то же время во многих библиотеках (преимущественно научно-технического профиля) остались фонды литературы ограниченного распространения, в большинстве своем под ведомственным грифом «ДСП».

была гуманная находка. <...> Это было окошко в открытое пространство, которое позволяло специалистам хоть как-то доносить существующую в мире реальность и форматировать свое собственное представление о мире»⁸. Из сегодняшних реалий влияние спецхрана на науку воспринимается иначе. В оценке К. Шлэгеля существование спецхрана привело к «искажению дискурса и особой патологии интеллектуальной и научной работы», а в более широком смысле – к изоляции от общего потока человеческой мысли, затруднению и сильному нарушению обмена идеями, его замедлению и общей провинциализации [Schlögel, 2023, p. 462]. Насколько велика роль спецхрана в том эпистемологическом тупике, в котором оказалась постсоветская наука, предстоит еще оценить, как и соотношение его социальной и символической ролей в *longue duree* советской цивилизации.

Список литературы

- Библиотечная энциклопедия. – Москва : Пашков дом, 2007. – 1299 с.
- Блюм А.В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1994. – 319 с.
- Варламова С.Ф., Лукашунас О.К. Спецфонды Российской национальной библиотеки советского периода (1917–1990-е гг.) // Цензура в России: История и современность: сб. науч. тр. – Вып. 9. – Санкт-Петербург : РНБ, 2019. – С. 264–360.
- Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 397 с.
- Зеленов М.В. Военная и государственная тайна в СССР и РСФСР и их правовое обеспечение (1917–1991) // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 143–159.
- Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 129–141.
- Конашев М.Б. Тайнство спецхрана // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : РНБ, 2011. – С. 312–356.
- Куренков Г.А. Защита государственной тайны в СССР как элемент системы обеспечения безопасности страны перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70), № 3. – С. 51–59.
- Куренков Г.А. От конспирации к секретности: защита партийно-государственной тайны в РКП(Б) – ВКП(Б), 1918–1941 гг. – Москва : АИРО-XXI, 2015. – 255 с.
- Лютова К.В. Спецхран Библиотеки Академии наук: из истории секретных фондов. – Санкт-Петербург : БАН, 1999. – 204 с.
- Махотина Н.В. Фонд литературы ограниченного распространения в научных библиотеках: базовые аспекты функционирования : дисс. ... канд. пед. наук. – Новосибирск, 2011. – 233 с.
- Осадчук Л.Г. Государственный контроль как средство ограничения информации в главной публичной библиотеке Приморья // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – Вып. 3 (19). – 2012. – С. 39–46.
- Филимонова О.С. Фонд специального хранения в истории Национальной библиотеки Республики Карелия // Книжные памятники Карелии. Публикации. – Петрозаводск: Национальная

8 Запись беседы с Н.Ю. Лапиной. 10.10.2024.

библиотека РК, 2020. – 9 с. – URL: <https://monuments.library.karelia.ru/Publikacii/> (дата обращения: 20.10.2024).

Цензура в царской России и Советском Союзе: Матер. конф. 24–27 мая 1993 г. – Москва : Рудомино, 1995. – 176 с.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. – Berkeley : University of California Press, 1995. – Ххv, 639 p.

Schlögel K. *The Soviet century : archaeology of a lost world / transl. by R. Livingstone*. – Princeton : Princeton univ. press, 2023. – Хх, 906 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Spetskhraan as a Distinct Feature of the Soviet System

Olga V. BOLSHAKOVA

DSc (History), Leading Researcher of the Center for Russian Studies
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: jkmuf16@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9032-3115

CITATION: Bolshakova O.V. (2024). Spetskhraan as a Distinct Feature of the Soviet System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 215–228 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.12

Received: 05.09.2024.

Revised: 24.10.2024.

ABSTRACT. *The article examines the history of the Soviet **Spetskhraan** as an institution that embodied the systemic features of the Soviet civilization: closeness, secrecy, ideological control, and bureaucratization. The study traces the evolution of this institution, which was part of an elaborated system of censorship and an instrument for the limited distribution of information. The formation of the Soviet institution of **Spetskhraan** began immediately after the revolution of 1917, and by the end of the 1930s, it had taken its final form. The end of the Stalinist era marked a new period characterized by abandonment of the practice of mass purges of libraries and the gradual expansion of the availability of collections. The article explores the specifics of the selec-*

tion of literature for Spetskhraan in libraries and the conditions for readers to gain access to them. The disappearance of the Communist Party's ideological control and the abolition of censorship led to the liquidation of the Spetskhraan institution.

KEYWORDS: *Soviet civilization, censorship, Glavlit, libraries of the USSR, Spetskhraan (restricted access literature fund), forms of secrecy, “For Official Use” (FUU) stamp.*

References

Blium A.V. (1994). *Behind the scenes of the “Ministry of Truth”: The Secret History of Soviet Censorship, 1917–1929*. St. Petersburg: Acad. Proekt. 319 pp. (in Russian).

Censorship in Tsarist Russia and the Soviet Union: Proceedings of the conference. May 24–27, 1993. Moscow: Rudomino, 1995. 176 pp. (in Russian).

Filimonova O.S. (2020). Special Storage Fund in the History of the National Library of the Republic of Karelia // *Knizhnye pamiatniki Karelii*. Publikatsii. Petrozavodsk. 9 pp. (in Russian). <https://monuments.library.karelia.ru/Publikacii/> (date of access 20.10.2024).

Goriaeva T.M. (2002). *Political censorship in the USSR, 1917–1991*. Moscow: ROSSPEN. 397 pp. (in Russian).

Konashev M.B. (2011). The Sacrament of the Spetskhran // *Censorship in Russia: History and the present*. Issue 5. St. Petersburg: RNB. Pp. 264–360. (in Russian).

Kotkin S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: Univ. of California Press. XXV, 639 p.

Kurenkov G.A. (2015). *From conspiracy to secrecy: defense of party-state secrecy in the RCP(B) – All-Union Communist Party of Bolsheviks, 191–1941*. Moscow: AIRO-XXI. 255 pp. (in Russian).

Kurenkov G.A. (2018). Protection of state secrets in the USSR as an element of the system of ensuring the security of the country before the Great Patriotic War // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta. Istoricheskie nauki*. Vol. 4 (70), N 3, pp. 51–59 (in Russian).

Library Encyclopedia (2007). Moscow: Pashkov dom. 1299 pp. (in Russian).

Liutova K.V. (1999). *Special Storage of the Library of the Academy of Sciences: from the history of secret funds*. St. Petersburg: BAN. 204 pp. (in Russian).

Makhotina N.V. (2011). *Fund of literature of limited circulation in scientific libraries: basic aspects of functioning*: dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences. Novosibirsk. 233 pp. (in Russian).

Osadchuk L.G. (2012). State Control as a Means of Restricting Information in the Main Public Library of Primorye // *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vyp. 3 (19). Pp. 39–46. (in Russian).

Schlögel K. (2023). *The Soviet century : archaeology of a lost world* / transl. by R. Livingstone. Princeton: Princeton univ. press. XX, 906 p.

Varlamova S.F., Lukashunas O.K. (2019). Special Funds of the Russian National Library in the Soviet Period (1917–1990s) // *Censorship in Russia: History and the present*. Issue 9. St. Petersburg: RNB. Pp. 264–360. (in Russian).

Zelenov M.V. (2012). Military and state secrets in the USSR and RSFSR and their legal security (1917–1991) // *Leningradskii iuridicheskii zhurnal*. N 1. Pp. 143–159 (in Russian).

Zelenov M.V. (2000). Spetskhran and Historical Science in Soviet Russia in the 1920–1930s // *Otechestvennaia istoriia*. No. 2. Pp. 129–141 (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 5 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 25.12.2024
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 23,6
Тираж 1 000 экз.
Заказ № __

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6